STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2018

#6 (32) || November

№6 (32) || ноябрь

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2018-32-6-1-267

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортов

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Технический редактор:

канд. филол. наук Е.В. Раздобурдина

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2018. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2018 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Technical Editor:
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia)
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

<i>Чекалина Е.М. (Москва, Россия)</i> Ассимиляция латинских форм множественного числа существительных в современном шведском языке	9
<i>Мојсова-Чепишевска В. (Скопје, Македонија)</i> «Дениција» и «Песна над песните» (50 години од култната збирка поезија «Дениција» на Петре М. Андреевски)	20
<i>Браксаторис М. (Братислава, Словакия)</i> Философская основа взглядов Павла Йозефа Шафарика на историю славян	29
<i>Ничипоров И.Б. (Москва, Россия)</i> Поэтика жеста в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева	39
<i>Байнова О.А. (Москва, Россия)</i> Функции цитат в немецком художественном тексте	45

Фундаментальные исследования

<i>Коростелёва А.А. (Москва, Россия)</i> Репликация модели коммуникативного поведения как средство создания образа (Л.И. Лемке в к/ф «Город мастеров»)	53
--	----

Материалы и сообщения

<i>Улитова А.С. (Санкт-Петербург, Россия)</i> Взгляды Ф.И. Буслаева на порядок слов в атрибутивном словосочетании и их развитие в современной лингвистике	82
<i>Лоевская М.М. (Москва, Россия)</i> Зарубежные воспоминания русских заключенных 20-х годов XX века	89
<i>Архипов С.В. (Москва, Россия)</i> Лексические заимствования в сочинениях Ф. де Оливейры и их распределение по семантическим полям	98
<i>Руденко М.С., Куликова Д.Л. (Москва, Россия)</i> Жанр «письма редактора» в контексте творчества Сергея Минаева	112
<i>Захарова А.П. (Москва, Россия)</i> Рецепция образа Джека Лондона русской критикой периода с 1900 по 1916 г.	119
<i>Курбанская Л.А. (Москва, Россия)</i> Сочетание несочетаемого в бардовской поэзии (на примере творчества А. Щербины)	126
<i>Онуфриева Е.С. (Москва, Россия)</i> Речевые формулы-комментарии как оценочные высказывания (на примере новогреческого языка)	131
<i>Рифтина В.А. (Архангельск, Россия)</i> Влияние экстралингвистических факторов на инвариант макроструктуры текста медицинской научной статьи (на материале немецких медицинских оригинальных статей)	138

<i>Чекова А.Н. (Москва, Россия) Актуальные события в газете и онлайн: филологический анализ</i>	143
---	-----

Библиографии

Воропаев В.А. (Москва, Россия) Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 1929–1939	149
---	-----

Программы

<i>Волошина О.А. (Москва, Россия) Материалы по курсу «Основы языкознания»</i>	199
---	-----

События. Имена. Судьбы

<i>Петрович Предраг Ж. (Белград, Сербия) Милош Црнянский и русская литература</i>	220
<i>Мещеряков С.Н. (Москва, Россия) Милош Црнянский: единство в многообразии (к 125-летию со дня рождения писателя)</i>	231

Научная жизнь

<i>Няголова Н. (Велико-Тырново, Болгария) XII Международный симпозиум «Русистика в современном мире»</i>	238
<i>Байнова О.А. (Москва, Россия) Кафедра немецкого языкознания в 2014–2018 гг.</i>	240
<i>Байдалова Е.В. (Москва, Россия) Научная конференция «Судьбы белорусских и украинских земель в представлениях интеллектуальной элиты XVII–XX вв.: национально-культурные проекты и модели государственности»</i>	248
<i>Моисеева В.Г. (Москва, Россия) Научная конференция «Зарубежная русистика: восприятие и оценка новейшей русской литературы»</i>	251

Критика. Библиография

<i>Кузнецов А.М. (Даугавпилс, Латвия) Иорданиди С.И. Очерки по русскому историческому словообразованию. Изд-во LAMBERT Academic Publishing, 2018. 122 с.</i>	256
<i>Певак Е.А. (Москва, Россия) Архив Феликса и Ирины Юсуповых: Переписка / Автор-составитель Наталия Ганина. М., 2018. 496 с.</i>	259

In Memoriam

Памяти Рины Павловны Усиковой (11 марта 1933 – 14 ноября 2018)	262
--	-----

Contents

Articles

<i>Chekalina E.M. (Moscow, Russia)</i> Assimilation of Latin Plural Noun Forms in Modern Swedish	10
<i>Mojsova Chepishhevska V. (Skopje, Macedonia)</i> “Denicija” and Biblical “Song above All Songs”	20
<i>Braxatoris M. (Bratislava, Slovakia)</i> The Philosophical Principles of the P.Y. Šafárik’s Outlook on the Slavs History.....	29
<i>Nichiporov I.B. (Moscow, Russia)</i> Poetics of Gesture in I.S.Turgenev’s “Poems in Prose”.....	39
<i>Baynova O.A. (Moscow, Russia)</i> Functions of Quotations in a German Literary Text.....	45

Fundamental Research

<i>Korosteleva A.A. (Moscow, Russia)</i> Replication of a Communicative Behavior Model as Means of the Character’s Creation (Lev Lemke in “The City of Craftsmen”, 1965)	53
--	----

Communications and Materials

<i>Ulitova S. (Saint Petersburg, Russia)</i> Fedor Buslaev’s Views of the Word Order in the Attirbutive Phrase and Its Development in the Modern Linguistics	82
<i>Loyevskaya M.M. (Moscow, Russia)</i> Russian Prisoners’ Memories of the 1920ies	89
<i>Arkhipov S.V. (Moscow, Russia)</i> Loan Words in Works Written by F. de Oliveira and Its Distribution on Semantic Fields	98
<i>Rudenko M.S., Kulikova D.L. (Moscow, Russia)</i> Genre of a «Letter of an Editor» in the Context of Sergey Minaev’s Creative Work.....	112
<i>Zakharova A.P. (Moscow, Russia)</i> Reception of Jack London’s Image in the Russian Literary Criticism (1900–1916).....	119
<i>Kurbanskaya L.A. (Moscow, Russia)</i> The Combination of the Incompatible in Bardic Poetry (Through Aleksandr Shcherbina’s Work).....	126
<i>Onufrieva E.S. (Moscow, Russia)</i> Idiomatic Comments as Evaluative Utterances (As Shown with the Examples of the Modern Greek Language)	131
<i>Riftina V.A. (Arkhangelsk, Russia)</i> Influence of Extra-Linguistic Factors on the Medical Research Article Macrostructural Invariant (On the Material of German Medical Research Articles)	138
<i>Chekova A.N. (Moscow, Russia)</i> Topical Events in Newspaper and Online: Philological Analysis.....	143

Bibliography

<i>Voropaev V.A. (Moscow, Russia) The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him in Russian. 1929–1939</i>	149
---	-----

Programs

<i>Voloshina O.A. (Moscow, Russia) Materials on the Course "Basics of Linguistics"</i>	199
--	-----

Events. Names. Destiny

<i>Petrovich Predrag Ž. (Belgrade, Serbia) Miloš Crnjanski and Russian Literature</i>	220
<i>Meshcheryakov S.N. (Moscow, Russia) Miloš Crnjanski: Unity in Diversity (On the 125th Anniversary)</i>	231

Academic Life

<i>Nyagolova N. (Veliko Tarnovo, Bulgaria) XII International Symposium «Russian Studies in the Modern World»</i>	238
<i>Baynova O.A. (Moscow, Russia) Department of German Linguistics in 2014–2018ies</i>	240
<i>Baydalova E.V. (Moscow, Russia) Scientific Conference "The Fortunes of Ukrainian and Belarussian Lands in the View of Intellectual Elite in the 17–20th centuries: National-Cultural Projects and the Models of the State System"</i>	248
<i>Moiseeva V.G. (Moscow, Russia) Scientific Conference "Foreign Russian Literature Studies: Perception and Evaluation of the Latest Period"</i>	251

Critique. Bibliography

<i>Kuznetsov A.M. (Daugavpils, Latvia) Iordanidi S.I. Studies in Russian Historical Word-Formation. LAMBERT Academic Publishing, 2018. 122 p.</i>	256
<i>Pevak E.A. (Moscow, Russia) Archive of Felix and Irina Yusupov: Correspondence / Compiled by Natalia Ganina. Moscow. 2018. 496 p.</i>	259

In Memoriam

<i>In Memory Rina Pavlovna Usikova (March 11, 1933 – November 14, 2018)</i>	262
---	-----

Статьи

Articles

Е.М. Чекалина (Москва, Россия)

Ассимиляция латинских форм множественного числа существительных в современном шведском языке

Аннотация: В статье рассматриваются процессы ассимиляции заимствованных из латыни форм множественного числа существительных на *-a* в шведском языке. Проведенный на материале Корпуса шведского языка анализ показывает, что эти процессы обусловлены лексикализацией и сопровождаются появлением вариативных словоизменительных форм не только во множественном, но и в единственном числе. Заимствованные в латинских формах множественного числа существительные с собирательным значением образуют в шведском языке две группы лексем. Одни из них относятся к *pluralia tantum*: *humaniora* ‘гуманитарные науки’, *personalia* ‘персональные данные’, *antecedentia* ‘сведения о прошлом’, *spirituosa* ‘спиртные напитки’, *stimulantia* ‘стимуляторы’, *psykofarmaka* ‘психотропные препараты’. Последние два слова проявляют тенденцию к сингуляризации при вариативной родовой отнесенности. У других лексем латинские формы множественного числа переосмыслены и интерпретируются как формы единственного числа существительных общего рода с основой на *-a*: *kosmetika* ‘косметика’, *rekvisita* ‘реквизит’, *kontenta* ‘содержание’, *prestanda* ‘возможности’, *agenda* ‘повестка дня’, *petita* ‘заявка (на выделение бюджетных средств)’.

Существительные с суффиксом *-um* относятся к среднему роду и изменяются преимущественно по шведской модели: *ett datum* ‘дата’, *faktum* ‘факт’, *centrum* ‘центр’, *spektrum* ‘спектр’, *kuriosum* ‘раритет’. Лексикализация латинских форм множественного числа наблюдается у них при обозначении недискретного собирательного множества и в большинстве случаев приводит к сингуляризации. Формы *fakta*, *centra* и *spektra* употребляются в единственном числе с показателями среднего рода; *fakta* встречается в единственном числе также с показателями общего рода. Лексикализация латинской модели множественного числа с показателем *-a* в шведском языке и ее переосмысление как формы единственного числа выявляет широкую вариативность не только в словоизменении существительных, но и в согласовательных показателях адъективных частей речи.

Ключевые слова: шведский язык, латинские заимствования, множественное число, лексикализация, сингуляризация

Assimilation of Latin Plural Noun Forms in Modern Swedish

Abstract: The article discusses the processes of assimilation of plural noun forms borrowed from Latin and ending in *-a* in Swedish. An analysis based on the material from the Corpus of Swedish demonstrates that these processes have been caused by lexicalization and are accompanied by the appearance of variation in inflectional forms not only in the plural, but also in the singular. The borrowed Latin plural noun forms with collective meaning form two groups of lexemes in Swedish. One of them belongs to pluralia tantum: *humaniora* 'the humanities', *personalia* 'biographical data', *antecedentia* 'antecedents', *spirituosa* 'spirits', *stimulantia* 'stimulants', *psykofarmaka* 'psychodrugs'. The latter two words show a tendency towards singularization and variation in gender attribution. In other lexemes the Latin plural forms have been reanalyzed and are interpreted as singular forms of common gender nouns with the stem in *-a*: *kosmetika* 'cosmetics', *rekvisita* 'properties', *kontenta* 'gist', *prestanda* 'performance', *agenda* 'agenda', *petita* 'demand for funding'.

Nouns with the suffix *-um* belong to neuter gender and are inflected primarily according to the Swedish pattern: *ett datum* 'date', *faktum* 'fact', *centrum* 'centre', *spektrum* 'spectrum', *kuriosum* 'curiosity'. The lexicalization of Latin plural noun forms can be observed when they refer to an indiscrete collective multitude and in most cases leads to singularization. Forms *fakta*, *centra* and *spektra* are used in the singular with markers of neuter gender; *fakta* can also be used with markers of common gender. The lexicalization of the Latin plural pattern with the marker *-a* in Swedish and its reanalysis as a singular form reveals a high degree of variation not only in noun inflection, but also in markers of coordination in adjectival parts of speech.

Key words: Swedish, Latin loan-words, plural, lexicalization, singularization

Судьба иноязычных слов в лексической системе заимствующего языка может носить причудливый характер. Одной из особенностей ассимиляции существительных, заимствованных в шведский язык из латыни, является сохранение форм множественного числа, образованных по модели языка-источника. В эту группу слов входят существительные с суффиксом *-um*, которому предшествует согласный¹: *ett centrum*, *faktum*, *antibiotikum*, *narkotikum* и другие, сохраняющие образованные по латинской модели формы множественного числа на *-a*: *centra*, *fakta*, *antibiotika*, *narkotika* и другие². Этим обусловлено, в частности, вхождение латинизированных форм на *-a* в состав сложных слов: *narkotikabekämpning* 'борьба с наркотиками', *antibiotikabehandling* 'лечение антибиотиками', *rekvisita-förråd* 'склад реквизита'³, *kuriosasamling* 'коллекция раритетов'⁴. В современном швед-

¹ У заимствованных из латыни существительных с суффиксом *-um* и предшествующим ему ударным гласным в определенной форме единственного и обеих формах множественного числа суффикс латинского происхождения отпадает и используются характерные для шведского словоизменения морфологические показатели: *ett gymnasi-um*, *gymnasi-et*, *gymnasi-er*, *gymnasi-er-na*; *ett jubile-um*, *jubile-et*, *jubile-er*, *jubile-er-na*, *ett muse-um*, *muse-et*, *muse-er*, *muse-er-na*.

² Wellander E. Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. Tredje, översedda upplagan. Stockholm, 1948. S. 161; Språkriktighetsboken. Stockholm, 2005. S. 157–163; Hultman T.G. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm, 2008. S. 63.

³ Språkriktighetsboken. S. 159–160.

⁴ Nationalencyklopedins ordbok. Band 2. Göteborg, 1996. S. 230.

ском языке наблюдается тенденция к лексикализации, которая в ряде случаев привела к полной или приводит к частичной сингуляризации латинских форм множественного числа. Это проявляется в их употреблении в единственном числе как самостоятельных лексем с показателями родовой принадлежности¹. Словоизменительные парадигмы таких слов представлены различным набором форм с различной степенью и характером вариативности. Их реальную употребительность отражают приводимые в ходе предлагаемого в статье анализа данные Корпуса современного шведского языка, составляемого на Отделении компьютерной лингвистики Гетеборгского университета². Данные о первом употреблении приводятся по Шведскому толковому словарю Национальной энциклопедии в трех томах³.

Наиболее многочисленную группу слов образуют исчисляемые существительные среднего рода с конкретным лексическим значением.

Существительное *ett kuriosum* ‘редкость, раритет; курьез’ (с 1897 г., от лат. прилагательного *curiosum* ‘внимательный, любознательный, любопытный’) встречается преимущественно в неопределенной форме единственного числа: *Tuberkulos är inte längre ett historiskt kuriosum eller ett exotiskt hot i fjärran länder.* – Туберкулез не является больше исторической редкостью или экзотической угрозой в дальних странах. В Корпусе шведского языка зафиксировано только одно употребление в определенной форме единственного числа *kuriosumet*. Показательно, что во множественном числе употребляется преимущественно латинизированная форма: *diverse kuriosa och historiska föremål* – различные редкости и исторические предметы. Можно предположить, что это обусловлено семантической интерпретацией собирательного множества, представленного некоторой совокупностью неоднородных предметов.

Слово *ett datum* ‘дата, число’ (с 1529 г.) имеет полную парадигму и употребляется в неопределенной и определенной форме единственного и множественного числа: *För många andra är 21 december 2012 ett magiskt datum.* – Для многих других 21 декабря 2012 – магическая дата; *Det viktiga datumet är 7 februari.* – Важной датой является 7 февраля; *Följande tio datum är de mest viktiga datumen i vår.* – Следующие десять дат – наиболее важные даты предстоящей весны.

Латинизированная форма множественного числа *data* употребляется в шведском языке как неизменяемое собирательное существительное со значением ‘данные’. Оно может быть отнесено к разряду *pluralia tantum*, о чем свидетельствует согласовательный показатель множественного числа прилагательного: *Du förutspår framtiden på selektiva historiska data.* – Ты предсказываешь будущее, опираясь на избирательные исторические данные. Вместе с тем в устойчивом словосочетании *öppen data* ‘открытые данные’ (от англ. *open data*), возможно, под влиянием английского языка употребляется согласовательная форма общего рода единственного числа; ср. словосочетание с регулярным согласованием в форме единственного числа среднего рода *med öppet datum* ‘с открытой датой’.

Полную словоизменительную парадигму имеет и существительное *ett faktum* ‘факт’ (с 1755 г.): *Det är ett välkänt faktum.* – Это хорошо известный факт; *Det pinsamma och ologiska faktumet att hela universum måste förekommit från ingenting.* – Неудобный и нелогичный факт, что вся вселенная возникла из ничего; *Boken innehåller många faktum.* – Книга содержит много фактов; *Det är de vetenskapliga faktumen.* – Это научные факты.

¹ Hultman T.G. Svenska Akademiens grammatik. S. 63.

² www.spraakbanken.gu.se

³ Nationalencyklopedins ordbok. Band 1–3. Göteborg, 1995–1996.

Латинская форма множественного числа *fakta* является достаточно частотной и употребляется с семантическим оттенком ‘факт как доказательство’, например: *Många fakta talar för att det var så.* – Многие факты свидетельствуют о том, что это было так. Судя по данным Корпуса шведского языка, во множественном числе она встречается значительно чаще (3162 употребления), чем образуемая по регулярной шведской модели форма с нулевым показателем *faktum* (всего 164 употребления). Кроме того, эта форма входит в состав устойчивого словосочетания *fakta i målet* ‘данные, факты по судебному делу’.

В то же время эта форма также подвергается сингуляризации и может употребляться в единственном числе с показателями среднего рода: *Bildtexten påstod att fotot var taget 1968. Ett fakta som tål att betvivlas*¹ – Текст под картинкой утверждал, что фото было сделано в 1968. Этот факт допускает возможность усомниться в нем; *Jag konstaterade bara det enkla faktat att höga doser av paracetamol är väldigt skadligt för levern.* – Я лишь констатировал тот простой факт, что высокие дозы парацетамола чрезвычайно вредны для печени.

Еще более показательным, однако, что латинская модель множественного числа может употребляться в единственном числе и как существительное общего рода (14115 употреблений): *Det här är statistiskt bevisat och en fakta.* – Это статистически доказано и является фактом; *Den var den viktiga faktan.* – Это был важный факт. Такое употребление вряд ли можно считать редким; по данным Корпуса шведского языка для образованного по шведской модели словосочетания *det historiska faktumet* ‘исторический факт’ отмечено 24, а для словосочетания с тем же значением *den historiska faktan* – 21 употребление.

Существительное *ett centrum* ‘центр’ (с 1584 г.) также имеет полную словоизменительную парадигму: *Athen blev ett viktigt centrum för lärdom och konst.* – Афины стали важным центром учености и культуры; *Europa är fortfarande det ledande litterära centrumet i världen.* – Европа по-прежнему является ведущим литературным центром мира; *Det finns inte ett centrum för människans kultur utan civilisation uppstod i flera centrum.* – Существует не один центр человеческой культуры, напротив, цивилизация возникла в нескольких центрах; *Vid de regionala centrumen för lärarutbildning arbetar man också med olika kulturprofileringar.* – В региональных центрах подготовки преподавателей ведется также работа с различной культурной специализацией.

Вместе с тем это существительное проявляет наиболее высокую степень вариативности. Наряду с исходной полной формой употребляется также усеченное существительное среднего рода *ett center* (с 1954 г.), которое образует определенную форму *centret* и вариативные формы множественного числа *center* / *centrer*, *centren* / *centrerna*². Чаще всего оно имеет более специализированное значение ‘учреждение, центр, занимающийся определенным видом деятельности’: *Han är koordinator för ett center som arbetar med rättshjälp.* – Он – координатор центра, который занимается правовой помощью; *Jag gick till det lokala centret och köpte mjölk.* – Я пошел в местный торговый центр и купил молока; *Den kambodjanska staden har flera center där narkomaner ska få hjälp att sluta knarka.* – В камбоджийском городе имеется несколько центров, где наркоманам помогают бросить принимать наркотики / I vart och ett av dessa center finns en föreståndare. – В каждом из этих центров имеется

¹ Språkriktighetsboken. S. 161.

² В словарный состав шведского языка входит также образованная от латинского заимствования лексема общего рода *en center – centrar* ‘центральный нападающий’ (с 1891 г.).

заведующий; *Man hade de bästa universiteten, de bästa centren för yrkesutbildning och skolor.* – Имелись лучшие университеты, лучшие центры профессионального образования и школы / *Centrerna bör lokaliseras i närheten av universitetsorterna.* – Эти центры следует размещать рядом с университетскими городами.

Во множественном числе употребляется также латинизированная форма *centra*: *Nya hus och nya människor omgav mig, nya tunnelbanestationer, nya centra, nya kvarter, nya grönområden, nya möjligheter överallt.* – Новые дома и новые люди окружали меня, новые станции метро, новые центры, новые кварталы, новые зеленые зоны, новые возможности повсюду.

Эта форма также проявляет признаки сингуляризации и может употребляться в единственном числе как существительное среднего рода: *Synen har också ett centra i hjärnan.* – Зрение также имеет центр в мозгу; *Jerusalem hade blivit centrat för den officiella kristendomen.* – Иерусалим стал центром официального христианства.

Широкий спектр вариативности представлен и словоизменительными формами существительного *ett spektrum* ‘спектр’ (с 1787 г.): *ett spektrum av politiska åsikter* – спектр политических взглядов; *hela det politiska spektrumet* – весь политический спектр; *olika spektrum* – различные спектры; *de elektromagnetiska spektrumen* – электромагнитные спектры. Во множественном числе оно может употребляться также в латинизированной форме *spektra*: *Avsikten är att jämföra detta spektrum med motsvarande spektra från andra raketuppsändningar.* – Целью является сравнение этого спектра с соответствующими спектрами других запусков ракет. Эта форма встречается также в единственном числе среднего рода (2618 употреблений в Корпусе), что свидетельствует о процессах сингуляризации: *Frågorna har ett ganska brett spektra.* – Вопросы имеют довольно широкий спектр; *Föreställningen bjuder på ett stort spektra av känslor.* – Спектакль предлагает широкий спектр чувств; *Denna vidgning av det politiska och kulturella spektrat är relaterad till murens fall.* – Это расширение политического и культурного спектра связано с падением стены¹.

Можно предположить, что сохранение суффикса *-um* в словоизменительных формах множественного числа более характерно для терминологического значения слова, а латинизированная модель – для его переносного употребления, о чем могут косвенно свидетельствовать полученные из Корпуса шведского языка относительные данные частотности тождественных по составу словосочетаний: *det elektromagnetiska spektrumet* (141) / *det elektromagnetiska spektrat* (64); *det politiska spektrumet* (325) / *det politiska spektrat* (571).

Эта форма является также частотной в составе композитов с раздельным написанием компонентов, вероятно, обусловленным влиянием английского языка. При этом первый компонент выступает в них с собирательным значением ‘фактические данные’: *en fakta bok* ‘книга, содержащая фактические данные’, *fakta källa* ‘источник фактических данных’, *fakta sida* ‘страница с фактическими данными’, *fakta samling* ‘собрание фактических данных’ и другие.

Отмеченная в словарях вариативная форма множественного числа *spektr* встречается очень редко (всего 5 употреблений по данным Корпуса) и, по-видимому, имеет просторечный оттенок: *Älskar mitt land i många spektr*. – Люблю свою страну во многих спектрах.

¹ Språkriktighetsboken. S. 161.

В отдельную группу можно выделить лексемы *ett narkotikum* ‘наркотик’ (с 1841 г.) и *ett antibiotikum* ‘антибиотик’ (с 1947 г.), также имеющие вариативные формы множественного числа и практически не употребительные в определенной форме единственного и множественного числа: *Varje nytt antibiotikum kan bara användas en kort tid.* – Каждый новый антибиотик может использоваться только короткое время; *mycket starka speciella antibiotikum* – очень сильные особые антибиотики / *Penicillin tillhör en grupp antibiotika.* – Пенициллин принадлежит группе антибиотиков; *de vanligaste och de flesta antibiotikum på marknaden* – самые обычные и наиболее распространенные антибиотики на рынке; *ett starkt / svagt narkotikum* – сильный / слабый наркотик; *vissa ofarliga narkotikum* – некоторые безопасные наркотики / *Jag är för legalisering av alla narkotika.* – Я за легализацию всех наркотиков.

Можно предположить, что латинизированные формы используются при употреблении форм множественного числа в собирательном значении, когда обозначается весь класс данных препаратов в целом. Напротив, образованные по шведской модели формы множественного числа употребляются при обозначении некоторого количества различных видов данных препаратов.

Кроме того, словари отмечают употребление существительного *en narkotika*, представленного как отдельная самостоятельная лексема общего рода (с 1954 г.)¹. В Корпусе шведского языка такие употребления также отмечены, но они немногочисленны: *Jag fick antibiotika och en narkotika klassad hostmedicin.* – Я получала антибиотики и наркотик, отнесенный к лекарствам от кашля; *Borde inte tobak klassa som en narkotika?* – Не следует ли относить табак к наркотикам? *Alkohol är en narkotika.* – Алкоголь – это наркотик.

Однако в большинстве случаев эта форма употребляется в составе композитов с отдельным написанием, обусловленным влиянием английского языка: *en narkotika polis* ‘полицейский, занимающийся борьбой с наркотиками’; *en narkotika hund* ‘собака, используемая для обнаружения наркотиков’; *en narkotika reglering* ‘регулирование применения наркотических препаратов’; *en narkotika brott* ‘преступление, связанное с оборотом наркотиков’; *en narkotika smuggling* ‘контрабанда наркотиками’; *en narkotika handel* ‘торговля наркотиками’ и другие.

В особую группу можно выделить неисчисляемые собирательные существительные, которые употребляются преимущественно в латинизированной форме множественного числа на *-a* и представлены в словарях шведского языка как *pluralia tantum*.

Слово *humaniora* ‘гуманитарные науки, гуманитарные предметы’ (с 1745 г.) не имеет собственных словоизменительных форм, но его вариативность проявляется в согласовательных показателях единственного или множественного числа; ср., например: *Studier i språk och vissa humaniora.* – Занятия языками и некоторыми гуманитарными предметами; *De väljer ofta att studera språk eller annan humaniora.* – Они часто выбирают изучение языков или других гуманитарных предметов; *Filosofi är ingen vetenskap, ej heller någon annan humaniora.* – Философия – это не наука, как и какие-либо другие гуманитарные предметы.

Существительное *antecedentia* ‘сведения о прошлом’ (с 1838 г.) также употребляется преимущественно в латинизированной форме множественного числа: *Vilka är dina antecedentia?* – Каковы данные о твоём прошлом?

¹ Nationalencyklopedins ordbok. Band 2. S. 439.

Mina svenska antecedentia är spårade ända tillbaka till 1650. – Сведения о моих шведских корнях прослеживаются до 1650 г.; Vad för akademiska antecedentia har du? – Какие данные о получении высшего образования в прошлом у тебя имеются?

По данным словарей это слово может иметь вариативную форму *antecedentier* (с 1845 г.), образованную по шведской модели множественного числа. Однако эта форма является мало употребительной и встречается в Корпусе шведского языка всего 4 раза, из них 3 раза в официальном заключении правительственной экспертной комиссии 1953 г., для которого характерны признаки устаревшей книжной речи: *Lagen måste så bestämt som möjligt angiva kriterierna härför i brottslingens antecedentier.* – Закон должен как можно более определенно указать критерии этого в данных о прошлом преступника.

Существительное *personalia* ‘анкетные данные, персональные данные’ (с 1672 г.) также употребляется как *pluralia tantum* с прилагательными в форме множественного числа: *Om du arbetar på internetavdelningen, så kan du se fullständiga personalia med hjälp av ett IP-nummer.* – Если ты работаешь в отделе Интернета, то ты можешь увидеть полные анкетные данные с помощью номера для ай-пи; *Utöver vanliga personalia ska handlingarna innehålla uppgifter om skolgång, praktik och yrkeserfarenheter.* – Кроме обычных анкетных данных, документы должны содержать сведения о школьном обучении, практике и профессиональном опыте. В то же время у него наблюдается вариативность форм множественного и единственного числа в местоименных согласовательных показателях; ср., например: *ditt namn och andra personalia* – твое имя и другие персональные данные / *namn, personnummer och annan personalia* – имя, персональный номер и другие персональные данные; *din / dina personalia* – букв. твое / твои персональные данные.

Отмечаемая в словарях вариативная форма *personalier*, образованная по шведской модели множественного числа, по данным Корпуса встречается всего 13 раз и имеет специализированное употребление применительно к церковной службе при отпевании покойного: *Han kände ett slags glädje vid att tänka på att, då han vore död, skulle det läsas upp långa personalier över honom.* – Он испытывал что-то вроде радости, думая, что когда он умрет, над ним будут читать длинный список его персональных данных.

Собирательные существительные *stimulantia* ‘стимуляторы’ (с 1832 г.) и *psykofarmaka* ‘психотропные препараты’ (с 1961 г.) также употребляются как *pluralia tantum*, что находит выражение в согласовательных показателях множественного числа относящихся к ним адъективных частей речи: *Jag använde inga artificiella stimulantia.* – Я не принимала никакие искусственные стимуляторы; *Mannen går på starka psykofarmaka.* – Мужчина принимает сильные психотропные препараты.

Вместе с тем оба слова проявляют признаки сингуляризации и могут употребляться также в единственном числе; показательно, однако, что они встречаются с показателями как общего, так и среднего рода:

Kaffe är en stimulantia, så det är inte OK för barn. – Кофе – это стимулятор, поэтому он не подходит для детей. / *Efedrin är ett stimulantia som finns i olika läkemedel.* – Эфедрин – это стимулятор, который содержится в различных лекарствах; *Sedan har en läkare förskrivit mig en psykofarmaka.* – Потом врач прописал мне один психотропный препарат. / *Jag löser korsord innan jag ska sova och så tar jag ett psykofarmaka.* – Перед сном я решаю кроссворды, а потом принимаю психотропный препарат.

Кроме того, в неопределенной форме единственного числа встречается также употребление существительного среднего рода с суффиксом *-um psykofarmakum*: *Johannesört är ett naturläkemedel mot nedstämdhet och oro, alltså ett psykofarmakum*. – Зверобой – это природное лечебное средство против угнетенности и беспокойства, следовательно, это психотропное средство.

Собирательное существительное *spirituosa* ‘спиртные напитки, спиртное’ (с 1782 г.) не имеет вариативных форм. Вместе с тем оно также проявляет некоторые признаки сингуляризации, что выражается в согласовании с прилагательными и местоимениями в форме единственного числа общего рода: *God spirituosa av den här typen ska avnjutas rent*. – Хорошим спиртным этого типа нужно наслаждаться, употребляя его в чистом виде; *Experimentet ska utföras med okryddad spirituosa*. – Эксперимент следует проводить со спиртным, не приправленным травами и специями; *I bruksboden såldes ingen spirituosa av något slag*. – В фабричной лавке не продавали никакого спиртного.

Отдельную группу образуют неисчисляемые собирательные существительные с исходом основы на *-a*, возникшие в результате сингуляризации латинских форм множественного числа, которые в шведском языке относятся к одной из наиболее частотных словоизменительных моделей общего рода: *kosmetika* ‘косметика’ (с 1868 г.), *rekvisita* ‘реквизит’ (с 1858 г.), *kontenta* ‘содержание; итог’ (с 1655 г.). Они могут употребляться без артикля или в определенной форме с постпозитивным артиклем: *dyr / billig kosmetika* – дорогая / дешевая косметика; *den gröna kosmetikan* – зеленая косметика; *masker och övrig rekvisita* – маски и другой реквизит; *den moderna rekvisitan* – современный реквизит; *många ord, men ingen kontenta* – много слов, но никакого содержания; *Vad är då kontentan av allt detta?* – Каково в таком случае содержание всего этого?

В редких случаях, по данным Корпуса шведского языка, слово *kontenta* в значении ‘итог, резюме’ употребляется как исчисляемое и может иметь неопределенный артикль (37 употреблений), а также форму множественного числа (5 употреблений): *Jag kan väl i en kontenta sammanfatta det*. – Я ведь могу в кратком резюме подвести итог; *Vad du drar för egna slutsatser och kontentor är irrelevant*. – Каковы твои выводы и итоги, не имеет значения.

К этой группе слов относится также существительное общего рода *prestanda* ‘мощность, (технические) возможности, качества, достоинства’ (с 1871 г.), которое употребляется в современном шведском языке преимущественно в контекстах, связанных с компьютерной техникой: *Skillnaden i prestanda är faktiskt marginell*. – Разница в технических возможностях в действительности незначительная; *Datorn är en rätt gammal bärbar dator men prestandan är helt okej med tanke på åldern*. – Компьютер довольно старый портативный, но его технические возможности очень приличные с учетом возраста.

В Корпусе шведского языка зафиксированы отдельные употребления существительного среднего рода *ett prestandum*, которые встречаются в официально-деловых текстах экспертных заключений государственных комиссий, датированных первой половиной XX в., и являются приметой устаревшей книжной речи: *Ett vetenskapligt prestandum i form av en avhandling* (1947). – Научное достижение в форме диссертации.

Исчисляемые существительные общего рода *agenda* ‘повестка дня’ (с 1901 г.) и *petita* ‘заявка (на выделение бюджетных средств)’ (с 1729 г.) не имеют вариативных словоизменительных форм. Сингуляризация латинской формы множе-

ственного числа осуществилась у них полностью; они имеют полную парадигму и употребляются как в определенной форме, так и в форме множественного числа: *Ministtermötet hade en tät agenda*. – Встреча министров имела плотную повестку дня; *Frågan har hamnat på den politiska agendan*. – Вопрос оказался на политической повестке дня; *Olika partier har olika agendor*. – У разных партий разные повестки дня; *De olika agendorna kunde alltså samexistera och utvecklas*. – Различные повестки дня могли, следовательно, сосуществовать и развиваться; *Statens naturvårdsverk begär i sin petita till årets budget pengar för start av några nya projektområden för miljövårdsforskning*. – Государственное управление охраны окружающей среды требует в своей заявке на годовой бюджет деньги для запуска новых проектных областей изучения охраны окружающей среды; *Naturvårdsverket har i senaste petitan begärt medel för faunavård*. – Государственное управление охраны окружающей среды в последней заявке на выделение бюджетных средств попросило средства для охраны фауны; *På höstarna presenteras tjocka petitor beträffande fackorganisationernas önskemål*. – В осеннее время представляются толстые заявки на выделение бюджетных средств, касающиеся пожеланий профсоюзных организаций; *Departementens bearbetning av petitorna kan ske mer grundligt under den mycket korta tid de har till förfogande i budgetprocessen*. – Обработка заявок на выделение бюджетных средств министерствами может происходить более основательно в течение того короткого времени, которое они имеют в своем распоряжении в процессе подготовки бюджета.

Таким образом, лексикализация латинских форм множественного числа у заимствованных в шведский язык существительных различной семантики может происходить по-разному.

Заимствованные изначально в латинских формах множественного числа на -а существительные с собирательным значением образуют три группы лексем. Одни из них сохраняют семантику недискретного собирательного множества и ассимилируются в шведском языке как *pluralia tantum*. В эту группу входят существительное *humaniora*, которое используется в научной речи, слова *personalia* и *antecedentia*, используемые в официально-деловой речи, а также лексемы с вещественным значением *spirituosa*, *stimulantia* и *psykofarmaka*. Поскольку последние два слова обозначают фармацевтические препараты, они проявляют тенденцию к сингуляризации, при которой наблюдается вариативность родовой отнесенности и употребление с показателями как общего, так и среднего рода. Некоторые признаки вариативности наблюдаются у лексем *personalia* и *antecedentia*. Это проявляется в вариативных формах множественного числа с показателем -er, характерным как для исконных шведских слов, так и иноязычных заимствований, в том числе латинских существительных с суффиксом -um.

Другую группу образуют заимствованные из латыни лексемы, у которых форма множественного числа подверглась в шведском языке переосмыслению. В результате этого неисчисляемые существительные *kosmetika*, *rekvisita*, *kontenta* и *prestanda* имеют только формы единственного числа. Третью группу образуют лексемы *agenda* и *petita*, которые употребляются как исчисляемые существительные и имеют полные парадигмы склонения. Показательно, что во второй и третьей группах слов латинский показатель множественного числа -a в словоизменительной системе шведского языка однозначно интерпретируется как исходный гласный основы, который выступает морфологическим признаком отнесенности к первому классу склонения существительных.

Исчисляемые существительные с суффиксом *-um*, заимствованные из латыни в формах единственного и множественного числа, относятся в шведском языке к среднему роду и изменяются преимущественно по шведской модели. В то же время для них также характерна вариативность, проявляющаяся в лексикализации латинской формы множественного числа с показателем *-a*, которая в большинстве случаев приводит к ее сингуляризации. Сохранение латинской модели множественного числа наблюдается при специализации лексического значения недискретного собирательного множества в формах *data*, *fakta*, *centra*, *spektra* и *kuriosa*; показательно, что последнее слово имеет в шведском языке только латинизированную форму множественного числа на *-a*. Формы *fakta*, *centra* и *spektra* проявляют тенденцию к сингуляризации и могут употребляться в неопределенной и определенной форме единственного числа с показателями среднего рода. Существительное *fakta* может, однако, употребляться и с показателями общего рода, проявляя, таким образом, еще большую вариативность.

Существительные среднего *narkotikum* и *antibiotikum* имеют только вариативные формы множественного числа, образованные по исконной латинской и шведской словоизменительной модели.

Судьба латинских форм множественного числа существительных с показателем *-a* в шведском языке и особенно процессы их переосмысления в качестве форм единственного числа наглядно демонстрируют, что «категория числа преломляется в грамматической системе различных языков по-разному»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Реформатский А.А. Число и грамматика // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 76–87.

Hultman T.G. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2008. 342 s.

Nationalencyklopedins ordbok (NEO). Utarbetad vid Språkdata Göteborgs universitet. Band 1–3. Göteborg: Bokförlaget Bra böcker, 1995–1996 (Band 1. 654 s.; Band 2. 666 s.; Band 3. 639 s.).

Språkriktighetsboken. Utarbetad av Svenska språknämnden. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 93. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2005. 413 s.

Wellander E. Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. Tredje, översedda upplagan. Stockholm: Svenska Bokförlaget, 1948. 812 s.

www.spraakbanken.gu.se

REFERENCES

Reformatsky A.A. (1987) Number and Grammar. In: Reformatsky A.A. Linguistics and Poetics. Moscow. Nauka Publ., pp. 76–87.

Hultman T.G. (2008) Svenska Akademiens grammatik. Stockholm. Norstedts Akademiska Förlag Publ. 342 p.

Nationalencyklopedins ordbok. Utarbetad vid Språkdata Göteborgs universitet. Band 1–3. Göteborg, Bokförlaget Bra böcker Publ. 1995–1996 (Band 1. 654 p.; Band 2. 666 p.; Band 3. 639 p.).

Språkriktighetsboken. (2005) Utarbetad av Svenska språknämnden. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 93. Stockholm. Norstedts Akademiska Förlag Publ. 413 p.

¹ Реформатский А.А. Число и грамматика // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 77.

Wellander E. (1948) Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. Tredje, översedda upplagan. Stockholm. Svenska Bokförlaget Publ. 812 p.

www.spraakbanken.gu.se

Сведения об авторе:

Елена Михайловна Чекалина,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena M. Chekalina,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

etch1@yandex.ru

В. Мојсова-Чепишевска (Скопје, Македонија)

**«Дениција» и «Песна над песните»
(50 години од култната збирка поезија «Дениција» на Петре М. Андреевски)**

Анстракт: Пеејќи за Дениција, Петре М. Андреевски метафорички го обликува својот чудесен универзум од љубовни, фолклорни, митски и татковински мотиви, во кои љубовта, сепак, го има централното место како двигател, акција, сознание, радост, недостиг, патило, смрт. А сите овие посочени мотиви како да се содржани во воведната «Песна за мојата песна» од збирката «Дениција» (1968), со која поетот ја најавува од една страна својата «песна над песните», а од друга кореспонденцијата на своите стихови со библиската «Песна над песните». Петре М. Андреевски во овие стихови наполно свесно го застапува феноменот на културниот одраз на Библијата во свеста на македонскиот човек како општа традиција и особено на «Песната над песните».

Клучни зборови: љубовни, фолклорни, митски, татковински мотиви, песна над песните, Библија

V. Mojsova Chepishevska (Skopje, Macedonia)

“Denicija” and Biblical “Song above All Songs”

Abstract: By singing for Denicija, Petre M. Andreevski metaphorically creates his amazing Universe of love, folklore, mythical and fatherland motives, in which love, of course, takes the central position as do the force, action, cognition, joy, lack, pain, death. And all these motives are presented in the introductory “Song for My Song” from the collection “Denicija” (1968), with which on the one hand the poet introduces his “Song above All Songs” and on the other hand its correspondence with the biblical song “Song above All Songs”. Petre M. Andreevski in his verses fully and consciously advocated the phenomenon of the cultural reflection of the Bible in the consciousness of the Macedonian man as a general tradition especially through the “Song above all Songs”

Key words: love, folklore, mythical, fatherland motives, song above all songs, Bible

Збирката *Дениција* (1968) на Петре М. Андреевски, како што вели Миодраг Друговац во *Историјата на македонската книжевност XX век, е семантичка референцијална апотеоза на љубовта* и како таква, во една симбиоза на реалното и надреалното, еротското и фатумското (Друговац, 1990: 520), прозвучува

дури и **псалмички**. Поетички надоврзана на претходните две негови збирки *Јазли* (1960) и *И на небо и на земја* (1962), Јордан Плевнеш неа, пак, ја дефинира како: *допевање на «Крвава кошула» од Рајко Жинзифов, како огледување во неколниот хоризонт на нашиот очаен Прличев или Девтерос Омирос, како творба во која поетот ќе си го изгради својот молитвен и пустошен Дом на правремената и надидна љубов кон една правечна и безвремена Дениција како: Природа, Мајка, Жена, Смрт или Татковина* (Плевнеш, 1980: 16). Дениција, градена како поетска визија на несреќната љубов, е всушност **химна на космичката љубов, химна на жената и татковината и златна книга на македонскиот модернизам**. Стиховите во оваа збирка пеат за едностраната љубов, разделбата на вљубените, болеста на саканата и конечната разделба изразена преку смртта (на самата Дениција или пак на самата љубов). Тоа значи дека Дениција најпрвин е присутна, за потоа сè повеќе да се оддалечува и сосем да исчезне оној момент кога ќе биде мртва и љубовта во/за неа. Но паралелно со тие визии зачестуваат и тоновите на восхит и среќа, на идеалното видување на саканата.

Неговиот магичен збор ја смени свеста за литературата кај македонскиот читател, која не само што иницираше цели генерации да се угледуваат на тој модел, туку ја смени и македонската критичка свест. Својата вечна преокупација Петре М. Андреевски ја ситуира во родниот крај. Но со тоа, тој не стана локален или регионален автор, зашто успеа, преку универзализацијата на локалното, тој свој крај да го постави како центар на светот, како тежиште на космосот, а својата љубов кон жената и земјата да ја издигне на највисокото скалило на поетскиот пантеон.

Поетот ја универзализира Дениција преку универзализирањето на љубовта, зашто Дениција која истовремено е и страст и светост, според зборовите на Виолета Пирузе-Тасевска, е *над профаната егзистенција* (1999: 234). Пеејќи за Дениција, тој метафорички го обликува својот чудесен универзум од љубовни, фолклорни, митски и татковински мотиви, во кои љубовта, сепак, го има централното место како *двигител, акција, сознание, радост, недостиг, патило, смрт*, вели Гане Тодоровски.

Сите овие посочени мотиви како да се содржани во воведната *Песна за мојата песна*, со која поетот ја најавува од една страна својата «песна над песните», а од друга кореспонденцијата на своите стихови со библиската *Песна над песните*.

Петре М. Андреевски во овие стихови наполно свесно го застапува феноменот на културниот одраз на *Библијата* во свеста на македонскиот човек како општа традиција и особено на *Песната над песните*. Всушност и ни една светска антологија на љубовната лирика не може да се појави без стихови од ова библиско поглавје, кое, како што вели Вера Стојчевска-Антиќ, е *преполно со поетски метафори и компарации*, и како такво *ги надминува и најпознатите љубовни стихови* (1981: 19). Во овој контекст треба да се спомене и *Похвалата за љубовта* на апостол Павле во неговото прво послание до Коринтјаните (13.1–13.13) во која се воспева самата љубов.

Асоцијации од библиската *Песна над песните* среќаваме и кај други големи македонски поети. Притоа тие може да се распослени низ цела една збирка, како што е случај и со збирката *Дениција*, или во неколку песни како што е случајот со Радован Павловски, во кои се јавуваат хорови од девојки со асоцијации од оваа библиска песна, или пак во само една единствена, како што е кусата, збиена, испеана во еден здив, со ист наслов, *Песна над песните* на Блаже Конески:

Се допре
како
грозд ханаански
обилен,
сета,
од врв чело
до петици –
за усни
сегде
зрело зрно да сетат,
за прсти
да скорнат
јато морници.

Инаку *Песната над песните* е поетско дело на старата хебрејска (еврејска) литература, а е вклопена во *Светото писмо*. И токму поради тоа, таа кај многу проучувачи ќе предизвика недоумица¹. Зашто не е едноставно нејзината содржина да се доведе во склад со светата содржина на *Библијата*. Затоа многумина ќе се обидат од ова мало ремек дело да направат сè, само да не биде она што е: **о б и ч - н а љ у б о в н а п е с н а**². Упорните теолози, толкувајќи ја песната како алегорија доаѓаат до фантастични заклучоци во кои љубовта меѓу возљубениот и возљубената е протолкувана како љубов меѓу Јахве и Израел, или меѓу Христос и Црквата т. е. меѓу Бога и душата. Сепак некои разумни црковни луѓе го отфрлаат ваквиот став и кон оваа песна пристапуваат како кон стихови во кои е опеана племенитата и постојана љубов меѓу возљубениот и возљубената³, која и не може да биде во спротивност со основниот дух на *Библијата*⁴.

Така и за нашиот поет Андреевски Дениција станува причина за неговото повторно верување во Бога (*Првите податоци за Дениција*). Таа за него е негова и само негова свезда-водителка. Дури и нејзиното име е изведено од името на најсветлата свезда Деница со карактеристичната наставка -ија за сопствени женски имиња (Марија, Емилија): *за таа непомирната Деница меѓу две оддалечени утра (Песна за мојата песна)*. Пеејќи, пак: *Во тебе бев заљубен уште пред моето и твоето создавање... Во тебе бев заљубен пред првиот мој збор* (од *Втора*

¹ Едмунд Лич во својата студија Зошто Мојсеј имал сестра? вели дека сликата маж / жена во Библијата претставува трет главен приказ на односот Бог / човек (првите два се: господар / слуга и крал / пророк). Види Leach, Ayscock. *Strukturalisti~ke interpretacije bibliskog mita*. Zagreb: August Cesarec, 1988, 67.

² Едни мислат дека *Песната над песните* е збирка од народни љубовни (свадебни) песни, од кои некој компонирал складна свадбена кантата, но без некое цврсто внатрешно дејствие. Други, пак, сметаат дека таа е дело на еден поет, но препишувачите во нешто го менувале текстот и на тој начин се дошло до одредени невоједначености. Одамна е јасно дека *Песната над песните* е пишувана во облик на дијалог и во некои од најстарите сочувани ракописи (хебрејски и грчки) е означено кој што говори. Притоа во тие ознаки се споменуваат едно женско и едно машко лице и хорот, како што е впрочем и во македонскиот превод (возљубената, возљубениот и хорот). Види *Pjesma nad pjesmama*, priredio Nikola Miličević. Zagreb: Matica hrvatska, 1965, 9–18.

³ Некои се на идеја, меѓу кои е и големиот германски поет Гете, дека не се работи за една, туку за две машки лица кои се натпреваруваат за љубовта на девојката (Суламка), која едниот го прифаќа, а другиот го одбива. Затоа во некои стихови машкото лице ѝ се обраќа со невесто моја, а во други со пријателке моја. Инаку таа е селска девојка (го чува лозјето и лицето и спалено од сонце), а нејзиниот сакан, по кој таа копнее, е овчар. Другиот додворувач е никој друг туку самиот крал Соломон.

⁴ Уште во самото Послание на светиот апостол Павле до Ефесјаните (5.31, 5.32, 5.33) тој зборува за мажот и жената кои ќе бидат една плот. Мажот, кој ја сака својата жена, се сака всушност самиот себеси, а паралелата што тој ја наведува за таквата љубов е љубовта меѓу Христос и Црквата.

исповед), тој ѝ дава на својата Дениција вонвременско и вонпросторно значење. Синтагмата, пак, *равенко меѓу моето тело и мојата душа* од песната *Четврто писмо* која се однесува на неговата сакана, е слика на Ева, првата жена, првата сопруга и мајката на сите живи луѓе, но и симболот на женскиот елемент во мажот¹. Вонвременското значење на Дениција се чувствува и во стиховите во кои таа за него е и *мојот Исток и мојот Величетврток* (во *Второто писмо*) и кога ја доведува во контекст со необичната споредба дека е *побрза од сите небесни светлини* (*Песна за нејзината песна*). Вонпросторното е изразено преку нејзината сеприсутност и сегдеприсутност, пеејќи: *немаше земја кај што не ја сретнав неа* (*Песна за нејзината песна*) или: *поради неа и јас дишев како што дишеше таа, / оти таа ми ја одржуваше и земјината тежа* (*Уште едни податоци за Дениција*). Затоа Дениција е, вели Плевнеш, **како голема поема на една мала литература**.

Инаку библиската *Песна над песните* пишувана во облик на дијалог, со доста драмски елементи, некои ќе ја наречат и драмска кантата, а некои и дијалогизирана поема или лирски дијалог со малку драмско дејствие, истакнува Никола Миличевиќ, заклучувајќи дека слободно можеме да ја именуваме и како хорска рецитација. Наоѓајќи се во *Библијата*, таа била и е достапна за сите читатели. Затоа ќе изврши силно влијание и на световната и на побожната поезија на средниот век, но и на современата. Потврда за ова се секако и стиховите на Петре М. Андреевски. Така и нашата Дениција не само што потсетува на возљубената од *Песна над песните* според *принципот на споредбите* (Смилевски, 1999: 239) како поетов принцип на пеење, туку и стиховите за неа од една страна се испеани *низ врвници од фабули и дејствија, со драмски интензитет* (Друговац, 1990: 521), кој се допира до драмскиот принцип на оваа библиска песна, а од друга страна се испеани со *семантички и естетски елементи на транспозитната орална традиција* (Пирузе, 1999: 234), традиција во која спаѓа не само *Песната над песните* туку и целата *Библија*.

Во оваа прилика акцентот се става на последната песна од оваа збирка *На гробот од Дениција* која најмногу кореспондира со *Песната над песните*. Дури и самата песна започнува со едно мото кое е парафразиран стих од оваа библиска песна: *Копнеејќи за неа јас често седам во нејзината сенка...* Прифаќајќи го принципот на споредбите како принцип на пеење, Петре М. Андреевски го користи библискиот т. е. средновековниот тип на споредба. Дмитриј С. Лихачов во својата книга *Поетиката на старата руска литература* ја истакнува таа специфична споредба која се засновува многу помалку на визуелните сличности, а многу повеќе на тактилните т. е. на сличностите по вкус и мирис. Всушност тој истакнува дека во старата руска литература доминантни се споредбите кои се во врска со чувствувањето на материјата. Се споредуваат предмети од материјалниот и духовниот свет и со тоа се потенцира духовното значење на материјалниот свет. Се споредуваат настани и лица од современата историја со настани и лица од Стариот и Новиот завет. Се споредуваат човековиот свет и светот на природата, истакнува Лихачов. Затоа средновековниот писател, како впрочем и библискиот, постојано ротира околу познатиот круг на идеи. Оттаму произлегува објаснувањето зошто овој тип писател натрупава споредби не ограничувајќи се само на една или две². Важно е дека ваквиот тип на

¹ Сликата на Адам и Ева симболички е протолкувана како слика на духот и душата или поконкретно Адам е духот, а Ева е душата и телото. Види Chevalier, Cheerbrant. Rječnik simbola. Zagreb: Nakladni zavod MH, 1987, 151–152.

² Од аспект на уметничкиот метод на литературата на новото време, вели Лихачов, мора да се признае дека сосетството на многу споредби ја заслабува секоја од нив одделно, но и сите заедно.

споредба не означува само една, туку многу ознаки. Затоа понекогаш споредбата се развива во цела една слика или во мала приказна, како што е впрочем и во *Песната над песните* и во посочената песна на Петре М. Андреевски. Тоа всушност е овозможено од атрибутната функција на споредбата и од благиот премин што таа го прави од едно кон друго значење. Така преку нанижаните споредби од една страна се открива целосната убавина на возљубената т. е. на Дениција, а од друга се создава *атмосфера на значенска и идејна динамичност... слоевитост и сликовитост на изказот, негова сугестивност и експресивност* (Кулавакова, 1984: 98). Тие се степенесто изведени, со нагорна градација (климакс) и се проследени со перифрастички дополнувања и детализации. Но и во македонското усно творештво, како и во творештвото на другите народи, убавината како поим, е често присутна во опишувањето на жената, а особено при средбата со ретката женска убавина. И покрај тоа што македонската народна љубовна лирика е преполна со такви стихови, не може од нив да се извлече еден единствен естетски идеал или некој антрополошки модел на македонската девојка. *И не случајно во приказните, а поретко и во песните*, вели Танас Вражиновски, *убавата жена го носи името Дуња Ѓузел, што значи убавица на светот* (Вражиновски, 1999: 178).

Има и една друга особеност која Петре М. Андреевски ја зема од *Библијата* и од средновековната литература, а тоа е замената на метафората со симболот. Така, нагласува Лихачов, многу од она што нам ни прозвучува како метафора, всушност се покажува како скриен симбол. Отец Стефан Санџаковски во својот труд за теолошкиот третман на симболот вели дека и целиот свет е симболичен, зашто е творен од Бога. Тоа значи дека симболичноста, нагласува тој, *влегува во самата онтологија на светот* (1993: 143). Притоа одредената метафора, па дури и епитетот во рамките на даден текст, нагласува, пак, Красимир Станчев, симболизираат надвор од тој конкретен текст. Во тој контекст е и сликата за правечната и безвремена Дениција која е истовремено и Природа, и Мајка, и Жена, и Смрт, и Татковина. Така прозвучуваат овие метафори и споредби:

оти во нејзиниот глас можеше да се смести
сета моја татковина.

(Летување)

Кога ја љубев Дениција
како да учествував во создавањето
на првата Македонска држава.

(Кога ја љубев Дениција)

И цут и света водица по цела ноќ капеше
во нејзината постела, во мојата приватна држава.

(Спиенето на Дениција)

Во тебе беа границите на Целокупна Македонија
и јас дури те љубев, ја љубев сета татковина.

(Второ писмо)

Таква е и метафората и споредбата кога возљубениот ѝ вели:

Убава си, мила моја, како Тирса, прекрасна – привлечна како Ерусалим, страшна како војска со знамиња (6.4)¹.

А сега да ги проследиме споредбите и во *Песна над песните* и во песната *На гробот од Дениција*.

Сепак мора да се признае дека средновековниот автор не се стремел кон очигледност.

¹ Цитатите од стиховите се преземени од Свето писмо. Скопје: 1990.

Става: Авторот на *Песната над песните* за саканата пее:

се издига од пустињата како столб од дим (3.6);

таа твоја снага прилега на палма (7.8).

Дури и самата девојка своето тело го поврзува со карпата (8.10). Затоа Петре М. Андреевски ја споредува нејзината става со кулата која кореспондира со карпата и столбот од *Песната над песните* и со тополата која кореспондира со палмата, па пее:

Оти до што видов кула и пладневна топола

беа како твојата става, Дениција.

И македонскиот народ за убава ја сметал онаа девојка што е висока, тенка, стројна, па затоа секогаш ја споредувал со младо дрво. Всушност поврзаноста на градината со женското тело ја има и на други места во *Библијата*¹.

Коса: И двете девојки се русокоси. Во *Песната над песните* се пее: *косата ти е како стадо кози, кога слегуваат од Галадската гора* (4.1), споредба која се повторува и во стиховите 6.6 и: *косата на главата твоја – како пурпур; цар се вплел во плетенките* (7.6). Нашиот поет нејзината коса ја споредува со *омарнина* и со *жито во движење*, која е во тесна врска со идејата на народниот творец дека косата треба да биде мека, густа и секако руса. Ако возљубената е *саронски нарцис* и *долински крин* (2.1), Дениција е *свилено кокиче одвиткано од воздух* (од песната *Болеста на Дениција*).

Очи: На возљубената бојата на очите варира. Еднаш тие се *очи гулабови* (1.14, 4.1), другпат *Есевонски езерца* (7.5) Значи еднаш се темни како и кај Дениција, кога ѝ се споредуваат со сончогледот повторно во дослук со народните љубовни стихови во кои особено се убави црните очи, а другпат се светли како езерца т. е. како *светла пушкарница*.

Усни, уста: Усните на возљубената, во однос на обликот и бојата, се *алова панделка* (4.3), а во однос на сочноста и нивната слаткоречивост се мед, млеко и вино. Затоа возљубениот ѝ пее:

Од устата твоја капе восочен мед, невесто, мед и млеко под јазикот твој (4.11);

Устата твоја е како најдобро вино (7.10).

За Петре М. Андреевски нејзините усни го имаат обликот и бојата на *залезот*, но затоа се вкусни како *лубеница*. Со стихови од некои други песни од оваа збирка, тој ја засилува слаткоречивоста на нејзината уста пеејќи:

држеше говор за потеклото на медот

(од песната *Првите податоци за Дениција*);

на шеќерот ќе му забранам да се споредува со тебе

(од песната *Умилкување*).

Гради: Авторот на *Песната над песните* ја варира споредбата што се однесува на градите на саканата. Така за нашиот поет тие се едноставно *крушки кан-*

¹ Види Fraj, Nortrop. Veliki kod(eks), Biblija i književnost. Beograd: 1985.

тарки, а за возљубениот тие се и јаготки, и калинки, и близначиња од млада срна, и две јаренца, и гроздови, и кули.

* * *

Колкови: За едниот автор колковите се дело на некој уметник, а за другиот се разлутени ридови и мориња:

Облите колкови твои се како веришки, дело од рацете на вешт уметник (7.2);

Дошто чув за разлутени ридови и мориња
беа како твоите колкови, Дениција.

Сите овие споредби одат во прилог на поетовата потрага по љубовта. Во нашите стихови поетот ја бара свездата водителка, неговата Дениција:

Те барав, те барав, во сè и сешто,
Те барав, а барајќи можев само да те сретнам,
но не и да те најдам, но не и да те најдам.

(Петто писмо)

Во *Песната над песните* возљубената е таа која го бара својот сакан:

Ноќва во леглото мое го барав оној, кого го сака душата моја, го барав и не го најдов (3.1);

Затоа ќе станам, ќе тргнам по градот, по улиците и плоштадите, и ќе го барам оној, кого душата моја го сака. Го барав, но не го најдов (3.2).

И во збирката *Дениција*, особено во песната *Болеста на Дениција*, и во блиската *Песна над песните* (2.5 и 5.8) љубовната болка е силно изразена.

Сличности се забележуваат и во обраќањето т. е. во ословувањето на саканата. И кај двајцата автори обраќањето кон саканата е најчесто истовремено и со *невесто* и со *сестро*:

Ти го освои срцето мое, **сестричке невесто** (4.9);

О, колку е слатка љубовта твоја, **сестричке невесто!** (4.10);

Затворена градина е мојата **сестричка невеста** (4.12);

Дојдов во градината своја, **сестричке невесто** (5.1);

Ме рануваше како **невеста**, ме целеше
како **сестра**

блажената ноќ што ја открив во неа
(*Песна за нејзината песна*);

но и само со *невесто* во *Песна над песните*:

Слези со мене од Ливан, **невесто** (4.8),

а со *невенчана невесто* кај Петре М. Андреевски:

Невенчана невесто што сакаше да имаме
иста лажица
(*Откако те нема*).

За крај само уште еден пример со кој се истакнува блискоста меѓу овие стихови, како уште една потврда за одблесокот на *Библијата* и особено на *Песната над песните*. Во нејзините завршни стихови силината на љубовта е споредена со смртта, но и со голем оган кој ниедна вода не може да го угасне:

љубовта е силна како смрт; љубомората – лута како пекол; стрелите нејзини се стрели огнени; огнен жар на нејзиниот пламен (8.6);

Големата вода не може да ја угасне љубовта, и реки нема да ја потопат (8.7).

Преплетувањето на еросот и танатосот, на огнот и водата го има и кај Петре М. Андреевски. Уште во првите стихови оваа оска е претставена преку антитезата: *понадо и прокудо*. Понатаму тој таа оска ја развива преку тавтолошкиот изразот: *оган со оган што се гасне*, за на крај сепак на огнот да му ја спротивстави водата:

огнот и водата добиваа паралелна брзина
и во збирот љубовен постојано се одземаа.
(*Песна за нејзината песна*)

Секој што влегол во нејзината соба
заборавил на **огнот** што го допира **водата**,
(*Во собата на Дениција*)

Овој труд е обид во збирката *Дениција* на Петре М. Андреевски да се детектира централниот мотив на љубовта кој е објективизиран и универзално презентираан преку библиските поттици и особено преку поттиците од *Песната над песните*, како и преку историските, антрополошките и онтолошките феномени, но и преку секојдневните човекови растгнатости меѓу радоста и тагата, светлото и темното, среќата и болката, огнот и водата. Но преку **сензитивната еротска реч** во овие стихови низ љубовта кон жената Петре М. Андреевски ја искажал и **љубовта кон татковината**.

ЛИТЕРАТУРА

КИРИЛИЧНА

Андреевски М. Петре. *Птица потајница*. Скопје: Мисла, 1980.

Вражиновски, Танас. *Народната традиција, религија, култура*. Скопје / Мелбурн: Матица македонска, 1999.

Друговац, Миодраг. *Историја на македонската книжевност XX век*. Скопје: Мисла, 1990.

Лихачов С. Дмитриј. *Поетика старе руске књижевности*. Београд: Српска књижевна задруга, 1972.

Мојсова-Чепишевска, Весна. Лицето на зборовите. Скопје: Култура, 2004.

Мојсова-Чепишевска, Весна. Семеен албум. Скопје: Матица македонска, 2015.

Наневски, Душко. «Магијата во поезијата» во *Раѓање на метафората*. Скопје: Мисла, 1982.

Пирuze-Тасевска, Виолета. «Фолклорните елементи во *Дениција* на Петре М. Андреевски» во зборникот *Фолклорните импулси во македонската литература и уметност на XX век*. Скопје: МАНУ, 1999, 232–236.

Плевнеш, Јордан. «Поезијата на Петре М. Андреевски» во *Птица потајница*. Скопје: Мисла, 1980, 7–23.

Санџаковски, Отец Стефан. *Богомислие*. Скопје: Метафорум, 1993.

Свето писмо. Скопје: 1990.

Смилевски, Веле. «Сликата на светот во *Дениција* од Петре М. Андреевски» во зборникот *Феноменот на љубовта во балканските литератури и култури*. Скопје: Институт за македонска литература, 1999, 237–242.

Станчев, Красимир. *Стилистика и жанрове на старобългарската литература*. Софија: Просвета, 1995.

Стојчевска-Антиќ, Вера. *Навраќања кон Библијата*. Скопје: Македонска книга, 1981.

Тодоровски, Гане. «Возвишен поклоник на еротиката» во *Дениција*. Скопје: 1991, 272–276.

Ќулавкова, Катица. *Фигуративниот говор и македонската поезија*. Скопје: *Наша книга*, 1984.

Урошевиќ, Влада. «Глас што доаѓа оддалеку» во *Мрежа за неуловливото*. Скопје: Македонска книга, 1980.

ЛАТИНИЧНА

Chevalier, Cheerbrant. *Rječnik simbola*. Zagreb: Nakladni zavod MH, 1987.

Fraj, Nortrop. *Veliki kod(eks), Biblija i književnost*. Beograd: 1985.

Leach, Aycock. *Strukturalističke interpretacije bibliskog mita*. Zagreb: August Cesarec, 1988.

Pjesma nad pjesmama, priredio Nikola Miličević. Zagreb: Matica hrvatska, 1965.

Сведения об авторе:

Весна Мојсова-Чепишевска,
доктор
профессор
Филолошки факултет «Блаже Конески»
Универзитет «Св. Кирил и Методиј»

Vesna Mojsova Chepischevska,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Philology “Blaze Koneski”
University “St. Cyril and Methodius”

vesnamojsova@hotmail.com

М. Браксаторис (Братислава, Словакия)

Философская основа взглядов Павла Йозефа Шафарика на историю славян¹

Аннотация: В данной статье рассматриваются взгляды П.Й. Шафарика на проблемы словацкой национальности, культуры, языка и истории в контексте европейского философского мышления и отечественных идейных традиций. Ссылаясь на исследования словацких и зарубежных ученых, автор соотносит концепцию истории Гердера со взглядами, представленными в «Славянских древностях», «Славянском народописании», «Истории славянских языков и литератур всех наречий», а также и в других работах Шафарика. Кроме прочего, в статье подчеркивается тесная взаимосвязь характеристики и этнической классификации славян Шафарика с современным ему философским мышлением. Внимание также обращается на проблему восприятия народов как образующих историю субъектов, на роль языка как определяющего характеристики народов, а также на вопросы культурного плюрализма и направления истории.

Ключевые слова: П.Й. Шафарик, философия истории, история славян, И.Г. Гердер

M. Braxatoris (Bratislava, Slovakia)

The Philosophical Principles of the P.Y. Šafárik's Outlook on the Slavs History

Abstract: The paper comprises Šafárik's outlook on the problems of the Slovak ethnicity, culture, language and history both into the context of the European philosophical thinking and of the domestic traditions of thought. Following the works of Slovak and foreign researchers, it establishes connections between Herder's conception of history and the viewpoints presented in "Slowanské Starožitnosti" ("Slavic Antiquities"), "Slowanský národopis" ("Slavic Ethnography"), "Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten" ("History of the Slavic Language and Literature by All Vernaculars"), as well as in other Šafárik's works. Besides these, it puts emphasis also on the intercommunication of Šafárik's characteristics and the ethnical classification of the Slavs in terms of the context of the contemporary philosophical thinking, while being centred, inter alia, on the problematics of the perception of the nations as the history-shaping subjects, the role of the language as the determining characteristics of the nations and also on the problems of the cultural plurality and the direction of the history.

Key words: P.J. Šafárik, philosophy of history, Slavic history, J.G. Herder

¹ Статья подготовлена в рамках проекта VEGA 2/017/17 «Príležitostná básnická tvorba Juraja Palkoviča, Bohuslava Tablica a Pavla Jozefa Šafárika».

Павел Йозеф Шафарик вошел в историю культуры преимущественно как поэт, историк, этнограф и славист. Однако при этом не стоит забывать о философских аспектах его работ, и это несмотря на то, что он не предложил целостной философской системы. Если мы хотим охарактеризовать его философские взгляды, мы должны, прежде всего, упомянуть, что вместе с Йозефом Добровским, Йозефом Юнгманом, Яном Колларом или Карлом Гавличкой Боровским его относят к представителям «гердерианства» [1: 86]; при этом нередко обращается внимание на тот факт, что то, что традиционно называется «гердерианством», представляет собой очень сложный набор взглядов Иоганна Готфрида фон Гердера, а также его предшественников и последователей [9: 86–87, 4: 559] (см. также [34: 101], ср. [39: 40] и сл.). При реконструкции генезиса взглядов Шафарика исследователю повезло в том, что влияние его учителей на его мышление с детства и юношества представлено в его современной биографии, составленной с его собственных слов [37: 233–291, 337–363]. Во взглядах Шафарика относительно понимания истории наряду с идеями гердерианства усматривают влияние мыслей историка Генриха Людена, классического филолога Генриха Карла Абрахама Эйхштедта, историка Августа Людвиг фон Шлезера [5: 333]. Среди других мыслителей, которые в определенных областях формировали философские мысли Шафарика, можно упомянуть Иоганна Готтлиба Фихте ([8: 50], см. также [6: 136–142]) и в гносеологической области – Якоба Фридриха Фриза [7: 489].

Однако Шафарик не принадлежал к эпигонам упомянутых немецких «образцов» [5: 333]. Его интерес к истории вырос на отечественных традициях, прежде всего на национальной апологетике Яна Балтазара Магина, Якуба Якобеуса, Даниила Синапиуса-Горчички и на произведениях Богуслава Таблица [5: 333]. На развитие его личности влияли идеи просвещения, а также словацкие протестантские традиции. Наряду с рефлексиями школы Гердера и другими упомянутыми влияниями в творчестве Шафарика, а также Ярослава Влчека, можно идентифицировать идеи Руссо – в том числе идею возвращения к природе [34: 41], на которые опиралась также сама философия Гердера [8: 48]. Как отмечает Милослав Войтех, Жан Жак Руссо повлиял на целый ряд словацких предромантических авторов [35: 179]. Мария Дзубакова в контексте культурной среды, в которой работал Шафарик, указывает на то, что следствием влияния Руссо на европейское мышление было акцентирование народных элементов национальных культур [9: 80].

Примечательно, что Шафарик проявлял отвращение к пустым разглагольствованиям и спекулятивной философии еще во время своего обучения (возможно, под влиянием его учителя Й. Генерсиха), что отразилось во взглядах, представленных в раннем поэтическом сборнике «Видение Славомила» [30: 26–44] и вызрело во время его учебы в Йене: среди его учителей были, например, профессор библейского богословия Иоганн Филипп Габлер и Генрих Карл Абрахам Эйхштедт, Генрих Люден и Якоб Фридрих Фриз ([34: 16–17; 8: 55; 7: 487–488], см. также вступительные части [37]). Ярослав Влчек утверждает, что во время учебы в Йене для Шафарика образцом в филологии был Генрих Эйхштедт, в истории Шафарик любил «свободомыслящего энтузиаста за моральные идеалы человечества» и «восторженного патриота» Генриха Людена [34: 16], чье понимание истории и ее целей стало основой исторического мировоззрения Шафарика [34: 16]. В философии он примкнул к Якубу Фризу [34: 17], чьи взгляды, по мнению Влчека, напоминают взгляды Шафарика: исследование себя как основы всей человеческой мудрости, философская антропология как единственный научный источник

познания, моральная мера всех действий человека, сильное стремление к благородной цели, вера в Бога и человеческое достоинство и движение человечества к свету, любви, истине [34: 17].

Самое значительное влияние на философское мышление Шафарика, несомненно, оказал Иоганн Готфрид фон Гердер. Этот философ, который вместе с Фихтом принадлежал к числу учеников Канта, в ряде областей, форм и фаз своего философского мышления выступал в оппозиции к своему учителю. При этом он менял «свое отношение к Канту от личного уважения, как к университетскому преподавателю, через принятие критического метода в отношении к истории философии и французскому просвещению до острой критики кантовской “Критики чистого разума” в работе “Метакритика”» [25: 82]. При этом «Метакритику критики чистого разума» [16] можно характеризовать как прямую борьбу с философией Канта ([3: 19], см. также [24]). Гердер опровергал взгляды Канта на идею пространства и времени, критиковал его высказывания об априорных знаниях, абстрактном разуме и обобщенном опыте и с трудом принимал его пренебрежение историческими и культурными различиями [20: 7; 25: 85]. Указывая на *a posteriori* факты, он набрасывает основы методологического эмпиризма, которые формируют и методологию современных эмпирических наук [25: 85].

О влиянии Гердера обычно говорится в отношении «философии славянской истории» Шафарика, которая отчасти является конкретизацией общей философии человеческой истории Гердера (ср. [8: 55, 58]). Однако значительным оказалось также влияние Гердера и попавшего под его влияние Гете в области эстетики. Известно, например, что понимание Шафариком значения народной поэзии повлияло на то, что он принял [26: 63] концепцию естественной поэзии (*Naturpoesie*) Гердера [11] и связанные с этим эстетические взгляды Гердера и Гете, сторонником которых он являлся [29]. Однако следует подчеркнуть, что он также ссылается на внутренний идейный контекст, а именно, на аргументы Таблица о певучести словаков в Венгрии [29]. Уже на этом месте стоит отметить, что музыкальность он считает одной из фундаментальных характеристик славян [26: 52].

Теперь перейдем к основам понимания Шафариком истории. В XVIII в. философия занималась открытием принципов понимания истории «в целом»; люди воспринимались как природные существа, которые также являются частью исторической и культурной сферы, и, следовательно, новой задачей было найти похожие закономерности в социальной философии. Предполагалось, что эти закономерности «дадут истории направление, которое не только упорядочит события прошлого, но также с помощью проекта общего намерения сделает историю понятной» [36: 52; 2: 457]. В 1784 г. вышла первая часть «Идей к философии истории человечества» [12] Гердера и «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» [21] Канта, которые представляют собой две фундаментальные философско-исторические работы (ср. [25: 81–93, 85]). Методологической основой понимания Гердером истории был так называемый натуралистский историзм, представленный в творчестве Фрэнсиса Бэкона, Баруха Спинозы, Жана Жака Руссо и других представителей современной философии, причем историю человечества Гердер представляет как часть истории природы [8: 48].

«Идеи к философии истории человечества» Гердера ставят историю человечества в контекст истории природы и истории Вселенной, с которой начинается эта двадцатитомная работа. Специфика человека проистекает из прямохождения, разума, языка и религии. Историю человечества он объясняет с учетом формы исто-

рического развития в рамках естественных национальных сообществ, которые он считает решающим субъектом истории и которые четко отличает от искусственных государственных образований. При этом особое значение он придает уникальности и неповторимости отдельных людей и культур, а также среде, истории и традициям, влиявшим на их формирование (перевод на чешский: [18]). Гердер понимает историю как проявление уникальных качеств человечества, обусловленных конкретным местом и временем реализации. Общая история, по его мнению, является сложной моделью, созданной в результате полной реализации человеческих способностей, в рамках которых каждая культура представляет собой уникальный вклад [2: 457; 36: 53]. Акцентируя внимание на человеческом разнообразии, плюрализме и культурной уникальности, Гердер занимает явную оппозицию к Канту и его идее наполнения истории человечества в этическом сообществе под верховенством закона, осуществленном во всемирно-гражданском обществе [25: 83]. При этом Гердер отвергает одностороннее телеологическое понимание истории. По его мнению, каждый прогресс сопровождается упадком [27: 105] и, как в природе, так и в обществе, согласно ему, не преобладает целесообразность, а цепь причинно-следственных связей [5: 330]. Однако его интерпретация учитывает специфику человеческой истории и основана на типе причинных связей, отличных от природных (см. [36: 57] и указанные там источники). Философ истории, по его мнению, не стремится раскрывать универсальные законы [25: 83], но идентифицировать уникальные и неповторимые возможности человеческого духа, которые отражаются в исторических моментах развития человечества и его частей (ср. [28: 91; 27: 105]). История человечества является, по мнению Гердера, историей взаимного влияния и чередования народов во главе человечества, причем каждый народ имеет свое время и место, определяемое, в частности, различными природными (геоклиматическими) условиями, историческими обстоятельствами и культурной, моральной и традиционной спецификой. Философия истории Гердера является антропо-универсалистской и гуманистической. При этом смысл истории заключается в постепенном формировании гуманности [14: 47–50], которая понимается как гармоничное единство человечества из множества личностей, достигших максимальной степени своего уникального предназначения. Антропоуниверсализм и этнический партикуляризм у Гердера не исключаются [5: 330].

С Гердером Шафарика объединяет ряд общих моментов, в том числе акцент на язык и искусство (особенно литературу как его специфическую форму) как решающие характеристики человека и народов ([32: 4; 12: 216–224], ср. также [17: 11–66]). Подобно Гердеру [13: 261], Шафарик (в отличие от Канта, говорящего об особом положении государства в смысле принудительного состояния как условия прогресса) считает государства искусственными образованиями, нередко разделяющими народы как естественно существующие субъекты [32: 3]. При этом Гердер рассматривает единство речи, а также способ мышления и поведения, как определяющие характеристики народов [17: 86–87]. Подобные мысли о неестественности границ государств и первичности языка как формы национального самосознания и способа мышления можно найти в творчестве Фихте [10]. Основой и центром классификации народов Шафарик считает язык, «поскольку образ речи одного народа, хотя, возможно, иногда географически и граждански разделенного и по этой причине использующего разные имена, по содержанию и форме родственная и легко понятная, и все его люди, при помощи школ и народного воспитания, спокойно и без ущерба своему образованию, и для немалой пользы общества, могут использовать один письмен-

ный язык, могут развивать одну литературу, хотя это, возможно, теперь здесь было по-другому» [32: 3]. Так же, как и Гердер, Шафарик подчеркивает естественное множество и разнообразие человечества: «Природа, безусловно, любит, как и в других своих созданиях, так и в образовании племен и языков человеческих, бесконечное разнообразие» [там же]. Можно сказать, что Шафарик с Гердером, а также самой природой разделяет любовь к разнообразию даже в отношении внутренней расчлененности славян. Он считает их одним народом, и, говоря словами Ярослава Влчека, по его мнению, «их речь – один язык, разбитый на диалекты, литература одна, разбитая по климату, истории, религии, способу правления; однако различие это выгодно, оно помогает избежать одностороннего развития, создавая огромное разнообразие и благородное соперничество для общей цели: это не гладкая пальма, это разветвленный дуб» [34: 46]. Подобно Гердеру, Шафарик делает акцент на этническом разнообразии человечества и его составляющих. При этом он выделяет отдельные племена и народы, разделение на которые он основывает на совокупности биологических, языковых и исторических критериев ([33: 23] и сл.). Актуальность биологической специфики он признает лишь в очевидных случаях, причем в качестве примера он противопоставляет негра и калмыка [там же]. Этот выбор не случайный, поскольку одинаковые примеры мы находим у Гердера в «Идеях к философии истории человечества» [12: 213]. Шафарик подчеркивает значительное количество и разнообразие биологических различий и взаимную перемешанность этносов, которые, по его мнению, создают необходимость основывать классификацию на лингвистических критериях, причем предполагается генетическая близость народов, говорящих на родственных языках [33: 23]. Поскольку между биологическими и лингвистическими знаками иногда возникает явное противоречие, он предлагает в качестве третьего применять исторический критерий [33: 24].

Шафарик разрабатывает этнологическую классификацию человечества, при этом он различает племена (например, индоевропейские), семьи (например, винидскую, т. е. балтославянскую), роды (например, славянский), народы (и далее ветви и побеги) [33: 27; 32: 2]. Далее он сопоставляет ее с лингвистической классификацией, причем термин «язык» он использует на том же уровне, что и термин «род», а «речь» на том же уровне, что и «народ» [32: 2]. Языки далее делятся на диалекты – как ряды более или менее родственных речей, «диалекты» делятся на речи, речи – на наречия, наречия – на субдиалекты (говоры), говоры – на разноречия [32: 2–3]. Например, в рамках славянского языка он различает южно-восточный и западный «диалекты», в рамках южновосточного «диалекта» – русскую, болгарскую и илирийскую речи, а в рамках западного «диалекта» – речь лехитскую, чешскую, лужицкосербскую и мертвую полабскую [32: 5]. Словацкий язык в этой классификации имеет статус самостоятельного «венгерско-словацкого» наречия [32: 5], которое далее делится на существующие разноречия. Если исходить из соответствия этнических и лингвистических категорий, другую классификацию Шафарик представил в предыдущей своей работе «История славянского языка и литературы всех наречий» [26], в которой в рамках славянского рода он различает южновосточную и северозападную главные ветви, в рамках другой – отдельно чешский, словацкий, польский и серболужицкий («сербовендский») род [26: 22–26]. Роды в своих наречиях, как правило, развивают собственную литературу, чего, однако, Шафарик не может сказать о словаках, которые, по его мнению, хоть и используют отдельное славянское наречие, но в литературе по серьезным причинам уже на протяжении веков присоединяются к чехам [26: 34].

Шафарик согласен с ранними взглядами Добровского, что словацкий язык является отдельным наречием, более всего похожим на наречие чешское, что объясняет выбор чешского языка в качестве литературного языка словаков со времен реформации [26: 375], причем словаки использовали плоды (позитивные) этого выбора [26: 62]. Однако при этом он указывает, что словацкий, в отличие от соседних наречий, не был адаптирован и доведен до уровня литературного языка [26: 375].

Шафарик вместе с Гердером считает историю людей, народов и человечества непрерывным рядом поколений [7: 490] и в то же время, в соответствии со своими филологическими познаниями и убеждениями, предполагает генетическое родство народов, говорящих на родственных языках [33: 23]. Однако он различает языковое родство подлинное и случайное, из которых первое возникает из общего исторического происхождения, а второе – из более поздней взаимозависимости [33: 23–24]. Из этого легко можно сделать вывод, что типологические различия между «диалектами» он выводит из исторических обстоятельств, которые предшествовали распаду племени на ветви. В своих размышлениях он опирается на исторические упоминания о склавинах и антах (см. напр. [33: 445–481]), но утверждает, что их различие не является достаточным основанием для определения предков юго-восточных и северо-западных славян в целом ([26: 18; 22; 30] и пр.). Историко-сравнительный метод и разные (имеющие отчасти защитный или похвальный характер) исторические размышления в «Истории славянских языков и литератур всех наречий» и в «Славянских древностях» приводят к интересным предположениям о происхождении и древности славянского племени, которые мы, однако, не будем рассматривать. Но отметим, что в сборнике «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков» [19] Шафарик, опираясь на языковое родство, выступает в пользу общего происхождения словацкого и чешского «наречий», а также принадлежности словацкого к чешской речи, которая, по его мнению, была «изначально и на рассвете нашей истории совершенно единой, но сейчас, под влиянием различных обстоятельств на протяжении длительного времени, на два основных наречия... разделена» [31: 68]. Следовательно, к вполне адекватному выводу о том, что взгляд Шафарика на протогенез и этногенез славян был центристским, или же среднедунайским и центральновропейским ([22: 287–290], ср. [23: 9], см. [33: 37] и сл., [39: 53]), можно добавить, что его взгляд на отношения чешского и словацкого языков предшествовал гомогенным теориям о возникновении словацкого языка.

Можно констатировать, что этноклассификация Шафарика является историко-лингвистически обоснованным продолжением натуралистически-исторической рефлексии Гердера на мир, природу, человечество и народы, определяемые прежде всего единством речи [17: 86–87] и развивающиеся при различных природных (геоклиматических) и исторических обстоятельствах и на разнообразной морально-культурно-традиционной основе, что приводит к уникальной форме реализации их исторической миссии. При этом каждому из народов, по мнению Гердера, принадлежит уникальная миссия в истории как в процессе гуманизации человечества. Эта характеристика также относится к славянам, которые в концепции Гердера занимают особое место.

Шафарик также принимает идею Гердера о смене отдельных народов на «сцене истории» и верит, что от романских и германских народов историко-гуманистическую эстафету примут славяне [5: 334]. В этом контексте парадигматической является цитата из «Идей к философии человечества» Гердера, на которую указывает

Шафарик как на пророческие слова [26: 57]: «Колесо все переменяющего времени вращается неудержимо, и поскольку славянские нации по большей части населяют самые прекрасные земли Европы, то когда все эти земли будут возделаны, а иного и представить себе нельзя, потому что законодательство и политика Европы со временем будут все больше поддерживать спокойное трудолюбие и мирные отношения между народами и даже не смогут поступать иначе, то и славянские народы, столь глубоко павшие, некогда столь трудолюбивые и счастливые, пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна, сбросят с себя оковы рабства, станут возделывать принадлежащие им прекрасные области земли – от Адриатического моря до Карпат и от Дона до Мульды – и отпразднуют на них свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли» ([15: 42], цитируется по русскому переводу [38: 471], чешский перевод [18: 332]). Подобно Гердеру, и Шафарик выражает надежду, что в условиях общего мира в Европе, обеспеченного более прочно, чем до сих пор, духовная жизнь славян будет развиваться небывало радостно [26: 62].

Идея о принятии историко-гуманистической эстафеты, с одной стороны, опирается на вышеописанное видение Европы, в котором вместо боевого духа будет преобладать спокойная работа и миролюбивые отношения народов, с другой – на характеристику славян, которая традиционно воспринимается как одно из наиболее заметных соответствий взглядов Гердера и Шафарика. В четвертом томе «Идей к философии истории человечества» Гердера [15: 37–43] мы находим описание природы славян, в котором говорится об их доблести и душевном спокойствии или миролюбии, о приверженности к тихому домашнему уюту, тишине, о прилежности в животноводстве, земледелии, искусстве и торговле, о веселье в творчестве, щедрости, расточительном гостеприимстве и любви к свободе. Из отрицательных качеств, плохо влияющих на интересы славян в прошлом и нынешнем, современном мире, Гердер в упомянутой цитате упоминает подчиненность и покорность, неспособность создать постоянную военную структуру, а также стратегически неблагоприятное географическое положение в сравнении с другими народами. Его характеристику воспроизводит Шафарик в «Истории славянского языка и литературы всех наречий» [26: 16–17]. Ссылаясь на Гердера, Шафарик дает свою характеристику славянам [26: 45–58]. Она основывается на благочестии и религии, любви к работе, непосредственной, искренней, простодушной и дружественной радости, любви к родной речи, терпимости и миролюбии, отсутствии жестокости, зверства и brutality. Далее он пишет о тихой покорности, мягкости, человечности и спокойствии, а также трудолюбии, прилежности в животноводстве и земледелии, в разных отраслях промышленности, торговле и ремеслах. Он говорит о большей склонности славян к веселию и радостному восприятию жизни, чем к хмурой задумчивости и спекулятивности; свежести, живости и бодрости, о сердечности, любезности и чувственности, певучести и любви к народным песням, удовольствии от жизни, гостеприимстве к родственникам и к иностранцам, любви к родной речи и желании ее сохранить и вознести. К этим свойствам он добавляет, например, моральность и порядочность, чистоту в доме, простоту и непринужденность в области домашних народных обычаев, уважение к старости и к заслугам, дружескую и супружескую верность, покорность судьбе. Из отрицательных качеств, возникновение которых он старается объяснить объективными обстоятельствами, связанными с тысячелетними страданиями отдельных племен, он указывает на национальную раздробленность и смешение с соседними народами, препятствующее возникновению сильного национального определения в области морали, речи и территории,

далее половинчатость, разобщенность и слабость как следствие закономерного истощения [26: 45–58]. В «Славянских древностях» Шафарик характеризует взаимосвязь между миролюбием славян и кровавыми битвами: «Высота и ясность места, которое занимает тот или иной народ в истории человечества, определяются не только количеством побед и кровавых битв; пред престолом Судьи, сущего выше нашего неустойчивого ума, имеют ценность и домашние добродетели. Если славяне, любя свою родину, землю, хозяйство, ремесла и купеческую жизнь, не бродили с оружием в руках по миру, а вместо того сносили многие притеснения чужеземцев, то они сохранили таким образом как себя, так и свою прекрасную, собственными руками в плодоносный сад превращенную родину для нас, своих потомков, и через нас – для человечества...» [33: 430–431]. Сходство с философией Гердера в цитируемом тексте очевидно. Если говорить о характеристике славян вообще, то Шафарика сближают с Гердером следующие, например, идеи: миролюбие, трудолюбие, всесторонняя прилежность, веселость и музыкальность, щедрость, а также наличие определенных негативных качеств, вызванных объективными обстоятельствами жизни славян.

В заключение вместе с Рудольфом Дупкалом мы констатируем, что «если Гердер считается создателем “философии истории человечества”, то Шафарика можно характеризовать как инициатора специфической “философии истории славянства”», причем целью концепции истории Шафарика было не только описание исторических фактов, но и «философско-историческое отражение их значения, смысла и ценности для актуального настоящего» [5: 336]. При таком отображении славянской истории Шафарик опирается на довольно широкий спектр концептуальных основ и методологических принципов внутренне дифференцированного территориального и идейно-научного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ / REFERENCES

1. BARNARD, Frederick M.: *Herder on Nationality, Humanity, and History*. McGill-Queen's Press – MQUP, 2003, 185 s.
2. ANDERSON-GOLD, Sharon: Kant and Herder . In: Tucker, Aviezer (ed.): *A Companion to the Philosophy of History and Historiography*. Wiley-Blackwell, 2009, 576 s.
3. CVRKAL, Ivan: J. G. Herder – učiteľ ľudskeho. In: HERDER, Johann Gottfried: *Kalligona*. Bratislava: Tatran, 1987, s. 5–28.
4. DVOŘÁK, Karel: Doslov. In: ČELAKOVSKÝ, František Ladislav: *Slovanské národní písně*. Kritické vydání, ed. Karel Dvořák. Praha: Ladislav Kuncíř, 1946, s. 538–615.
5. DUPKALA, Rudolf: *Herderova "filozofia humanity" a jej ohlas na Slovensku v tvorbe J. Kollára a P.J. Šafárika*. Doctrina. Studia społeczno-polityczne 2, 2005, s. 329–336.
6. DUPKALA, Rudolf: Pavol Jozef Šafárik ako filozof. (Filozofické východiská a rozmery tvorby P.J. Šafárika). In: *Slavica Slovaca*, 1996, 31, č. 2, s. 136–142.
7. DUPKALA, Rudolf: Šafárik a filozofia (Reflexie európskej novovekej filozofie v tvorbe P. J. Šafárika). In: *Pavol Jozef Šafárik a slavistika. Zborník príspevkov a dokumentov z vedeckej konferencie z osláv 200. výročia narodenia P.J. Šafárika*. Acta Facultatis philosophicae Universitatis Šafarikanae. Literárnovedný zborník 12 / Jazykovedný zborník 13 / Historický zborník 5 (AFPh UŠ 79). Prešov – Martin: FF UPJŠ – MS, 1996, s. 487–496.
8. DUPKALA, Rudolf: Úvod do filozofie dejín. Príspevok k problematike historiosofie. Bardejov, Fotopress 1998, 156 s.

9. DZUBÁKOVÁ, Mária: Pavel J. Šafárik a ľudová slovesnosť. In: Andrej Mráz, Viktor Kochol, Cyril Kraus a kol.: *Pavel Jozef Šafárik*. Litteraria IV. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1961, s. 87.
10. FICHTE, Johann Gottlieb: *Reden an die deutsche Nation*. Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1808, 490 s.
11. HERDER, Johann Gottfried von: Auszug aus einem Briefwechsel über Ossian und die Lieder alter Völker. In: HERDER, Johann Gottfried von: *Von Deutscher Art und Kunst*. Hamburg, 1773. s. 3–70 a s. 113–118.
12. HERDER, Johann Gottfried von: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Erster Theil*. Riga und Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch, 1784, 318 s.
13. HERDER, Johann Gottfried von: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Zweiter Theil*. Riga und Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch, 1785, 344 s.
14. HERDER, Johann Gottfried von: *Ideen zur Geschichte der Menschheit. Dritter Band*. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1869, 276 s.
15. HERDER, Johann Gottfried von: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Vierter Theil*. Riga und Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch, 1792, 418 s.
16. HERDER, Johann Gottfried: *Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft*. Frankfurt und Leipzig [Hartknoch], 1799, 266 s.
17. HERDER, Johann Gottfried: *Uměním k lidskosti: úvahy o jazyce a literatuře*. Praha: Oikymen, 2006, 281 s.
18. HERDER, Johann Gottfried von.: *Vývoj lidskosti*. Překlad Jan Patočka. V Praze: Jan Laichter, 1941, xxxiii, 469 s.
19. *Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky*. W Praze: W kommissi u Kronbergra i Riwnáče, 1846, 240 s.
20. KELLEY, Donald R.: *Fortunes of History: Historical Inquiry from Herder to Huizinga*. New Haven: Yale University Press, 2003, 440 s.
21. KANT, Immanuel: Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. In: *Berlinische Monatsschrift*, November 1784, S. 385–411.
22. KRAJČOVIČ, Rudolf: P.J. Šafárik a etnogenéza Slovanov. In: *Pavol Jozef Šafárik a slavistika. Zborník príspevkov a dokumentov z vedeckej konferencie z osláv 200. výročia narodenia P.J. Šafárika*. Acta Facultatis philosophicae Universitatis Šafarikanae. Literárnovedný zborník 12 / Jazykovedný zborník 13 / Historický zborník 5 (AFPh UŠ 79). Prešov – Martin: FF UPJŠ – MS, 1996, s. 287–290.
23. KRAJČOVIČ, Rudolf: *Pôvod a vývin slovenského jazyka*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1981, 240 s.
24. KVOKAČKA, Adrián: *Filozoficko-estetické aspekty kategórie vznešeného u I. Kanta a v dejinách filozofie*. Prešov. Filozofická fakulta PU, 2010, 174 s.
25. KYSLAN, Peter: *Kant a Herder: kozmopolitizmus a multikulturalizmus*. In: *Studia Philosophica Kantiana*, 2/2015, s. 81–93.
26. SCHAFFARIK, Paul Joseph: *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*. Ofen: Mit kön.ung. Universitäts Schriften, 1826, 524 s.
27. SIKKA, Sonia: *Herder on Humanity and Cultural Difference: Enlightened Relativism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 279 s.
28. SIKKA, Sonia: Johann Gottfried Herder. In: NENON, Thomas (ed.): *Kant, Kantianism, and Idealism: The Origins of Continental Philosophy*. London and New York: Routledge, 2014, s. 83–106.

29. ŠAFAŘÍK, Pavel Josef: Promluvení k Slovákům. In: *Prvotiny pěkných vměnj, neb liternej prjloh k cýsařským král*. Wjdeňským nowinám na rok 1817, č. 1.
30. ŠAFAŘÍK, Pavel Josef: *Tatranská múza s lýrou slovanskou*. V Praze: František Borový, 1886, 84 s.
31. ŠAFAŘÍK, Pavel Josef: IX. Pawel Josef Šafařík (Kustos c. kr. bibliotéky w Praze, nar. w uherském Slowensku l. 1795). In: *Hlasowé o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky*. W Praze: W kommissi u Kronbergra i Řiwnáče, 1846, s. 65–88.
32. ŠAFÁRIK: Pavel Jozef: *Slowanský národopis*. W Praze: Nákladem Wydawatele, 1842, 187 s.
33. ŠAFAŘJK, Pavel Josef: *Slowanské Starožitnosti. Oddjl děgepisný*. W Praze: tiskem J. Spurného, 1837, 1005 s.
34. VLČEK, Jaroslav: *Pavel Josef Šafařík*. V Praze: Bursík & Kohout 1896, 101 s.
35. VOJTECH, Miloslav: Genéza slovenského básnického preromantizmu a európsky literárny kontext. In: *Česko-slovenské vztahy v slovanských a středoevropských souvislostech: (meziliterárnost a areál)*. Brno: Masarykova Univerzita, 2003, s. 175–194.
36. ZÁKUTNÁ, Sandra: Kant a Herder v kontexte filozofie dejín (komentár k štúdii Sharon Anderson-Gold). In: *Studia Philosophica Kantiana*, 1/2012, s. 50–58.
37. ZÍBRT, Čeněk: Co vyprávěl P.J. Šafařík rodině o svém mládí a životě. In: *Časopis Musea Království českého*. Roč. 83. Praha: Museum Království českého, 1909, s. 233–291 a s. 337–363.
38. ГЕРДЕР, Иоганн Готфрид: Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Москва: Наука, 1977. 703 с. / HERDER, Johann Gottfried: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*. Berlin, 2013. 676 S.
39. СОБѢСТІАНСКИЙ, Иванъ Михайловичъ: Ученія о национальныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ: Типографія А.Н. Гусева, 1892. 336, XI с. / SOBESTIANSKY Ivan Mikhaylovich: *Studies on the National Characteristics and Juridical Existence of the Ancient Slavs*. Kharkov: Typography of A.N. Gusev, 1892. 336, XI p.

Сведения об авторе:

Мартин Браксаторис,
доктор философии
научный сотрудник
Институт словацкой литературы,
Словацкая Академия наук

Martin Braxatoris,
Doctor of Philosophy
Researcher
Institute of Slovak Literature,
Slovak Academy of Sciences

braxatoris@mail.ru

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

Поэтика жеста в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

Poetics of Gesture in I.S.Turgenev's "Poems in Prose"

Аннотация: В статье рассмотрена система жестовых образов, мотивов, ассоциаций в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева. Уделено внимание художественным функциям телесных, речевых, а также «внутренних» жестов, связанных с постижением лабиринтов сознания, границ эмпирической действительности и онейросферы. В качестве одного из ориентиров исследования принимаются идеи о поэтике жеста в литературе, сформулированные в «Мастерстве Гоголя» А. Белого.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, стихотворения в прозе, поэтика жеста, телесность, онейросфера, анималистические образы

Abstract: The article considers the system of gesture images, motives, associations in the "Poems in Prose" by Ivan Turgenev. Attentions was paid to the art of bodily functions, speech, as well as "internal" gestures associated with the comprehension of the labyrinths of consciousness, the boundaries of empirical reality and oneurosphere. As one of the landmarks of the research, we accept the ideas of the poetics of the gesture in the literature formulated in "Gogol's Art" by A.Bely.

Key words: Turgenev, poems in prose, poetics of gesture, physicality, oneurosphere, animalistic images

«Стихотворения в прозе» Тургенева (1877–1882) традиционно рассматриваются как итоговый манифест мировоззренческих и творческих исканий писателя, его религиозно-философских интуиций, метро-ритмических экспериментов на стыке стиха и прозы. Эта «поэма о пройденном жизненном пути, напоминающая исповеди средневековой поэзии по охвату долголетнего личного опыта и стройности своей сложной композиции»¹, представляет оригинальный путь раскрытия авторского сознания, концепции мирового бытия, личности, творчества, запечатлевшейся в мозаике «случайных листков, оброненных из записной книжки»².

¹ Гроссман Л.П. Последняя поэма Тургенева. turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/grossman-poslednyaya-poema.htm

² Там же.

Одним из ключей к пониманию проблематики и поэтики данного цикла может служить категория жеста, подробно обоснованная, в частности, в исследовании А. Белого «Мастерство Гоголя» (1934). Выявляя направления эволюции принципов художественного письма от Гоголя ко второй половине XIX в. и эпохе модернизма, традиционному «объясняющему» психологизму Белый противопоставляет присущую Гоголю чуткость к жестовому поведению персонажей, в котором постигаются зыбкие границы осознанного и бессознательного в их внутреннем мире, диагностируются разрушительные процессы в сфере психики и социальных отношений. Гоголевские рассказы и повести, «Ревизор» и «Мертвые души» восприняты Белым как «пир словесности», как почва «произрастания атомов жеста»¹. Герои здесь «поданы без психологий жестом струения звуковых отражений» (стр. 87); «жест-рефрен», позднее унаследованный от Гоголя Толстым, «уводит от фабулы» (стр. 177), которая сменяется «паузами между моментами жеста» (там же). Живописуя персонажей, Гоголь, по наблюдениям Белого, «дает не портрет, а его жестовую схему и ставит ее, как экран: скорее для скрытия» (стр. 99), гиперболизирует «дерги жестов» (стр. 178), «толчок дерга, разложенного в механику атомов» (стр. 179), в каскаде «разбитых жестов» прозревает тотальную атомизацию действительности.

Пунктирно прочерченный образный мир тургеневских «Стихотворений в прозе» нередко сопровождается «расфокусировкой» общей картины, «дробящейся» на атомизированные «жестовые» ходы, которые выдвигаются в центр эстетического созерцания.

Портретный жест зачастую становится в цикле квинтэссенцией невысказанных переживаний автора и персонажей, их многотрудного опыта, который – через мгновенное озарение – поворачивается неожиданными гранями.

В «Милостыне» внутренний мир центрального персонажа – одетого в лохмотья бедняка, чья «непокрытая голова падала на грудь»², – приоткрывается в воспоминаниях о прежнем богатстве, которое он некогда «роздал другим, друзьям и недругам». В его диалоге с незнакомцем каждодневно повторявшийся им жест в виде просительно протянутой руки обретает парадоксальный смысл и ассоциируется уже не с отчаянием, а с идеалом желанного человеческого единства: «...ступай, протягивай руку, доставь и ты другим добрым людям возможность показать на деле, что они добры... И старик купил себе на данные гроши хлеба – и сладок показался ему выпрошенный кусок – и не было стыда у него на сердце, а напротив: его осенила тихая радость». В миниатюре «Нищий» аналогичный жест становится лейтмотивом («Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку... Он стонал, он мычал о помощи... А нищий ждал... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала») и прирастает новым значением. Незадачливого повествователя, который не захватил с собой «ни кошелька, ни часов, ни даже платка», спонтанное «телесное» соприкосновение с просителем, а также речевой жест последнего вводят в реальность сердечного родства, превосходящую ценность всякого материального подаяния: «Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку... Нищий уставил на меня свои воспаленные глаза; его

¹ Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. М.: МАЛП, 1996. С.177. Далее страницы указаны в скобках.

² Тексты «Стихотворений в прозе» приводятся по изданию: *Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. / Ред. коллегия: М.П. Алексеев, Г.А. Бялый. Т. 8: Повести и рассказы. 1870–1883. Стихотворения в прозе / Примеч. Л.М. Долотовой и Л.Н. Сарбаш. М.: Худ. лит., 1978. 527 с.* В цитатах сохранен курсив автора.

синие губы усмехнулись – и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы. – Что же, брат, – прошамкал он, – и на том спасибо. Это тоже подаяние, брат. Я понял, что и я получил подаяние от моего брата».

В переплетении портретных и речевых жестов складывается и психологическая атмосфера зарисовки «Маша», выросшей из воспоминаний рассказчика о любимых им беседах «с ночными извозчиками». Сказово-доверительное повествование персонажа о переживаниях от потери молодой жены, которую «в один день холера порешила», контрастирует с его богатырским видом («парень лет двадцати, рослый, статный, молодец молодцом; глаза голубые, щеки румяные») и причудливым образом совмещает театральную преувеличенность сопутствующих жестов: пауз, наклонов головы, тяжелых вздохов, «внезапно упавшего голоса» – и причастность к подлинному страданию, что находит отражение в финальной «жестовой» прорисовке движений этого героя: «Слезая с саней, я дал ему лишний пятиалтынный. Он поклонился мне низехонько, взявшись обеими руками за шапку, – и поплелся шажком по снежной скатерти пустынной улицы, залитой седым туманом январского мороза».

В поэтике жеста запечатлеваются у Тургенева и загадки народного характера, сложные «соответствия» внутренних состояний и их «телесных» преломлений. В рассказе «Щи» жестовое поведение крестьянки-вдовы, у которой только что «умер ее единственный двадцатилетний сын, первый на селе работник», вытесняет событийный ряд и становится главным предметом недоуменных наблюдений. Непроизвольная печать страдания («лицо бабы осунулось и потемнело; глаза покраснели и опухли») не затронула, как казалось, ее повседневного «жестового» опыта, ничуть не изменила того, как «она, не спеша, ровным движеньем правой руки (левая висела плетью) черпала пустые щи со дна закоптелого горшка и глотала ложку за ложкой... держалась истово и прямо, как в церкви». Даже упоминание о понесенной потере не колеблет привычного жестового сопровождения ее речи, а «вписывается» в круг обыденных сетований: «– Вася мой помер, – тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее щекам. – Значит, и мой пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посолённые». В миниатюре «Сфинкс» изображение застывшей в веках жестовой пластики «громадной головы египетского сфинкса», навсегда озадачившего мир своими «крупными, выпяченными губами», «длинными, полусонными, полувнимательными глазами под двойной дугой высоких бровей», – ассоциируется, делая избыточными пространные суждения о русской душе, с собирательным «всероссийским сфинксом» Карпом, Сидором, Семеном, с его «бесцветными, но глубокими глазами», «безмолвными и загадочными» речами...

Жестовая детализация сопрягается у Тургенева и с выражением интимных переживаний персонажей. В импрессионистском этюде «Роза» «она», таящая в себе мир мучительных, самоиспепеляющих раздумий и воспоминаний («Я понял, что и она была сожжена»), своими безотчетно-стремительными жестами вырывается за пределы безысходного трагизма, обнаруживает родство с неуничтожимой стихией играющей жизни, с «внезапным порывистым ливнем», который «только что промчался над нашей широкой равниной». Жестовыми лейтмотивами нарушается сюжетная линейность, как будто поворачивается вспять неумолимое движение времени – в том, как «воскликнула она не без удали», как «проворно вышла в сад», «легкими шагами» пересекла комнату, в порыве «схватила» розу, «бросила цветок в умиравшее пламя», как «быстро, с веселым смущеньем бежали по сто-

ронам опущенные, как бы уменьшенные глаза». В жестовой динамике выведен облик любимого существа и в миниатюре «Стой!», где итоговый, передающий спонтанное движение штрих – «урони в душу мою отблеск вечности» – разбивает окаменелость статуарной «бессмертной» красоты, делая ее причастной тайне ускользающего «мгновения», которое «не кончится никогда».

Ассоциация телесных состояний и внутренних реакций на повороты жизненного пути определяет образный мир ряда тургеневских «стихотворений». Первое открытие красоты, несхожей с отвлеченно-романтическими стереотипами, когда «Байрон был... идолом, Манфред... героем», обусловлено для героя «стихотворения» «У-а... У-а!» «чувством задыхающейся радости» от услышанного в горах младенческого «горячего крика человеческой... жизни», от увиденного в горной пастушеской хижине «жестового» воплощения таинственной простоты бытия: «Прикорнув на скамейке, молодая женщина кормила грудью ребенка... пастух, вероятно ее муж, сидел с нею рядом. Они оба уставились на меня... но я ничего не мог промолвить... я только улыбался и кивал головою...»

В «Старике» выстраданный опыт преодоления тяжести от того, что «под гору пошла дорога... никнет и разрушается» все бывшее, передается не в философских раздумьях, но в построенных на жестовых ассоциациях императивах: «сожмись... уйди в себя, в свои воспоминанья», и тогда «тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобою своей пахучей, все еще свежей зеленью...» – и в то же время «будь осторожен... не гляди вперед, бедный старик!» Созвучной «шелесту утекающей жизни» оказывается экспрессивная внутренняя «жестикаляция» в миниатюре «Песочные часы» («И вздрагивает и толкается в грудь мое сердце, как бы спеша достучать свои последние удары»), а «стихотворение» «Что я буду думать?..» разворачивает ассоциативный ряд пророческих предощущений вероятных физических и эмоциональных «жестов» в преддверии последнего ухода, когда значительное так и остается смешанным с ничтожным и суетным: «При мне один умирающий все жаловался на то, что не хотят дать ему погрызть каленых орешков... и только там, в глубине его потускневших глаз, билось и трепетало что-то, как перешибленное крыло насмерть раненной птицы».

На художественно емкий жестовый язык подчас «переводятся» у Тургенева и губительные иллюзии индивидуального и массового сознания. Таковы «веселые», «бойкие» движения мчащегося «вприпрыжку» «многообещающего молодого человека», успевшего сочинить клевету на знакомого и даже ей поверить («Довольный человек»), или истовые потуги скрыть за эффектными полемическими выпадами собственную пустоту («Дурак»), или гротесковая, внушающая ужас от межчеловеческих распрей зарисовка двух бранящихся близнецов с «одинаково» сверкавшими глазами и «одинаково искривленными губами» («Близнецы»). В миниатюре «Мои деревья» горькой авторской иронией овевая самодовольный речевой жест одного умирающего, мнившего себя могущественным властелином «обширного парка»: «– Приветствую вас, – промолвил он могильным голосом, – на моей наследственной земле, под сенью моих вековых деревьев! Над его головою шатром раскинулся могучий тысячелетний дуб». А в драматургической миниатюре «Два четверостишия» безумие толпы, освиставшей поэта и превознесшей его жалкого эпитона, выразилось во властной речевой «жестикаляции» самоуверенного большинства («Ты сказал свое – да не вовремя; а тот не свое сказал – да вовремя. Следовательно, он прав – а тебе остаются утешения собственной твоей совести») и даже в жестовом «поведении» «служащих» очередному

народному кумиру пальмовых ветвей, которые «склонялись перед ним, как бы выражая своим тихим вздыманьем, своим покорным наклоном – то непрестанно возобновлявшееся обожание, которое переполняло сердца очарованных им сограждан!»

Укрупненными жестовыми деталями в тургеневском цикле отмечены взаимопереходы между эмпирической реальностью и онейросферой. Мотивный ряд миниатюры «Конец света» (с подзаголовком «Сон») сосредоточен на полуосознанном предвосхищении грядущих в России тектонических сдвигов и катастроф, приближение которых сквозит в психологическом климате «где-то в России, в глуши, в простом деревенском доме», где охваченные тревогами люди ходят «молча, словно крадучись... поочередно подходят к окнам и внимательно оглядываются, как бы ожидая чего-то извне», и лишь из глубин детской души «небольшого роста мальчика» сквозь общие перешептывания и ужас от надвигающейся стихии прорывается ничем не заглушенное пищание «тятенька, боюсь!» В эпитафии «Памяти Ю.В. Вревской», посвященной умершей на русско-турецкой войне баронессе – сестре милосердия, жар ее тифозного беспамятства, ее горящих «запекшихся губ», к которым подносили «несколько капель воды в черепке разбитого горшка», ассоциируется с былым жаром ее жертвенного сердца, «огнем неугасимой веры», с которой она «отдалась на служение ближним». Земной, телесный жест, размыкающийся в область памяти, воображения и «посмертья», – таков сокровенный сюжет «Последнего свидания». Встреча с умирающим бывшим соперником и пожатие его «страшно худой, словно обглоданной руки» на пороге иного мира знаменует для героя не только примирение, но и невольное воскрешение в воспоминаниях обстоятельств пережитой драмы: «Но мне почудилось, что не его рука взялась за мою. Мне почудилось, что между нами сидит высокая, тихая, белая женщина... Никуда не смотрят ее глубокие бледные глаза; ничего не говорят ее бледные строгие губы... Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила нас».

Вершиной мистической сюжетной линии цикла стала миниатюра «Христос». Жестовые подробности пребывания в церкви, сложенные из наблюдений за «радужным венчиком», который «окружал каждое маленькое пламя» восковых свечей, за напоминающим «зрелые колосья» колыханьем русских крестьянских голов, возводят юношеское сознание повествователя к родственному ощущению рядом стоящего Христа как воплотившегося Бога, Чьи глаза, что «глядят немного ввысь, внимательно и тихо», губы, что «закрыты, но не сжаты», борода, руки, одежда являют одухотворенный образ телесности, свидетельствуют о смиренном подобии Бога обычным человеческим лицам и чертам.

Жестовые детали соединяются у Тургенева и с анималистическими ассоциациями, высветляя универсалии телесного опыта. В сновидческом сюжете миниатюры «Насекомое» зловещие передвижения и «жесты» «страшной мухи», таинственного насекомого, которое «беспрестанно поворачивало голову... передвигало лапки... потом вдруг срывалось со стены, с треском летало по комнате – и опять садилось, опять жутко и противно шевелилось, не трогаясь с места», – возбуждают у персонажей страх перед иррациональными циклами, «предупреждающими» «жестами» неумолимой к человеку судьбы. С другой стороны, разнообразные «жесты» животных и птиц в миниатюрах «Воробей», «Голуби», «Морское плавание», «Без гнезда» обретают антропологический смысл и проецируются на устояние перед потрясениями: это воробей, который в «любовном порыве», трепеща

от ужаса, все же перед несоизмеримо сильным противником «заслонил собою свое детище»; белые голуби, «противопоставившие» свой «ровный полет» иступленной «жестикуляции» грозовой стихии; маленькая обезьяна с «грустными, почти человеческими глазенками», которая вкусила горечь одиночества посреди морской бесконечности, и потому «бедный зверок так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному». Летящая птица в миниатюре «Без гнезда», с ее меняющимися «жестовыми» и эмоциональными проявлениями – «бросается вдаль, стремительно и прямо», «летит и внимательно глядит вниз», «глядит вниз, внимательно и тоскливо», «слабеет взмах ее крыл», «сложила наконец крылья... и с протяжным стоном пала в море», – увидена в напряженном взаимодействии и с угасающими ритмами своего жизненного цикла, и с равнодушной природной стихией: «Волна ее поглотила... и покатила вперёд, по-прежнему бессмысленно шумя».

Итак, тщательно прописанные в «Стихотворениях в прозе» сквозные жестовые детали и ассоциации предстают в богатстве образных, сюжетно-композиционных воплощений, сопрягаются с ключевыми тематическими линиями цикла – от самоисследования авторского «я», постижения загадок народной души, сферы подсознания до обращения к универсалиям земного и надмирного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. / Ред. коллегия: М.П. Алексеев, Г.А. Бялый. Т. 8: Повести и рассказы. 1870–1883. Стихотворения в прозе / Примеч. Л.М. Долотовой и Л.Н. Сарбаш. М.: Худ. лит., 1978. 527 с.

Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. М.: МАЛП, 1996. 351 с.: ил.

Гроссман Л.П. Последняя поэма Тургенева. turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/grossman-poslednyaya-poema.htm

REFERENCES

Turgenev I.S. Collected Works: In 12 vols./ Ed. board: M.P. Alekseev, G.A. Bialyi. Vol. 8: Stories and Short-stories. 1870–1883. Poems in Prose / Comments by L.M. Dolotova and L.N. Sarbash. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1978. 527 p.

Bely A. (1996) Gogol's Art: A Study. Moscow. MALP Publ. 351 p.: ill.

Grossman L.P. Turgenev's Last Poem. turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/grossman-poslednyaya-poema.htm

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilia B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

il-boris@yandex.ru

О.А. Байнова (Москва, Россия)

Функции цитат в немецком художественном тексте

Аннотация: В статье анализируются основные виды и функции цитат в художественном тексте. Цитата приобретает статус особой структурной единицы: с одной стороны, интегрируясь в авторский текст, она является частью целого, а с другой – сохраняет свою относительную самостоятельность и независимость и не растворяется в авторском тексте полностью. В этой связи рассматривается также проблема интертекстуальности – традиционно актуальное направление лингвистических исследований.

Ключевые слова: немецкий язык, интертекстуальность, лингвистический анализ, цитирование, художественный текст

О.А. Baynova (Moscow, Russia)

Functions of Quotations in a German Literary Text

Abstract: The article provides an analysis of the main types and functions of quotations in a literary text. A quotation acquires the status of a special structural unit: on the one hand, it is integrated into the authorial text as a part of the whole, but, on the other hand, it keeps its relative independence and autonomy, it does not completely dissolve the authorial text. In this connection the article also focuses on the issue of intertextuality, which has traditionally been an area of special interest in linguistic research.

Key words: German language, intertextuality, linguistic analysis, quotation, citation, literary text

Проблема межтекстовых взаимодействий давно привлекала внимание филологов – как лингвистов, так и литературоведов. Наиболее явными формами художественных взаимосвязей являются цитаты, аллюзии, реминисценции. Понятие интертекстуальности как одного из признаков текста восходит к теории анаграмм Ф. де Соссюра, созданной в начале XX в. Ученый усматривал в некоторых стихах нарек на божественные имена, которые можно было обнаружить в определенном сочетании звуков и букв. Таким образом осуществлялось взаимодействие ранних и более поздних текстов, включение одного текста в другой. Сам термин «интертекстуальность» введен, как известно, Ю. Кристевой в 1967 г. в статье «Бахтин, слово, диалог, роман», и импульсом к созданию ее теории интертекстуальности

послужили труды М.М. Бахтина («Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» и др.), который утверждал, что «всякое конкретное высказывание – лишь звено в цепи речевого общения и ответные реакции на другие высказывания» [Бахтин 1986: 286]. Вслед за ним она считала текст не самодостаточной и независимой единицей, а мозаикой из цитат и трансформацией других текстов [Kristeva 1972: 345–375]. Эту идею примерно в то же время развивает Р. Барт. В эссе «Смерть поэта» он утверждает, что «автор перестает быть единственным источником смысла текста» [Barthes 2000: 190]. Как он считает, читатель – это «некто, сводящий все штрихи, что образует письменный текст, пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых складывается письмо» (там же). С конца 1960-х гг. интертекстуальность прочно занимает свое место среди других признаков текста, теперь она находится в сфере научных интересов не только литературоведов, но и ученых, которые работают в области лингвистики текста (см. работы Р.А. Богранда, В. Дресслера, К. Бринкера и др.).

Получается, что когда мы говорим о тексте, то речь идет не только и не столько о понимании слов, из которых текст состоит, а о постижении смыслов, заложенных в нем. Текст не может существовать изолированно, он неизменно привязан к некоему общему художественно-культурному (историческому, социальному, литературному и т. п.) контексту, который среди прочего обязательно включает целый комплекс отношений между текстами. Создавая текст, автор закладывает в него свои смыслы, а читатель расшифровывает их в меру своей подготовленности и даже привносит новые смыслы. Таким образом, существует бесконечное множество интерпретаций со стороны читателя.

Видами взаимосвязи между ранее существующими и последующими текстами являются ассоциации (реминисценции), аллюзии и, в наиболее явном виде, цитаты. Цитата, в свою очередь, включает различные формы проявления: от полного буквального воспроизведения чужого текста или его части до отдельных слов, отсылающих читателя к какой-либо теме и содержащих намек на некие культурно-языковые реалии. Таким образом, цитирование предполагает как дословную передачу чужого высказывания, так и возможность варьирования и сокращения ее лексического наполнения.

Исследование цитаты приняло многосторонний характер: в плане анализа синтаксиса чужой речи, в плане структурно-композиционной организации текста, в плане бытования цитаты в разных функциональных стилях (публицистическом, научном, художественном); в плане лингвокультурологических изысканий, где цитата выступает как носитель определенной культурной информации, и пр. При этом на передний план выдвигаются разные ее функции в тексте. Так, если в научных текстах исследователя прежде всего интересует когнитивная функция цитат, то в художественных – ее роль при создании художественного образа, текстообразующая и композиционная (сюжетообразующая) функция, причем в каждом отдельном произведении этот акцент может смещаться. А вот аргументативная функция цитат примерно в равной степени актуальна для разных видов текста.

Каковы же функции цитат в художественном произведении? Моделирование некоего своеобразного вымышленного мира является неотъемлемой частью такого рода текстов, и цитата вносит свой вклад в **создание художественного образа** как основополагающего, наиболее выразительного и значимого элемента художественного мира. Это можно продемонстрировать на примере романа Герберта Розендорфера «*Briefe in die chinesische Vergangenheit*», главный герой которого,

чиновник высокого ранга Као-тай, с помощью специального компаса (*Reise-Zeit-Kompass*) совершает невероятное перемещение во времени из древнего Китая в современную Германию. Кроме того, что он занимает высокий пост в правительственных структурах, он высоко образован, разбирается в философии, является последователем учения Конфуция и представлен как тонкий ценитель поэзии. Поэтому в своих мыслях и в попытках понять реалии современного мира он постоянно обращается к своим духовным учителям – древнекитайским философам и поэтам III–IX вв. до Рождества Христова (Конфуцию, Чжуан-цзы, Мэн-цзы, Лю Цзун-юаню) и цитирует их. Некоторые изречения отражают его философскую позицию или содержат житейскую мудрость: «Wer beobachten will, darf selber nicht beobachtet werden» (Meng-Tzu); «Das du selbst nicht wünschst, tu nicht den anderen» (K'ung-fu-tzu); «Wenn man in ein fremdes Haus kommt, erkundigt man sich nach den Ausdrücken, die dort vermieden werden» (из книги конфуцианских канонов «Li chi»). Другие цитаты придают ему силы в сложной жизненной ситуации. Попав в чуждый ему мир, Као-тай изнемогает от тоски по дому: «Ich saß völlig zerstört (...) und dachte an die Verse unseres großen Lin Tzun-yüan:

Wenn du nach Norden ziehst,
Frühling, wann kommst du nach Tsin?
Nimm meinen Traum dorthin.
Trag in den alten Garten
Den Traum, dass ich zuhause bin».

Путешественник во времени выдвигает правильную, по его мнению, версию мирового устройства, опираясь на учение своих великих предшественников и в свободной форме излагая часть учения Конфуция о строении мира; он потрясен невежеством современного общества, где люди не имеют понятия о порядке: «Das kommt aber daher, dass sie den Zusammenhang mit den Dingen verloren haben (...) Wir haben dank der Lehren des weisen K'ung-fu-tzu und seiner Schüler eine festgefügte Kenntnis vom runden Himmel und der viereckigen Erde, vom Dunklen und vom Lichten, von den fünf Himmelsrichtungen, den vier Jahreszeiten und den fünf Getreidearten. Unsere Welt ist untadelig in ihrem Aufbau». Он оценивает непонятные явления через призму представлений о природе вещей, характерных для его времени, сравнивает и находит разумное обоснование новому: «Also kann es keine Zauberei sein, abgesehen davon, dass es keine Zauberei gibt, weil für alle Erscheinungen natürliche Erklärungen zu finden sind, wie schon der ehrwürdige Chuang-tzu festgestellt hat». При этом Као-тай снова и снова ссылается на выдающиеся памятники китайской мысли (он сам обозначает их как *unsterbliche*) – книги «Лунь юй» и «Ли цзи», которые содержат каноны конфуцианства. В такого рода непрямой цитате конкретный источник, в отличие от приведенных выше, может быть и не назван: «Unsere alten Weisen lehren, dass nur jenes politische System wirklich gut ist, das den schlechten Menschen voraussetzt». Благодаря цитатам читатель получает представление о главной фигуре романа как о человеке, который неуклонно и строго придерживается конфуцианских воззрений, но, обладая гибким умом и жизненным опытом, способен адекватно анализировать ситуацию. Одновременно цитаты выполняют также аргументативную функцию: высказывания и мысли персонажа приобретают большую весомость и звучат убедительнее, как бы абсорбируя всю мудрость предыдущих поколений.

Прием цитирования нередко используется для **создания комического эффекта**. Невозможно без улыбки читать изложение концепции о строении мира, пред-

ложенной гостем из древнего Китая, или его вольную, сжатую, но весьма точную интерпретацию основной мысли «Баллады о тщете всех человеческих усилий» Бертольда Брехта («Ballade von der Unzugänglichkeit des menschlichen Planens»): «Das Gedicht lautet:

Ja, Mensch, mache einen Plan
Und empfinde dich als Himmelsleuchte
Und mache weitere Pläne.
Sie gehen alle nicht».

«Процесс» Ф. Кафки он характеризует как *düster und grausam* (что вполне справедливо), а содержание объемного романа укладывает в пару строк: «Es schildert, wie ein Mann von ungenannten Mächten verfolgt wird und sich – wie im Traum sich mühsam bewegend – nicht wehren kann». Знакомство с творчеством Т. Манна, в частности с романом «Будденброки», протекает более успешно: «Danach las ich ein Buch, ein sehr dickes Buch von einem Autor, der merkwürdigerweise nur “der Mann” genannt wird. Es war die ausführlich und zum Teil humorvoll geschilderte Geschichte einer Familie, die zunehmend in Schwierigkeiten gerät. Es gefiel mir sogar, dass ich ein weiteres Buch dieses “Mannes” lesen wollte». Комический эффект создается здесь за счет самой формы изложения, крайне сжатой и упрощенной, за счет обыгрывания фамилии автора, а также благодаря тому, что у посланника из древнего Китая иной подход к пониманию достоинств литературного произведения, чем у современного читателя.

Цитата, выполняя текстообразующую функцию, также выступает в разных формах. Если она появляется в названии произведения или в виде эпиграфа, то задает общую тему или настроение. Так, в качестве заглавия для одного из своих рассказов Г. Белль выбирает начало известной в переводе Ф. Шиллера эпитафии Симонида, прославляющей Фермопильское сражение:

Wanderer, kommst du nach Sparta, verkündige dorten, du habest
uns hier liegen gesehn, wie das Gesetz es befahl.

Уже в заглавии, в незаконченности строки («Wanderer, kommst du nach Spa...») сквозит обреченность, чувство безысходности, которым пронизано все произведение. Название символично: жизнь мальчика, три месяца назад покинувшего школу, так же наполовину стерта чьей-то жестокой рукой, как наполовину стерты строки греческого поэта на школьной доске. Цитата приобретает, таким образом, обобщающее значение, где скрытые смыслы становятся важнее, чем лексическое наполнение.

Это же стихотворение вкладывается в уста одного из персонажей новеллы Ф. Верфеля «Eine blassblaue Frauenschrift», где оно воспроизводится в несколько искаженном виде: доктор Вормзер, приглашая к столу студента с нелепым греческим именем *Leonidas*, цитирует эти строки, заменив глагол *liegen* на *schmausen*. Стихи, вписываясь в общую канву повествования, также играют текстообразующую роль, но совершенно иначе, чем в рассказе Белля. В центре новеллы описание одного дня министерского чиновника – обладателя героического имени Леонид, названного в честь спартанского героя, сделавшего головокружительную карьеру и, кроме того, счастливо женатого на одной из самых красивых и богатых женщин в Австрии. В новелле лейтмотивом проходит «греко-римская» тема: в наследство от отца, нищего учителя латыни, Леонид не получает ничего, кроме претенциозного имени, полного собрания сочинений греко-римских классиков и подшивки научных журналов по классической филологии за десять лет. Он и стыдится своего происхождения, и одновременно не может избавиться от прошлого, гордясь тем, что он, выхо-

дец из низов, к пятидесяти годам достиг пика своей карьеры: «Und dieser Leonidas erlag in den Thermopylen seiner engen Jugend keineswegs der Übermacht einer hochmütigen Gesellschaft». Недаром унаследованные от отца *griechisch-römische Klassiker* и *philologische Zeitschriften*, упомянутые на первой странице новеллы, читатель видит потом на рабочем месте Леонида, в его министерском кабинете. Леонид мысленно называет себя *Götterliebling* – «любимец богов» (опять образ из греко-римской мифологии!). Мотив *Thermopylen – Götterliebling – Griechen – Römer* присутствует в новелле на всем протяжении то в форме предложения («Er war also Vera erlegen heute»; «Er war nur, was Römer “Freigelassenen” nannten»; «Er hat nicht anders gehandelt als ein antiker Gott, der sich in wandelbarer Gestalt zu einem Menschenkinde herabbeugt»), то в виде отдельных слов (*Niederlage, enge Jugend, die spartanischen Grenzen des Beamtentums*) и незримой ниточкой связывает текст воедино, – не являясь при этом, естественно, единственным текстообразующим элементом.

Эпиграф, подобно названию произведения, имеет обобщающее значение и выделяет главную тему текста или его части. В качестве эпиграфа к своим так называемым «курортным зарисовкам» «Kurgast» Г. Гессе выносит изречение Ницше: «Motto: Müßiggang ist aller Psychologie Anfang». И в самом деле, оба понятия – *ничегонеделанье* и *самокопание* – становятся определяющими для всего текста. Эпиграф задает тон и подчеркивает субъективность восприятия и протекания болезни, а также – в более широком контексте – субъективность восприятия бытия. За эпиграфом сразу следует анекдот о швабах, которые часто подвергаются осмеянию: «Man sagt von den Schwaben, dass sie erst mit vierzig Jahren gescheit werden, und die Schwaben selber, im Selbstvertrauen nicht sicher, sehen das zuweilen als eine Art von Schande an». На полном серьезе, взвешенно, аргументированно Гессе (сам, кстати, будучи швабом) оспаривает и разбивает это утверждение, что создает, в силу ничтожности самой проблемы, комический эффект: швабам не на что обижаться, так как никто к сорока годам не приобретает мудрости и рассудительности – к сорока приобретаешь только болезни. Таким образом сразу заданы (на поверхностном уровне) основные темы: *болезнь – безделье – созерцание – попытка анализировать окружающий мир*.

«Kurgast. Aufzeichnungen von einer Badener Kur» Г. Гессе – автобиографические заметки о пребывании писателя в Бадене, написанные в ироничной манере. Для стиля Гессе характерно, что его произведения представляют собой сложные текстовые системы, изобилующие аллюзиями, ассоциативными намеками и отсылками как к другим текстам, так и к общекультурным и литературным явлениям. Несмотря на кажущуюся легковесность «Курортника», эта повесть не является исключением. В основе книги лежат контрасты и противопоставления, главное из которых – дихотомия *Geist* и *Natur*, *Seele* и *Leib*, *Herz* и *Sinn*. Неизменными авторитетами в восприятии красоты мира для Гессе являются греки. Созерцая ночной пейзаж, он отмечает «die magische, nicht wiederkehrende Schönheit, die aus unsrer eigenen Seele kommt und die, nach den Griechen, nur dann in uns aufleuchtet, wenn Eros uns angeblickt hat». А вот с Мерике и Эйхендорфом, с их традиционно поэтическим восприятием утра, Гессе готов поспорить: «Der Morgen, die berühmte Zeit der Frische, des Neubeginns, des jungen freudigen Antriebs, ist für mich fatal, ist mir verdrießlich und peinlich, wir lieben einander nicht». Он ведет спор не только с конкретными поэтами, философами, но и с некими неопределенными психологами, теологами и мыслителями (*vulgäre Denker, frühere Autoren* и т. п.), причем спор идет по ничтожным поводам типа принятия больными обильной пищи, явно

вреда здоровью (обоснование находится очень простое: ведь вечной жизни в этом мире никто не обещал). Надо отметить, что библейские цитаты представлены у Гессе исключительно в скрытой форме. Он апеллирует к общечеловеческим ценностям, рассуждая о вечной жизни и бренности бытия (библейская дихотомия *ewiges Leben – Vergänglichkeit*). Понятие *ewiges Leben* связано в первую очередь с Новым заветом, который содержит неоднократные упоминания о вечной жизни, обещанной Господом всем истинно верующим. Но на курорте мало кого волнует проблема спасения. В курортных зарисовках приводится библейское наставление «Liebet eure Feinde», которое Гессе решает применить в отношении невыносимого шумного соседа-голландца. Библейская мудрость (*Liebestheorie des Neuen Testaments*) сначала помогает смириться с соседом, а затем почти полюбить его.

Заметки приобретают издевательски-насмешливый тон, когда Гессе, прогуливаясь, останавливается перед лавкой, торгующей открытками. Гессе цитирует бездарные низкопробные стихотворные строки на открытках, которые буквально повергают его в ужас:

Du holdes Wesen, bei des Mondes Blinken
Seh in deinem blauen Aug mein Glück ich winken.

Гессе бежит подальше от магазинчика и находит спасение в том, что любит играть с куницами. Умиротворенно наблюдая за зверьками, он обретает равновесие и вновь осознает волшебную притягательность и гармоничность этого мира: «Solang es noch Marder gab, noch Duft der Urwelt, noch Instinkt der Natur, solange war für einen Dichter die Welt noch möglich, noch schön und verheißungsvoll». Гессе подчиняет этот, по сути, малозначительный эпизод своей **общей концепции понимания мира и места художника в нем**. В зарисовках у Гессе встречается аллюзия на собственное творчество. Вернувшись с курорта, он вспоминает время, проведенное в Бадене, и радуется привычной, располагающей к творчеству обстановке: «Ich bin nicht mehr dort, ich bin – den Kopf schon voll neuer Versuche und Pläne – wieder in meiner Steppe draußen, wieder in meiner Einsamkeit und Klause. Der Kurgast Hesse ist Gott sei Dank gestorben und geht uns nicht mehr an» (курсив наш. – О.Б.). Здесь явно просматривается аллюзия на роман Г. Гессе «Степной волк» («Der Steppenwolf»).

Аргументативная функция цитирования может проявляться во всех литературных жанрах, причем используются самые разнообразные виды цитат. Как наиболее типичный случай можно назвать цитирование бесспорных авторитетов: известных философов, писателей, ученых, политических деятелей и пр.; в прозаическом тексте, как было показано выше, писатель может в качестве аргументации использовать стихотворные строки. Особенностью художественного текста является его многоплановость; в нем может сочетаться несочетаемое – и по форме, и по содержанию. Примером необычной формы цитирования может послужить сатирическая песня политического содержания на злобу дня «Erdowie, Erdowo, Erdogan», которая является перепевом некогда популярной песни группы «Nena» «Irgendwie, irgendwo, irgendwann» (1984), исполняется на ту же мелодию и тем самым опирается на некий культурный пласт, известный немцам. Надо отметить, традиция стихотворной политической сатиры не чужда Германии, в том числе в форме зонгов. Сам жанр со времен К. Тухольского и Б. Брехта несколько измельчал, но зато добавились новые технические возможности; например, видеоряд с компиляцией картинок. Вкрапления в стихотворно-музыкальный контекст двух цитат из газетных текстов – не факт, что реально существующих – выполнены в сжатом репортажном стиле и придают стихотворному тексту убедительность: «Ein protziger Bau mit tausend Zimmern – er-

richtet ohne Baugenehmigung in einem Naturschutzgebiet»; «Die Polizei in Istanbul hat eine Demonstration zum Weltfrauentag gewaltsam aufgelöst».

В художественном тексте цитата приобретает статус особой структурной единицы: с одной стороны, интегрируясь в авторский текст, она является частью общего целого, а с другой – сохраняет свою относительную самостоятельность и независимость и не растворяется в авторском тексте полностью. Включенный текст, как правило, маркируется с помощью введения специальных глаголов и ссылок на источник цитирования или/и с помощью графических средств: кавычек, особого расположения цитаты (например, в цитатах-заголовках, а также в эпиграфах и стихотворных цитатах или в прозаическом отрывках, включенных в стихотворный текст). Не всегда представляется возможным дифференцировать скрытую цитату, которая содержит лишь намек на предшествующий текст и не выделена соответствующим образом.

Таким образом, мы видим, что функционирование цитаты, которая является одним из ключевых компонентов интертекстуальности и служит для организации текста как завершенного целого на разных уровнях, может стать основополагающим элементом при анализе художественного произведения. Цитата дает возможность осознать место данного художественного текста среди других, постичь межтекстовые взаимосвязи и способствовать передаче предшествующего знания последующим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. 444 с.
- Barthes R.* Der Tod des Autors // Texte zur Theorie der Autorschaft. Stuttgart, 2000. S. 185–193.
- Beaugrande R.-A., Dressler W.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981. 290 S.
- Brinker K.* Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin, 2010. 160 S.
- Kristeva J.* Bachtin, das Wort, der Dialog und der Roman // Literaturwissenschaft und Linguistik. Ergebnisse und Perspektiven. Bd. 3. Frankfurt/M, 1972. S. 345–375.

REFERENCES

- Bakhtin M.M. (1986) Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow. 445 p.
- Barthes R. Der Tod des Autors. In: Texte zur Theorie der Autorschaft. Stuttgart. 2000, S. 185–193.
- Beaugrande R.-A., Dressler W. (1981) Einführung in die Textlinguistik. Tübingen. 290 S.
- Brinker K. (2010) Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin. 160 S.
- Kristeva J. Bachtin, das Wort, der Dialog und der Roman. In: Literaturwissenschaft und Linguistik. Ergebnisse und Perspektiven. Bd. 3. Frankfurt/M. 1972, S. 345–375.

Сведения об авторе:

Ольга Александровна Байнова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga A. Baynova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
primel@mail.ru

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

А.А. Коростелёва (Москва, Россия)

**Репликация модели коммуникативного поведения
как средство создания образа (Л.И. Лемке в к/ф «Город мастеров»)**

Аннотация: В статье рассматривается принцип отбора актером коммуникативных единиц при создании образа сказочного злодея в детском кино (герцог де Маликорн в к/ф «Город мастеров», 1965). Спецификой актерской стратегии оказывается варьирование одной и той же схемы коммуникативного поведения в каждом эпизоде. Показано, как эта задача решается с привлечением собственно коммуникативных средств языка путем игнорирования номинативного содержания сценарных реплик. Варьирование базовой стратегии при этом обусловлено личностью собеседника. Материал роли дает яркий пример возможностей русских коммуникативных средств и их предельной эстетической нагруженности в кинодиалоге.

Ключевые слова: эстетическая функция коммуникативных средств, коммуникативная семантика, звучащий кинодиалог, коммуникативная стратегия актера

A.A. Korosteleva (Moscow, Russia)

**Replication of a Communicative Behavior Model
as Means of the Character's Creation
(Lev Lemke in "The City of Craftsmen", 1965)**

Abstract: The paper analyzes the principle with which the actor chooses communicative units while creating the character of a fairy tale villain in the film for children (Duke de Malicorne in "The City of Craftsmen", 1965). It finds out that the actor's strategy specifics is the variation of the same pattern of communicative behavior in each episode. The paper shows how this task is fulfilled with the help of communicative means of the language, by ignoring the nominative content of the scripts cues. Herewith the variations of the basic strategy are conditioned by the personality of the collocutor. The material of the role gives demonstrates the Russian communicative means' capabilities and their ultimate aesthetic charge in movie dialogue.

Key words: aesthetic function of communicative means, communicative semantics, spoken film dialogue, actor's communicative strategy

Подход к работам актеров в кино с позиций семантического коммуникативного анализа (см. об этом: [Безяева 2002, 2005, 2006, 2008а, б, 2010а, б, 2012, 2013а, б,

2014, 2015а, б, 2016а, б] и др.) дает возможность вскрыть пласт коммуникативной семантики, т. е. комплекс смыслов, постигаемых носителем языка интуитивно, как правило, не эксплицируемых в номинативном содержании реплик, но при этом бесспорно ключевых для формирования характера персонажа.

Метод семантического коммуникативного анализа прежде всего подразумевает выделение в рамках системы языка коммуникативного уровня, противопоставленного номинативному. Семантика коммуникативного уровня языка связана с соотношением позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации, тогда как семантика единиц номинативного уровня связана с передачей информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего.

Коммуникативный уровень русского языка включает в себя чрезвычайно разнообразные единицы – от собственно коммуникативных (наклонения, частицы, междометия, интонация, другие средства звучания, синтаксические приемы) до средств, способных выполнять наряду с коммуникативной и номинативную функцию (словоформы полнозначных лексических единиц, части речи, грамматические категории). Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия целеустановки, вариативного ряда конструкций, ее обслуживающих, и инвариантных параметров средств, входящих в эти конструкции. Под целеустановкой понимается языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию либо фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего. Коммуникативная конструкция объединяет в себе конкретные реализации инвариантных параметров единиц, подчиняющиеся особому алгоритму развертывания семантических параметров. Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развертыванию. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т. д. Возможно также варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности¹.

В основе анализа интонационных средств языка в работе лежит описание системы русской интонации, принадлежащее Е.А. Брызгуновой, а также разработанная ею усложненная интонационная транскрипция [Брызгунова 1980; 1982].

Коммуникативный уровень принципиально вариативен. Даже строго придерживаясь реплик сценария с точки зрения их номинативного содержания, актер ежеминутно совершает выбор из множества русских коммуникативных единиц, затрагивающий три ступени варьирования: целеустановка – коммуникативная конструкция – коммуникативное средство, обладающее определенными семантическими параметрами.

Если в распределении коммуникативных средств в репликах диалога в рамках одной роли или при взаимодействии актеров в ансамбле наблюдается некоторая упорядоченность (можно выявить закономерности появления тех или иных единиц), мы можем говорить о присутствии в фильме коммуникативной композиции.

¹ Семантические инвариантные параметры русских вербальных коммуникативных средств содержатся в публикациях [Безяева 2002, 2005а, 2005б, 2008а, б, 2010а, б, 2012, 2013а, б, 2015 а, б, 2016а, б] и др., а также в спецкурсах, читавшихся М.Г. Безяевой на филологическом факультете МГУ в 2006–2016 учебных годах («Инвариантные параметры средств коммуникативного уровня русского языка», «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста» и др.). Трактовки кинесических средств принадлежат автору данной работы.

Фильм «Город Мастеров» (1965)¹ является экранизацией пьесы Тамары Габбе «Город Мастеров, или Сказка о двух горбунах» (1943). Роль главного отрицательного персонажа, герцога де Маликорна, правителя-наместника в бывшем вольном Городе Мастеров, в фильме была исполнена Л.И. Лемке.

При переходе от текста пьесы к сценарию фильма характер герцога де Маликорна уже начал претерпевать определенные изменения, однако именно трактовка актера произвела наиболее удивительную метаморфозу: во власти Лемке было оставить де Маликорна «плоским», понятным и однозначным злодеем из детской сказки, от чего он отказывается, зачастую в упорной борьбе со сценарием. Он придает характеру герцога глубину, неоднозначность и непредсказуемость, быть может, избыточные с точки зрения традиционного детского кино, но обладающие ценностью для взрослого зрителя. Масштаб фигуры герцога неизмеримо возрастает по сравнению с пьесой. Там, где сценарий льет воду на мельницу его трактовки, Лемке сохраняет и усиливает заложенные в нем смыслы, там же, где текст противоречит стратегии актера, он легко разрушает номинативное содержание, высекая многозначность из реплик, задуманных как очень простые, часто принимая весьма тонкие, отнюдь не лежащие на поверхности решения.

Прежде чем перейти собственно к анализу диалогов, необходимо рассмотреть эпизод, являющийся своеобразным ключом к характеру герцога. Это первое появление герцога в фильме. Несмотря на то что в самой этой сцене нет языковой коммуникации, что исключает возможность лингвистического анализа, обойти ее молчанием нельзя, так как Лемке делает ее моделью поведения герцога во время любых коллизий.

На главной площади города, при большом скоплении горожан, стража герцога ловит попугая, обученного кричать: «Долой иноземных солдат!», но безуспешно. Попугай садится на крышу портшеза герцога. Герцог высовывает из-за занавеси руку в перчатке, подставляет ее попугаю в самой удобной позиции и терпеливо ждет. Попугай, до тех пор не шедший ни к кому, доверчиво слетает к герцогу на руку и устраивается там. Герцог втягивает руку внутрь, слышится сдавленный птичий вопль, и через мгновение на мостовую выбрасывается тушка попугая со свернутой шеей.

Эта сцена, в которой мы, собственно, не видим лица герцога, в которой нет диалога, которая длится всего 30 секунд, в миниатюре отображает модель контакта герцога с людьми, ту черту его характера, которая в просторечии обозначается словами «мягко стелет, жестко спит». В дальнейшем Лемке эксплуатирует эту схему при каждом последующем появлении герцога: в разговоре с бургомистром Мушероном и его сыном Клик-Кляком, в беседе с Вероникой, в сцене в лесу, в разговоре с Караколем в тюрьме. Общей особенностью всех диалогов оказывается одно: герцог обращается к собеседнику беспрдельно ласково, терпеливо, иногда кокетливо; он очень мягко вводит идею того, что ему требуется от собеседника, всегда обещая взамен нечто бенефактивное, легко опускаясь до мольбы и унижения; за этим следует мгновенный перепад настроения – и финальный аккорд, не оставляющий собеседнику ровным счетом никакого выбора, кроме как выполнять волю герцога, и никакой надежды. Это финальное, каждый раз совершенно внезапное и для собеседников герцога, и для зрителей «закручивание гаек», чрезвычайно напоминает поступок герцога с попугаем. Тактика поведения герцога с новыми подданными несколько раз повторяет сцену с невезучей птицей:

¹ Автор сценария – Николай Эрдман, режиссер – Владимир Бычков.

показать что-то хорошее, поманить некими благами, выказать готовность ласки, мягкость и даже слабость, и вдруг, безо всякого перехода, окончить все беспредельной жестокостью. Однако для нас интересно не только сходство этих сцен, но и то, насколько по-разному они при этом выглядят. Диалоги, объединенные одной стратегией, подчиняющиеся единой схеме, – еще не значит однообразные; Лемке выстраивает роль с необыкновенным изяществом, дает зрителю «волшебный ключ» к пониманию характера своего персонажа, один для всех эпизодов, – и в то же время нигде не допускает ни малейшего однообразия: ко всякому человеку у герцога свой подход, те пути, которыми реализуется каждый раз эта единая стратегия, неповторимы.

Только лишь в одной из сцен – во время сватовства герцога к Веронике – Лемке позволяет себе несколько «кинесических цитат», косвенных отсылок на уровне пластики и жеста к шекспировскому Ричарду III в исполнении Лоренса Оливье («Ричард III», Великобритания, 1955), но при более широком взгляде на вещи нельзя не отметить, что та глубина, которую выдающаяся игра актера придает персонажу сказки Габбе, именно такова, что отчасти сближает его с Ричардом, герцогом Глостером, в известной британской экранизации. В обоих случаях это умный, сильный и совершенно безнравственный человек со склонностью к кокетству, капризам и резким эмоциональным перепадам во внешнем выражении. В отличие от Ричарда, герцога Глостера, герцогу де Маликорну не нужно стремиться к власти, она у него в руках, однако ему так же, как и Ричарду, необходимо плести интриги, чтобы эту власть удержать; оба уродливы физически – горбаты, и окончательно сближает Ричарда и де Маликорна сцена с леди Анной и Вероникой соответственно (неудивительно, что именно ее Лемке выбрал для намека на Ричарда): герой предлагает кольцо – и вместе с ним руку и сердце – женщине, мужа / жениха которой он или убил (Ричард), или пока не убил, но отдал приказ о его убийстве (герцог де Маликорн).

Обратимся к сцене аудиенции в замке герцога – к его разговору с бургомистром Мушероном и его сыном Клик-Кляком. Это второе появление герцога в фильме (после сцены с попугаем).

Герцог: Может быть, ты знаешь, / кто возмущает этих... / кузнецов, / сапожников?

Клик-Кляк (смеется): Как же не знать, ваша светлость! // Это горбун Кара²ко²ль.

Бургомистр Мушерон (держит Клик-Кляка за руку): Э! // Попридержи язы³²к.

Клик-Кляк: А как это – / придержать [j]-язы¹к?

Герцог: А-а, / это метельщик, / который сидел на дере¹ве?

Клик-Кляк: Да ! // Это же пер²вый см²утья²н! // Он и про попугая придумал, / и про шляпы выдумал! // ↑ < Вы знаете, какой у него горб, / – во! // (Изображает, какой у Караколя горб. Хихикает. Разгибается и замечает, что герцог тоже горбат). Э... / э... // (Падает на колени) < Ваша светлость! // ↑ < Простите! // < Я не знал, что вы так похожи.

Герцог: Ты что хочешь сказать? // Что герцог де Маликорн... / похож... на метельщика?

Клик-Кляк: Да что вы, ваша светлость! // У вас и ноги тоньше, / и горб больше, / и вообще вы гораздо симпатичней. // Ну просто мне показалось, // вы понимаете... ваша светлость?

Герцог: А за что ж ты так... не любишь... этого метельщика?

Клик-Кляк: < За то, что он смеется надо мной при Веронике.

Герцог: А[h]а-а... // ↑ А! // А тыб хочешь на ней... / жениться?

Клик-Кляк: Да2 \! // Хоть сейчас, ваша светлость!

Герцог: Готовьтесь к ^ ^ 2 свадьбе, / бургомистр.

Клик-Кляк (радостно крикнув): < А когда же будет моя свадьба?

Герцог: Когда ты / избавишь город / от этого метельщика.

Клик-Кляк: А как же я °город от него °избавлю?

Герцог: Убей.

Клик-Кляк: Ваша < светлость! // < Если я стану его убивать, он же убьет меня первым! // Вы знаете, какой он ловкий?

Герцог: А ты // замани его в западню / или столкни в яму.

Клик-Кляк: Хм2 // ↑ < Легко сказать – «в западню»! // ↑ < А где ж ее найдешь, западню-то?

Герцог (с улыбкой): ↑ Выкопай.

Клик-Кляк: Хы-ы... // Бою сь.

Герцог (разводя руками): Ну что ж. // Тогда Вероника выйдет за муж за Караколя... // (С улыбкой) Это будет прекрасная... пара. (Смешок).

(Входит Гильом и подносит герцогу клетку).

Герцог: Что это у тебя?

Гильом: Это говорящий попугай, ваша светлость!

Стражник: Да \.

Герцог: Зачем принесли?

Гильом: Эта удивительная птица / умеет кричать: / «Да здравствует герцог!»

Стражник: Да.

Герцог: Мг // (С улыбкой) Кто научил?

Клик-Кляк (с поклоном): [j:]a!

Стражник: Да, да, ваша светлость! // Мне назвали его... имя.

Герцог: А[γ]а.

Клик-Кляк: Ваша светлость! // А чем вы меня < наградите?

Герцог: Я буду присутствовать / на твоей свадьбе. // Открой. (Смеется, проводит пальцами по прутьям клетки) Ну? // Почему он молчит?

Клик-Кляк: Сейчас. // Попочка, / чему я тебя учил? // < Ну? // Сейчас, / сейчас // Повторяй за мной, / ну! // Повторяй: // «Да здоровствует герцог!» // «Да здоровствует герцог»...

Попугай: Чтоб ты подавился, пррроклый!

Герцог (Клик-Кляку): Ну? // Убьешь метельщика?

(Шут-флейтист пинками выпроваживает Мушеров из покоев герцога).

Гильом: Вы меня обижаете, ваша светлость. // Мой меч / справился бы с этим лучше, чем он.

Герцог (со смешком): Ты предан и смел, Гильом, / но ты / старомоден. // Любимца народа должен убивать... / не меч чужестранца, / а рука его же / соотечественника.

Примечательно, что, в отличие от пьесы Габбе, где герцог де Маликорн преувеличенно болезненно реагирует на любое упоминание о горбах и горбунах, герцог в исполнении Лемке относится к разговорам о горбах более чем спокойно: во всей сцене только однажды Мушерон-отец пытается одернуть Клик-Кляка (Мушерона-младшего), сам же герцог с виду забавляется этими невольными бестактностями собеседника: он или воспринимает их с улыбкой, или пропускает мимо ушей. Это принципиально отличает его от герцога – персонажа пьесы и служит одним из показателей ума. Совершенно забыть о своем горбе герцог, конечно, не может, этот горб изначально сформировал его личность; в то же время он не размнивается на поединок с дураком, намереваясь тихо, по-змеиному в скором времени отомстить всем, кто шепчется у него за спиной о его уродстве.

В соответствующем явлении пьесы замысел герцога – его решение поручить Мушерону-младшему убийство Караколя – кристаллизуются постепенно на наших глазах из множества уточнений, расспросов и т. п.; в фильме мысль герцога раскручивается как пружина: он не задает ни одного лишнего вопроса, в считанные секунды разбирается в новой для себя ситуации, делает все нужные выводы и сплетает на глазах зрителей интригу, в которую вовлечены несколько человек, о большинстве из которых он только что услышал впервые. От первого вопроса Клик-Кляку до завершающего сцену пояснения для Гильома в движении его мысли нет ни единого поворота или зигзага, ни единой задержки; герцог с самого начала отчетливо видит цель и идет к ней напрямик. Скорость переработки

информации у него по сравнению с его двойником из пьесы Габбе на порядок выше. Такая пронизательность и скорость мышления герцога до некоторой степени обеспечиваются тем, что при переходе от пьесы к сценарию данный диалог подвергся очень большой компрессии, был очищен от множества необязательных деталей, от всех проявлений праздного любопытства наместника и болтливости Клик-Кляка. Так, первоначальное знакомство герцога с обстановкой и попытки его сориентироваться в ситуации в пьесе Габбе выглядели следующим образом:

Наместник: (...) Ты тоже дружен с этим метельщиком?

Клик-Кляк: Что вы, ваша светлость! Я его ненавижу. Он смеется надо мной! Пока его нет – все хорошо, а как только он появится, сразу всем кажется, будто я дурак. Это очень неприятно, ваша светлость.

Наместник: Я думаю.

Клик-Кляк: А хуже всего, ваша светлость, что он смеется надо мной при Веронике.

Наместник: А кто она такая, эта Вероника?

Клик-Кляк: Кто такая Вероника?! Это первая красавица в нашем городе, ваша светлость, а может, и на всем свете. Если бы вы ее увидели, клянусь вам, – даже вы влюбились бы в нее. *(Фыркает в кулак.)*

Мушерон (тихо): Придержи язык, Нанасс!

Клик-Кляк: Как это – придержать язык?

Мушерон: Молчи. *(Наместнику, громко.)* Вероника, ваша светлость, это дочь прежнего бургомистра, старшины златошвейного цеха Фирена Старшего.

Клик-Кляк: И сестра Фирена Младшего, того самого парня, которого вы изгнали из города.

Наместник: А-а! *(Клик-Кляку)* Так тебе, значит, нравится дочь прежнего бургомистра? Ты хочешь на ней жениться? А что она? Согласна выйти за тебя замуж?

Клик-Кляк: Нет, ваша светлость. Это очень странная девушка. Мне даже кажется, что она влюблена в кого-то другого.

Наместник: В кого же?

Клик-Кляк: Одно из двух: либо в Маленького Мартина, либо в этого шута Караколя. Но Мартин женат, а Караколь горбат. Поэтому я надеюсь, что она все-таки когда-нибудь согласится выйти замуж за меня.

Наместник: Я тоже надеюсь. Мы сыграем эту свадьбу, Гильом. Будет неплохо, если дочь старого бургомистра выйдет за сына нового бургомистра. Как ты думаешь?

Большой Гильом: Она заслуживает такого наказания, ваша светлость.

Клик-Кляк (в восторге): Благодарю вас, ваша светлость! Благодарю вас, ваша милость!

Наместник: Готовьтесь к свадебному торжеству, бургомистр.

Мушерон: Ваша светлость! Мастер Фирен не отдаст дочь за моего сына. С тех пор как меня назначили бургомистром, а его сына изгнали из города, он и смотреть на меня не хочет.

Наместник: Пустое! Если предо мною не устояли стены вашего города, то не устоит и прежний его бургомистр. Я сам поговорю с ним¹.

В фильме этот фрагмент сжат до пяти реплик:

Герцог: А за что ж ты так... не любишь... этого метельщика?

¹ Здесь и далее: см. http://lib.ru/TALES/GABBE_T/master.txt

Клик-Кляк: < За то, что он смеется надо мной при Веронике.¹

Герцог: А[h]а-а... // ↑ Ä! // А тыб хочешь на ней... / жениться?^{6 2 ×2}

Клик-Кляк: Да \ // . Хоть сейчас, ваша све\ тлость!^{2 2}

Герцог: Готовьтесь к свадьбе, / бургомистр.^{^ 2 7} (Бургомистр целует герцогу руку.)

Нетрудно заметить, что в фильме герцогу вовсе не требуется знать, ни кто такая Вероника, ни чего она сама хочет, ни кого она любит, для того чтобы принять решение. Лемке рассыпает по всему диалогу собственно коммуникативные средства, связанные с параметрами знания (ИК-6), понимания (*ага*, *мг*), соответствия действительности его предположениям (*ага*), с констатацией мгновенного входа в новую ситуацию (*а*) и т. д. (не исключено, что он увеличивает количество этих коммуникативных единиц по сравнению с исходным сценарием). Актер разыгрывает молниеносный переход от информационного нуля к высокому уровню владения ситуацией при более высоком уровне компетентности по сравнению с собеседниками. Серия исходящих от него вопросов и их формулировки выглядят неслучайными и прекрасно продуманными.

– Может быть, ты знаешь, / кто возмущает этих... / кузнецов, / сапожников?^{6 1 2 4 4}

ИК-6 на местоимении *ты* дает Клик-Кляку понять, что до него правитель расспрашивал других (за кадром остается некое неназванное лицо или лица) и те не смогли удовлетворить его интерес; таким образом герцог расчетливо внушает не-далекому Клик-Кляку чувство собственной значимости, и информация начинает бить из того фонтаном.

Немаловажно, что герцог в фильме сам вспоминает Караколя:

А-а, / это метельщик, / который сидел на дереве?^{2 4 1}

Здесь мы видим небольшое раздумье (замедление темпа) и констатацию входа в новую ситуацию (*а*); с помощью ИК-4 герцог маркирует то, что он соотносит в уме названное ему имя с собственной базой знаний, а заодно подчеркивает дистанцию между собою и гадким метельщиком. Это сразу уничтожает необходимость дальнейших разъяснений, которые в пьесе занимали не одну страницу. Затем герцог без труда определяет отношение Клик-Кляка к Караколю: если в пьесе он вяло расспрашивает, не водит ли Клик-Кляк с ним дружбы, то в фильме он, просто наблюдая, как охотно Клик-Кляк чернит Караколя, делает вывод о ненависти его к метельщику и спрашивает сразу о ее причинах. Но центральной – и для сюжета, и с точки зрения работы коммуникативных средств – становится реплика, следующая в ответ на глуповатое признание Клик-Кляка («< За то, что он смеется надо мной при Веронике»):

– А[h]а-а... // ↑ Ä! // А ты хочешь на ней... / жениться?^{6 2 6 × 2}

Прежде всего говорящий фиксирует соответствие ситуации своим предположениям, вводя параметр понимания (*ага*) и дополнительно указывая на скрытую доселе, но ставшую ему теперь вполне ясной закадровую информацию (ИК-6). Затем, после паузы, герцог сообщает, что он путем некоторой мыслительной опе-

рации вошел в новую ситуацию (*a*), при этом в повышении фонетического регистра и интонационном оформлении (ИК-2) таится насмешка: герцог как будто обрадован своей догадливостью, тогда как в действительности матримониальные планы Мушерона-младшего ему глубоко безразличны. Далее он вместе с собеседником входит в заявленную ранее новую ситуацию (начальное *a*):

⁶
«А ты хочешь на ней... / ^{× 2}жениться?»

Здесь уместно обратить внимание на то, насколько регулярно (и разнообразно) герцог в этой сцене выражает на уровне звучания эмоцию презрения. Высказывая упомянутую догадку, герцог проявляет заодно и свое презрение к Мушерону-младшему: Лемке дает на конце синтагмы движение тона по типу ИК-2 и смычку. Собственное значение ИК-2 (противопоставление одного варианта ряду других вариантов) обеспечивает высочайшую степень уверенности в догадке (фактически это утверждение) и образует значение ‘естественно, ты хотел бы жениться, в этом-то я не сомневаюсь’, а за счет смычки здесь же возникает презрение (‘такое ничтожество, а туда же – жениться!’).

Обращение «бургомистр» Лемке выносит в отдельную синтагму и размещает на нем центр ИК-7, обозначающей в данном случае расхождение между формальной позицией говорящего и его истинным видением ситуации. Таким образом, называя Мушерона бургомистром (как известно, эту должность Мушерон-старший получил из рук герцога, до этого бургомистром в городе был мастер Фирен), герцог одновременно позволяет себе неприкрытую издевку в отношении сказанного (‘тоже мне бургомистр’, ‘и бургомистром-то ты стал только благодаря мне’).

Эмоция презрения пунктиром проходит у герцога через весь эпизод: уже в самой первой реплике (кто возмущает этих... / ²кузнецов, / ⁴сапожников?) он с помощью ИК-4 дает понять, что презирает всех этих ремесленников, людей из социальных низов, подчеркивает дистанцию между ними и собой (при базовом для ИК-4 параметре сопоставления) – сами названия их профессий звучат у него так брезгливо, как если бы он отстранялся от них, боясь запачкаться (здесь же эти в значении ‘недолжная качественная характеристика имеет место’). Он походя успевает выразить свое пренебрежение как к бургомистру, так и к его сыну – без каких-либо специальных конструкций презрения, только лишь средствами звучания, метко используя для этого глагол «жениться» (мечта Клик-Кляка) и обращение «бургомистр» (выхлопотанная Мушероном должность). Более того, если мы обратим внимание на реплику де Маликорна:

⁴ – Когда ты / ^{× 6}избавишь город / ⁶от этого метельщика, – ⁴

мы увидим, что подобным же образом герцог заодно, мимоходом выражает и презрение ко всему городу, волею судеб оказавшемуся в его власти (смычка голосовых связок на центре второй синтагмы, на слове город).

Вместе с тем ИК-4, с которой герцог обращается не только к Мушеронам, но и к преданному Гильому (Это говорящий попугай, ²ваша светлость. – Зачем ⁴принесли? – Эта удивительная ⁶птица / ⁶умеет кричать: / «Да ⁶здравствует герцог!» – ^{6/1}Угу//. Кто научил?), является средством создания официального тона, неизменного напоминания об иерархии, о расстоянии между герцогом и его собеседниками, о руководящей роли герцога в любом разговоре. За этим интонационным оформ-

лением – необходимый герцогу постоянный фоновый смысл ‘говорящий выше слушающего’ – даже если он сейчас нуждается в помощи слушающего, даже если он пока не обладает необходимыми сведениями о ситуации и должен быть в нее введен.

Мизансцена, выстроенная, очевидно, режиссером, в полной мере поддержана тем звучанием, которое обеспечивает Лемке: без этого было бы сложно понять, отчего собеседники герцога, с которыми тот говорит так мило и доброжелательно, которым все время улыбается, в заботы которых снисходительно вникает, тем не менее безо всякого приказа почти сразу же с начала разговора опускаются перед ним на колени и далее уже только переползают вслед за ним на коленях, куда бы он ни отошел, не делая попыток встать.

Между тем даже при самом беглом анализе интонационных рисунков загадка эта оказывается легко объяснима. Лемке приписывает герцогу некую мнимую, деланую неуравновешенность; иными словами, на протяжении фильма герцог часто играет, т. е., оставаясь внутренне спокойным, изображает то слабость, то кокетство, то страх, то другую несвойственную ему эмоцию. Поскольку в действительности это чрезвычайно умный политик, сильный и страшный, уверенный в себе человек, то как бы ласково ни говорил он с подданными, в его речи постоянно присутствует смутно ощущаемая собеседником опасность, скрытая угроза. Один из способов формирования этого оттенка значения у Лемке – использование модальной реализации ИК-2 (1, 4) с сильными колебаниями тона в предцентральной или постцентральной части (на нейтральном лексико-синтаксическом составе, в нейтральном фонетическом регистре). Данная модальная реализация с инвариантным значением учета следствий из вводимой информации при затронутости личной сферы кого-либо из собеседников способна привнести в высказывание значение угрозы. Однако однозначно восприниматься как угроза это будет только в сочетании с понижением фонетического регистра; при том звучании, которое дает Лемке, образуется совмещенное значение кокетства и угрозы, между которыми слушающий уверенно выбрать не может. Он воспринимает угрозу, но объяснить, в чем эта угроза, откуда она происходит, едва ли смог бы. Так, герцог де Маликорн, произнося слова: «Готовьтесь к ^{^ ^ 2}с вадьбе» (т. е. сообщая о предельно бенефактивном для слушающего развитии ситуации), с помощью интонационного оформления параллельно передает смысл: ‘только учтите некоторые следствия из этого, о них далее’. Подобную же модальную реализацию мы увидим позднее в разговоре герцога с Клик-Кляком на краю замаскированной ямы:

²³
Герцог: Показывай.

Клик-Кляк: Сейчас. // ⁶О, ²вот. // ⁶Отсюда / ²пять шагов вперед. // ²Раз, / ²два, / ³три, / ⁶четыре, / ²пять. // ⁶Три шага вправо – / ²и вы в яме!

^{3 ^}
Герцог: Где?

Клик-Кляк: Э... То есть не в ⁶яме, / а ²¹р... рядом.

^{2 ^ ^ 23}
Герцог: Иди первым. // Ну!

^{2 ^ ^}
В высказывании «Иди первым» инвариантное значение постцентральных колебаний может разворачиваться и как ‘я учел следствия из услышанного, затрагива-

ющие мою личную сферу (и потому пропускаю тебя вперед)'; однако трудно не увидеть за этим и легкой профилактической угрозы в адрес Клик-Кляка. Вместе с тем при таком звучании речь герцога приобретает жеманный оттенок. Герцог у Лемке интересен как раз тем, что он не боится быть смешон, не боится показаться невротичным, трусливым, слабым, женственным, каким угодно, если это ведет его к цели.

Более простым и беспроницаемым способом сформирована угроза в высказывании:

Ты что хочешь сказать? // Что герцог де Маликорн... / похож...
на метельщика?

(где позиция местоимения *что* и модальная реализация ИК-3 сигнализируют о резком отклонении от нормы, а ИК-4 с паузой реализуют мягкое, вкрадчивое сопоставление). После этого Клик-Кляк сильно пугается: это яркая, неприкрытая угроза, и не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы воспринять ее.

Далее в рассматриваемом эпизоде перед нами предстает коммуникативный блок уговаривания: герцог различными способами, заходя с разных сторон, бесконечно терпеливо и искусно убеждает Клик-Кляка убить Караколя, ставя в прямую зависимость от успеха этого предприятия его женитьбу на Веронике, проявляя готовность разъяснить ему пошагово детали операции, – действуя то кнутом, то пряником, то лаской, то насмешкой, поминутно меняя тактики, герцог многократно бьет в одну цель: Караколь должен быть убит, и непременно – Клик-Кляком.

В процессе этого уговаривания Лемке вводит некоторые немаловажные для понимания образа герцога характеристики.

Клик-Кляк: А как же я °город от него °избавлю?

Герцог: Убей.

Клик-Кляк: Ваша < светлость! // < Если я стану его убивать, он же убьет меня первым! // Вы знаете, какой он ловкий?

Герцог: А ты // замани его в западню / или столкни в яму.

Клик-Кляк: Хм2 // < ↑ Легко сказать – «в западню12»! // < ↑ А где ж ее найдешь, западню-то?

Герцог (с улыбкой): ↑ Выкопай.

Использование ИК-3 в высказываниях «Убей» и «Выкопай» очень значимо: в данном случае это призыв сориентироваться на очевидное, на норму поведения при данных обстоятельствах. «Убей» – это разъяснение с сильным оттенком недоумения, где ИК-3 передает значение 'восприми ту очевидную истину, что убийство – нормальный и естественный поступок в данной ситуации'. Одновременно то же средство передает неспособность говорящего сориентироваться на позицию слушающего ('я не понимаю, чего тут можно не понять; не понимаю, какие с этим могут быть трудности'). Таким образом, герцог представляет убийство как обычное дело, как норму для себя и – шире – как норму социума. Очевидно, что

иное интонационное оформление реплики «Убей» (ИК-1, 2, 4, 7) могло бы дать здесь совершенно иные оттенки значения и мену целеустановки: раздраженный приказ (ИК-2 с резким падением тона), предложение с оттенком безразличия (ИК-7) и др. Выбор Лемке в пользу ИК-3 – тончайшее решение, мощно работающее на формирование образа: таким способом зрителю сообщается о «перевернутой» этической норме герцога, о его полной аморальности.

В пределах блока уговаривания герцог последовательно сменяет несколько тактик: вначале он втолковывает Клик-Кляку, как тому поступить с Караколем, не считая ниже своего достоинства давать конкретные советы; и затем, когда Клик-Кляк, ободренный по видимости терпеливым обращением с ним герцога, признается, что он боится, герцог резко меняет тактику, отвечая вдруг полным равнодушием и насмешкой:

Герцог (разводя руками): Ну что ж.¹ // Тогда Вероника выйдет замуж за Караколя.⁶ // (С улыбкой.) Это будет прекрасная...^{^^} пара.^{↓2} (Смешок.)

Здесь говорящий издевательски демонстрирует отсутствие у него инструментов контроля над ситуацией (жест развести руками) – разумеется, ложное; начальное *ну* показывает, что говорящий отвечает, всего лишь реагируя на ожидание слушающего, сам он не слишком заинтересован в этой дискуссии, *что ж* передает значение ‘до определенного момента я надеялся на более благоприятный (для тебя в первую очередь) исход, но теперь вижу, что все складывается иным образом’. Он насмешливо указывает на то, что оставляет «за кадром», где-то в воображении, сладостную картину жизни Вероники с Караколем (ИК-6), затем предлагает слушающему учесть все небенефактивные для него последствия этого брака (модальная реализация ИК-2 с сильными колебаниями тона в предцентре); удлинение смычки согласного *п* в слове «пара»^{↓2} показывает, что герцог едва удерживается, чтобы не прыснуть со смеху (или искусно изображает это).

Еще одна тактика побуждения Клик-Кляка к убийству как будто порождена герцогом спонтанно, по вдохновению:

Клик-Кляк: Ваша светлость!² // А ем вы меня < наградите?²

Герцог: Я буду присутствовать / на твоей свадьбе.³⁴

Ответ герцога следует без малейшей паузы, без секунды размышления; это означает, что он неотступно думает над тем, как заставить Клик-Кляка убить Караколя, и подношение в виде попугая, хотя и принимаемое им благосклонно, не может отвлечь его от этой мысли. В данном случае он предлагает собеседнику сориентироваться на свою позицию, оценить по достоинству всю бенефактивность вводимой им информации (ИК-3) и вновь напоминает о том, что между Клик-Кляком и воплощением его мечты о свадьбе стоит одно условие – смерть Караколя (ИК-4 здесь сообщает, что Клик-Кляк должен соотнести упомянутую свадьбу с известным ему уговором).

Когда же попугай вызывает разочарование герцога, тот пользуется кстати подвернувшейся ситуацией для того, чтобы вновь подтолкнуть невольно провинившегося Клик-Кляка к выполнению распоряжения, и на сей раз – подтолкнуть очень жестко: только теперь Мушеронам, да и зрителю становится понятно, что у Клик-Кляка, собственно, с самого начала не было иного выбора.

Герцог: Ну? // Убьешь метельщика?
(Шут-флейтист пинками выпроваживает Мушеров из покоев герцога.)

Этой репликой герцог ставит последние точки над ²³ i в вопросе об участии злополучного Клик-Кляка. Выражение нетерпения (ну) как раз говорит о том, что герцог ждать и играть в снисходительность больше не намерен, а миссия, возложенная им на Клик-Кляка, в действительности и не подлежала обсуждению.

Таким образом, на этапе превращения пьесы в сценарий происходит компрессия, которая дает возможность Лемке представить герцога как очень умного человека, обыграть все ситуации, в которых замечен политический ум и искусственность героя в построении интриги, чем он и воспользовался, сделав эти характеристики частью образа. Однако большая часть черт, из которых складывается неординарный характер герцога, привносится в фильм звучанием.

Следующее появление герцога в фильме связано с его визитом в дом к отцу Вероники – мастеру Фирену. Такие свойства персонажа Лемке, как проницательность, высокая скорость принятия решений и сдвиг этических норм по отношению к общепринятым, уже заявленные в предыдущей сцене, проявляются и здесь.

Герцог (снимая шляпу): Доброе ⁴ утро, сударыни. // (Вероника и ее подруги приседают в реверансе.) Которая из них ваша ⁴ дочь, мастер Фирен? // Впрочем, я и сам это вижу. //

А... ⁷ эти красавицы?

Мастер Фирен: Подруги моей ¹² дочери.

(Подруги по знаку герцога выходят. Вероника тоже хочет уйти.)

Герцог: Нет, сударыня, / прошу ³² вас. // Оста²ньтесь.

Вероника: Я не хочу мешать вашей ²³ беседе.

Герцог: То, что я хочу сказать, / касается... ⁶ именно вас. // Мастер ²³ Фирен. // Не думаете ли вы, / что вам пора выдать ² замуж вашу... / прекрасную ⁴ дочь?

Мастер Фирен: Даже если бы я знал господина ² Мушерна / и его сына Клик-Кляка ² ме²б²ньше, чем знаю, / я и тогда / не стал бы с ними разговаривать. // (Указывая Мушерону на дверь.) Прошу ² \ вас.

Муш⁴ерон: Я ³ пришел сюда... с его светлостью / и могу уйти только с его ¹ разрешения.

Герцог (смеется): Считайте, что вы его уже... получили. // Гильом! // Проводи² те ² господина бургомистра до ворот. // Мастер ⁴ Фирен. // Ока⁶жите... эту ¹ честь / ¹ дорогому ¹ гостю. (Смеется.)

Вероника: Ваша св²етлость. // Если вы ² человек...

Герцог: А кто же я?

Вероника: Не знаю. // Но если у вас есть сердце, / позвольте мне остаться с отцом.

Герцог: Поднимите голову. // Я хочу посмотреть, как вы плачете.

Вероника: Не смейтесь надо мной! // Вы всё-таки в моём доме.

Герцог: Вы в моём городе.

Вероника: Я это знаю. // В этом городе нельзя дышать / с тех пор, как он у вас в руках.

Герцог: Ну что ж, / я могу вернуть вашему городу / некоторые из его прежних прав и вольностей. // Но всё зависит от вас, Вероника.

Вероника: От меня? // Но что же я могу сделать?

Герцог: Наденьте вот это.

Вероника: Что это?

Герцог: Это обручальное кольцо моей матери. // Наденьте его, / теперь оно ваше.

Вероника: Но зачем оно мне?

Герцог: Вы будете герцогиней де Маликорн.

Вероника: Что вы такое говорите, / вы шутите!

Герцог: Я не шучу, / наденьте его, / Вероника, / вы будете моей женой.

Вероника: Подите прочь, / мерзкий паук!

Герцог: Ах, я вам не нравлюсь? // Зато вы мне нравитесь, / а это достаточно, чтобы я, повелитель вашего города, / сделал вас своей служанкой, / а я прошу / вашей руки, / прелестная златошвейка.

Вероника: Вы просите моей руки? // Вот вам! (Дает герцогу пощечину.)

Герцог: За эту маленькую шалость мы ещё успеем рассчитаться.

Мастер Фирен: Что с тобой, Вероника? // Не беспокойся, / Мушерон больше не переступит порог нашего дома.

Герцог: Это верно, мастер Фирен. // Ни он / и никто другой. // Ваш дом и вашу прекрасную дочь / будут надежно... охранять.

На стадии перехода от пьесы к сценарию эта сцена подверглась такому же колоссальному сокращению, как и предыдущая. Так, в фильме моменты принятия ре-

шений у герцога сокращаются до долей секунды, герцог не дает никому никаких объяснений относительно своих действий и стремительно движется к цели, процесс формирования которой происходит только в уме герцога и скрыт от зрителя.

Наместник: Доброе утро, сударыни! (*Девушки растерянно кланяются.*) Которая же из них ваша дочь, мастер Фирен? (*Оглядывает девушек и останавливается перед Вероникой.*) Впрочем, я и сам это вижу. А эти красавицы?..

Фирен Старший: Подруги моей дочери.

Наместник (взглянув на них). Боюсь, что мы помешали этим милым девицам заниматься своим делом. Мне очень жаль лишиться их общества, но я уверен, что шить и болтать где-нибудь в другом месте им будет веселее, чем слушать нашу беседу. (*Девушки собирают работу, кланяются и уходят.*)

(Т. Габбе. Город Мастеров, или Сказка о двух горбунах)

Переход к фразе «Впрочем, я и сам это вижу» в фильме делается герцогом без малейшей паузы и «разглядывания», прямо от входа; выделенная реплика герцога в фильме отсутствует, подруги Вероники выходят просто по мановению его руки. Диалог между герцогом и Вероникой, в киноверсии предельно сжатый во времени, в пьесе содержал всевозможные развернутые комментарии герцога: касательно его отношения к Веронике, его планов и возможных перемен в участи его подданных.

Вероника: (...) И все же вам не удастся выдать меня замуж за вашего шута Мушерна!

Наместник (смеется): Так вы не хотите за него замуж, Вероника? Ну что ж. Пожалуй, вы правы. Даю вам свое герцогское слово, что за Мушерна вы не выйдете. Я мог думать об этом только до тех пор, пока не увидел вас. Вы достойны лучшей участи. Этот бедняга Мушерна не годится вам даже в конюхи. Ну, не печальтесь больше, улыбнитесь! Ради вашей улыбки я готов сделать многое.

Вероника: Благодарю вас, ваша светлость. Мне от вас ничего не надо.

Наместник: Неужели ничего? А ведь я мог бы ради вас простить вашего брата. Я думаю, вам это было бы приятно? Или, скажем, вернуть вашему почтенному отцу золотую цепь бургомистра... По правде говоря, она ему гораздо больше пристала, чем этой старой лисе Мушерону.

Вероника: Отец мой был бургомистром Вольного Города Мастеров...

Наместник: Ну что ж? Пожалуй, я даже не прочь возратить вашему городу некоторые из его прежних прав и вольностей. Не все, разумеется, но некоторые... И даже помиловать кое-кого из тех сумасбродов, кто променял свой дом на лесную берлогу... Признаться, я об этом давно подумываю. Вы удивлены, прекрасная Вероника? Вы, кажется, не ждали этого от меня?

Вероника: Не ждала, ваша светлость.

Наместник: Еще бы! Вам, наверно, говорили, что я чудовище, что я никого не жалею и никого не милую?

Вероника: Да, так говорят...

Наместник: Никогда не следует верить людям. Я могу и пожалеть и простить. Я могу сделать человека несчастным и могу его осчастливить. Вас я хотел бы видеть счастливой.

(Т. Габбе. Город Мастеров, или Сказка о двух горбунах)

Практически ничего из процитированного выше фрагмента (за исключением реплики о возвращении городу некоторых из его прежних прав и вольностей) в фильм не перешло, а эта реплика подверглась немаловажным изменениям:

В пьесе:

– Пожалуй, я даже не прочь вернуть вашему городу некоторые из его прежних прав и вольностей. Не все, разумеется, но некоторые...

В фильме:

– Ну что ж, / я могу вернуть вашему городу / некоторые из его прежних прав и вольностей. // Но все зависит от вас, Вероника.

Вкрадчивость и коварство интригана, столь очевидные в пьесе, в киноверсии сглажены, обещание герцога выглядит вполне искренним.

Каковы бы ни были цели такой компрессии (возрастание динамичности сцены в целом, сокращение хронометража и т. п.), на характер герцога она влияет совершенно определенным образом, вновь подчеркивая фантастическую скорость и гибкость его мышления. По сравнению с пьесой сильно снижена степень коварства герцога: он не осыпает Веронику комплиментами и многословными обещаниями, ничего не говорит в свою защиту, а открыто выкладывает перед Вероникой все карты (Это обручальное кольцо моей матери. // Наденьте его, / теперь оно ваше. // (...) Вы будете герцогиней де Маликорн). Одновременно из характера герцога уходят двухмерность и простота: исчезает жалко-комичное любование собственной властью («Я могу сделать человека несчастным и могу его осчастливить»); столь многие смыслы оказываются непрописанными, непроговоренными, выводятся за кадр, что многозначность образа неизмеримо возрастает. Так, в фильме мы не знаем, в какой момент герцогом было принято решение самому жениться на Веронике и до какой степени в этом решении сыграло роль собственно влечение к Веронике, а до какой оно явилось хорошо продуманным политическим ходом: наладить отношения и связи с городом через брак с дочерью самого популярного и уважаемого в городе человека – бывшего бургомистра.

Все эти отличия появляются уже на уровне сценария, на уровне письменного текста. Однако в звучащей реализации актер дорисовывает образ герцога значительно более тонкими средствами. Рассмотрим самое начало разговора герцога с Вероникой наедине:

Вероника: Ваша светлость. // Если вы человек...

Герцог: А кто же я?

Вероника: Не знаю. // Но если у вас есть сердце, / позвольте мне остаться с отцом.

Герцог: Поднимите голову. // Я хочу посмотреть, как вы плачете.

Вероника: Не смейтесь надо мной! // Вы всё-таки в моём доме.

Герцог: Вы в моём городе.

В снисходительно-ободряющем вопросе «А кто же я?»⁴ Лемке использует ИК-4, которая неоднократно уже звучала в речи герцога, однако до сих пор всегда маркировала дистанцированность, официальность, презрение. Здесь перед нами более редкая реализация: с помощью ИК-4 герцог напоминает о наличии дистанции между ним и Вероникой и одновременно фиксирует сокращение этой дистанции, желание сближения; возникает смысл ‘я выше тебя, но я снисхожу до тебя’, отсюда – эффект милостивого внимания, ободрения (отчасти это может ассоциироваться с речью взрослого, обращенной к ребенку, учителя – к ученику и т.п.). Таким образом, мы видим здесь одновременно прямое и антонимическое развертывание свойственного ИК-4 параметра дистанцированности. Отказываясь от легко реализуемого на данном лексико-синтаксическом составе значения удивления, недоумения (А-а... кто же я?)³, Лемке приписывает герцогу невозмутимость и спокойную, снисходительно-насмешливую готовность к такому повороту разговора. Начальное а, которое в целеустановке недоумения означало бы неспособность говорящего войти в новую ситуацию, при таком интонационном оформлении, напротив, выражает намерение говорящего ввести слушающего в некую новую ситуацию – в которой при доброй воле обеих сторон собеседники смогут, сблизившись душевно и физически, обсудить волнующую слушающего проблему.

Следующая обращенная к Веронике реплика герцога: «Поднимите голову.² // Я хочу посмотреть, как вы плачете», – вновь напоминает нам о жестокости герцога, причем это жестокость в русле образа – мягкая, завуалированная и оттого гораздо более страшная. В тоне герцога возникает своеобразный ласковый садизм благодаря тому, что актер использует здесь ИК-2 с удлинением – то движение тона, которое, в частности, встречается в успокаивании, утешении, уговаривании, но если при успокаивании интонационный центр размещается на глаголе каузируемого действия (ср. «Успокойся.² // Не плачь.² // Забудь об этом»²), то Лемке размещает его как раз на слове плачете, превращая тем самым этот глагол в глагол каузируемого действия, выстраивая смысл ‘вы плачете, и я оцениваю это положительно’, ‘происходящее производит на меня прекрасное впечатление’.

Затем в блоке упрек – возражение «Вы все-таки в моём доме» – «Вы в моём городе»³ Лемке, по-видимому, опускает в своем ответе начальное а (присутствующее в тексте пьесы), отчего исчезает сигнал введения в новую ситуацию; герцог лишь предлагает оглянуться вокруг и признать ситуацию очевидную и неизменную: город принадлежит ему. Используя ИК-3, он указывает на необходимость сориентироваться на объективную реальность и одновременно сам выражает иронично-вежливую ориентированность на позицию собеседника.

Далее беседа с Вероникой демонстрирует нам классическую для герцога последовательность тактик: он сжато, откровенно и безыскусно (в отличие от местного в пьесе) делает ряд бенефактивных предложений (Я могу возратить вашему городу / некоторые из его прежних прав и вольностей; Вы будете герцогиней де Маликорн), быстро впадает в самую униженную мольбу, за этим следует резкий взрыв, смена эмоционального отношения к происходящему на зеркально противоположное (Ах, я вам не ↓ нравлюсь?)^{2\} – и спокойное и безжалостное уничтожение противника.

Чтобы доказать, что эта цепочка речевых тактик порождена волей актера, а не диктуется целиком и полностью номинативным содержанием реплик, рассмотрим более детально работу звучащих средств. Пока герцог сулит Веронике различные блага (являющиеся таковыми объективно или только с точки зрения говорящего), он то подчеркивает свой более высокий уровень владения ситуацией (ИК-4 в высказывании «Я могу возратить вашему городу / некоторые из его прежних прав и вольностей»¹²), то предлагает сориентироваться на свою позицию, пойти ему навстречу (движение тона по типу ИК-3 в «Но все зависит от вас, Вероника»²³), то дает понять, что видит предлагаемый им вариант развития событий как единственно возможный и желательный (многократно повторяющаяся в коммуникативном блоке ИК-2), то маркирует воздействие (императив) в сочетании с настойчивым стремлением произвести впечатление (ИК-2 с удлинением в «Наденьте его»²), то вводит элемент вкрадчивой речи, значение ‘сориентируйтесь в ситуации, осознайте, насколько бенефактивно для вас то, что я предлагаю’ (ИК-3 в «теперь оно ваше»³). Мы видим, что разнообразие конкретных мелких тактик в рамках этого блока уговаривания весьма велико.

После этого резко совершается переход к целеустановке мольбы: «Я не шучу, / наденьте его, / Вероника, / вы будете моей женой»^{12 2 2}, – с убыстрением темпа речи и попыткой опуститься на колени. Примечательно, что в пьесе Габбе ответ герцога на восклицание Вероники: «Вы шутите!» – был: «Я никогда не шучу». Если считать, что реплика в том же виде перешла в сценарий, можно предположить, что ее изменил уже Лемке, так как ему нужно было сформировать целеустановку мольбы (как необходимый этап «игры» герцога с жертвой), а высказывание «я никогда не шучу» плохо подходит для этого, тогда как «я не шучу», не отделенное паузой, в рамках торопливой взволнованной речи легко становится прелюдией к униженной мольбе. Иными словами, мольба здесь является частью актерской стратегии, она никак не навязана лексико-грамматическим составом высказывания, более того – актер, вероятно, внес ради нее изменение в сценарий. Готовность к самоуничижению и умоляющий тон герцога в этой реплике дают колоссальный контраст с непосредственно следующим за этим высказыванием герцога: «Ах, я вам не ↓ нравлюсь?»^{2 \} Начальное ах фиксирует непосредственность, спонтанность восприятия новой информации, которая существенна для успешной деятельности говорящего и в данном случае препятствует ему в достижении желаемых результатов; при понижении фонетического регистра и ИК-2 с резким падением тона (так, как произносит это Лемке) – это несомненная и очень выразительная угроза.

Герцог: Я не шучу, / наденьте его, / Вероника, / вы будете моей женой.^{12 2 2}

Вероника: Подите прочь, / мерзкий паук!^{2 \ 2}

Герцог: Ах, я вам не ↓ нравлюсь?^{/ 2 \}

В этом коммуникативном блоке мольба – оскорбление – угроза привлекает внимание не сам резкий эмоциональный перепад мольба – угроза (для него есть веская причина), но то, что угроза – это отрефлектированная реакция, в то время как для рефлексии у герцога просто не было времени. Его реплика следует за высказыванием Вероники мгновенно, практически без паузы. Переход в этой ситуа-

ции не к возмущению, не к выражению растерянности или разочарования, а именно к угрозе свидетельствует о всецелом внутреннем спокойствии говорящего, о его полной готовности к такому повороту событий, способности их предвидеть и вновь – об очень высоком уровне владения ситуацией. Это подталкивает зрителя к мысли о том, что выказанные ранее эмоции были наигранными.

Последующими несколькими фразами герцог хладнокровно «добивает» собеседника, уже не меняя более общей эмоциональной отправной точки – спокойно-го презрения. Еще более яркой оказывается угроза, которой герцог отвечает на полученную от Вероники пощечину (пощечина в данном случае – это резкая акцентуация границ личной сферы адресата, призыв вернуться в эти границы после попытки слома границ личной сферы говорящего):

«За эту маленькую шалость мы ещё успеем рассчитаться».

Здесь сочетание параметров формирует одну из наиболее страшных угроз в русском языке: конструкция подразумевает, что действие возмездия отложено во времени на неопределенный срок, не названо, – и вместе с тем дан намек на то, что возмездие превзойдет ущерб, нанесенный говорящему; ИК-2 подчеркивает обязательность наступления возмездия – ‘точно успеем’, ‘непременно успеем’, – а смычка на слове *рассчитаться* образует оттенок презрения в угрозе: говорящий не считает слушающего способным оказать серьезное сопротивление при противостоянии. Еще одну угрозу Лемке вводит без оглядки на лексико-синтаксический состав высказывания, с опорой только на звучание:

«Это верно, мастер Фирен» (значение ‘учтите следствия из вводимой мною информации’, свойственное данной модальной реализации, вносит в подтверждение сильный оттенок угрозы).

Не останавливаясь специально на сцене в лесу, скажем лишь, что она повторяет все ту же схему: герцог, прикинувшись хранителем печати, предлагает Караколю на время перстень с печатью в обмен за спасение из ямы, разъясняет ему всю выгодность своего предложения, упрощает его и, едва очутившись на свободе, обвиняет Караколя в воровстве и отправляет в тюрьму.

Сцена разговора герцога де Маликорна с Караколем в тюрьме – одна из последних развернутых сцен с участием герцога в фильме. Образ, созданный к этому моменту актером, вступает здесь в явное противоречие с речевым поведением персонажа, предписанным сценарием, результатом чего становится исключительная неоднозначность сцены, порождающая огромное множество равноправных трактовок.

Герцог: Встань. // Я хочу говорить с тобой.

Караколь: В тюрьме сидят, ваша светлость, / а не стоят. // Вот солома, / садитесь рядом / и говорите.

Герцог: За что с тобой дружат... / звери, / птицы, / метельщик?

Караколь: А? // А об этом / вы у них самих спросите, / ваша светлость.

Герцог: За что тебя любят... люди, / метельщик?

Караколь: За то, что я их люблю, ваша светлость.

Герцог: А за что тебя любит... / Вероника?

Караколь: Любит? // Мне легче сказать, / за что она вас ненавидит, ваша светлость.

Герцог: Мм... / ненави-дит... / (опускается на колени) хм... потому что я горбат.

Караколь: Но и я горбат... / ваша светлость.

Герцог: О-о. // Здесь кроется какой-то секрет. // (Хихикает). Открой мне его, / метель-щик. // Я выпущу тебя на свободу. // А? // Почему ты молчишь, / горбун? // Я дам тебе... золота. // Я дам тебе все, что ты захочешь. // (Взглянув Караколю в глаза, со стоном кривится и закрывает глаза, хнычет. Встает, идет к выходу. От подножия лестницы, смеясь.) Пойми, глупец: / Вероника тебе не достанется. Через час / ты будешь казнён, / а я буду обвенчан / с прекрасной / Вероникой. (Смеётся).

Караколь: Вы ... / с Веро-ни-кой??

Герцог (смеется все громче и перчаткой крест-накрест хлещет Караколя по лицу): Да, / метель-щик! (Продолжая смеяться, поднимается по лестнице).

Караколь: Вы не уйдёте отсюда! (Герцог хохочет).

Известно, что Тамара Габбе, специалист по романскому фольклору, при создании пьесы «Город мастеров» воспользовалась мотивом фламандской народной легенды о добром и злом горбунах – Караколе и Бистеколе¹. И хотя сюжет пьесы Габбе с самого же начала разошелся с этим источником, из фольклора в пьесу – а оттуда и в сценарий фильма – перешел в самом общем виде сказочный архетипический элемент – идея двойничества доброго и злого горбунов, связи их судеб. Обладая одинаковым редким физическим недостатком, они похожи, и вместе с тем один из них сумел сохранить доброе сердце и не озлобиться на весь свет, а другой – нет. В письменной версии диалогов фильма смысл сцены в тюрьме понятен и толкуется именно с этой точки зрения: при таких предпосылках герцог де Маликорн должен быть остро заинтересован в разговоре с Караколем, ведь в этом случае Караколь для него – некое alter ego, зеркало, двойник, который действительно способен сообщить ему нечто важное.

Эпизод с беседой в тюрьме расположен ближе к концу фильма; к этому времени Лемке успевает задать своим исполнением такой характер герцога, что сцену в тюрьме, имевшую определенный смысл в сценарии, уже невозможно достоверно объяснить исходя из логики образа. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть различие между пьесой и фильмом, о котором мы упоминали выше: в пьесе Габбе целые страницы посвящены обыгрыванию комично-страшноватых попыток герцога спрятаться от людей, скрыть тот факт, что он горбун; в сцене на городской

¹ См. об этом, например: bibliogid.ru/novye-knigi/kontekst/2199-rozhdjonnye-vojnoj или superinf.ru/view_helpstud.php?id=4403

площади, где наместник присутствует в закрытых носилках, когда в переговорах стражи мелькает слово горбатый (относящееся к Караколю), за этим следует ремарка: «Носилки вздрагивают». От этой утрированно болезненной реакции наместника в фильме не остается и следа. Испуг людей, впервые увидевших его, герцог встречает привычной улыбкой; упоминание о горбунах не выводит его из себя, бестактности Клик-Кляка не трогают (в пьесе он бросался его душить). Так, в эпизоде, где Клик-Кляк с герцогом проваливаются по вине Клик-Кляка в замаскированную яму, между ними происходит следующий обмен репликами:

Клик-Кляк: < Так можно себе и горб² набить. // А мне это ни к чему², / коли я¹² женюсь на Веронике.

Герцог (дает Клик-Кляку легкий подзатыльник.): Ну² \!

Учитывая фантастическую дерзость высказывания Клик-Кляка, нельзя не признать, что реакция герцога – это реакция человека крайне уравновешенного и в совершенстве владеющего собой (его ответная реплика – это всего лишь запрещение, требование прекратить, не подразумевающее даже гнева: ну – ‘я жду прекращения действия’, ИК-2 с удлинением – ‘ты производишь на меня отрицательное впечатление’ / ‘я хотел бы запечатлеть в твоём сознании свою волю’).

Феноменально умный, насмешливый, коварный правитель с сильным и незаурядным характером, который до сих пор – по крайней мере, на наших глазах – не уделял времени размышлениям о своём несчастье, едва ли может так болезненно интересоваться своим роковым сходством с метельщиком, видеть в нём своего мистического двойника-антагониста. Суть вопросов герцога к узнику, в чём источник духовных сил Караколя, в чём вообще секрет доброты, как устроены взаимоотношения людей, способных к добрым чувствам; эти вопросы теряют всякий смысл в устах того циничного и практичного человека с недюжинным государственным умом, каким представил герцога де Маликорна Лемке. Заданные им всерьёз, они вызвали бы у зрителя только недоумение. Разыграть диалог в темнице в ключе детской сказки, с фольклорным мотивом противостояния врагов-близнецов оказывается затруднительно. Лемке приходится бороться с наследием пьесы, теперь уже чуждым концепции персонажа, однако всюду присутствующим в диалоге на номинативном уровне. Он разрешает эту дилемму, прибегая все к той же стратегии, что и в сцене с попугаем, к стратегии, которая, повторяясь, создает единый рисунок роли. Зрителям остается предположить, что герцог пришел в тюрьму поиздеваться над Караколем, морально уничтожить его. Сменяется знакомая последовательность тактик: герцог бегло представляет узнику ряд бенефактивных для того вариантов развития событий:

Я⁶ выпущу тебя на свободу²; Я дам тебе... золота³². // Я дам тебе всё², что ты захочешь, –

разыгрывает сцену, во время которой как бы позволяет противнику восторжествовать над собой, изображает страх и бессилие перед величием его духа, опускается до самого жалкого унижения, до слез; затем в одно мгновение он вновь обретает жесткий контроль над ситуацией и уничтожает противника, беспощадно добивает его, вводя новую информацию, на сей раз правдивую и предельно небенефактивную для слушающего:

Через час / ты будешь казнён, / а я буду обвенчан / с прекрасной / Вероникой.

В то же время вся роль герцога в этом фрагменте строится на резких и неправдоподобно частых перепадах эмоций: насмехаясь над пленником, говорящий разыгрывает болезненный интерес, с трудом сдерживаемое волнение, вообще неуравновешенность, отчего ярче оказывается контраст между игрой и действительностью. Скорость смены самых разных, чрезвычайно далеких друг от друга эмоций в речи герцога в этой сцене поражает воображение. Для актера это, вероятнее всего, способ «борьбы с текстом», подверстывание имеющегося номинативного содержания под нужды роли; герцог, наслаждаясь, изображает из себя невротика, в то время как зрители хорошо уже знают, что он не таков. Лемке проводит ряд эмоций поверх собственно смыслового содержания реплик, зазор между сказанным буквально и донесенным средствами звучания и невербальной коммуникации оказывается огромным, и это обеспечивает практически уникальную многослойность эпизода и множественность интерпретаций при восприятии. Вопрос о цели посещения герцогом тюрьмы начинает порождать неконтролируемое множество ответов. Любая попытка вдуматься в непосредственное значение сказанных слов упирается в одно и то же: герцог, каким он был показан до сих пор, ничего подобного всерьез сказать не мог. Это касается и анекдотичного промаха в аргументации:

Мм... / ненави-дит... / хм... потому что я горбат, –

в обращении к сопернику-горбуну), и абсурдного предположения:

Здесь кроется какой-то секрет (герцог в исполнении Лемке – реалист, едва ли полагающий, что Караколь способен сформулировать некие «секретные» причины иррационального чувства любви).

Поскольку такие явные нелепости в устах герцога де Маликорна малоправдоподобны, зритель готов видеть за ними фальшь, издевку, ловушку, но только не искренность. То же касается и юродства, мнимой слабости де Маликорна: там, где Лемке играет в этом ключе, сценарий, скорее всего, предполагал настоящую слабость.

Третий вопрос, заданный герцогом Караколю в начале сцены, сразу фиксирует эту принципиальную двойственность происходящего.

Герцог: За что с тобой дружат... / звери, / птицы, / метельщик?

Караколь: А? // А об этом / вы у них самих спросите, / ваша светлость.

Герцог: За что тебя любят... люди, / метельщик?

Караколь: За то, что я их люблю, ваша светлость.

Герцог: А за что тебя любит... / Вероника?

Заинтересованность в ответе как таковая из первых двух вопросов элиминирована; оба они выдержаны в жанре допроса (официальность и дистанцированность, возникающие за счет ИК-4, медленный темп речи, небольшие внутренние паузы), но оттенок безразличия заметен в том, что герцог ровным счетом никак не реагирует на вызывающие и заведомо неинформативные ответы Караколя. Третий же

вопрос подан как единственно волнующий герцога (ИК-6 в значении привлечения внимания к еще не прозвучавшей информации, долгая пауза, сбой дыхания, ИК-2, склонное к трем, на имени Вероника, маркирующая единственный интересующий говорящего объект в противопоставлении всем прочим (ИК-2) и одновременно передающая мучительную ориентированность говорящего на мнение слушающего (ИК-3), сигнал того, что он с замиранием сердца ждет ответа, ловит каждое слово). Но столь явно продемонстрированная эмоциональная включенность герцога в ситуацию может быть как истинной, так и поддельной, ей можно дать несколько правдоподобных объяснений: либо это юродство, стандартная тактика герцога (и тогда цель его – разыграть ложные эмоции, вовлечь слушающего в беседу, чтобы затем посмеяться над ним), либо действительный интерес к предмету разговора, который вновь может иметь ряд объяснений – от задетого самолюбия вплоть до подлинной, притом плохо скрываемой страсти к Веронике.

Далее эмоциональное состояние герцога начинает меняться едва ли не ежесекундно:

Караколь: Любит? // Мне легче сказать, / за что она вас ненавидит, ваша светлость.

Герцог: Мм... / ненави-дит... / (опускается на колени) хм... потому что я горбат.

Караколь: Но и я горбат... / ваша светлость.

Герцог: О-о. // Здесь кроется какой-то секрет. // (Хихикает.) Открой мне его, / метель-щик. // Я выпущу тебя на свободу. // А? // Почему ты молчишь, / горбун? // Я дам тебе... золота. // Я дам тебе все, что ты захочешь. // (Взглянув Караколью в глаза, со стоном кривится и закрывает глаза, хнычет. Встает, идет к выходу. От подножия лестницы, смеясь.) Пойми, глупец: / Вероника тебе не достанется.

Так, по середине высказывания:

Мм... / ненави-дит... / хм... потому что я горбат –

проходит граница смены эмоции: «Мм... / ненави-дит...», произнесенное с оттенком угрозы, заряжено ответной ненавистью к тому, кто смеет ненавидеть говорящего ('собеседник / третье лицо будет под сильным впечатлением (удлинение гласного), от того неназываемого пока действия возмездия, на которое способен говорящий (ИК-6)'), в то время как за констатацией факта «потому что я горбат» стоит сдержанное, как бы нейтральное введение информации (ИК-1), в действительности далеко не нейтральной для говорящего; в сочетании с вымученной улыбкой это может выражать и потаенное страдание, и покорность судьбе с оттенком жалости к самому себе.

Если анализировать только номинативное содержание реплик, при этом не учитывая мотива мистического двойника, возникает впечатление, что герцог – это картонный персонаж, двухмерный, донельзя инфантильный злодей, который и в самом деле не понимает, за что Караколью любят люди, подозревает на пустом месте наличие некоего секрета, капризничает, злится, – но быстро пасует перед твердостью Караколь, так как злые и подлые герои из детской сказки и не должны

превосходить добрых и благородных по силе духа. Однако зрители, накопившие к этому моменту впечатления от речевого поведения герцога в различных ситуациях, понимают, что от жанра детской сказки Лемке уже ушел.

Идея двойничества доброго и злого горбунов, сохранилась она в интерпретации Лемке, позволяла бы развернуть эту беседу несколько в другом ракурсе: не столь важно, что именно говорит герцог, на эмоциональном плане он молит Караколю открыть ему нечто, он сам ясно не понимает, что именно, – нечто известное Караколю как такому же горбуну, но делающее его антиподом герцога, ведущее его противоположной дорогой в жизни. Буквальный выбор слов здесь не так важен, Караколь не может в этом случае не понять его: между ними некое высшее родство.

Стратегия же игры актера склоняет нас к тому, чтобы принять третью возможность: перед нами герцог, играющий в примитивного отрицательного героя, развлекающийся таким образом, чувствующий своеобразное удовольствие от того, каким плоским и двухмерным он выглядит сейчас в глазах врага, каким слабым и ничтожным он должен казаться Караколю. Здесь также не имеет никакого значения, что именно он говорит, – зритель воспринимает в первую очередь эмоциональный узор происходящего: герцог не может добиться некой информации, в которой для него (якобы) сосредоточена жизнь, он волнуется все сильнее, начинает унижаться, дает собеседнику почувствовать всю сладость победы над собой – и вдруг мгновенно преображается, занимает сильную позицию и – на следующем витке разговора – отнимает у собеседника всякую надежду, выбивает у него почву из-под ног, искренне забавляясь производимым эффектом.

В проанализированных выше эпизодах всегда имела кульминация, четко обозначенный в тексте переломный момент, после которого герцог показывал истинное лицо, резко менял поведение, переходил от «поощрительной» тактики к жесткому давлению. В сцене с Мушеронами это реплика попугая «Чтоб ты подавился, проклятый», в сцене с Вероникой – реплика «Подите прочь, мерзкий паук». В диалоге в тюрьме подходящей опорной реплики нет, извлечь ее непосредственно из сценария не удастся. Вместе с тем что-то, что могло бы сыграть роль переломного момента, Лемке необходимо. И он делает таким моментом взгляд герцога Караколю в глаза. Этот обмен взглядами нагружается нужным смыслом: якобы в результате этого герцог уяснил себе всю глубину презрения, которое чувствует к нему Караколь, осознал, что между ними – пропасть, что существует непоправимое «системное расхождение» в их взгляде на мир. Герцог подавляет плач и практически без перехода начинает безудержно смеяться. В «наивной» трактовке классической детской сказки это следовало бы воспринимать так: герцог невольно выказал слабость духа, а чуть позже он смеется деланным смехом и злорадно сообщает о грядущей казни и свадьбе, чтобы хоть как-то отомстить Караколю за его моральное превосходство. Согласно Лемке, герцог, скорее всего, вновь следует облюбованной им стратегии обращения с подданными – и только (в этом случае радость, которой герцог позволяет прорваться в конце, подлинна).

Веселье герцога на этом, последнем этапе разговора можно воспринимать как деланное или же как искреннее, однако злорадство в его речах присутствует несомненно: в высказывании

Через час / ты будешь казнен, / а я буду обвенчан / с прекрасной / Вероникой

многократное повторение ИК-6 указывает на не описываемую, но возникающую в воображении говорящего картину счастья (та же картина, но оцениваемая про-

тивоположным образом, должна возникать и в воображении слушающего), что образует значение предвкушения.

Таким образом, расхождение между сценарием и игрой Лемке становится причиной колоссального усложнения сцены, присутствия в ней широкого спектра допустимых смыслов.

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что актер, подчиняя номинативное содержание реплик однажды выбранной стратегии, укладывая его в не самую простую, но каждый раз строго соблюдаемую им схему (что придает роли завершенность, симметричность и красоту наподобие красоты кристалла), в каждом конкретном случае видоизменяет речевые тактики, сообразуясь с личностью собеседника герцога (Клик-Кляк, Вероника, Караколь). Благодаря этому при узнаваемости созданного Лемке неординарного характера в разных коллизиях, при одном и том же наборе черт (ум, гибкость, непредсказуемость, жестокость) у зрителя не может возникнуть впечатления однообразия модели речевого поведения герцога, хотя она в высшем смысле этого слова единообразна.

В целом трактовка, избранная актером, значительно модифицирует образ герцога по сравнению с пьесой (частично это делается с опорой на сценарий, но частично, вероятно, и вопреки сценарию) и выводит персонажа далеко за рамки детского кино, что достигается в первую очередь работой его с параметрами средств коммуникативного уровня языка – как вербальных, так и кинесических.

ЛИТЕРАТУРА

Безяева М.Г. Инвариантные коммуникативные параметры русского вон (материалы к словарю коммуникативных средств) // Язык, культура, коммуникация. М., 2013а. С. 58–73.

Безяева М.Г. Инварианты коммуникативных параметров русского «нет» // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XVII. М., 2016а. С. 128–155.

Безяева М.Г. К вопросу о коммуникативных параметрах вводных слов главное и между прочим // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 11. М., 2015а. С. 18–41.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика звучащего художественного текста // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2010а. С. 751.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // Филология вечная и молодая. М., 2012. С. 63–78.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014. С. 101–118.

Безяева М.Г. О знаковой природе звучащих средств коммуникативного уровня. ИК-7. Материалы к словарю коммуникативных средств // Теория и практика изучения звучащей речи. Вильнюс, 2006. С. 11–48.

Безяева М.Г. О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (*Господи, Боже*). Материалы к словарю коммуникативных средств // Слово, Грамматика. Речь. Вып. 10. М., 2008а. С. 10–27.

Безяева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // Язык, культура, человек. М., 2008б. С. 11–38.

Безяева М.Г. О семантических основаниях коммуникативной моды // Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и Грамматика. Настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010б. С. 159–170.

Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. №2, 2013б. С. 19–36.

Безяева М.Г. Русский повтор как средство коммуникативного уровня языка (материалы к словарю коммуникативных средств) // Stephanos. № 6 (20), 2016. С. 83–115.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. 752 с.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005. С. 105–129.

Безяева М.Г. Слово правда как средство коммуникативного уровня русского языка // Stephanos. № 6, 2015б. С. 35–59.

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982. 1492 с.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. 116 с.

Коростелева А.А. К проблеме отображения речевых характеристик исторической личности в кино (Л.И. Лемке в к/ф «Враг народа Бухарин») // Stephanos. № 6 (20), 2016а. С. 116–139.

Коростелева А.А. Коммуникативная стратегия актера при формировании образа (Л.И. Лемке в к/ф «Блуждающие звезды») // Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. Сборник научных статей. Вильнюс, 2010. С. 83–91.

Коростелева А.А. О возможностях русских коммуникативных средств при создании принципиально противоположных образов в кино (коммуникативное противопоставление персонажей в к/с «Небесный суд») // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIV. М., 2013. С. 103–121.

Коростелева А.А. О реализации коммуникативной стратегии актера при создании отдельного образа (Л. Лемке в к/ф «Обратной дороги нет») // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XI. М., 2009а. С. 55–75.

Коростелева А.А. О роли коммуникативных средств в формировании характеристики 'ум – глупость' в кинодиалоге (на материале ролей Л.И. Лемке) // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 5. М., 2009б. С. 171–191.

Коростелева А.А. Смена коммуникативных масок как основа стратегии актера при создании образа (К. Хабенский в «Деле о “мертвых душах”») // Структуры и функции: исследования по русистике. Structures and Functions: Studies in Russian Linguistics. Publishing house Pushkin Institute, Tallinn, Estonia. Том II. Вып. 2. 2016б. С. 87–118.

Чалова О.В. Коммуникативные средства создания актерского ансамбля Табакова – Богатырева в к/ф «Несколько дней из жизни Ильи Ильича Обломова» (1979) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 72–79.

Чалова О.В. Функциональная роль средств коммуникативного уровня русского языка при создании образа главного героя в художественном фильме «Михайло Ломоносов» (1955) // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 10. М., 2014. С. 167–178.

Чалова О.В. Эстетическая нагрузка средств коммуникативного уровня русского языка (на материале классической и современной художественной литературы) // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Второй Международной научной конференции. Т. I. Волгоград, 2007. С. 351–357.

ИСТОЧНИКИ

Габбе Т.Г. Город мастеров, М., 2007. 288 с.

REFERENCES

- Bezyaeva M.G. (2013a) The Invariant Communicative Parameters of Russian 'von' (Materials for the Communicative Means Dictionary). In: Language, Culture, Communication. Moscow, pp. 58–73.
- Bezyaeva M.G. (2016a) The Invariant Communicative Parameters of Russian 'net' (Materials for the Communicative Means Dictionary). In: Word. Grammar. Speech. Vol. XVII. Moscow, pp. 128–155.
- Bezyaeva M.G. (2015a) Towards Communicative Characteristics of the Words *главное* (glavnoe) and *между прочим* (mezhdubrochim). In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 11. Moscow, pp. 18–41.
- Bezyaeva M.G. (2010a) Communicative Semantics of Sounding Literary Text. In: The Fourth International Congress "Russian Language: its Historical Destiny and the Present State". Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. March 20–23, 2010. Moscow University Press, p. 751
- Bezyaeva M.G. (2012) Communicative Semantics as an Object of Philological Research. In: Philology: Everlasting and Young. Collected Articles for Prof. Marina L. Remnyova's Anniversary. Moscow University Press, pp. 63–78.
- Bezyaeva M.G. (2014) Communicative Field as a Unit of Language and Text. In: Word. Grammar. Speech. Vol. XV. Moscow, pp. 101–118.
- Bezyaeva M.G. (2006) On the Signifying nature of sounding means of communicative level IR-7. Materials to the dictionary of communicative means. Theory and practice of studying sounding speech. Vilnius, pp. 11–48.
- Bezyaeva M.G. (2008a) On Communicative Parameters of Sacred Units of the Russian Language (*Lord, God*). In: Materials for the Communicative Means Dictionary. Word. Grammar. Speech. Vol. X. Moscow, pp. 10–27.
- Bezyaeva M.G. (2008b) On Nominative and Communicative in the Meaning of a Word (Russian 'tut'). In: Language, Culture, Person. Moscow, pp. 11–38.
- Bezyaeva M.G. (2010b) On the Semantic Basis of Communicative fashion. In: Problems of Russian Linguistics. Phonetics and Grammar. The Present, the Past, the Future. Moscow. Vol. 13, pp. 159–170.
- Bezyaeva M.G. (2013b) On the Specifics of the Communicative Interpretation of the Text (On the Material of Correlation of the Written Basis and Sounding Versions). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. No 2, pp. 19–36.
- Bezyaeva M.G. (2016b) Repetitions of Words in Russian as a Communicative Means (Materials for the Communicative Means Dictionary). *Stephanos*. No 6, pp. 83–115.
- Bezyaeva M.G. (2002) Semantics of Communicative Level of Sounding Language. Moscow. 752 p.
- Bezyaeva M.G. (2005) The Semantic Device of Communicative Level of Language (Theoretical and Methodological Foundations of the Investigation). In: Word. Grammar. Speech. Vol. VII. Moscow, pp. 105–129.
- Bezyaeva M.G. (2015b) The Word 'pravda' as a Unit of Communicative Level of the Russian Language. *Stephanos*. No 6, pp. 35–59.
- Bryzgunova E.A. (1980, 1982) Intonation. Russian Grammar. Vol. 1, 2. Moscow.

Bryzgunova E.A. (1984) Emotional and Stylistic Differences of Russian Sounding Speech. Moscow. 116 p.

Korosteleva A.A. (2016a) To the Problem of Displaying the Speech Characteristics of an Historic Personality in Cinema (L. Lemke in “Vrag naroda – Bukharin”, 1991). *Stephanos*. No 6, pp. 116–139.

Korosteleva A.A. (2010) An Actor’s Communicative Strategy while Forming a Character (L. Lemke in “Wandering Stars”). In: An Artistic Text: Perception. Analysis. Interpretation. Collection of Scientific Articles. Vilnius, pp. 83–91.

Korosteleva A.A. (2013) Russian Communicative Means’ Potential to Create the Fundamentally Opposed Movie Personages (Communicative Contrast of the Personages from the Celestial Court Movie). In: Word. Grammar. Speech. Vol. XIV. Moscow, pp. 103–121.

Korosteleva A.A. (2009a) On Realization of Actor’s Communicative Strategy Creating a Separately Given Character (L. Lemke in “Obratnoy Dorogi Net” / “There is no Way Back”). In: Word. Grammar. Speech. Vol. XI. Moscow, pp. 55–75.

Korosteleva A.A. (2009b) On the Role of Communicative Means in Forming the Characteristics “Wits – Stupidity” in Movie Dialogues (based on L. Lemke roles). In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Research and Methodological Articles. Vol. 5. Moscow, pp. 171–191.

Korosteleva A.A. (2016b) Communicative Masks Changing as an Actor’s Strategical Base for Creating a Character (K. Khabensky in “Dead Souls’ Case” movie). In: Structures and Functions: Studies in Russian Linguistics. Publishing house Pushkin Institute. Vol. II. No 2. Tallinn (Estonia), pp. 87–118.

Chalova O.V. (2016) The Communicative Means of Forming the Tabakov – Bogatyryov Actors’ Ensemble in “Oblomov” Movie (1979). In: The World of Russian Word. No 3, pp. 72–79.

Chalova O.V. (2014) The Functional Role of Communicative Level of the Russian Language’s Means Creating the Protagonist Character in the Feature-Film “Mikhailo Lomonosov” (1955). In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 10. Moscow, pp. 167–178.

Chalova O.V. (2007) Aesthetic Charge of Communicative Level Russian Language’s Means (on the Material Taken from Classic and Modern Fiction). In: Russian Literature in the Context of Modern Integration Processes. From the Materials of the 2nd International Scientific Conference. T. I. Volgograd, pp. 351–357.

SOURCES

Gabbe T.G. (2007) The City of Craftsmen. Moscow, 288 p.

Сведения об авторе:

Анна Александровна Коростелева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna A. Korosteleva,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
korosteleva.a@gmail.com

Материалы и сообщения

Communications and Materials

А.С. Улитова (Санкт-Петербург, Россия)

Взгляды Ф.И. Буслаева на порядок слов в атрибутивном словосочетании и их развитие в современной лингвистике¹

Аннотация: Многие выводы о порядке слов в древнерусских текстах, впервые сделанные Ф.И. Буслаевым в «Исторической грамматике русского языка», были неоднократно подтверждены в последующих исследованиях. В частности, ученый обнаружил некоторые закономерности словорасположения в атрибутивных словосочетаниях: ближе всего к определяемому ставятся определения, обозначающие более постоянный признак; прилагательные и местоименные определения ведут себя в древних текстах принципиально по-разному (например, расположению местоимения в словосочетании свойственна бóльшая свобода, чем расположению прилагательного); уже в самых ранних древнерусских текстах позиция определения могла выполнять стилистическую функцию. Впоследствии лингвисты, скорее не опровергая, а уточняя наблюдения Ф.И. Буслаева, пришли к выводу, что очень важно изучать данные диалектов, в которых до сих пор сохраняются особенности словорасположения, исчезнувшие в литературном языке, к примеру, зависимость порядка слов в атрибутивном словосочетании от одушевленности определяемого существительного. Данная зависимость была обнаружена в новгородских берестяных грамотах Д. Вортом, затем похожее явление было найдено в деловых документах XVII в., наконец современные записи позволяют предположить, что в южно-русской и северо-западно-русской диалектных зонах позиция притяжательного местоимения зависит от одушевленности определяемого до сих пор (с одушевленным существительным определение стремится к постпозиции).

Ключевые слова: порядок слов, синтаксис древнерусского языка, одушевленность существительного

S. Ulitova (Saint Petersburg, Russia)

Fedor Buslaev's Views of the Word Order in the Attributive Phrase and Its Development in the Modern Linguistics

Abstract: Many notifications on the Word Order, which F. Buslaev has made in “The Historical Grammar of Russian Language”, were confirmed in later investigations. Particularly, the scientist discovered some dependences in the word order of an attributive phrase:

¹ В основе статьи доклад, прочитанный на конференции, посвященной 200-летию Ф.И. Буслаева (филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, апрель 2018).

the attribute with more constant meaning will be placed closer to a noun than another attribute; adjectives and pronouns behave themselves principally differently (for example, the pronouns' placement is more free than the adjective's); even in the earliest Old Russian texts the attribute's position could be stylistically meaningful. Afterwards, the linguists (not arguing with F. Buslaev, but precisising his point of view) came to the conclusion, that it is very important to explore the dialect's data, because some peculiarities, that vanished from the Standard Russian language, are still remaining there. For example, we can see there the connection between the attribute's position and the defined noun's animacy. This dependency was found in the Novgorod birchbark letters by D. Worth, later it was found in the business letters of the 17th century, and finally, it might be still existing in modern southern and north-western dialects, where the possessive pronoun tend to be postpositive with the animated noun.

Key words: word order, Old Russian syntax, noun's animacy

Ф.И. Буслаев одним из первых обратил внимание на различия в порядке слов древнерусского и современного ему языков. Любопытно, что дальнейшее развитие взглядов исследователей на данный вопрос шло по интересному пути: от опровержения мнения ученого¹ до подтверждения некоторых его взглядов в позднейших работах. Например ученый считал, что словорасположение в древнерусском языке было свободным (не только в группе определение – определяемое), но он же отметил небольшое преобладание препозиции определения по отношению к определяемому [Историческая грамматика: §288]. Его выводы, сделанные в «Исторической грамматике русского языка», подтвердились в исследовании В.З. Санникова, по подсчетам которого в древнейших памятниках соотношение препозитивных атрибутов к постпозитивным равно 52% / 48% [Санников 1968: 70].

Буслаев особо отмечал способность порядка слов в атрибутивном словосочетании выполнять поэтическую функцию, но тот же В.З. Санников опровергает данное утверждение, предполагая, что при минимальной разнице в количестве препозитивных и постпозитивных определений постпозиция атрибута не могла восприниматься как стилистически значимая [Санников 1968: 62]. Однако последние исследования подтвердили, что всё же некоторые виды определений в древнерусском языке располагались препозитивно или постпозитивно в зависимости от регистра (книжные тексты демонстрируют бóльший процент постпозиции притяжательных местоимений по сравнению с деловыми) [Минлос 2012: 234].

Пожалуй, важнейшим аспектом, на который указал Буслаев в своем сочинении, было принципиальное разделение атрибутивных словосочетаний с прилагательным и местоименным атрибутом: притяжательное местоимение по сравнению с прилагательными более свободно располагалось в древнерусских текстах, в языке XVIII в. и в современных Буслаеву произведениях [Историческая грамматика: там же]. Но надо отметить, что Буслаев основное внимание уделял развитию русского литературного языка и не учел, что литературный язык весьма сильно отличался от диалектов.

Со временем появились исследования, посвященные исключительно порядку слов в атрибутивном словосочетании, и в этих исследованиях рассматривались тексты определенного периода, жанра, территории и т. д. Лингвисты обнаружили, что ближе всего к определяемому располагаются определения, обозначающие

¹ Например, Л.А. Коробчинская утверждала, что порядок слов в древнерусском языке был не столь свободным, как считал Ф.И. Буслаев [Коробчинская 1955: 74]

более постоянные признаки [Мещанинов 1954: 152; Крылова 2012: 54], однако похожее утверждение мы встречаем еще у Буслаева: «Из двух прилагательных ближе ставится к существительному то, которое обозначает его ближайший признак» [Историческая грамматика: там же].

Порядку слов в атрибутивном словосочетании в древнерусском языке в настоящее время посвящено множество работ, стало понятно, что это очень сложный вопрос и что позиция определения могла обуславливаться множеством факторов: частеречная принадлежность атрибута [Обнорский 1946: 26, 113], полнота / краткость прилагательного [Истрина 1918: 52], лексическое значение определения и определяемого [Булаховский 1953: 298] и т. д. Неоднократно отмечалось, что кроме частеречной принадлежности атрибута и регистра, к которому относится текст, взаиморасположение членов именной группы сильно зависело от наличия предлога, который перетягивал атрибут в препозицию по отношению к определяемому [Widnäs 1953: 72–78]. При существительном, обозначающем неживой предмет, определение чаще всего было препозитивным, а при существительном, обозначающем живое существо, – постпозитивным [Worth 1985]¹. Исследование текстов делового содержания XVII в., происходящих из различных регионов, показало, что данная зависимость продолжила свое существование и в старорусском языке². Наиболее хорошо связь порядка слов с одушевленностью определяемого сохранилась в псковских челобитных XVII в.: при одушевленном существительном притяжательные местоимения чаще всего выносились в постпозицию, при неодушевленном – были препозитивными (картина близка к древнерусской): *мое поместье / отца моего*. Однако и в южнорусских текстах подобную зависимость еще можно обнаружить: несмотря на то что при одушевленном существительном притяжательное местоимение уже могло быть и препозитивным, и постпозитивным, при неодушевленном определяемом атрибут стабильно находился в препозиции: *мои^м добро^м / мои^х бабылишка^с / бабыли^шка^с май^х* [Улитова 2015].

Так как Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» часто отмечает неразрывную связь истории и современности языка, обращает большое внимание на то, как развивался язык, то стоит проследить, сохранилась ли зависимость порядка слов от одушевленности существительного в современных диалектах. Для анализа взяты записи говоров тех же диалектных зон, из которых происходили тексты XVII в., исследованные в работе [Улитова 2015]. Говоры Курской обл. изучены по НКРЯ, диалектный подкорпус; анализ орловских говоров основан на личных материалах автора, примеры из псковских говоров приводятся по изданию [ВОВ 2016]. Так как в текстах XVII в. от одушевленности существительного зависела лишь позиция притяжательных местоимений, то в материалах современных говоров рассматривался только данный подвид атрибутивных словосочетаний.

Предварительный анализ диалектных текстов показал, что, вероятно, одушевленность существительного влияет на порядок слов до сих пор. Во всех регионах определение при одушевленном существительном может располагаться и препозитивно, и постпозитивно. При неодушевленном же существительном притяжательное местоимение, как правило, препозитивно.

¹ Нужно сказать, что Ф.И. Буслаев и не мог знать об этом, ведь данная особенность впервые была обнаружена в новгородских берестяных грамотах.

² При этом в книжных текстах того же периода данной зависимости не обнаружено: как и отмечал Ф.И. Буслаев, в книжном регистре местоимения были постпозитивными либо располагались после прилагательного: *въ отцовской своей хижинѣ* [Историческая грамматика: там же].

КУРСКИЕ ГОВОРЫ

Препозитивно		Постпозитивно	
А) Одушевленные	Б) Неодушевленные	В) Одушевленные	Г) Неодушевленные
33 примера	47 примеров	38 примеров	13 примеров

А) *у моего отца* погибли; *а тут и Лёнькѣ – тѣ мой братѣн* был; *они нашу лошадѣ* вывели – и т. д.

Б) *там не только нашего района, но и других районов*; я вам укажу, *какой ваш путь*; *девичья моя фамилия* была Михалёва – и т. д.

В) *муж ее* пропал на хронте; *и отец мой* живой остался; *отец мой* погиб – и т. д.

Г) *и документы мои* сохранились; *и вот деревня наша* – и т. д.

ОРЛОВСКИЕ ГОВОРЫ

Препозитивно		Постпозитивно	
А) Одушевленные	Б) Неодушевленные	В) Одушевленные	Г) Неодушевленные
59 примеров	35 примеров	58 примеров	11 примеров

А) *моя мать личная*; *и моя бабушка* – и т. д.

Б) *наша хата* была как-то, пятистенка назывались; *наши немцы* тут – и т. д.

В) *тут Зорька моя* заблудилась; ну вот это *мама моя* видела – и т. д.

Г) *больница своя* даст; *но лицо мое* не открывай – и т. д.

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ

Препозитивно		Постпозитивно	
А) Одушевленные	Б) Неодушевленные	В) Одушевленные	Г) Неодушевленные
33 примера	60 примеров	21 пример	12 примеров

А) *только мы* пахаранили *тваю тётю*; *наш атец* не захател – и т. д.

Б) *вот нашей картохаю, ручьём*; *вот где мая асина* – и т. д.

В) *мужык мой* идё и сын с подворья; был стараста *атец её* – и т. д.

Г) *Привезли ево туда... ф камендатуру сваю*; *Атѣехафшы ф кустах павоска наша* – и т. д.

Надо отметить, что во всех записях сильна зависимость от наличия / отсутствия в именной группе предлога, которая ранее была обнаружена в древнерусских

текстах [Minlos 2012: 22]: можно сказать, что предлог «перетягивал» определение в препозицию, однако это заметно только при неодушевленных существительных¹:

КУРСКИЕ ГОВОРЫ

Предложные словосочетания: у моего отца погибли сколько? Из Баницы когда войска шли, и вот на наши огороды; на наших дворах было сто сорок человек убиты; на наших плечах полгектара земли было; в нашем селе Спас; когда пришли немцы в наше село; не водили в нашей части никого; и они порасселились в нашей деревне; в мои обязанности входило то, что... Я его предупреждала; они, значит, стали, эта женщина к маме моей стала ходить и к папе моему; в пилотках и шинелях их из тонкого волокна – всего 15 примеров; 3 примера с одушевленным сущ. (1 препозитивное определение, 2 – постозитивных), 12 – с неодушевленным сущ. (все примеры с препозитивным местоимением).

ОРЛОВСКИЕ ГОВОРЫ

Предложные словосочетания: мы со своим женихом рядом вот жили; вот моя мама рассказывала про свою маму; вот у моих детей одна мама; я тоже слышал такие рассказы и от своих бабок; и один с нашего поселка заявил, что наша семья коммунисты; и вот все на моем виду; все в свою породу! в моё время (4 раза); а у нас вот этого на моем жизненном пути этого не было; пели вот в своём доме культуры; у нас, вот, у нашей деревне; я не по совему соображению; да, к своей родне; и он как по моей работе; только по нашей округе; и мама моя рассказывала про Аньку про мою; вот с этим-то, с мужем со своим, ложилась спать; вот у сестре моей у старшей умерла дочка; они приходили вот в Наталину у родни к своей – всего 22 словосочетания; 7 с одушевленным сущ. (4 препозитивных определения / 3 постпозитивных), 15 – с неодушевленным (14 препозитивных определений / 1 постпозитивное).

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ

Предложные словосочетания: там взяли патом в маеи маме; атабрали ат маеи сестры эту дочку; в опишим, не из нашей меснасти; в нашей дяревне пувесили; в нашем краю; немцы расстреляли вот в опишей нашей тут куче; вазвращиялись в дом свой; пойдёте по этой трапинке майё в Рыбакё; а в дороге нашей немцы корову резали; привезли ево туда, на эрадром, ф камендатуру сваю – всего 39 примеров, все с неодушевленными существительными (35 препозитивных определений / 4 постпозитивных).

Таким образом, картина сильнее всего изменилась в псковских говорах, которые по ситуации приблизились к южнорусскому региону и отдалились от древнерусских норм словорасположения.

В итоге можно сказать, что некоторые выводы, сделанные Буслаевым, верны до сих пор:

А) ближе всего к определяемому располагаются определения, обозначающие более постоянные признаки;

Б) прилагательные и местоименные определения ведут себя в древних текстах принципиально по-разному;

В) уже в древнейшую эпоху позиция определения могла выполнять стилистическую функцию.

Однако впоследствии лингвисты, скорее не опровергая, а уточняя наблюдения Буслаева, пришли к выводу, что очень важно учитывать территориальное происхождение текста и изучать данные диалектов.

¹ Надо отметить, что предлог в принципе употребляется с неодушевленными существительными реже, чем с одушевленными.

ЛИТЕРАТУРА

Булаховский 1953 – *Булаховский Л.А.* Курс русского литературного языка. Т. 2. М.: Наука, 1953. 447 с.

Буслаев 2006 – *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. 7-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. 331 с.

ВОВ 2016 – Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / Под общ. ред. Н.В. Большаковой. Псков: Логос, 2016. 332 с.

Истрина 1918 – *Истрина Е.С.* Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи // ИОРЯС. 1918. Т. XXIII. С. 33–62.

Коробчинская 1955 – *Коробчинская Л.А.* Функции порядка слов в древнерусском языке // Вопросы языкознания: Сб. ст. Кн. 1. Львов: Издательство Львовского государственного ун-та, 1955. С. 73–83.

Крылова 2012 – *Крылова О.А.* Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Либроком, 2012. 176 с.

Мещанинов 1954 – *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.: Издательство АН СССР, 1954. 323 с.

Минлос 2012 – *Минлос Ф.Р.* Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. М., 2012. С. 234–246.

Обнорский 1946 – *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.: Наука, 1946. 200 с.

RUSCORPORA.RU

Санников 1968 – *Санников В.З.* Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М.: Наука, 1968. С. 47–95.

Улитова 2015 – *Улитова А.С.* О зависимости положения притяжательных местоимений от одушевленности определяемого существительного в русской деловой письменности XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2015. № 3. С. 226–240.

Minlos 2012 – *Minlos P.R.* Prenominal and Postnominal Position of Adjective Attributes in Old Russian // Russian Linguistics. 2012. Vol. 36. Issue 1. P. 21–40.

Widnäs 1953 – *Widnäs M.* La position de l'adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors, 1953. 197 p.

Worth 1985 – *Worth D.* Animacy and Adjective Order: the case of новгородскъ. An Explanatory Microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. № 31/32. P. 533–554.

REFERENCES

Bulakhovsky 1953 – *Bulakhovsky L.A.* (1953) A Course of the Standard Russian Language. Vol. 2. Moscow. Nauka Publ. 447 p.

Buslaev 2006 – *Buslaev F.I.* (2006) Historical Grammar of the Russian Language. Moscow. KomKniga Publ. 331 p.

VOv 2016 – The Great Patriotic War in the Mirror of the Folk Speech and Folklore: Texts. Investigations. Audio Application / Ed. By N.V. Bolshakova. Pskov. Logos Publ. 2016. 332 p.

Istrina 1918 – Istrina E.S. The Usage of Noun and Pronoun Adjective Forms in the Synodal List of the 1st Novgorodian Chronicle. In: IORlaS. 1918. Vol. XXIII, pp. 33–62.

Korobchinskaya 1955 – Korobchinskaya L.A. The Word Order Functions in the Old Russian Language. In: Linguistics Revues: The Collection of Articles. Vol. 1. Lvov. Lvov University Press. 1955, pp. 73–83.

Krylova 2012 – Krylova O.A. (2012) Russian Language's Communicative Syntax. Moscow. Librokom Publ. 176 p.

Meshchaninov 1954 – Meshchaninov I.I. (1954) Sentence Members and Parts of Speech. Moscow. Publisher Academy of Sciences of the USSR 323 p.

Minlos 2012 – Minlos F.R. The Possessive's Placement and the Language's Registers of Old Russian Texts. In: Slavic Dialectology's Investigations. Issue 15. Moscow. 2012, pp. 234–246.

Obnorsky 1946 – Obnorsky S.P. (1946) Essays about Russian Standard Language of the Earliest Period. Moscow. Nauka Publ. 200 p.

RUSCORPORA.RU

Sannikov 1968 – Sannikov V.Z. Agreed Attribute. In: Comparative-Historical Syntax of the Eastern Slavonic Languages. Sentence Members. Moscow Nauka. 1968, pp. 47–95.

Ulitova 2015 – Ulitova A.S. About the Connection between the Possessive's Placement the Noun's Animacy in Russian Business Letters of the 17th c. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2015. No 3, pp. 226–240.

Minlos 2012 – Minlos, P. R. Prenominal and Postnominal Position of Adjective Attributes in Old Russian. *Russian Linguistics*. 2012. Vol. 36. Issue 1, pp. 21–40.

Widnäs 1953 – Widnäs M. (1953) La position de l'adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors. 197 p.

Worth 1985 – Worth D. Animacy and Adjective Order: The Case of новгородскъ. An Explanatory Microanalysis. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1985. No 1/32, pp. 533–554.

Сведения об авторе:

Анастасия Сергеевна Улитова,
канд. филол. наук
независимый исследователь

Anastasiya S. Ulitova,
PhD
Unaffiliated Investigator

ulitovs@mail.ru

М.М. Лоевская (Москва, Россия)

Зарубежные воспоминания русских заключенных 20-х годов XX века

Аннотация: Статья посвящена воспоминаниям соловецких узников – генерала-майора Ивана Зайцева и архимандрита Феодосия (Алмазова), – написанным за рубежом после побега из СССР. В их мемуарах Соловецкий Лагерь Особого Назначения показан по-разному, но главным становится обличение бесчеловечного режима большевиков, описание беззаконий, творимых на Соловках в период первой волны сталинских репрессий.

Ключевые слова: Соловецкий Лагерь Особого Назначения, Соловки, Иван Матвеевич Зайцев, архимандрит Феодосий (Алмазов), воспоминания

М.М. Loyevskaya (Moscow, Russia)

Russian Prisoners' Memories of the 1920ies

Abstract: The article deals with the memoirs of Solovki prisoners – Major General Ivan Zaitsev and Archimandrite Theodosius (Almazov), that were written by them abroad after escaping from the USSR. In these memoirs, the Solovki Special Purpose Camp is shown in different ways, but the main thing is the condemnation to the inhuman regime of the Bolsheviks, a description of the iniquities perpetrated on Solovki during the first wave of Stalinist repression.

Key words: Solovki Special Purpose Camp, Solovki, Ivan Matveevich Zaitsev, Archimandrite Theodosius (Diamonds), memories

В начале 1930-х гг., почти одновременно, бывшими заключенными Соловецкого Лагеря особого Назначения – генералом-майором Иваном Матвеевичем Зайцевым и архимандритом Феодосием (Алмазовым) написаны воспоминания о Соловецкой каторге, которую оба прошли в середине 1920-х гг. И тому и другому удалось бежать из СССР. Практически сразу после побега описывает «семь кругов ада» И.М. Зайцев в книге «Соловки. Коммунистическая каторга или место пыток и смерти», которая будет опубликована в Шанхае в 1931 г., в 1936 г. там же выйдет вторая книга – «Четыре года в стране смерти». Он обличает преступный режим, «международных уголовных преступников» – правительство советской России, «озверевших чекистов, утративших в моральном смысле образ и подобие человека»¹.

¹ Зайцев И.М. Соловки. (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. В 2 ч. (С приложением четырех планов). Шанхай:

В 1997 г. издательство Крутицкого Патриаршего подворья выпустило в свет 13-ю книгу серии «Материалы по истории церкви» – воспоминания архимандрита Феодосия (Алмазова).

Свои воспоминания архимандрит Феодосий написал в 1931–1933 гг., после побега из СССР, в 1935 г. они поступили в Прагу, в Русский заграничный архив, судьба которого необычна. В 1946 г. в Академию наук СССР военным транспортом (9 вагонов эшелона) были доставлены 650 ящиков, в которых находился Русский заграничный исторический архив: документы и материалы по истории России XIX – начала XX в., а также материалы о Русской Православной Церкви за границей. Среди них оказались воспоминания архимандрита Феодосия Алмазова и его личное дело¹.

Лишь через полвека личное дело и воспоминания арх. Феодосия будут опубликованы. Личное дело представляет собой достаточно скупой, официально-сдержанный рассказ с перечислением дат, событий жизни архимандрита Феодосия Алмазова (учеба, рукоположение, места служения, арест). Этот документальный материал, вне всякого сомнения, чрезвычайно ценен, но недостаток его заключается в том, что он скрывает от нас духовный облик личности, внутренний мир, переживания, борения, искания. Воспоминания этот «недостаток» восполняют. В отличие от биографии, они помогают самораскрытию духовного мира автора, дают оценку, пусть и субъективную, важнейшим историческим событиям, известным политическим и религиозным деятелям, делают повествование эмоционально-экспрессивным, психологически подробным. Записки бывшего заключенного освещают не весь жизненный путь арх. Феодосия, а лишь тот период, который стал для него и сотен тысяч русских людей годиною жестоких гонений и тяжелых испытаний – с 1917 по 1930 г.

В 1926 г. он будет арестован за «религиозную пропаганду», обвинен в шпионаже в пользу Польши и, без вины виноватый, осужден на «три года каторжных работ» на Соловках (в заключении пробудет 2 года); летом 1929 г. этапирован в Нарымский край (южный район Томской области) в ссылку (с. Каргасок), откуда совершит побег в Томск, далее по железной дороге в Бессарабию; переплыв пограничную реку Днепр, арх. Феодосий окажется за рубежом, в эмиграции: «Я ждал смерти на далеком севере, а Господь благословил жизнь на горячем юге. Слава Господу!» (стр. 84).

Практически сразу после побега, можно сказать, «по горячим следам», арх. Феодосий (Алмазов) приступает к описанию и осмыслению пережитого. В своих воспоминаниях с подзаголовком «Записки соловецкого узника» он описывает не только историю собственных злоключений и страданий, но также волнующие его явления политической и религиозной жизни, дает необычные и неожиданные характеристики многим известным историческим личностям.

Своеобразие композиции воспоминаний заключается в нарушении хронологии событий при расположении 6 глав. Также бросается в глаза диспропорция глав и их названий². Следует отметить, автор намеренно нарушает хронологическую последо-

Типография изд-ва «Слово», 1931.

¹ www.evangelie.ru В настоящее время воспоминания хранятся в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 73. Автограф). См. также: *Одинцов М.И.* От публикатора // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: (Записки соловецкого узника) / Подг. текста и публ. М.И. Одинцова; примеч. и коммент. И.В. Соловьева; О-во любителей церковной истории. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 7–8. (Материалы для истории Церкви; кн. 13). Далее цитируется по этому изданию. Страницы указаны в скобках.

² Сравн.: Гл. I «Побег» и Гл. V «Отношение христианской культуры и ее насадителя, руководителя и хранителя Христианской Церкви к богоборческой коммунистической власти – насадителю материалистической культуры. Возможно ли между ними “мирное” сожительство как в России, так и в международном масштабе?».

вательность изложения: в первую очередь он пишет о главном – о спасении из ада, о том, как смог вырваться из «львиных челюстей». Он признает, что «систематические и хронологические методы переплетаются иногда причудливо»; осознает, что его будут упрекать в том, что записки «с техническо-литературной стороны не являются ни систематическим изложением материала, ни хронологическим» (стр. 28).

Так оно и случится. Биографы архимандрита будут отмечать «сбивчивость», «тенденциозность» воспоминаний, объясняя их «весьма посредственными литературными дарованиями» арх. Феодосия¹.

На наш взгляд, в воспоминаниях наиболее ярко проявилось личностное начало автора, который предстает как человек с сильной волей, независимый, бескомпромиссный, но со сложным, неумным характером. Стремясь выразить те чувства, которые владеют его душой, он прибегает и к просторечиям («рыльце в пушку», стр. 72); церковь теснят «не дубьем – а рублем», стр. 73), и к разговорной интонации («чай, думаю...»), бранной лексике («шкурники»), не раз прерывает собственное повествование. Порывистый, взволнованный, насыщенный едкой иронией стиль повествования объясняется психологическим состоянием автора: воспоминания бередают душу, вызывают неутраченную боль – «Ужасно, лучше забыть, забыть...» (стр. 14).

По собственному выражению, он 13 лет «гнил в разложившейся России», поэтому всей душой ненавидит «хамствующий коммунизм» (стр. 36) и «чванливых коммунистов», презирает этих «пачкунов проклятых», «сорок короткохвостых» (стр. 23), злорадствует, что обманул «глупых коммунистов», с яростью проклинает Советскую власть («Будь ты проклята, Совдепия!», стр. 26), «творцов» Октябрьского переворота («Да будут творцы ее прокляты!», стр. 84), большевиков («Да будете большевики прокляты!»), – озлобленность интонаций, резкость и грубость выражений придают повествованию эмоциональную экспрессивность и психологическую напряженность.

Отдельные исследователи трагического периода гонений на Русскую Церковь отмечают фактические неточности в воспоминаниях арх. Феодосия, касающиеся как отдельных исторических событий, так и некоторых лиц². Сам автор утверждает, что главное для него при описании – «верность действительности» (стр. 129), а записки должны быть заслуживающими абсолютного доверия. Себя же арх. Феодосий характеризует как «лицо умеющее видеть, слышать и наблюдать, ко всему подходить с критической оценкой». Он предупреждает, что «подробности объяснять не следует. Всё описывается... верно, но из-за умолчаний кое-что может показаться непонятным. Ничего не поделаешь: надо оберегать других» (стр. 15).

Центральное место в его воспоминаниях занимают Соловки, куда, по словам арх. Феодосия, стали ссылать «нежелательные элементы» – «правлящий класс», «свободомыслящую интеллигенцию», «состоятельные элементы» (стр. 75) для истребления; «рабочих и крестьян, не повинующихся каторжному режиму». Однако бросается в глаза, что в этом перечне почему-то не упоминается священство.

Путь на Соловки начался с Кеми, куда в июле 1927 г. прибыл этап из 600 человек. На удивление, путь этот оказался не таким тяжелым: «везли без особых стеснений, в обычных пассажирских вагонах и обращение конвоя с арестантами... было внимательное. <...> Повезли нас в три часа утра, а в семь часов нас высадили в Соловках. И опять поместили в карантин тринадцатой роты. Она помещается в пристройке к главному собору и в самом соборе» (стр. 75). Следует пояснить, что тринадцатая,

¹ Соловьев И. Предисловие // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. С. 3.

² Соловьев И. Предисловие // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. С. 3.

так называемая «карантинная», рота располагалась в Троицком соборе». Арх. разместили в «светлой комнате – бывшем правом приделе собора» (стр. 75).

Судя по описанию камеры, он находился в Зосимо-Савватиевском приделе Троицкого собора, где помещалось еще около 50 человек. Как правило, в течение нескольких недель «карантинников» отправляли на самые тяжелые работы: лесозаготовки и торфопеработки – именно они унесли наибольшее количество жизней заключенных; оставшиеся в живых становились инвалидами и калеками. Жестокий, изнурительный каторжный труд становился губительным для большинства заключенных. Первые четыре дня арх. Феодосия, «как старика, не беспокоили» (стр. 76). Он получил вторую категорию по трудоспособности, которой разрешалось не работать и получать «мертвый» паек (стр. 76). С удивительной точностью и скрупулезностью он отмечает, сколько какой паек стоил (основной – 3 р. 78 к., трудовой – 4 р. 68 к., усиленный – 8 р. 32 к.; стр. 77), признает, что пайки работающих по надзору ему неизвестны, но предполагает, что они были во много раз больше других. Однако после доноса арх. Феодосию пришлось все-таки выйти на работу, «пустую, легкую и, главное, нелепую, никому не нужную» (стр. 81), – собирать щепки на новой постройке. Через несколько дней там же он стал сторожем, затем счетоводом эксплуатационно-коммерческой части, так как счетоводство «знал отлично и великолепно, безошибочно и быстро считал на счетах» (стр. 82); позже его назначили помощником делопроизводителя Главной бухгалтерии лагеря. «Работа в делопроизводстве мне понравилась» (стр. 81), – вспоминает арх. Феодосий. Однако после такого, казалось бы, «взлета» ему вновь пришлось стать сторожем («работа... очень приятна – всегда на свежем воздухе, дела никакого», стр. 82) и охранять кузнецы, доки, склад с инструментами и... женский барак.

В бывшей монастырской Архангельской гостинице за забором и колючей проволокой был устроен женбарак. Первый этаж занимал «асоциальный элемент» – воровки и проститутки, второй – «благородные» обитательницы. Не без иронии арх. Феодосий замечает, что ему «больше, чем кому-нибудь другому, доверяли женскую часть» (стр. 84). Неоднократно ему приходилось становиться свидетелем жизненных драм, на его глазах женщины ночью убегали из барака на ночные свидания, а возвращались с какой-нибудь пирушки в лесу под утро «избитые, плачущие, растерзанные» (стр. 83). В лагере, по словам арх. Феодосия, «процветала свободная любовь», но он не осуждает, не клеймит позором, но, напротив, с сочувствием относится к этим несчастным: «ведь это же живые люди» (стр. 83).

Порой арх. Феодосий неожиданно проявляет удивительную осведомленность о разных любовных историях, которым также уделяет внимание в своих воспоминаниях, так как они являются частью лагерной жизни: это и сцены ревности со слезами и истериками, громкие истории с показательным судом над обвиняемыми в «любовных преступлениях». Участницами этих историй являлись не только уголовницы, но и аристократки (например, Благова и Баранова, у которых мужья были расстреляны большевиками, «в Соловках увлекались любовью», стр. 81; у последней был роман с командиром двенадцатой роты, «ему было 32 года, а ей – 22», стр. 102). Возмущение вызывает Шепелев, который одаривал свою любовницу Лизу деньгами, пайками, отдал ей шубу, присланную женой, которая, помимо прочего, писала ему «милые письма» (стр. 87). Не обходит стороной арх. Феодосий и отвратительную, гадкую историю Юповича, заведовавшего собачником, с прачкой. Автор воспоминаний признается, что писать ему об этом омерзительно, но приходится, дабы «предметно разоблачать большевиков. Сослав этого мерзавца

в Соловки, чекисты все-таки были с ним дружны и откровенны. Значит, подобные типы им нравятся и нужны» (стр. 106).

К подобным типам можно отнести «всякого коммуниста, попавшего в Соловки». Они сразу оказывались на административных или командных должностях. Но «наполняют они девятую роту» – «отверженных» (стр. 78). Условия их жизни значительно отличались от жизни других заключенных: они получали паек до 30 руб. в месяц, имели отдельную кухню, стол (одной из кухарок была княжна Гагарина), уборщиков; катались на лодке по Святому озеру, занимались спортом на спортплощадке, зимой – на катке¹. Они держались особняком, не сходились с беспартийной массой, но и она относилась к ним брезгливо, инстинктивно их избегала, презирала за «комчванство» – и имела на то право! В большинстве своем проштрафившиеся партийцы были «прохвосты из прохвостов» (лесник Головацкий-Романенко, стр. 78), непорядочные и двуличные (начальник шестого отделения Сотников, стр. 101), негодяи-изверги (комендант Борисов, командир роты Шмидт, стр. 94).

Нелестно отзывается арх. Феодосий о монахах бывшего Соловецкого монастыря. Бывший ризничий – «большевизировавшийся» иеромонах Серафим – грубо обращался не только с заключенными священниками, но и с архиереями, до столкновений дело доходило у вл. Прокопия с наместником обители (имя его и причины конфликтов не упоминаются, стр. 100). Автор не скрывает, что отношения даже между заключенными иерархами были зачастую недружелюбными и враждебными. Он не просто это констатирует, но пытается передать «соловецкую атмосферу, весь тамошний удушающий быт» (стр. 89).

Однако и о заключенных иерархах арх. Феодосий отзывается весьма критично. Так, например, архиеп. Гавриил (Воеводин), по его оценке, бездарный (стр. 69); еп. Сергей – малообразованный (стр. 69); у еп. Григория характер неуживчивый и т. д. Со свойственной ему резкостью он обличает «никчемных рясоносцев»; претят ему «шкурничество церковного совета», ненавистна «советизированная русская церковь».

Епископат, по его мнению, проявлял «излишнее важничанье», «держал себя очень гордо с заключенным духовенством» (стр. 102). «В Соловках, как и здесь за границей, хотели знать себя владыкам» (стр. 100), – с горечью отмечает арх. Феодосий. Обидным ему кажется, что, с одной стороны, с ним они обращались вежливо, с другой – для обсуждения общецерковных дел не приглашали. Отчасти это можно объяснить тем, что сам арх. Феодосий был человек не беспроблемный и владыки знали о его несдержанности в проявлении своих чувств. Он и сам признает, что даже на допросах держался вызывающе, был груб и резок с конвоем², однажды за украденную вещь избил «шпану» (стр. 91).

Возмущает арх. Феодосия и то, что каждое утро в шестой роте – «святейшей»³ – двенадцать-тринадцать иереев брали благословение у архиереев, что «при тесноте помещения составляло ненужную толкотню. Многие из иереев очень равнодушны были к оказанию внимания епископам. И правы были. Эти последние любили помогать светским более чем духовным» (стр. 102). Но искренне он восхищается «архиереями, достойно носящими свои шелковые мантии, иереями,

¹ Во отце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители / Сост. М.В. Осипенко. М., 2008. С. 239.

² За грубость с конвоем был отправлен в наказание в «отрицательную» роту – это было пять дней «ада кромешного».

³ «Святейшей» называлась потому, что в ней отбывали наказание священники различных религий и верований.

смело и бодро смотрящими в глаза смерти, мирянами, честно исполнившими свой христианский долг защиты дорогих святынь» (стр. 61). «Великой печалью для Русской Православной Церкви» называет он смерть патриарха Тихона, который стал «символом духовной мощи верующей России» (стр. 69). Ни на минуту не сомневается арх. Феодосий в том, что патриарх был злодейски убит – «умер от отравления, но не от приступа астмы».

К числу своих «благодетелей» о. Феодосий относит архиепп. Илариона и Петра, епп. Антония, Василия, Григория (последний нуждался сам). Но он лишь сдержанно констатирует, что владыки ему помогали, не выражая особой признательности и благодарности. Наверное, это подразумевалось как само собой разумеющееся.

Арх. Феодосий не делает портретных описаний владык, но вспоминает отдельные эпизоды из их лагерной жизни: празднование праздника Покрова Пресвятой Богородицы с преосвященным Иларионом – бывшим ректором Московской духовной академии, а на Соловках – лесником. Замечает, что «служба в лесничестве была привилегированной», работы было мало да и та без контроля (стр. 86). Сам арх. Феодосий в течение тринадцати месяцев занимался в лесничестве счетоводством и свое дело выполнял, по собственной оценке, блестяще. То есть из двух лет один был проведен в относительно благоприятных для соловецкой каторги условиях. Во время празднования Покрова были «речи, яства, чай – уютно, назидательно и сытно» (стр. 93). Арх. Феодосий неоднократно вспоминает чаепития с архиеп. Иларионом и его неизменное гостеприимство. Также неоднократно он будет утверждать, что архиеп. Иларион (Троицкий) после двойного срока на Соловках (3 + 3), заразившийся тифом, в итоге был отравлен. Ссылаясь на книгу И.М. Зайцева, архимандрит высказывает предположение, что «архиеп. Илариона пробовали отравить, но его сильный организм не поддавался яду. Очевидно, таковой ему был влит уколom, когда он болел тифом в Петрограде и организм был ослаблен. Несомненно, архиеп. Иларион в Петрограде умер от отравления. Тиф, вероятно, был тоже искусственно привит помещением в одну камеру с тифозными» (стр. 106).

После отправки из Соловков священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) главой соловецкого православного духовенства ссыльными архиереями был избран архиеп. Петр (Зверев). Именно он возглавлял тайные богослужения, а после того как у духовенства был отобран антиминс, службы совершались на груди у архиепископа Петра. В наказание за совершение таинства крещения (крестил в Святом озере эстонку) владыка был отправлен на остров Анзер – шестое отделение лагеря, куда, по сути, увозили умирать тяжело больных и инвалидов. Арх. Феодосий представляет свое видение и трактовку этого трагического события.

С преосвященным Петром он был знаком еще по Москве, когда тот был иеромонахом-настоятелем Московского епархиального дома (1904–1905 гг.). На Соловках владыка Петр, поступив в каптерку первого отделения (Кремль), «повел дело широко: приемы заключенных, беседы, ужины» (стр. 93). «Счетоводом он был плохим, да некогда было и работать» (стр. 93). По доносу диакона Лелюхина владыку перевели в пятую роту. Тот же Лелюхин бесцеремонно выкинул вещи вл. Петра на панель – «это был неслыханный на Соловках скандал» (стр. 93). После этого скандала архиеп. Петр «был отправлен в шестое отделение на командировку “Троицкая” – она была штрафной» за организацию в концлагере общения и помощи среди заключенного духовенства.

Сам арх. Феодосий в январе 1929 г. был переведен счетоводом в хозчасть шестого отделения. На Соловках уже царил голод, начал свирепствовать тиф, поэтому во-

дворение в хозчасть стало для него спасением – «был сыт <...> квартира была суха, тепла, просторна и народ хороший». Благодаря работе счетовода арх. Феодосий был в курсе «количества жертв, больничных беспорядков и преступлений на Голгофе», так как ведал учетом и распределением пайков и продуктов по всему шестому отделению. В связи с большим количеством смертей (за восемь месяцев от тифа погибло до 500 человек) развился «целый промысел», связанный с наживой «посредством кражи и распродажи имущества и денежных квитанций» умерших (стр. 92). Кроме того, по утверждению арх. Феодосия, комендант Борисов и командир второй роты Голгофы Шмидт «умышленно, посредством тайных ядовитых укулов отправляли на тот свет тифозных и именно тех, от которых можно было поживиться» (стр. 92).

Заразился тифом и владыка Петр (Зверев). Благодаря доктору, который посвятил больному владыке «все силы, знания и лекарства», архимандрит был в курсе хода болезни, с радостью узнал он о том, что кризис миновал и появилась надежда на выздоровление. Однако 7 февраля 1929 г. – на праздник любимой им иконы «Утоли моя печали» – владыка скончался. Арх. Феодосий полагает, что архиеп. Петра (Зверева) «убили отравой» (отравили) в корыстных целях – чтобы воспользоваться его имуществом («...он был убит – несомненно», стр. 95).

Для погребения владыки Петра из «Кремля прислали мантию, омофор, крест и пр.» (стр. 101). В строительном подотделе были заказаны гроб и надгробный крест. Однако «не разрешено было громкое отпевание и в облачении», мало того, было приказано тело усопшего владыки бросить без отпевания в «свалочную яму»¹ со «шпаной», уже доверху наполненную телами. «Отпевание совершили заочно утром в канцелярии хозяйственной части и повезли гроб с крестом на Голгофу. Действительно, могила общая не была закрыта и уже почти готова была особая могила для погребения архиеп. Петра. Его священные останки лежали в длинной рубаше у края общей могилы. Изъять его оттуда было удобно, что мы и сделали. Плюнув на все запретительные меры начальства, торжественно облачили Владыку в монашескую мантию и клобук, одели омофор, пояс, дали в руки крест, четки, Евангелие и громко совершили отпевание. Собралось до 20 человек (и Янчевский), произнесли речи, опустили священные останки в могилу, водрузили крест, впоследствии сделали надпись на нем и разошлись восвояси рыдающе и бия себя в грудь (Лк. 23, 48). Вечная память замученному большевиками! Он умер 53-х лет» (стр. 101–102).

Воспоминания о пребывании на Анзере и описание Секирки являются самыми трагическими в книге арх. Феодосия (Алмазова). Ему самому пришлось пройти через ужасы заключения в Кирилловской зоне среди «шпаны», на «мертвом пайке», изнемогать от голода, страдать от грязи и вшей; пережил он и штрафную командировку на Капорке.

Об ужасах, преступлениях, расстрелах в штрафном изоляторе на Секирной горе говорится почти во всех воспоминаниях соловецких узников. Арх. Феодосий также пишет о самом страшном месте на Соловках, но основываясь уже не на личном опыте, а на рассказах очевидцев (Якубовского, Титова). Так, Якубовский поведал ему, как за невыполнение урока зимой четыреста человек были выведены в одном белье на мороз, всем приказали лечь на снег: «Многие замерзли. Многие отморозили себе руки, ноги». Изувера-начальника, виновного в этом зверстве, расстреляли, но «причина расстрела, конечно, в том, что виновные без нужды искалечили даровую рабочую силу» (стр. 97). Человек превращался в рабочую скотину, причем в прямом смысле этого слова. При заготовке дров посылали ВРИДЛЮ (временно исполняю-

¹ В такой «свалочной яме человеческих тел» погребалось до 30 трупов (И. Зайцев).

ций должность лошади) – вместо лошади в сани запрягали пять человек. Группа заключенных «должна была выполнить норму 1 лошади»¹. Обессиленных, больных, уже бесполезных, с точки зрения лагерного руководства, «списывали» – отправляли в шестое отделение, где «почти не кормили и даже “мертвый паек” выдавался не полностью, ибо инвалиды неспособны к работе» (стр. 97).

На Секирке штрафников в первое время на работы не посылали, кормили «со всем худо – гнилью и в малом количестве» (стр. 98). Днем сажали на «жердочки» («“жердочка” зимой прямо не переносима, ибо крыша... с дырами, а окна разбиты», стр. 98), ночью «спали на голом полу, без одеяла, без покрывки»: «Три четверти арестантов оттуда выходят вечными калеками».

Конечно, некоторые заключенные пытались вырваться из соловецкого ада. Арх. Феодосий упоминает, без подробностей, о побеге из восьмой роты нескольких морских офицеров в августе-сентябре 1928 (стр. 103). Пишет он об этом только понаслышке, но твердо знает, что «этих не поймали». Следует отметить, что к белому офицерству архимандрит не испытывал ни сочувствия, ни симпатии, потому что многие из бывших белогвардейцев, не принимавших участия в гражданской войне, надеялись «спокойно при новом строе доживать свои дни, а то и поработать для славы новых порядков». Это расценивается арх. Феодосием как предательство. Без сожаления сообщает он о расстреле трех тысяч человек: «...большевики, не желая их услуг, всех расстреляли – “по делам вору и муки”» (стр. 104).

После побега морских офицеров с Соловецкого острова начались массовые расстрелы. Один из известных произошел 29 октября 1929 г. Об этом арх. Феодосий скорее всего не знал, так как в июле 1929 г. его «разгрузили» – «разгрузочной» комиссией из Москвы этап из шестисот инвалидов переправили в Кемь. Пройдет немного времени, и сам арх. Феодосий вырвется на свободу и поведаст миру о зверствах большевиков.

Почти одновременно с арх. Феодосием (Алмазовым) воспоминания о Соловецкой каторге оставит бывший генерал-майор Генерального штаба И.М. Зайцев². Отношение арх. Феодосия к его книге будет неоднозначным. С одной стороны, он признает, что генерал Зайцев описал «соловецкую каторгу с исключительной правдивостью и беспристрастием», с другой – со свойственной ему резкостью, арх. Феодосий критикует «плаксивый тон» книги и видит в этом «стремление разжалобить старую проститутку Европу величиной и глубиной неизмеримых страданий русского народа. Идеалистические побуждения старой проститутке чужды...» (стр. 105). И тем не менее книгу Зайцева о «страданиях русского народа в Соловках» арх. Феодосий считает, и не без основания, «замечательной, правдивой в высшей степени». Это воспоминания о «мучениках христианской культуры – лучших людях истории» (стр. 107).

Арх. Феодосий надеется, что «потомству останутся подробные... записки» и уверен, что «историк всем воспользуется» (стр. 15). Ценными становятся сведения о каждой личности, прошедшей путь мученичества и исповедничества в советской России.

Обращение к прошлому неизбежно и обращение это неизбежно приводит к осмыслению важнейших событий собственной и общественной жизни. По-разному одни и те же факты предстают в воспоминаниях, записках, мемуарной литературе. Это вполне естественно, так как взгляд у каждого свой, субъективный. И это

¹ Во отце океана моря... С. 236.

² Зайцев И.М. Соловки. (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Шанхай, 1931.

на самом деле хорошо, так как помогает не только сломать привычные стереотипы – исторические, культурологические, – но и найти истину. «Ушедшие оставляют нам часть себя, чтобы мы ее хранили, и нужно продолжать жить, чтобы и они продолжались. К чему, в конце концов, и сводится жизнь, осознаем мы это или нет. Мы – это они...»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Во отце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители / Сост. М.В. Осипенко. М., 2008. 358 с.

Зайцев И.М. Соловки. (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений: В 2 ч. (С приложением четырех планов). Шанхай: Типография изд-ва «Слово», 1931. 477 с.

Из речи И. Бродского, произнесенной на вечере памяти Карла Проффера // Звезда. 2005. № 4. magazines.russ.ru/zvezda/2005/4/bro8.html

Одинцов М.И. От публикатора // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: (Записки соловецкого узника) / Подг. текста и публ. М.И. Одинцова; примеч. и коммент. И.В. Соловьёва; О-во любителей церковной истории. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 6–8 (Материалы для истории Церкви; кн. 13).

Соловьёв И. Предисловие // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: (Записки соловецкого узника). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 3–6.

REFERENCES

Vo Otoce Okeana Morya... The Book of the Pilgrim of the Solovetsky Monastery / Compiled by M.V. Osipenko. Moscow. 2008. 358 p.

Zaytsev I.M. (1931) Solovki. (Communist Hard Labor, or A Place of Torture and Death). From personal suffering, experiences, observations and impressions: In 2 parts. (With four plans.) Shanghai. Typography Publishing House "Slovo". 477 p.

From the Speech of Joseph Brodsky at the Evening in Memory of Carl Proffer. *Zvezda*. 2005. No 4. magazines.russ.ru/zvezda/2005/4/bro8.html

Odintsov M.I. From the Publisher. In: Theodosius (Almazov), Archimandrite. My Memories: (Notes of the Solovetsky Prisoner) / Publ. by M.I. Odintsov; notes and comments by I.V. Solovyov; Society of Amateur of Church History. Moscow. Krutitsy Patriarchal Metochion Publ. 1997, pp. 6–8 (Materials for Church History; Book 13).

Solovyov I. Foreword. In: Theodosius (Almazov), Archimandrite. My Memories: (Notes of the Solovetsky Prisoner). Moscow. Krutitsy Patriarchal Metochion Publ. 1997, pp. 3–6.

Сведения об авторе:

Маргарита Михайловна Лоевская,
доктор культурологии
профессор
факультет иностранных языков
и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Margarita M. Loyevskaya,
Doctor of Cultural Studies
Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
mloevskaya@mail.ru

¹ Из речи И. Бродского, произнесенной на вечере памяти Карла Проффера // Звезда. 2005. № 4. magazines.russ.ru/zvezda/2005/4/bro8.html

С.В. Архипов (Москва, Россия)

Лексические заимствования в сочинениях Ф. де Оливейры и их распределение по семантическим полям

Аннотация: Статья посвящена исследованию лексических заимствований в португалоязычных сочинениях португальского автора XVI в. Фернана де Оливейры. Объектами изучения являются «Grammatica da lingoagem portuguesa» («Грамматика португальского языка»), «Arte da guerra do mar» («Искусство войны на море»), «Viagem do Fernão de Magalhães» («Путешествие Фернана де Магеллана»), «Liuro da fabrica das naos» («Книга о строительстве кораблей»). Рассматривается точка зрения Ф. де Оливейры на проблему лексических заимствований в сопоставлении с вокабуляром исследуемых произведений. Методом сплошной выборки были выявлены группы слов следующей этимологии: исконная лексика, грецизмы, латинизмы, германизмы, арабизмы, испанизмы, экзотизмы, интернационализмы. Кроме того, словарный состав всех указанных этимологических групп был проанализирован с точки зрения семантической дистрибуции.

Ключевые слова: исконная лексика, грецизмы, латинизмы, германизмы, арабизмы, галлицизмы, испанизмы, экзотизмы, интернационализмы

S.V. Arkhipov (Moscow, Russia)

Loan Words in Works Written by F. de Oliveira and Its Distribution on Semantic Fields

Abstract: The article analyzes the problem loan words in the Portuguese-written works by the Portuguese philologist of 16th century F. de Oliveira. The material of investigation are “Grammatica da lingoagem portuguesa” (“Grammar of Portuguese Language”), “Arte da guerra do mar” (“Treatise of Sea Warfare”), “Viagem do Fernão de Magalhães” (“Voyage of Fernão de Magalhães”), “Liuro da fabrica das naos” (“Book of Shipbuilding”). The author of this article studies the F. de Oliveira’s point of view on loan words and compares its with the vocabulary of investigated works. The word groups of different etymology are discovered with the method of total selection: aboriginal vocabulary, Graecisms, Latinisms, Germanisms, Arabisms, Gallicisms, Hispanisms, Exotisms, Internationalisms. The vocabulary of all investigated word groups is also analyzed with the method of semantic distribution.

Key words: aboriginal vocabulary, Graecisms, Latinisms, Germanisms, Arabisms, Gallicisms, Hispanisms, Exotisms, Internationalisms

Видный представитель португальского Возрождения Фернан де Оливейра является автором ряда весьма значимых и интересных в лингвистическом плане произведений. Это «Grammatica da lingoagem portuguesa»¹ («Грамматика португальского языка», 1536), «Arte da guerra do mar»² («Искусство войны на море», 1555), «Viagem do Fernão de Magalhães»³ («Путешествие Фернана де Магелана», 1555), «Liuro da fabrica das naos»⁴ («Книга о строительстве кораблей», 1580).

Его «Grammatica...» – это первый опыт грамматического описания португальского языка. Примечательно, что этот лингвистический трактат был написан не на латинском, а на португальском языке. В этом труде значительное место занимает рассмотрение португальской лексики (десять из пятидесяти глав), которое автор проводит по нескольким критериям, выделяя, таким образом, несколько групп слов: исконная лексика, заимствования, интернационализмы, архаизмы, неологизмы, общеупотребительная лексика, слова с прямым значением, слова с переносным значением. Здесь мы рассмотрим только группу заимствованных слов.

Под заимствованиями, которые грамматист называет «чужими словами» (*dições alheas*), он понимает слова, взятые в португальский язык из других языков по какой-то необходимости, обычаю, употреблению в ремесле: «*As dições alheas são aq̃llas q̃ doutras linguas trazem a noſſa por algũa neçeffiãd' d' coſtume trato arte*» [Ol., Gram., C v j v.]. Оливейра классифицирует заимствования по этимологическому принципу, выделяя грецизмы, латинизмы, галлицизмы, испанизмы, арабизмы: «*E não ſo latinos (vocabolos. – C.A.) mas gregos / arabigos / caſtelhanos. Françaefes*» [Ol., Gram., C v r.] – «И не только латинские (слова. – C.A.), но греческие, арабские, кастильские, французские».

Другой принцип выявления заимствований – хронологический. Это явствует из признания автора, что заимствования есть в исконной лексике (*noſſas dições*) и неологизмах (*dições nouas*): «*noſſas dições ſão aquellas que naçerão âtre nos ou ſão ja tam antigas que não ſabemos ſe vierão de fora*» [Ol., Gram., C v v.] – «наши слова – это те, которые родились среди нас или являются уже такими старыми, что мы не знаем, пришли ли они извне», «*mas porẽ ſe achafemos hũa couſa noua ã noſſa terra bẽ lhe podiamos dar nome nouo buſcãdo e fingindo voz noua*» [Ol., Gram., D ij r.] – «но если мы найдем новую вещь в нашей земле, то мы можем дать новое название, ища или придумывая новое слово», «*E arcabuz ha ſete ou oytanos pouco mais ou menos que ver ter a eſta terra com ſeu nome dantes nunca conhecido nella*» [Ol., Gram., C v j v.] – «И аркебуз появился на этой земле (в Португалии. – C.A.) семь или восемь лет назад с этим названием, которое до того никогда не было известно в ней (в Португалии. – C.A.)».

Однако оба принципа (особенно второй) не находят последовательного применения. Оливейра не приводит обширные списки таких слов, не указывает, когда то или иное слово попало в португальский язык, хотя и говорит, что назначение грамматики – знать, откуда, когда, зачем в португальский язык пришли те или иные слова и как они были образованы: «*a grãmatica manda ſaber donde / quando /*

¹ Grammatica da lingoagem portuguesa / [Fernão Doliveira]. Em Lixboa: e[m] caſa d' Germão Galharde. 27 Ianeyro 1536.

² Arte da guerra do mar / nouamente eſcrita per Fernando Oliueyra... Em Coimbra: Iohão Alueres [sic] 4 Iulho 1555. [4], 9–80 f.

³ Ferdinandi Oliveri de Sancta Columba [1507–85] opera duo: Ars nautica, autographa. Viagem de Fernao de Magalhaes, ſecundum narrationem cuiuſdam ſocii et ſuppletus ex aliis fontibus, luſitanice. XVI [1555].

⁴ Liuro da fabrica das naos / [...] compoſto de nouo p[e]llo licenciado Fernando Oliueyra [Ca. 1580]. [3] f., [164] p., enc.: papel, il.

porq̃ e como forão feytas (dições. – *C.A.*)» [Ol., Gram., C v v.] – «грамматика поручает знать, откуда, когда, зачем и как они (слова. – *C.A.*) были образованы». Он приводит только некоторые примеры: *picote* в значении *burel* (грубая шерстяная ткань), *alquiçé* (одежда у морисков наподобие плаща), *arcabuz* (аркебуз, разновидность арбалета) [Ol., Gram., C vj v.]. Для определения этимологии заимствований, имеющихся в произведениях этого португальского автора, мы использовали ряд лексикографических источников, указанных в библиографии.

Грецизмы содержатся в нескольких семантических полях. В «*Grammatica...*» к лексемам греческого происхождения относятся многие слова из области языка:

- *ortografia* (орфография) [Ol., Gram., A ij r., A viij v., B vj v., C iiij v., D v.];
- *analogia* (аналогия) [Ol., Gram., A ij r., C iiij r., D iiij r., D vj r., E v r.];
- *etimologia* (этимология) [Ol., Gram., A ij r., A vj r., C iiij r., C v v., C vj v., C vj r., D iiij r.];
- *ditongo* (дифтонг) [Ol., Gram., B vj r., B vij v., B vij r., B viij v., B viij r., C ij v., C vij v. E r., E ij v., E ij r., E iij v.];
- *silaba* (слог) [Ol., Gram., B ij r., B iij r., B vj v., B vj r., B vij v., B vij r., B viij r., C r., C ij v., C ij r., C iij v., C iij r., C iiij v., C iiij r., C vj r., C vij v., D viij r., E iij r.];
- *monosilabos* (односложные слова) [Ol., Gram., D viij r.];
- *enclética* (энклитика) [Ol., Gram., C ij r.];
- *tema* (тема, исходная форма слова) [Ol., Gram., C iiij v.];
- *caracteres* (буквы) [Ol., Gram., A vj v.].

Много грецизмов содержится в сочинениях о море. В группе слов, называющих людей, занятых в морском деле, есть только один грецизм – *piloto* (лоцман)¹, который пришел в португальский через итальянский [Сапрыкина 2007: 60]. Среди названий типов плавательных средств мы видим такие слова, как:

- *nau* (корабль) [Ol., Arte, f. lxiiij; Ol., Viagem, f. 241 r., 242 v., 244 v., 244 r., 245 v., 246 v., 246 r., 247 v., 247 r., 248 v., 250 r., 251 r., 254 v., 254 r., 255 v.; Ol., Liuro, p. 3, 4, 14, 15, 37, 48, 51, 63, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 83, 86, 88, 89, 101, 110, 117, 119, 124, 128, 133, 138, 142, 145, 150, 155, 156, 158, 159];
- *barco* (барк) [Ol., Arte, f. lxvij; Ol., Viagem, f. 246 r.; Ol., Liuro, p. 46, 61, 65, 153, 161];
- *thalamego* (судно с каютами) [Ol., Liuro, p. 67, 120];
- *monostega* (однопалубное судно) [Ol., Liuro, p. 132];
- *distega* (двухпалубное судно) [Ol., Liuro, p. 132];
- *tristega* (трехпалубное судно) [Ol., Liuro, p. 131, 132];
- *polistega* (многопалубное судно) [Ol., Liuro, p. 132].

К семантическому полю «разновидности древесины» относятся *cedro* (кедр) [Ol., Arte, f. xxj, xxiij; Ol., Liuro, p. 20, 23, 137], *acipreste* (кипарис) [Ol., Arte, f.

¹ *piloto* [Ol., Arte, f. xliij, xliiij, xlv; Ol., Viagem, f. 244 v., 244 r., 248 v., 251 r., 253 r.; Ol., Liuro, p. 53, 147, 159].

xxij; Ol., Liuro, p. 20, 22, 33]. Грецизмом является также орудие для навигации *escalmo* (палка, уключина, которую используют как весло и для abordaja) [Ol., Arte, f. xlviii]. Производное от этого слова *entrescalmo* (расстояние между веслами) [Ol., Arte, f. xliii] может быть квалифицировано как частичный грецизм (латиногрецизм).

Грецизмами также являются лексемы, обозначающие разного рода и назначения приспособления и расходные материалы:

- *âncora* (якорь) [Ol., Arte, f. lxiii, lxxij, lxxx; Ol., Viagem, f. 243 r., 254 r.; Ol., Liuro, p. 60];
- *bomba* (насос) [Ol., Arte, f. xxxviii, xlviii; Ol., Liuro, p. 60, 61];
- *seringa* (разновидность насоса) [Ol., Liuro, p. 61];
- *rezina* (древесная смола) [Ol., Arte, f. xx, xxj; Ol., Liuro, p. 41];
- *cobre* (медь) [Ol., Arte, f. xx, xlix; Ol., Liuro, p. 37, 41];
- *corda* (веревка) [Ol., Arte, f. xxvj, xxx; Ol., Liuro, p. 39, 42, 43, 93, 105, 130, 146, 164];
- *gombo* (пластырь для заделки пробоины) [Ol., Liuro, p. 111, 120];
- *estopa* (пакля) [Ol., Arte, f. xix, xx; Ol., Liuro, p. 5, 36, 38, 39, 40, 42, 137, 139, 141].

Иногда грецизмом является не все слово, а лишь его часть: **semi**ogal (полугласный) [Ol., Gram., A vij r., B iij r., B vij v., C ij v.]. Здесь также можно говорить о частичном грецизме (греколатинизме).

Следующий слой заимствований составляют слова латинского происхождения. Португальский автор констатирует, что португальцы сильно подражают древним римлянам и берут у них слова, не сообразуясь с тем, необходимы ли они в португальском языке: «Mas nos fomos tão grâdes bogios dos latinos q̃ tomamos suas coufas sem muito sentir dellas q̃nto nos são neçessárias» [Ol., Gram., B iij r.]. Но в другом пассаже он фактически оправдывает такую практику, опираясь на авторитет часто цитируемого им известного древнеримского филолога Квинтилиана. Римский грамматик, как передает его слова Оливейра, признавал то, что римляне сами брали слова из других языков, когда им не доставало своих: «Quintiliano no primeyro liuro confessa q̃ os latinos vfauão de vocabolos emprestados quando lhos seus faltauão» [Ol., Gram., C v r.].

Латинизмы, подобно грецизмам, образуют несколько семантических полей. В «Grammatica...» к латинизмам из области лингвистики относятся:

- *artigo* (артикл) [Ol., Gram., B viij v., B viij r., C iij r., D vij r., D viij r.];
- *lingua* (язык) [Ol., Gram., A r., A ij v., A iij v., A iij r., A v v., A vj v., A vij v., A vij r., A viij v., A viij r., B v., B r., B ij v., B iij v., B viij r., B iij r., B v v., B v r., B vj v., B vj r., B vij r., B viij v., B viij r., C v., C ij v., C ij r., C v v., C v r., C vij v., C viij v., C viij r., D iij v., D iij r., D v v., D v r., D vj r., D vij v., D vij r., E v., E ij v., E iij v., E v r., E vj v., E vj r.];
- *adjectivo* (прилагательное) [Ol., Gram., D iij r., E r., Eij v., E iij v., E v r.];
- *advérbio* (наречие) [Ol., Gram., B ij r., C vij r., E v r., E vj v.];
- *conjunção* (союз) [Ol., Gram., C vij r., E vj v.];

- figura (начертание буквы) [Ol., Gram., A iij v., A vj v., A vij r., B v., B ij v., B ij r., B iiij v., D vj v.];
- interjeições (междометия) [Ol., Gram., B ij r., B iiij v.];
- interposição (вставка звука) [Ol., Gram., B v r., B vij r.];
- interposição (в современной грамматической терминологии в данном случае используется грецизм метоклиза, постановка объектных форм местоимения внутри глагола) [Ol., Gram., D viij r.];
- preposição (предлог) [Ol., Gram., D viij r., E vj v.];
- letra (буква, звук) [Ol., Gram., A vij r., A viij v., A viij r., B v., B r., B ij v., B ij r., B iij v., B iij r., B iiij v., B v v., B vj v., B vj r., B vij v., B vij r., B viij r., C v., C r., C ij v., C iiij r., C vij r., C viij r., D v., D viij v., E v., E ij v., E ij r., E iij v., E iij r., E iiij v., E iiij r.];
- voz (звук, слово) [Ol., Gram., A iij r., A vj v., A vj r., A vij v., A vij r., A viij v., B v., B ij r., B iij v., B iiij v., B v r., B vj v., B vj r., B vij v., B viij r., C v., C r., C ij v., C iiij r., C vij r., D ij r., D iij r., D iiij v., D iiij r., D v v., D v r., D vij r., D viij r., E iij r., E iiij v., E iiij r.; Ol., Arte, f. lxiiij, lxxvj];
- vocábulo (слово) [Ol., Gram., B vj v., B viij r., C iiij r., C v r., D ij r., D iij v.];
- escriptura (текст, орфография) [Ol., Gram., A vj v., A vj r., A viij v., B ij v., B ij r., B v v., C iiij r.];
- espirito (экспираторное усилие, выдох) [Ol., Gram., C v r., B v., B r., B ij v., B ij r., B iiij r., B v v., B v r., B vj v., B viij r., C ij r., C v r.];
- pronomes (местоимения) [Ol., Gram., E iiij r.];
- acento (ударение) [Ol., Gram., A ij r., A viij r., B v r., C v., C r., C ij v., C ij r., C iij v., C iiij r.];
- aumento (приращение) [Ol., Gram., C vj r.];
- última (последний слог) [Ol., Gram., B v r., C v., C ij v., C ij r., C iij v., C iij r., C iiij v., E r.];
- penultima (предпоследний слог) [Ol., Gram., C ij r., C iij v., C iij r., C iij r. – C iiij v.];
- antepenultima (слог, третий от конца слова) [Ol., Gram., C ij r., C iij v., C iiij v.];
- consoante (согласный звук) [Ol., Gram., B ij v., B iij r., B v r., B vij r., C r., E v., E iij v.];
- muda (немой звук) [Ol., Gram., A vj r., B iij r., B iiij v., B vj r., B vij v., B viij v., B viij r., C ij v., D v v., E ij v., E iij r.];
- liquida (плавный звук) [Ol., Gram., B r., B iij v., B iij r.; Ol., Gram., B iij r., B v v., B vij v., C ij v.];
- tom (тон, ударение, звучание) [Ol., Gram., C r., C ij v., D iij v., E r.];
- som (звук, звучание) [Ol., Gram., A iij r., A vij v., A viij r., B v., B iij r., C iiij v., C v r., D ij r., E r., E ij r., E iiij r.];

- verbo (глагол) [Ol., Gram., A vj r., C iiij v., C iiij r., C vij r., C viij v., D v., D iiij v., D iiij r., D v v., D v r., E iiij r., E v v., E v r., E vj v.];
- terminação (окончание) [Ol., Gram., C iiij v., D vij v.];
- pessoa (лицо) [Ol., Gram., C iiij v., C iiij r., C v v., C vj v., C vij r., D v r., E iiij r., E v v.];
- numero (число) [Ol., Gram., E iiij r., E v r.];
- género (род) [Ol., Gram., E v., E r., E ij v.];
- caso (падеж) [Ol., Gram., D viij v., D viij r., E iiij r.];
- declinação (склонение) [Ol., Gram., D v v.];
- tempo (время) [Ol., Gram., E iiij r., E v v.];
- conjugação (спряжение) [Ol., Gram., E iiij r., E v v.];
- modo (наклонение) [Ol., Gram., E iiij r., E v v.].

В семантическое поле «плавательные средства» входят такие латинизмы, как

- arca (ковчег) [Ol., Arte, Prol.; Ol., Liuro, p. 31, 74, 131],
- gamela (корыто, посудина) [Ol., Liuro, p. 43, 53, 115],
- navio (корабль) [Ol., Arte, f. xxiij, xxiiij, xxiiij, xxix, xxx, xxxj, xxxix, xxxx, xlii, xliij, xliiij, xlv, xlvj, xlvij, xlviiij, l, lj, lvij, lxiiij, lxviij, lxxviij, lxxviij; Ol., Viagem, f. 246 v., 247 v.; Ol., Liuro, p. 11, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 53, 54, 55, 58, 60, 63, 64, 65, 67, 68, 75, 76, 78, 80, 82, 83, 84, 85, 87, 89, 91, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 111, 112, 113, 115, 116, 123, 124, 126, 127, 128, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 140, 141, 142, 143, 144, 147, 148, 150, 151, 152, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162],
- biremis (бирема, гребной военный корабль с двумя рядами весел) [Ol., Liuro, p. 132];
- triremis (трирема, гребной военный корабль с тремя рядами весел) [Ol., Liuro, p. 132];
- quadriremis (квадрирема, гребной военный корабль с четырьмя рядами весел) [Ol., Liuro, p. 132].

Латинизмы представлены также терминами мер: covado (локоть, ~1, 1 м) [Ol., Arte, f. lxj; Ol., Liuro, p. 74, 110, 111, 112]; cotovelo (аршин, ~0, 71 м) [Ol., Liuro, p. 110, 111, 112, 159]; dedo (палец, примерно полдюйма) [Ol., Liuro, p. 73]; dedo polegar (дюйм, ~2, 5 см) [Ol., Liuro, p. 73]; onça (унция) [Ol., Liuro, p. 104]. Поле «расходные материалы» представлено лексемой betume (смола, замазка) [Ol., Arte, xix; Ol., Liuro, p. 39, 40, 42]. Среди дендронимов к латинизмам относятся abeto (ель) [Ol., Liuro, p. 20, 22], ulmo (вяз) [Ol., Liuro, p. 34].

Испанизмы встречаются крайне редко. В «Grammatica...» – это caranguejo (краб) [Ol., Gram., B vij v.], в «Arte...» – два словосочетания nombre de Dios [Ol., Arte, f. lx] – имя Божье, palavra de latin [Ol., Arte, f. xxviij] – слово из латыни. В «Liuro...» встречается испанизм temon [Ol., Liuro, p. 158] – дышло штурвала. В «Viagem» Оливейра вкладывает в уста одного персонажа испанскую пословицу: «Achaqs al uernes por no aiunar le» («немошные в пятницу не постятся») [Ol., Viagem., f. 251 r.]. Эту пословицу можно перевести на русский язык вопросительным предложением: «Что, страшно?», «Ты боишься?» и т. д. Автор использует ее,

чтобы охарактеризовать одного из участников экспедиции Ф. де Магеллана, основу которой составляли испанцы. Немногочисленность испанизмов может быть объяснена антииспанской позицией Ф. де Оливейры, появившейся и нараставшей в условиях всё увеличивающегося испанского влияния на многие стороны жизни Португалии в XVI в. (в том числе и в языковой области), которое завершилось потерей Португалией независимости и ее вхождением в состав Испании.

Кроме того, несмотря на соперничество испанского с португальским, последний не утратил своих позиций в сфере употребления. Как отмечает М.А. Косарик, «И всё же, оказавшись в период испанского владычества на положении регионального языка, португальский используется не только в сфере устного общения, но и во всех жанрах письменности, сохраняя во всей полноте функциональную парадигму» [Косарик 2013: 50].

Во всех исследуемых текстах есть некоторое количество галлицизмов. Это лексемы из следующих семантических полей. В поле «оружие и военное снаряжение» мы находим *bombarda* (бомбарда) [Ol., Gram., D ij r.; Ol., Viagem, f. 247 r.], *esbombardear* (обстреливать из бомбарды) [Ol., Gram., D ij r.], *espingarda* (небольшая пушка) [Ol., Gram., C vj r.], *arnês* (доспех) [Ol., Arte, f. xxvij, Ol., Gram., E iij r.]; *arcabuz* (акребуз, разновидность арбалета) [Ol., Gram., C iij v., C iij r., C vj v., C vj r., E iij r.; Ol., Arte, f. xxxvj, xxxvij, lxxv]. В поле «разновидности плавательных средств» входят *galé* (галея, военный корабль) [Ol., Arte, f. xxix, xliij, xlv, xlvj, xlvij; Ol., Liuro, p. 48, 52, 131, 132], *galeaça* (галеаса) [Ol., Liuro, p. 49], *galeota* (галеота, лодка с навесом) [Ol., Arte, f. xlv; Ol., Liuro, p. 45], *galeão* (галеон) [Ol., Liuro, p. 48, 49].

Интересно заметить, что этимология у слова *gale*, согласно Оливейре, не французская, а армянская. Это слово, как полагает португальский автор, имеет этимон *galim* (затоплять, наводнять, заполнять): «*galee, que se deriu de doutro uocabolo armenico, que na armenia se pronunciava galim: o qual queria dizer alagar, por que as galees, nauios ualem contra o alagar, liurão os homens das aogũas*» [Ol., Liuro, p. 48] – «*galee, которая происходит от армянского слова, которое в Армении произносилось galim, которое означало затоплять, наводнять, заливать, поскольку галеи – это корабли, которые служат для спасения людей от воды, против затопления*».

Поле «вспомогательные устройства и предметы» составляют *cabrestantes* (лебедки) [Ol., Arte, f. xx; Ol., Liuro, p. 154]; *driça* (фал, снасть, предназначенная для подъема и спуска парусов, отдельных деталей рангоута) [Ol., Arte, f. xxxj (xxxij); Ol., Liuro, p. 124]. Поле «расходные материалы» представлено словами *vinho vinagre / vinagre* (уксус) [Ol., Arte, f. xv, xxvij, xxix, xlvij, lxxv], *breu* (смола из дегтя или смесь, приготовленная из сала, жидкой смолы, древесной смолы) [Ol., Gram., E v.; Ol., Arte, f. xix, xx, xxx; Ol., Liuro, p. 5, 36, 39, 40, 41, 42, 136, 140, 141], поле «оснастка корабля» – *treu* (латинский парус, применяемый во время бури) [Ol., Gram., E v.].

Помимо галлицизмов в морских трактатах Оливейры мы встречаем один кельтизм: *légua* (лье, путевая мера длины) [Ol., Arte, f. lxxij, lxxij]; [Ol., Viagem, f. 239 r., 246 v., 246 r., 247 r., 248 v., 248 r., 252 v., 254 r.]; [Ol., Liuro, p. 9].

Оливейра ничего не говорит о том, что в португальском языке есть германизмы. Это преимущественно слова-маринизмы:

– *carlinga* (гнездо мачты) [Ol., Liuro, p. 158];

- masto (мачта) [Ol., Arte, f. xxiiij, xxix, xxx, xlii, xliij, xlv, lxiiij, lxxv; Ol., Viagem, f. 254 r.; Ol., Liuro, p. 50, 118, 124, 129, 142, 146, 147];
- quilha (киль) [Ol., Arte, f. xli, xlii; Ol., Viagem, 254 v.; Ol., Liuro, p. 61, 69, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 90, 124, 133, 134, 151];
- bolina (булинь, морской узел) [Ol., Liuro, p. 131];
- talha (таль, подвесное грузоподъемное устройство с ручным приводом, состоящее из подвижного и неподвижного блоков и основанное на шкивах троса) [Ol., Liuro, p. 74];
- chalupas (шлюпки) [Ol., Liuro, p. 129];
- toldo (навес) [Ol., Liuro, p. 142] / tolda (верхняя палуба) [Ol., Liuro, p. 67, 116, 123, 129, 142, 143, 144];
- urca (барк, название этого типа судна в Германии) [Ol., Liuro, p. 48].

Из многих германизмов также состоит группа анемонимов (названий ветров): norte (норд, северный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], nornordeste (норд-норд-ост, северо-северо-восточный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], nordeste (норд-ост, северо-восточный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], leste (ост, восточный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], lessueste (ост-зюйд-вест, восточно-юго-западный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], fufueste (зюйд-зюйд-ост, юго-юго-восточный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], sueste (юго-восточный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], sul (южный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], sudoeste (зюйд-вест, юго-западный ветер) [Ol., Arte, f. xxvj, lj, lvj], susudueste (зюйд-зюйд-вест, юго-юго-западный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], oessudueste (западно-юго-западный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], oeste (вест, западный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], noroeste (норд-вест, северо-западный ветер) [Ol., Arte, f. lvj], oesnoroeste (вест-норд-вест, западно-северо-западный ветер) [Ol., Arte, f. lvj]. Среди этих многочисленных германизмов в семантическом поле анемонимов имеется только один латинизм: uento auſtro [Ol., Liuro, p. 34] – южный ветер.

Примечательно замечание Оливейры по поводу вышеприведенных названий ветров. Он пишет, что они используются в Европе: «Estes nomes dos vêtos feruê nas terras do ponente» [Ol., Arte, f. lvj]. По его словам, жители Средиземноморья (os leuantiscos) дали ветрам следующие названия: tramontana (северный ветер), greco (северо-восточный ветер), levante (восточный ветер), sirocco (сирокко или широко, южный или юго-восточный ветер), medyjorno (южный ветер), lebeche (либеччо, юго-западный ветер), ponente (западный ветер), mestral (мистраль, северо-западный ветер)¹. Как показывает анализ, этимология этих анемонимов различна. Итальянизмами являются tramontana, medyjorno, ponente, levante, провансализмом – mestral, латинизмом – greco, арабизмом – sirocco. Этимология анемонима lebeche неясна. Есть две гипотезы. Согласно одной – это арабизм, согласно другой – грецизм.

Наличие арабских слов Оливейра считает закономерным, поскольку арабы долгое время жили в Испании (на Пиренейском полуострове. – С.А.) и разговаривали на своем языке, а после ухода оставили свои слова: «Muyto menos he de marauilhar hauer na eſpanha os taes vocabulos arabigos, pollo muyto tẽpo que nella morou della naçam, ou ao menos que falaua ſua linguagem, e pouco tempo que ha que della ſam lançados eſſes homẽs / dõde nos ficaram muytos vocabolos ſeus como vemos» [Ol., Arte, f. xix].

¹ Tramõntana / greco, leuante, fyroco, medyjorno, lebeche, ponẽte, e meſtral [OL., Arte, f. lvj].

Арабизмы, как показывают примеры, принадлежат разным семантическим полям. В частности, это слова, называющие типы судов или их отдельные части, корабельные снасти: *almeida* (рулевое отверстие) [Ol., Liuro, p. 162, 163], *almogama* (задний шпангоут) [Ol., Liuro, p. 90, 97, 102, 104, 105, 114, 120, 122, 125, 158], *almadias* (плоты) [Ol., Liuro, p. 12], *xareta* (рыболовная сеть) [Ol., Liuro, p. 132], *zabra* (двухмачтовое судно) [Ol., Liuro, p. 46]. В поле «род деятельности, профессии» входят *almirante* (адмирал) [Ol., Arte, f. xviiij, xix, xxix, xxx], *almoхарife* (кладовщик) [Ol., Arte, f. xxxiiij], *almocreve* (погонщик мулов) [Ol., Gram., C vij v.].

Есть арабизмы также и среди названий расходных материалов и мер веса:

- *alcatrão* (дёготь) [Ol., Arte, f. xx; Ol., Liuro, p. 36, 39, 41];
- *algodão* (хлопок) [Ol., Arte, f. xx; Ol., Liuro, p. 38, 39];
- *azeite* (оливковое масло) [Ol., Arte, f. xxix, xlviiij; Ol., Liuro, p. 41, 42], а также мер веса:
- *almude* (алмуд, старинная мера сыпучих веществ) [Ol., Arte, f. xlv, xlvij, lxxiiij];
- *arroba* (мера веса, примерно равная 15 кг) [Ol., Arte, f. xlvij].

В «Liuro...» Оливейра использует некоторые слова, которые являются экзотизмами. Однако сам автор ничего не говорит о словах из языков Африки и Азии. *Сапоас* пришло из языка карибских индейцев племени аравак. Из малайского языка португальский заимствовал *lanchar* (шлюпка) [Ol., Liuro, p. 46], *galagala* (смазка) [Ol., Liuro, p. 136, 137]. Спорными в плане этимологии являются *alemo* (тополь) [Ol., Liuro, p. 20, 22], *muleta* (небольшое рыболовецкое судно) [Ol., Liuro, p. 47]. Также не совсем ясно происхождение такого, казалось бы характерного для португальского языка слова как *caravela* (каравелла) [Ol., Arte, f. xliij; Ol., Liuro, p. 48, 49, 101, 162]. Сам автор полагает, что *caravela* – это слово греческого происхождения: «*Carauella parece q̃ tomou este nome da lingua grega*» [Ol., Liuro, p. 49].

Итак, Ф. де Оливейра выявляет несколько групп слов по их этимологической принадлежности: грецизмы, латинизмы, галлицизмы, испанизмы, арабизмы. Как показало исследование, заимствования из указанных языков являются основными, но не единственными. Грамматик не выделяет германизмы, кельтизмы, экзотизмы. Кроме того, он не прослеживает путь заимствованного слова от языка-донора к языку-реципиенту. Грецизмы, латинизмы, галлицизмы, арабизмы неравномерно распределены по ряду семантических полей за исключением испанизмов и экзотизмов.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

1. *Grammatica da linguaagem portuguesa* / [Fernão Doliveira]. Em Lixboa: e[m] casa d'Ger-mão Galharde, 27 Ianeyro 1536. [38] f. // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии: purl.pt/120
2. *Arte da guerra do mar / nouamente escrita per Fernando Oliueyra...* Em Coimbra: Iohão Aluerez [sic] 4 Julho 1555. [4], 9–80 f. // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии: purl.pt/22935
3. *Ferdinandi Oliveri de Sancta Columba [1507–85] opera duo: Ars nautica, autographa. Viagem de Fernao de Magalhaes, secundum narrationem cuiusdam focii et suppletus ex aliis fon-*

tibus, Iuſitanice. XVI [1555] // Официальный сайт библиотеки Лейденского университета. socrates.leidenuniv.nl/R/K8QS3NYQH8CE3CBCV3YI9KBA1NYAVYEXDCGNBR3S

4. Liuro da fabrica das naos / [...] composto de nouo p[e]llo licenciado Fernando Oliueyra [Ca. 1580]. [3] f., [164] p., enc.: papel, il. // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии. purl.pt/6744

СЛОВАРИ

1. *Bueno F. da Silveira*. Grande dicionário etimológico-prosódico. 8 vols. São Paulo, 1968. 4338 p.

2. *Corominas J.P.J.* Diccionario crítico etimológico. 6 vols. Madrid, 1980–1991.

3. Diccionario da lingua portugueza, composto pelo padre d. Raphael Bluteau, reformado e accrescentado por Antonio de Moraes Silva. Lisboa, 1779.

4. Diccionario da lingua portugueza ... por Antonio de Moraes Silva. Lisboa, na typographia lacerdina. Anno de 1818.

5. Diccionario de Marinha que aos officiaes da Armada nacional portugueza. O. D. E C. João Pedro d' Amorim. Lisboa, na imprensa nacional, 1841.

6. Diccionario de la Real Academia Española – 22ª Edición – 2001. buscon.rae.es/drae/srv/search?type=3&val=%E1lamo

7. Diccionario Etimológico de la Lengua Castellana [Ensayo] – Dr. D. Pedro Felipe Monlau. 1881.

8. Diccionario Marítimo Español, ... por D. José de Lorenzo, D. Gonzalo de Murga y D. Martin Ferreiro, Empleados en la Direccion de Hidrografia. Madrid. Establecimiento tipográfico de T. Fortanet. 1864.

9. *Diez F.* Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Bonn, 1887.

10. Dizionario tecnico-etimologico-filologico compilato dall' Ab. Marco Aurelio Marchi. Milano, dalla tipografia di Giacomo Pirola. M. DCCC. XXVIII.

11. *Ferreira A.B.H.* Novo Dicionário da Língua Portuguesa. Segunda edição. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1986.

12. Elucidario das palavras, termos, e frases, que em Portugal antigamente se usaram, e que hoje regularmente se ignoram. Obra indispensável para entender sem erro os documentos mais raros e preciosos que entre nós se conservam. Publicado em beneficio da litteratura portugueza por Fr. Joaquim de Santa Rosa de Viterbo. Lisboa: M.DCCC.XII, na typographia Regia Silviana.

13. Glossário das palavras e frases da lingua francesa, ... por D. Fr. Francisco de S. Luiz. Rio de Janeiro, reimpresso na typ. commercial de Silva & irmão, 1835.

14. Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe par A. Dozy et Dr. W.H. Engelmann. Seconde édition, revue et très considérablement augmentée. Leyde E.J. Brill, Imprimeur de l'Université, 1869.

15. Glossaire nautique. Répertoire polyglotte de terme de marine anciens et modernes, par A. Jal, auteur d'archeologie navale et du vigilius nauticus. Paris, M DCCC XLVIII.

16. *Machado J.P.* Dicionário etimológico da língua portuguesa. Lisboa, 5 vols. 1977.

17. *Meyer-Lübke W.* Romanisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911.

18. *Nascentes A.* Dicionário etimológico da lingua portuguesa. Rio de Janeiro, 1932.

19. Nuovo dizionario universale tecnologico o di arti e mestieri e della economia industriale e commerciante / compilato dai signori Lenormand, Payen, Molard jeune [e. al]; prima traduzione italiana fatta da una società di dotti ed artisti. Venezia: Giuseppe Antonelli, MDCC-CXXX-MDCCCLXI [1830].1861.

20. Tesoro de la lengua castellana, o española. Compuesto por el licenciado Don Sebastian de Cobaruiias Orozco, Capellan de su Magestad, Maestre escuela y Canonigo de la santa Yglesia de Cuenca, y Confultor del santo Oficio de la Inquificion. Dirigido a la Magestad Catolica del Rey Don Felipe III. nuestro señor. Con privilegio. En Madrid, por Luis Sanchez, impressor del Rey N. S. Año del Señor M. DC. XI.
21. Thesouro da lingua portvgvesa composto pelo padre D. Bento Pereyra ... Em Lisboa, na officina de Paulo Craesbeeck, à sua custa. Anno 1647.
22. Vestígios da lingua arabica em Portugal ou Lexicon etymologico das palavras, e nomes portuguezes, que tem origem arabica, composto por ordem Academia Real das sciencias de Lisboa, por Fr. João de Sousa, Socio da dita Academia, e Interprete de S. Magestade para a Lingoa Arabica ; e augmentado e annotado por Fr. Joze de Santo Antonio Moura, Socio da predita Academia, Official da Secretaria de Estado dos Negocios Estrangeiros, e Interprete Regio da referida Lingoa. Lisboa, na typographia da mesma Academia, 1830.
23. *Walde A.* Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1910.
24. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
25. Большой нидерландско-русский словарь. 2-е изд., испр. / Под ред. д.ф.н. проф. С.А. Миронова. М.: Живой язык, 2002. 920 с.
26. Большой португальско-русский словарь / Сост. С.М. Старец, Е.Н. Феерштейн. 5-е изд., испр. М.: Живой язык, 2005. 936 с.
27. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь / Под ред. проф. С.И. Соболевского. М., 1958.
28. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 6-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000.
29. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
30. *Короленко И.А.* Словарь этимологических дублетов испанского языка. Л.: Наука, 1969. 113 с.
31. Морской энциклопедический словарь: В 3 т. / Под ред. В.В. Дмитриева. СПб.: Судостроение, 1993.
32. Португальско-русский политехнический словарь / Сост. В.С. Матвеев, К.Г. Асриянц / Под ред. Ж.С. Энграсиа Гама де Оливейра. М.: Русский язык, 1981. 568 с.
33. *Прищепов А.М.* Краткий словарь архаизмов и историзмов испанского языка. СПб.: Умная планета, 2005. 272 с.
34. *Прох Л.З.* Словарь ветров. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 312 с.
35. *Самойлов К.И.* Морской словарь: В 2 т. М.; Л., 1939–1941.
36. Словарь исторических терминов. СПб.: Лига, 1998.
37. Словарь морского языка / Сост. М.И. Солнышкина. М., 2005.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косарик М.А.* Социоллингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. М.: МАКС Пресс, 2013. 208 с.
2. *Косарик М.А.* Разработка лексикологической проблематики в ранних грамматиках, трактатах и диалогах о языке (на материале филологических сочинений Португалии) // *Stephanos*. 2017. № 6(26). С. 85–113.
3. *Сапрыкина О.А.* Лексикология португальского языка. М.: Высшая школа, 2007. 111 с.

4. *Виноградов В.С.* Лексикология испанского языка. М.: Высшая школа, 2003. 244 с.
5. *Fiori F. Anemos.* I venti del Mediterraneo. Milano: Mursia, 2012.

REFERENCES

SOURCES

1. Grammatica da lingoagem portuguesa / [Fernão Doliveira]. Em Lixboa: e[m] casa d'Ger-mão Galharde, 27 Ianeyro 1536. [38] f. // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии. purl.pt/120
2. Arte da guerra do mar / nouamente escrita per Fernando Oliueyra... Em Coimbra: Iohão Alueres [sic] 4 Iulho 1555. [4], 9–80 f. // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии: purl.pt/22935
3. Ferdinandi Oliveri de Sancta Columba [1507–85] opera duo: Ars nautica, autographa. Viagem de Fernao de Magalhaes, secundum narrationem cuiusdam focii et suppletus ex aliis fontibus, Iuſitanice. XVI [1555] // Официальный сайт библиотеки Лейденского университета. socrates.leidenuniv.nl/R/K8QS3NYQH8CE3CBCV3YI9KBA1NYAVYEXDCGNBR3S
4. Liuro da fabrica das naos / [...] compoſto de nouo p[e]llo licenciado Fernando Oliueyra [Ca. 1580]. [3] f., [164] p., enc.: papel, il. // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии. purl.pt/6744

DICTIONARIES

1. Bueno F. da Silveira. Grande dicionário etimológico-prosódico. 8 vols. São Paulo, 1968. 4338 p.
2. Corominas J.P.J. Diccionario crítico etimológico. 6 vols. Madrid, 1980–1991.
3. Diccionario da lingua portugueza, composto pelo padre d. Raphael Bluteau, reformado e accrescentado por Antonio de Moraes Silva. Lisboa, 1779.
4. Diccionario da lingua portugueza ... por Antonio de Moraes Silva. Lisboa, na typographia lacerdina. Anno de 1818.
5. Diccionario de Marinha que aos officiaes da Armada nacional portugueza. O. D. E C. João Pedro d' Amorim. Lisboa, na imprensa nacional, 1841.
6. Diccionario de la Real Academia Española – 22ª Edición – 2001. buscon.rae.es/drae/srv/search?type=3&val=%E1lamo
7. Diccionario Etimológico de la Lengua Castellana [Ensayo] - Dr. D. Pedro Felipe Monlau. 1881.
8. Diccionario Marítimo Español, ... por D. José de Lorenzo, D. Gonzalo de Murga y D. Martin Ferreiro, Empleados en la Direccion de Hidrografia. Madrid. Establecimiento tipográfico de T. Fortanet. 1864.
9. Diez F. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Bonn, 1887.
10. Dizionario tecnico-etimologico-filologico compilato dall' Ab. Marco Aurelio Marchi. Milano, dalla tipografia di Giacomo Pirola. M. DCCC. XXVIII.
11. Ferreira A.B.H. Novo Dicionário da Língua Portuguesa. Segunda edição. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1986.
12. Elucidario das palavras, termos, e frases, que em Portugal antigamente se usaram, e que hoje regularmente se ignoram. Obra indispensável para entender sem erro os documentos mais raros e preciosos que entre nós se conservam. Publicado em benefício da litteratura portugueza por Fr. Joaquim de Santa Rosa de Viterbo. Lisboa: M.DCCC.XII, na typographia Regia Silviana.

13. Glossário das palavras e frases da lingua francesa, ... por D. Fr. Francisco de S. Luiz. Rio de Janeiro, reimpresso na typ. commercial de Silva & irmão, 1835.
14. Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe par A. Dozy et Dr. W.H. Engelmann. Seconde édition, revue et très considérablement augmentée. Leyde E.J. Brill, Imprimeur de l'Université, 1869.
15. Glossaire nautique. Répertoire polyglotte de terme de marine anciens et modernes, par A. Jal, auteur d'archeologie navale et du *vigilius nauticus*. Paris, M DCCC XLVIII.
16. Machado J.P. Dicionário etimológico da língua portuguesa. Lisboa, 5 vols. 1977.
17. Meyer-Lübke W. Romanisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911.
18. Nascentes A. Dicionário etimológico da lingua portuguesa. Rio de Janeiro, 1932.
19. Nuovo dizionario universale tecnologico o di arti e mestieri e della economia industriale e commerciante / compilato dai signori Lenormand, Payen, Molard jeune [e.al]; prima traduzione italiana fatta da una società di dotti ed artisti. Venezia: Giuseppe Antonelli, MDCC-CXXX–MDCCCLXI [1830]. 1861.
20. Tesoro de la lengua castellana, o española. Compvesto por el licenciado Don Sebastian de Cobaruuias Orozco, Capellan de su Magestad, Maestre escuela y Canonigo de la santa Yglesia de Cuenca, y Confultor del santo Oficio de la Inquificion. Dirigido a la Magestad Catolica del Rey Don Felipe III. nuestro señor. Con privilegio. En Madrid, por Luis Sanchez, impressor del Rey N. S. Año del Señor M. DC. XI.
21. Thesouro da lingoa portvgvesa composto pelo padre D. Bento Pereyra ... Em Lisboa, na officina de Paulo Craesbeeck, à sua custa. Anno 1647.
22. Vestígios da lingoa arabica em Portugal ou Lexicon etymologico das palavras, e nomes portuguezes, que tem origem arabica, composto por ordem Academia Real das sciencias de Lisboa, por Fr. João de Sousa, Socio da dita Academia, e Interprete de S. Magestade para a Lingoa Arabica; e augmentado e annotado por Fr. Joze de Santo Antonio Moura, Socio da predita Academia, Official da Secretaria de Estado dos Negocios Estrangeiros, e Interprete Regio da referida Lingoa. Lisboa, na typographia da mesma Academia, 1830.
23. Walde A. (1910) Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.
24. Akhmanova O.S. (1966) Dictionary of Linguistic Terms. Moscow. Sovetskaya Encyklopedia Publ. 608 p.
25. Grand Netherlands-Russian Dictionary. 3rd ed., revised / Ed. by S.A. Mironov. Moscow, Zhivoy Yazyk Publ. 2002. 920 p.
26. Grand Portuguese-Russian Ddictionary / Composed by S.M. Starets, E.N. Feuerstein. 5th ed., revised. Moscow. Zhivoy Yyazyk Publ. 2005. 936 p.
27. Dvoretsky I.Kh. (1958) Ancient Greek-Russian Dictionary / Ed. by Prof. S.I. Sobolevsky. Moscow.
28. Dvoretsky I.Kh. (2000) Latin-Russians Dictionary. 6th ed., reprinted. Moscow. Russky Yazyk Publ.
29. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ed.: V.N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya Encyklopedia. 1990. 685 p.
30. Korolenko I.A. (1969) Dictionary of Etymological Doublets of Spanish Language. Leningrad. Nauka Publ. 113 p.
31. Sea Encyclopedic Dictionary: In 3 vols. / Ed. by V.V. Dmitriev. Saint Petersburg. Sudostroenie. 1993.
32. Portuguese-Russian Polytechnic Dictionary / Composed by V.S. Matveev, K.G. Asriyants; ed. by J.C. Engracia Gama de Oliveira. Moscow. Russky Yazyk Publ, 1981. 568 p.

33. Prishchepov A.M. (2005) Short Dictionary of Ancient and Historical Terms of the Spanish Language. Saint Petersburg. Umnaya Planeta Publ. 272 p.
34. Prokh L.Z. (1983) Dictionary of Winds. Leningrad. Gidrometeoizdat Publ. 312 p.
35. Samoilov K.I. Sea Dictionary: In 2 vols. Moscow; Leningrad, 1939–1941.
36. Dictionary of Historical Terms. Saint Petersburg. Liga Publ. 1998.
37. Dictionary of Sea Language / Ed. by M.I. Solnyshkina. Moscow. 2005.

LITERATURE

1. Kossárik M.A. (2013) The Sociolinguistic Problematic in the Earlier Portuguese Treatises on Language from 16–17 centuries. Moscow. MAKSS Press Publ. 208 p.
2. Kossárik M. A. Analysis of Lexicological Problems in Early Portuguese Grammars, Treatises and Dialogues on Language. Stephanos. 2017. No 6(26), pp. 85–113.).
3. Saprykina O.A. (2007) Lexicology of the Portuguese Language. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 111 p.
4. Vinogradov V.S. (2003) Lexicology of the Spanish Language. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 244 p.
5. Fiori F. Anemos. The Mediterranean Sea. Milano: Mursia, 2012.

Сведения об авторе:

Сергей Владимирович Архипов,
ст. преподаватель
МГУПП

Sergey V. Arkhipov,
Senior Lecturer
Moscow State University of Food Production
lusofon@mail.ru

*М.С. Руденко (Москва, Россия),
Д.Л. Куликова (Москва, Россия)*

Жанр «письма редактора» в контексте творчества Сергея Минаева

Аннотация: В статье публицистические тексты С. Минаева сопоставляются с его художественными текстами с точки зрения формы и содержания. Рассмотрен феномен растворения границы между текстом художественным и публицистическим. Изучено функционирование прецедентных текстов в прозе автора.

Ключевые слова: прецедентный текст, С. Минаев, беллетристика, журналистика, письмо редактора

*M.S. Rudenko (Moscow, Russia),
D.L. Kulikova (Moscow, Russia)*

Genre of a «Letter of an Editor» in the Context of Sergey Minaev's Creative Work

Abstract: The article deals with Sergey Minaev's publicistic works that are compared with his artistic texts in terms of form and content. The phenomenon of melting away of the border between artistic and publicistic text is considered. The functioning of precedent texts in Minaev's prose was analysed.

Key words: precedent text, Sergey Minaev, artistic text, publicistic text, 'letter of an editor'

Место многих явлений современного литературного процесса в художественной иерархии трудно с точностью определить. Несмотря на наличие представлений о характеристиках так называемой «высокой» и «низкой» литературы, некоторые продукты литературного творчества бывает трудно отнести однозначно к тому или иному уровню, а для их полноценного исследования и интерпретации только литературоведческий терминологический аппарат оказывается недостаточным. Однако размытием границ между «высоким» и «низким» искусством не ограничиваются особенности современных литературных текстов, так как подобное смешение происходит также и на границе между журналистикой и литературой. В настоящей статье художественные произведения Сергея Минаева будут рассмотрены как единицы пласта литературы, называемого «беллетристикой». Природа беллетристики предстает гетерогенной: одновременно опираясь на актуальный материал, откликаясь на современные события и тенденции, она должна транслировать «усредненные» жизненные установки для «усредненного» сознания.

ния, ценности и нормы, которые окажутся приемлемыми для широкого круга лиц. Соотношение этой «актуальности», если не однодневности, и способности создания и закрепления социальной нормы представляет отдельный интерес, так как позволяет рассматривать в тексте литературном содержательные и формальные особенности, более присущие текстам журналистским. Беллетристика как иерархический пласт литературы может быть материалом показательным в отношении изучения истории литературы и создания прогнозов на будущее: заимствование и упрощение приемов «высокой» литературы обнажает значимые тенденции. Так, к примеру, постмодернистский принцип «нонселекции», т. е. принципиального отказа от преднамеренного отбора художественных или лингвистических инструментов при создании текста, прослеживается в современной беллетристической литературе, хоть и заключает в себе иной смысл, отнюдь не отсылающий нас к постмодернизму.

Факт активности Минаева не только как писателя, но и журналиста, публициста приводит к необходимости сопоставления его публицистических высказываний и художественного материала. Далее будут рассмотрены формальные особенности его писем редактора и их идейно-тематические связи с художественным творчеством автора.

В конце 2016 г. главным редактором русской версии популярного лайфстайл-журнала «Esquire» стал Сергей Минаев, писатель, телеведущий, медийная персона нулевых и десятых годов России XXI в. Слово Минаева на страницах журнала является не только высказыванием редактора, но и элементом манифестации его как писателя, осмысляющего окружающую действительность, т. е. встраивается в его литературное творчество, которое, как можно заметить, во многом комбинирует медийный и литературный дискурс. Жанр «письма редактора» можно воспринимать как своего рода лирические отступления, встраивающиеся в литературное творчество автора и помогающие при интерпретации определенных его элементов, а также как свидетельство синтетической природы словесного творчества Сергея Минаева. В настоящее время мы располагаем только десятью текстами «писем», однако они могут представить материал для сравнительного исследования формальных и идейно-тематических компонентов творчества Минаева.

Литературную славу С. Минаев обрел после выхода в 2006 г. романа «Duhless. Повесть о ненастоящем человеке», успешная рекламная кампания которого быстро принесла известность его автору. Примечательно, что обложки первых изданий романа были оформлены подобно обложкам глянцевого журнала, где размещаются заголовки и краткие аннотации (не более девяти слов) наиболее заманчивых статей, на обложке представлено фактически «содержание» романа, а читателю предлагается начать чтение с любого «раздела», который покажется ему интересным. Однако это лишь введение читателя в заблуждение, лишь имитация структуры периодического издания, и под обложкой спрятан роман, устроенный более традиционно и требующий линейного чтения от начала до конца. Важно, что печатные версии последующих произведений Минаева продолжают традицию маскировки под глянцево издание: «The Тёлки. Повесть о ненастоящей любви», «Media Sapiens. Повесть о третьем сроке» внешне напоминают новые выпуски «журнала от Сергея Минаева».

Во многом в своем литературном творчестве Минаев выступает как журналист, и в журналистском – как писатель, так как многочисленные выражения риторичности,

приводимые (точнее, воспроизводимые) на страницах «Esquire», ранее использовались в беллетристике автора.

Журналистские тексты точно так же, как любые самостоятельные целостные знаковые образования, обладают такой характеристикой, как интертекстуальность. Как известно, интертекстуальность – способность текста включать в себя элементы сторонних текстов с последующим семантическим наложением и образованием новых смыслов. Одной из частных форм интертекста можно считать претекст, в котором объемный текст-предшественник редуцируется до минимальной семантической единицы. Анализ функционирования прецедентных текстов является прерогативой не только лингвистов, но и литературоведов. В ситуации тесного сближения журналистского текста и текста художественного необходимо подчеркнуть значимость функционирования прецедентных текстов в разножанровых произведениях Минаева. Читатели и исследователи не могут игнорировать тот факт, что писатель, активно использующий прецедентность, сам претендует на создание прецедентных феноменов и имен: название его романа «Духless» вошло в язык и обрело статус прецедентного, а сам Минаев как медийная фигура и даже пример писателя нового типа может превратиться в прецедентное имя.

Интертекст и прецедентные феномены не являются уникальной характеристикой современного литературного процесса. «Поэтика символистов – поэтика мифологем» [7]. Миф, по мысли З.Г. Минц, для символистов являлся аккумулятором смыслов, использование в рамках одного произведения разнородных мифов рождало особые эффекты, миф выступал как ключ к языку-шифру, который пояснял происходящее. Современная беллетристическая литература обращается к коду интертекста для углубления культурной значимости описываемых событий за счет сопоставления с «мифами»-текстами, прославленными традицией.

«Присутствие» прецедентных текстов в минаевских письмах редактора заметно на уровне названий; с этой точки зрения наибольший интерес представляют редакторские письма, озаглавленные «Бремя героев» (февраль 2017), «И махнул рукой» (апрель 2017), «Гость из прошлого» (май 2017). Данные заголовки не только выполняют информативную функцию, но и акцентируют внимания читателя, а также содержат в себе отсылки к прецедентным ситуациям, которые мы рассмотрим далее. Заголовок «Бремя героев» содержит аллюзию на один из недавних сборников рассказов (как художественных, так и публицистических) самого Минаева, а также представляет перверсию языкового штампа «время героев» (любопытно, что статистический анализ использования этого выражения при помощи корпуса текстов русского языка показывает высокую частотность его использования в текстах, посвященных рассмотрению советского периода; например, «время героев-пионеров», а Минаев использует трансформацию этого выражения для заглавия в письме на подобную тему). Заголовок апрельского письма тесно связан с темой номера, приуроченного к Дню космонавтики, однако опять же адресует читателя к прецедентному тексту – песне Н. Добронравова «Знаете, каким он парнем был» (1971) о Ю. Гагарине. Этот заголовок отсылает к национально-прецедентному феномену, известному любому представителю национального «лингво-культурного сообщества» [2]. Заголовок «Гость из прошлого» отсылает, возможно, к прецедентному тексту¹, сформировавшемуся вокруг экранизации романов Кира Булычёва под названием «Гостя из будущего», – феномену, плотно закреплен-

¹ В данном случае термин «прецедентный текст» понимается более широко, как в работах Ю.Н. Караулова.

ному в культурном сознании читателей. Обратим внимание на то, что отсылки в публицистике обращены к прецедентным текстам, связанным скорее со сферой популярного искусства, в то время как проза Минаева содержит также значительное количество отсылок к претекстам именно литературным, и это представляется значимым отличием. К примеру, уже в подзаголовке романа «Duxless» – «Повесть о ненастоящем человеке» – мы сталкиваемся с обращением к читательскому опыту человека, берущего в руки роман «Duxless». Очевидно, что роман, обещающий стать «исповедью поколения», обращен к представителям этого поколения, для которых творчество Бориса Полевого, в частности, превратилось в бренд, обросший стереотипами, т. е. обрел статус прецедентного. Роман содержит главу под названием «Онегин»; как позже выяснится, это название клуба, в который попадает главный герой с приятелем. Глава насыщена всевозможными отсылками и микроцитациями пушкинского текста, однако о природе этой аллюзии следует рассуждать: открывает ли цитата диалог между текстом Минаева и Пушкина или является своего рода сигнальным флажком для читателя, который должен этот сигнал воспринять и продолжить чтение? Также аллюзией является замечание героя о девушке, приходящей с ним в клуб: «Есть девушки в русских селеньях». Это высказывание можно отнести к прецедентным или даже перверсивным за счет пародийного эффекта. Квазичитация Некрасова может также послужить налаживанию отношений с читателем и стать речевой характеристикой персонажа. Однако нельзя сказать, что эта отсылка «не работает» и на реанимирование культурного кода читателя, на его культурную память, не помогает выстраиванию интертекстуальной диалогической связи с литературной традицией.

Рассмотрение содержательной стороны выступлений Минаева как редактора способствует интерпретации его высказываний как литератора. В февральском номере в письме, озаглавленном «Бремя героев», автор рассуждает об особенностях современных медиа и о том, что в настоящее время многие люди стремятся избежать влияния привычных медиа-трансляторов, уйти от канонов, установленных телевидением, на «свободную территорию», которой является Интернет. Автор определяет настоящее как время, когда зрительские места перед экранами телевизоров опустеют и последние представители целевой аудитории ТВ отправятся на поиски новых героев.

Однако это ощущение смены медийных эпох было предвосхищено еще около десяти лет назад, в том числе самим Минаевым в романе «Duxless». Существование проекта Литпром, у истоков которого стоял сам Минаев, Э. Багиров и другие, – симптом времени, когда Интернет становится движущей силой популяризации новых писателей и литературных проектов. Создатели Литпрому осознавали самих себя писателями, у которых есть возможность ворваться на литературную арену, минуя судейство всеми признанных, но ложных авторитетов, опираясь только на оценки читающей публики. Литпром как явление на заре популяризации Интернета, наряду с другими литературными интернет-платформами (к примеру, Проза.ру или Самиздат), присоединился к процессу демократизации литературного творчества, – процессу, оценить результаты которого пока представляется проблематичным. Интернет, предоставивший свободу самовыражения творцам самого разного рода и величины дарования, одновременно отнял возможность контакта с читательской аудиторией. Читатель, столкнувшийся с большим объемом информации, все равно вынужден апеллировать к тем или

иным авторитетам, чтобы сориентироваться в бесконечно расширившемся мире современной литературы.

Слово редактора, согласно законам журналистского творчества, базируется на актуальном материале, и февральский номер еще звучит эхом впечатлений от новогодних праздников, однако исследователь произведений Минаева не может не заметить связи между его более ранними размышлениями о природе интернет-творчества и редакторским словом в «Esquire». Один из наиболее известных романов автора, «Duxless», повествует о том, как герой знакомится с новой ему литературной культурой: от споров о книгах Сорокина и Пелевина герой переходит к поиску людей, не только спорящих, но и пишущих «похоже». «И пишущих зачастую не хуже, а то и лучше вышеназванных авторов» [4]. Однако герой проходит недолгий путь от восторга перед новыми знакомыми до полного разочарования в них: убедившись, насколько его новые герои непривлекательны в реальности, герой утрачивает и высокое мнение об их творчестве. «А все их высказывания не что иное, как выдаваемые за свои, переработанные цитаты разных людей. От Геббельса до Солженицына» [там же.]. Мир интернет-сообщества превратился для героя в мир маргиналов, с которым время от времени любопытно контактировать. Когда один из деятелей этого круга предлагает герою создание новостного портала, герой относится к этой идее скептически, ведь от него в данной ситуации нужны только деньги. Удивительно, что представители среды, которая должна породить новую культуру, свободную от старой, в романе изображены так непривлекательно.

Апрельское послание Минаева («И махнул рукой») посвящено проблеме исторического осмысления космической программы СССР в XX в., России и США в настоящем и будущем. Гагарин выступает как культовая фигура в русском массовом сознании, воплощающая в себе идею просвещения, торжества научного знания и свободы. Интернет-сообщество, наблюдающее поспешное поправление науки, свободы и торжества здравого смысла, испытывает своего рода необходимость сопоставления этого опыта с «заветами» Гагарина, и это сопоставление чаще всего приводит к неутешительным выводам. Минаев рассуждает о чувстве вины перед великим соотечественником, которое превратилось в национальный комплекс, и развенчивает эту вину, называя ее «национальными снами о чем-то большем, разбившемся о потребительскую корзину». «Возможно (и скорее всего), Гагарин желал потомкам вовсе не покорения далеких галактик, а каких-то совсем простых вещей: чтобы в каждом доме была подача воды (тяжело таскать из колодца), или чтобы кухни в квартирах были пошире» [5]. Автор настаивает на том, что мы не утратили былые надежды, а исполнили мечты, и эта точка зрения на фоне его художественных текстов представляется неожиданной. Во многих его работах поднимается проблема общества потребления, это ярко заметно и в романе «Duxless», и в книге «Р. А.Б.». «Р. А.Б.», посвященный «памяти неизвестного менеджера среднего звена», книга-реакция на экономический кризис 2008–2009 гг., заявлен как обвинительный документ в отношении истинных виновников кризиса – корпораций и менеджеров, которые научились только «выбирать правильные бренды и правильных девочек, и потреблять, потреблять, потреблять...» Примечательно, что резкая критика бездумного общества потребления остается на страницах художественного издания, а для журнальной страницы Минаев оставляет умеренную точку зрения.

Интерпретация литературного текста подчас требует исследования биографии автора для проведения границы между биографическими мотивами и сконструированной личностью героя. Рассуждения Минаева в сентябрьском номере журнала «Esquire» о той роли, которую в его жизни сыграли некоторые музыкальные исполнители, помогает при анализе творчества автора, к примеру, романа «Р.А.Б». «Есть родители, которые произвели на свет, а есть родители, которые воспитали. Последними для меня стали Дэвид Боуи и Стивен Патрик Морриси». Примечательно, какое важное место в сознании героя «Р.А.Б.» занимает именно творчество Морриси. «В конце месяца мне выдали “премию”, которую я истратил на покупку пиджака, выловленного в корзине стокового гипермаркета, китайского CD-проигрывателя с треснутым дисплеем, и поцарапанного диска “Greatest Hits” неизвестного мне английского или американского певца. <...> Самое большое удовольствие я получил от прослушивания диска “Greatest Hits”. Особенно я полюбил песню “Every day is like Sunday”, которая, судя по вкладке с текстом, была написана специально для меня. Маленький человек в маленьком городе, проводящий свои унылые деньки в одиночестве. Там были очень точные строки:

In the seaside town
...that they forgot to bomb
Come, come, come – nuclear bomb.
Every day is like Sunday,
Every day is silent and grey.

Это вызвало во мне стойкие ассоциации с обезличенными рядами серых коробок у метро “Домодедовская”. Райончик был так же отвратителен, как тот seaside town из песни, forgot to bomb. Вот только моря не было. Лишь уродливые, подернутые грязевой ряской лужи на мостовой...» [6]. Характеристика персонажа будет неполной без учета факта наделения героя чертами автора. Публицистика Минаева соответствует тенденции современной журналистики к персонификации, когда точка зрения автора интересна сама по себе. Главный редактор в письме сокращает дистанцию между собой и читателем, и предоставленная информация интересна литературоведу.

Выступления Сергея Минаева вписываются в пласт его литературных произведений, отражая тенденцию современной беллетристики к сближению в содержательном и формальном плане с текстами журналистскими. Использование претекстов является неизменной чертой жанров журналистики, но свойства источников отсылок и аллюзий и формируют границу, отделяющую творчество беллетриста от деятельности журналиста. Как мы увидели, с этой точки зрения творчество Минаева предстает неоднородным. В его художественных текстах задействован «литературный код», об интертекстуальной или прецедентной природе которого пока трудно судить с уверенностью, так как в тексте отсылки к Пушкину или Некрасову одновременно работают и как сигналы, делающие текст более легким для чтения, и как культуремы, усложняющие идейную составляющую романа Минаева. Журналистские тексты демонстрируют иной отбор материала для аллюзий, более ориентированный на общекультурную базу национально-прецедентных феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавулина А.В., Кольцова Н.З. История внутрикультурной адаптации прецедентного феномена «маленький человек» // Болгарская Русистика. София, 2016. № 3. С. 46–59.
2. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Б.Н. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 1. С. 22–112.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004. 264 с.
4. Минаев С. Духless. Повесть о ненастоящем человеке. М., 2010. 444 с.
5. Минаев С. И махнуть рукой // Esquire. 2017. № 4. С. 20.
6. Минаев С. Р.А.Б. Антикризисный роман. М., 2009. 542 с.
7. Минц З.Г. Блок и русский символизм. Избранные труды: В 3 кн. [Кн.3.]: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство – СПб, 2004. 476 с.

LITERATURE

1. Vavulina A.V., Koltsova N.Z. History of Intracultural Adaptation of the Precedent Phenomenon of a “Little Man”. *Bolgarskaya Rusistika*. Sofia. 2016. No 3, pp. 46–59.
2. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov B.N. Precedent Name and Precedent Utteration as Symbols of Precedent Phenomena. In: *Language – Mind – Communication*. 1997. No 1, pp. 22–112.
3. Karaulov Yu.N. (2004) *The Russian Language and Personal Language*. Moscow. 264 p.
4. Minaev S. (2010) *Soulless. The Story Of The Fake Man*. Moscow. 444 p.
5. Minaev S. And give up. *Esquire*. 2017. No 4, p. 20.
6. Минаев С. (2009) *S.L.A.V.E. Anti-Crisis Novel*. Moscow. 542 p.
7. Mints Z.G. Blok and Russian Symbolism. Selected Works: In 3 books. [Book 3.]: *Poetics of Russian Symbolism*. St.-Petersburg. Iskusstvo – SPb Publ. 2004. 476 p.

Сведения об авторах:

Мария Сергеевна Руденко,
канд. филол. наук
ст. преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria S. Rudenko,
PhD
Senior Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Куликова Дарья Леонидовна,
выпускница магистратуры
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Daria L. Kulikova,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dasha0kulikova@yandex.ru

А.П. Захарова (Москва, Россия)

Рецепция образа Джека Лондона русской критикой периода с 1900 по 1916 г.

Аннотация: Формально русская прижизненная критика Джека Лондона начинается с 1904 г. С 1910 по 1912 г. появляются отдельные рецензии, с 1912 г. же начинается расцвет критики этого периода. В русскую культуру Джек Лондон приходит «малоизвестным американским писателем», а к 1916 г. становится тем, чье имя известно каждому мальчишке. С идеологической точки зрения этот критический период является вполне однородным, что и позволяет нам рассматривать его как единое целое. В отличие от более поздней, уже советской критики в этот период рецензенты основное внимание уделяют художественному анализу творчества писателя, отодвигая «социальный» и идеологический элементы анализа на второй план.

Произведения Джека Лондона, воспринимаемые в контексте большинства переводимых на русский язык современных европейских писателей, на их фоне особо выделяются простотой стиля и идейного содержания, а также своей непревзойденной живостью и оптимистичностью, что особенно привлекало русского читателя. Именно простота стиля Лондона, по сути, стала решающим фактором в процессе начавшегося в этот период создания образа Лондона как писателя для молодежи и юношества. Примерно к 1912 г. относится начало формирования основного биографического топоса – представления о Джеке Лондоне как о человеке, лично пережившем все приключения, описанные им в рассказах и некоторых больших романах, например «Мартине Идене». Трудовая биография Лондона и его обширный жизненный опыт легко осмысляются рецензентами благодаря фигуре Максима Горького, к которой критики также довольно часто апеллируют.

Ключевые слова: Прижизненная критика, рецепция образа, литературный контекст

A.P. Zakharova (Moscow, Russia)

Reception of Jack London's Image in the Russian Literary Criticism (1900–1916)

Abstract: Jack London's name for the first time appeared in Russian critical articles in 1904 when the author himself was still alive. Some reviews on his literary works could be found in Russian magazines from 1910 to 1912. But the real blossom of the criticism of that period began in 1912. In 1912 Jack London was called a little-known American writer, but by the 1916 he became a man whose name was familiar to every little boy

who loved adventure books. Ideologically this period of Russian criticism is quite homogeneous therefore we can consider it as a whole, without any additional categorization. Apart from the later criticism which already belonged to the Soviet period the articles of this time mainly draw readers' attention to the artistical features of Jack London books putting social and ideological elements of the literary analyses to the middle ground.

Jack London's books compared to the vast massive of contemporary European literature that was translated to Russian during the above mentioned period of time were notable because of the simplicity of style and ideological content. In such context his books were outstanding due to their unequalled vivacity and optimism that made his works extremely popular among Russian readers. This simplicity of style greatly influenced the process of creating an image of London as a writer, whose books were written for young people and children, which began in that period of time. The appearance of the common biographical topos, that Jack London personally experienced all the adventures described in his stories and some of his big novels, for example, in "Martin Eden", can also be referred to 1912. London's labor biography and extensive experience were easily perceived through the familiar figure of Russian writer Maksim Gorky who was often compared to London.

Key words: lifetime criticism, reception of Jack London's image, literary context

Впервые в поле зрения русских критиков имя Джека Лондона попадает в 1904 г., когда в журнале «Весы» появляется рецензия на вышедшую в 1903 г. повесть «Зов предков» («The Call of the Wild»). В духе символистских тенденций М. Волошин, автор рецензии, предлагает читать эту повесть как введение «в темную непроницаемую область сознания животных. Ту область, в которую люди еще никогда не проникали в своей надменной и сознательной слепоте»¹. Интересно, что русская критика Лондона начинается с произведения, к которому рецензенты вернутся только в 1912–1913 гг., когда эта повесть практически одновременно выйдет в собраниях сочинений, параллельно публикуемых в двух издательствах – И.А. Маевского и «Прометей».

В течение следующих шести лет, вплоть до 1910 г., ни Джек Лондон, ни его произведения в русскоязычной критике не упоминаются. В 1910 г. И.А. Маевский подготавливает выпуск первого собрания сочинений Лондона, благодаря чему имя писателя приобретает широкую известность. Тираж первых томов сочинений Лондона разошелся быстро, и в 1911 г. Маевский обратился к писателю с предложением издать его полное собрание сочинений в России. До прекращения своей издательской деятельности в 1918 г. Маевский завершил 1-е издание в 22 томах (1910–1916) и выпустил 20 томов 2-го издания (1913–1915) авторизованного собрания сочинений Джека Лондона.

Джек Лондон в январе 1911 г. вместе с некоторыми своими произведениями послал И.А. Маевскому фотографию и краткую автобиографическую заметку. К этому времени можно отнести начало зарождения русского образа Джека Лондона как человека, лично пережившего все приключения, описанные в его книгах². Не последнюю роль в формировании именно такого представления о Джеке Лондоне в глазах русских критиков и читателей играл выбор переводимых произведений: первыми в России появились «Клондайкские рассказы», а затем

¹ Волошин М. Рец. на кн.: London J. The Call of the Wild // Весы. 1904. № 11. С. 55.

² Абрамович Н. Проблема воли в современной литературе // Новый журнал для всех. 1912. № 11. С. 58.

«Аляскинские рассказы». Первые большие романы, «Морской Волк» и «Мартин Иден», вышли в печати в 1911 и 1912 гг. соответственно. Джек Лондон не был «первооткрывателем Америки», русскому читателю уже были знакомы и Твен, и Брет-Гарт, и Купер, и Майн Рид, но в силу беспрецедентной живости и увлекательности его творчества к нему всё равно относились как к «западной новинке». Появление рассказов о золотой лихорадке в Клондайке дало повод сравнить произведения Лондона с творчеством Брет-Гарта, в чьих новеллах основной темой является описание калифорнийской золотой лихорадки¹.

Имя Джека Лондона в рецензиях русской критики, выходивших при жизни автора, появляется рядом с именами практически всех переводимых на русский язык и читаемых современных европейских писателей: Метерлинком, Гамсуном, Ибсеном, д'Аннунцио, Лагерлёф² и т. д. Такие сравнения, как правило, имеют целью подчеркнуть краткосрочность пребывания Лондона в сердце русского читателя.

Особенно часто сравнивается Джек Лондон с Кипплингом³. Такому сопоставлению способствовал целый ряд факторов: оба писателя были широко известны и любимы русским читателем; между ними существовала и литературная преемственность, которая неоднократно отмечалась самим Лондоном⁴; для обоих авторов характерен интерес к описанию сознания животных. В большинстве случаев критики постулируют родство некоторых произведений этих авторов и находят в них следы литературной преемственности. В отдельных же рецензиях подчеркивается, что простота творчества Джека Лондона дает ему преимущество перед старшим современником⁵.

По мере освоения биографического материала о Лондоне всё более частым становится употребление словосочетания «американский Горький», которое начинает входить в критический обиход с того же 1911 г.⁶ Такое сравнение имеет под собой объективное обоснование. Во-первых, это созвучность тернистого пути к литературной славе, к которой писатели шли практически через все слои социума и множество различных занятий: «Пришедший снизу, мучительно изведавший весь ужас жизни в трущобах больших городов, вчера еще никому неизвестный, бездомный бродяга, много перевидавший и переживший, молодой Джек Лондон, сегодня уже общеизвестный и общепризнанный писатель, хорошо знает цену физической и духовной силы в борьбе за жизнь, хорошо умеет и не устает рассказывать о ней и славить ее»⁷.

Во-вторых, увлеченность идеями Ницше, свойственная обоим писателям, и даже прямое литературное сотрудничество: Джек Лондон написал похвальный отзыв на роман Горького «Фома Гордеев». Есть, однако, отзыв, где это ставшее

¹ Кранихфельд В. Литературные отклики. Томление духа и утверждение жизни // Современный мир. 1912. № 4. С. 306.

² Дерман А. Джэк Лондон // Заветы. 1912. № 7. С. 125, 127; Певец подлинной жизни // Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 20–21. С. 775; Абрамович Н. Проблема воли в современной литературе // Новый журнал для всех. 1912. № 11. С. 59; Андрусон Л. Джек Лондон // Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 75.

³ Милов В. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Современный мир. 1911. № 9. С. 340; Куприн А. Заметка о Джеке Лондоне // Синий журнал. 1911. № 22. С. 13; Андрусон Л. Джек Лондон // Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 75.

⁴ Кузьмин Е. У Джека Лондона // Аргус. 1916. № 10. С. 60.

⁵ Милов В. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Современный мир. 1911. № 9. С. 340; Андрусон Л. Джек Лондон // Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 75.

⁶ Куприн А. Заметка о Джеке Лондоне // Синий журнал. 1911. № 22. С. 13.

⁷ Андрусон Л. Джек Лондон // Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 78–78.

почти общепринятым сравнение было воспринято рецензентом практически как оскорбление Горького: «Новую американскую знаменитость, Джэка Лондона, любят сравнивать с нашим Горьким, называют его “американским Горьким”. Это не совсем справедливо по отношению к нашему писателю... Джек Лондон несравненно слабее его, и в литературе у него пока сомнительное место»¹.

Отдельный шлейф литературных ассоциаций у рецензентов вызывают рассуждения о типе героя у Лондона. В этом отношении, например, интересен отзыв Н. Абрамовича, литературного критика, прозаика и поэта, где он рассуждает о том, насколько велика разница между сложными героями-неврастениками современных европейских писателей: Роденбаха, Гамсуна, Пшибышевского, Тейтмайера, Шнитцлера – и жизнерадостными атлетичными героями-бойцами у Лондона².

Пик популярности, а соответственно и основная масса критических отзывов о произведениях Джэка Лондона внутри обозначенного периода с 1900 по 1916 г., приходится на 1912–1913 гг. Однако уже в критических рецензиях, появившихся в 1910–1911 гг., начинают формироваться основные идеи, которые впоследствии станут важной частью «русского портрета» Лондона. Одним из таких мотивов, который устойчиво повторяется в разных вариациях в более поздних критических отзывах, является сравнение творчества Джэка Лондона с порывом свежего ветра, который ворвался в декадентскую удушливую атмосферу современной литературы³. Простота и ясность творчества Джэка Лондона (согласно некоторым рецензиям, граничащая с примитивностью), составляя особо яркий контраст со сложной литературой, уделяющей много внимания описанию психологических процессов, тайн душевной жизни, будет сравниваться с «бодрыми», «звонкими», «простыми песнями», в которые неясно вслушивается усталый русский читатель⁴.

Его творчество неоднократно будет называться «здоровым»⁵; в одной рецензии это сравнение даже переведено критиком в гастрономическую сферу: «Столько времени литература живет и кормит читателя исключительно пряностями, что поневоле захочется чего-нибудь простого, если хотите, здорового»⁶. Самого же Джэка Лондона будут называть «простецом»⁷, «полевым цветком»⁸, «здоровяком»⁹, «атлетом»¹⁰.

¹ Колтоновская Е. Джэк Лондон // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 391.

² Абрамович Н. Проблема воли в современной литературе // Новый журнал для всех. 1912. № 11. С. 59.

³ Андрусон Л. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Новая жизнь. 1910. № 293. С. 315–316; Андрусон Л. Джэк Лондон // Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 75–76; Рец. на кн.: Лондон Д. Полн. собр. соч. М., Изд. А. Маевского // Русское богатство. 1913. № 3. С. 371.

⁴ Дерман А. Джэк Лондон // Заветы. 1912. № 7. С. 130.

⁵ Кранихфельд В. Литературные отклики. Томление духа и утверждение жизни // Современный мир. 1912. № 4. С. 306; Рец. на кн.: Лондон Д. Полн. собр. соч. М., Изд. А. Маевского // Русское богатство. 1913. № 3. С. 369; Мандельштам О. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. СПб., Прометей // Аполлон. 1913. № 3. С. 2.

⁶ Рец. на кн.: Лондон Д. Полн. собр. соч. М., Изд. А. Маевского // Русское богатство. 1913. № 3. С. 369.

⁷ Дерман А. Джэк Лондон // Заветы. СПб., 1912. № 7. С. 129.

⁸ Там же.

⁹ Колтоновская Е. Джэк Лондон // Вестник Европы. 1912. Кн. 9. С. 394; Мандельштам О. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. СПб., Прометей // Аполлон. 1913. № 3. С. 72..

¹⁰ Колтоновская Е. Джэк Лондон // Вестник Европы. 1912. Кн. 9. С. 394.

Во многих отзывах критики 1910–1913 гг. эти простота, ясность и лаконизм творчества Лондона почитались проявлением таланта большого художника¹, рецензенты видели в них своеобразную поэзию, «мужественную красоту изложения»².

Этот мотив не всегда нес положительную коннотацию, апология простоты и ясности переходила порой в довольно жесткую критику примитивизма, будь то разработка отдельных идеологических вопросов, черты стиля или метод создания художественных образов³. Как нельзя лучше мысль о противоречивости отношений к этому аспекту творчества Лондона выразил А.Б. Дерман, русский писатель, критик, историк литературы и театра: «В примитивности Джека Лондона – его сила и слабость»⁴.

Еще одним подобным устойчивым мотивом в русской критике является вопрос о причинах популярности творчества Джека Лондона именно в России. На вопрос о популярности Лондона, как правило, даются два варианта ответа. Первый состоит примерно в следующем: талант Джека Лондона не соответствует масштабу его известности в России; его слава временная, своим появлением обязана тому, что утомленный современными реалиями русский читатель находит в книгах Лондона то, чего ему так не хватает в обыденной жизни.

В свете сказанного особо интересен фрагмент рецензии А. Дермана, где сначала приводится цитата из «Мартина Идена», описывающая то, как Руфь слушает Мартина, читающего ей свой рассказ, и любит не столько рассказом, сколько им самим, и затем завершает цитирование следующей фразой:

«Если на место Мартина Идена поставить Джека Лондона и усталого русского читателя на место увлеченной Иденом девушки, мы получим приблизительную картину успеха молодого американского писателя и картинное изображение причины и смысла его: за рассказами Лондона... мы усматриваем живое лицо автора, который не только много выдумал, но много и пережил, и это невольно увлекает уставшего от страшной, ответственной, сложной и нервной русской жизни читателя»⁵. Между строчками иных рецензий, написанных в том же духе, порой читается забавная мысль, что своей популярностью в России Лондон обязан тому, что он смог разгадать нужды нашего русского коллективного бессознательного и, сам того не осознавая, отразить их в своих произведениях: «Всё, что написано Джеком Лондоном, является подлинною проповедью бодрости, борьбы с судьбою за счастье. Поэтому-то, вероятно, и пользуется автор в России большим успехом, чем где бы то ни было»⁶.

Второй вариант ответа на этот вопрос является полной противоположностью первому: несмотря на художественные недостатки стиля и порой подчеркиваемую примитивность идеологии, произведения Джека Лондона содержат в себе

¹ Андрусон Л. Джек Лондон // Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 75; Куприн А. Заметка о Джеке Лондоне // Синий журнал. 1911. № 22. С. 13; Андрусон Л. Джек Лондон // Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 76–77; Рец. на кн.: Лондон Д. Полн. собр. соч. М., Изд. А. Маевского // Русское богатство. 1913. № 3. С. 371.

² Куприн А. Заметка о Джеке Лондоне // Синий журнал. 1911. № 22. С. 13.

³ Дерман А. Джэк Лондон // Заветы. 1912. № 7. С. 126; Мандельштам О. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. СПб, Прометей // Аполлон. 1913. № 3. С. 72.

⁴ Дерман А. Джэк Лондон // Заветы. 1912. № 7. С. 127.

⁵ Там же.

⁶ Певец подлинной жизни // Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 20–21. С. 776.

неумирающую красоту, благодаря которой его творения могут выдержать испытание временем¹.

Рецензии 1910–1911 гг. практически не затрагивают его писательской идеологии. В основном там содержатся попытки создания общей характеристики его творчества. Но уже в это время критики в качестве основного мотива выделяют мотив борьбы, будь то борьба человека с природой или человека с человеком, а также отмечают, что Лондону далеко не был чужд расовый мистицизм, восхваление стойкости мужчин англосаксов, восхищающей, кстати, не только индейцев и дикарей из рассказов самого Джека Лондона, но и славянских его читателей². К тому же периоду относится открытие героя Лондона как «сильной личности», чрезвычайно привлекательной, пускай и созданной посредством «вульгарно» понятого нищезнания.

Имена же самих «духовных отцов» Лондона, Ницше и Спенсера, появляются в более поздних рецензиях, после 1912 г., – после выхода в русской печати больших романов Лондона: «Мартина Идена», «Морского волка», «Железной пяты», «Звездных скитаний». Часто можно встретить фразы общего характера о том, что теория Спенсера и творчество Ницше наложили на мировоззрение Лондона определенный отпечаток. О причудливом смешении идей «духовных отцов» Лондона в его творчестве, а также о его социалистических взглядах критики много не говорят.

Подводя итог анализу критических рецензий периода 1900–1916 гг., можно говорить о том, что практически все рецензенты, за редким исключением, отказывают Лондону в навыке описания сложных психологических процессов, отмечают схематичность и простоту построения образов героев, которые, несмотря на это, ничуть не теряют своей мужественности и привлекательности. Кроме того, благодаря постепенному знакомству с биографией писателя в этот период начинает формироваться его образ как отъявленного индивидуалиста, проповедника силы и борьбы, человека, который сделал себя сам. Рецензенты отмечают также тенденции проявления расового мистицизма в его творчестве. Русская критика 1920–1930-х гг. переходит к подробному идеологическому анализу творчества Лондона и, несмотря на социалистические симпатии самого автора, впрочем, достаточно путанные с точки зрения советской идеологии, причисляет его к категории «попутчиков».

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Н. Проблема воли в современной литературе // Новый журнал для всех. 1912. № 11. С. 57–66.

Андрусон Л. Джек Лондон // Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 75–82.

Андрусон Л. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Новая жизнь. 1910. № 293. С. 315–316.

Волошин М. Рец. на кн.: London J. The Call of the Wild // Весы. 1904. № 11. С. 55.

¹ *Андрусон Л.* Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Новая жизнь. 1910. № 293. С. 315–316; *Куприн А.* Заметка о Джеке Лондоне // Синий журнал. 1911. № 22. С. 13; *Миров В.* Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Современный мир. 1911. № 9. С. 340; Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Морской волк. Т. 3. Вера в человека. 1912 // Новый журнал для всех. 1912. № 3. С. 66.

² *Андрусон Л.* Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Новая жизнь. 1910. № 293. С. 315; *Куприн А.* Заметка о Джеке Лондоне // Синий журнал. 1911. № 22. С. 13; *Миров В.* Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Современный мир. 1911. № 9. С. 340; *Мандельштам О.* Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. СПб., Прометей // Аполлон. 1913. № 3. С. 72.

- Дерман А. Джэк Лондон // Заветы. 1912. № 7. С. 125–130.
- Колтоновская Е. Джэк Лондон // Вестник Европы. 1912. Кн. 9. С. 391–395.
- Кранихфельд В. Литературные отклики. Томление духа и утверждение жизни // Современный мир. 1912. № 4. С. 306–311.
- Кузьмин Е. У Джека Лондона // Аргус. 1916. № 10. С. 54–61.
- Куприн А. Заметка о Джеке Лондоне // Синий журнал. 1911. № 22. С. 13.
- Мандельштам О. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. СПб., Прометей // Аполлон. 1913. № 3. С. 72–74.
- Миров В. Рец. на кн.: Лондон Д. Собр. соч. Т. I. Белое безмолвие. М., 1910 // Современный мир. 1911. № 9. С. 340–341.
- Певец подлинной жизни // Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 20–21. С. 775–777.
- Рец. На кн.: Лондон Д. Полн. собр. соч. М., Изд. А. Маевского // Русское богатство. СПб., 1913. № 3. С. 369–371.

REFERENCES

- Abramovitch N. The Problem of Will in the Modern Literature. *Novy Zhurnal dlya Vsekh*. 1912. No 11, pp. 57–66.
- Andruson L. Jack London. *Novy Zhurnal dlya Vsekh*. 1912. No 7, pp. 75–82.
- Andruson L. Book Review: London J. Collected Works. Vol. I. The White Silence. Moscow, 1910. *Novaya Zhizn*. 1910. No 293, pp. 315–316.
- Voloshin M. Book Review: London J. The Call of the Wild. *Vesy*. 1904. No 11, p. 55.
- Derman A. Jack London. *Zavety*. 1912. No 7, pp. 125–130.
- Koltonovskaya E. Jack London. *Vestnik Evropy*. 1912. Book 9, pp. 391–395.
- Kranikhfeld V. Literary Responses. Spiritual Yearning and Life Assertion. *Sovremennyy Mir*. 1912. No 4, pp. 306–311.
- Kuzmin E. At Jack London's Place. *Argus*. 1916. No 10, pp. 54–61.
- Kuprin A. A Note about Jack London. *Siny Zhurnal*. 1911. No 22, pp. 13.
- Mandelstam O. Book Review: London J. Collected Works. St. Petersburg, Prometey. *Apolon*. 1913. No 3, pp. 72–74.
- Mirov V. Book Review: London J. Collected Works. Vol. I. The White Silence. Moscow, 1910. *Sovremennyy Mir*. 1911. No 9, pp. 340–341.
- The Minstrel of a Genuine Life. *Bulleteni Literaturny i Zhizni*. 1912. No 20–21, pp. 775–777.
- Book Review: London J. Complete Works. Moscow, Izdanie Maevskogo. *Russkoe Bogatstvo*. 1913. No 3, pp. 369–371.

Сведения об авторе:

Захарова Алина Петровна,
магистрант
филологический факультет
кафедра истории зарубежной литературы
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alina P. Zakharova,
Magister
Faculty of Philology
Department of History of Foreign Literatures
Lomonosov Moscow State University
alinazweene@yandex.ru

Л.А. Курбанская (Москва, Россия)

Сочетание несочетаемого в бардовской поэзии (на примере творчества А. Щербины)

Аннотация: В статье рассматривается бардовская песня с точки зрения использования в ней художественных приемов, которые можно объединить под общим названием *сочетание несочетаемого*. На примере творчества барда Александра Щербины исследуется характер и частота использования таких приемов, как оксюморон, катахреза, каламбур, гипербола, антитеза, а также комплекса приемов, захватывающего всю композицию произведения. Сопоставляются особенности поэтики описания внутреннего мира лирического героя и отражения восприятия героем внешнего мира. Рассмотрено то, каким образом в бардовской песне возможно создание абсурдного мира, и какие элементы абсурда вообще характерны для данного вида творчества.

Ключевые слова: Александр Щербина, сочетание несочетаемого, оксюморон, катахреза, каламбур, гипербола, антитеза

L.A. Kurbanskaya (Moscow, Russia)

The Combination of the Incompatible in Bardic Poetry (Through Aleksandr Shcherbina's Work)

Abstract: This article considers the using of artistic technique that can be united under a common name "*the combination of incongruous*" in a bard's song. On the example of the Alexander Shcherbina's oeuvre it investigates the character and frequency of using artistic means like oxymoron, cathartic, pun, hyperbola, antithesis and the complex of them, included in the composition of a work. It compares the features of poetics of the description of the lyric hero's interior and reflection of his perception of the external word. It presents the way of creating the absurd world in a bard's song and absurd elements that are characteristic of this kind of creativity.

Key words: Alexander Shcherbina, combination of incongruous, oxymoron, cathartic, pun, hyperbola, antithesis

До недавнего времени бардовская песня считалась окололитературным жанром. Поэзия бардов не рассматривалась исследователями всерьез. Это одна из

причин, почему о бардовской песне как о предмете филологического исследования написано достаточно мало работ.

Одним из первых вопрос о художественной значимости творчества бардов поднимает В.И. Новиков в книге «Высоцкий», где рассказывает о жизни Высоцкого и анализирует его произведения с точки зрения историко-литературного значения¹.

Такое явление, как сочетание несочетаемого, в разных его проявлениях рассматривалось исследователями неоднократно. О несочетаемом писал М.В. Панов: «Каждый поэт берет любые средства... для поэтического произведения: но среди их множества есть доминанта, она определяет стилистику произведения, то есть взгляд на мир»², и «каждый поэт находит свои пути преобразования слов, свои способы их введения в текст»³. Исследователь говорил о появлении абсурдных миров и особой поэтики, рассматривая произведения футуристов.

Однако ни одна из существующих работ не рассматривает бардовскую песню с точки зрения поэтики несочетаемого. Подобного рода приемы, элементы, характерные для жанра абсурда, встречаются и в такой сфере литературного творчества, как бардовская песня. В частности, сочетание несочетаемого как художественная доминанта присутствует в творчестве современного барда Александра Щербины.

Стоит заранее отметить, что в случае с бардовской песней нельзя говорить об абсурде как таковом как направлении творчества, поскольку этот художественный прием составляет примерно 20% от всего объема произведений. Поэтому здесь уместнее говорить не об абсурде, а лишь о его элементах, встречающихся в произведениях этого жанра. Тем не менее использование разного рода несочетаемого в творчестве А. Щербины достаточно частотно и регулярно, поэтому можно говорить о поэтике несочетаемого в стилистике автора.

Сочетание несочетаемого – это целый комплекс различных художественных приемов, объединенных одной общей чертой: все приемы, по сути, являются неким элементом абсурда, так как создают образ, противоречащий логике. К таким приемам можно отнести катахрезу, оксюморон, каламбур в одной из его разновидностей, а именно – каламбур как приводящая к переосмыслению «клише» замена созвучным словом одного из слов, входящих в привычные идиомы, устойчивые словосочетания, пословицы и т. п.

Что касается плана содержания, то с помощью данных приемов автор передает либо внутреннее состояние героя, либо то, каким герой видит мир вокруг себя.

Для изображения внутреннего состояния автор использует различные приемы примерно с одинаковой частотой. Однако более простые тропы, такие как оксюморон и катахреза, используются для передачи душевного состояния реже, чем более сложные фигуры. Чаще всего Щербина пользуется здесь, как ни странно, каламбурами.

Так, в стихотворении «До завтра, брат!» автор, изображая душевное состояние человека, стоящего в пробке, меняет объект и субъект действия местами: «Я смотрю на время, время смотрит на меня». Так бард показывает состояние героя, близкое к сумасшествию.

¹ Новиков В.И. Высоцкий. М., 2013.

² Панов М.В. Сочетание несочетаемого // Хлебникова поле: свидетельства, исследования, сказания о Велимире Хлебникове. Междисциплинарный независимый сетевой ресурс. 2017. ka2.ru/pauka/m_panov_1.html (дата обращения: 16.02.2017).

³ Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007.

Использование несочетаемого для выражения внутреннего мира героя проявляется и на всей композиции текста, а не только в рамках одного приема. Так, стихотворение «Японское кино» полностью построено на антитезе ощущения гармонии во время просмотра фильма и неприятного ощущения при резком возвращении к реальности. Автор изображает столкновение великого искусства и низкого «беспардонного» поведения людей. Антитеза достигается с помощью использования определенной лексики и звукописи.

Такое же разнообразие приемов видим, рассматривая примеры восприятия героем мира внешнего. Здесь стоит отметить, что примеров с изображением мировидения лирического героя существенно больше, чем тех, где показано внутреннее состояние человека.

Катахрезы и оксюмороны здесь встречаются уже значительно чаще. К примеру, в «Простой песне I (Ночь)» капли дождя характеризуются как «бездарные капли», потому что дождь отвлекает героя от творчества и, как ему кажется, служит причиной того, что у него не получается создать шедевр. «Сказка о золотом петушке», – стихотворение, отражающее «безумие», которое творилось в Москве в девяностые годы двадцатого века, – заканчивается строчками: «Ах ты, Господи Боже, больная столица, / И чего только здесь наяву ни приснится...». Все события, упомянутые в тексте, сравниваются таким образом с ночным кошмаром.

С такой же частотой автор использует каламбуры. В стихотворении «Гамлет и другие» находим строчку: «Из мыслей слов не выкинешь, а жалко». А. Щербина изменяет устойчивое выражение «из песни слова не выкинешь», показывая, что мысль обязательно должна быть выражена, но, к несчастью, словами ее выражать получается не всегда удачно.

Мировосприятие героя через несочетаемое изображается и на уровне всей композиции. По принципу антитезы внешнего мира, в котором царствуют ужас и война, и мира внутри дома маленькой девочки построено стихотворение «Колыбельная для котенка». Так же как и в «Японском кино», противопоставление достигается с помощью особой лексики и звукописи. При этом антитеза усиливается рифмами («Спи, котенок, баю-баю, / За окном с утра стреляют», «Спи, котенок мой несчастный, / Прогремел заряд фугасный»).

Помимо простых тропов и фигур в текстах можно найти сложные сочетания различных художественных приемов. Причем для изображения мировосприятия лирического героя такие сложные сочетания используются чаще.

Например, стихотворение «Dear fish»: «Дорогая рыба, ты б... и часу не продержалась на этой умеренно вспененной феном FM-волне – вне своих замкнутых раковин, страхов, коралловых мифов и фобий жемчужных вне...». Ряд однородных тропов, объединенных единой морской тематикой, которая используется здесь, чтобы подчеркнуть принадлежность адресата к «морской», противоположной «суше» среде. Первое словосочетание создает у читателя ассоциацию с некой замкнутостью как следствием испуга. Поэтому слово «фобии» очень логично вписывается в ассоциативный ряд и сочетается с прилагательным «жемчужный», которое также ассоциируется у читателя с раковинами. С жемчугом ассоциативно связываются кораллы, как некий драгоценный материал, а в данном контексте – в метафорическом значении чего-то очень ценного, того, чем адресат дорожит и что бережет. Слово «миф» же возникает как следствие страха, так как человек под действием фобий не оценивает действительность адекватно и наполняет ее мифической составляющей.

К тому же эпитет «коралловые мифы» на звуковом уровне соотносится с устойчивым словосочетанием «коралловые рифы», что еще больше усиливает ассоциативно-образные связи.

Подобных примеров, связанных с изображением внутреннего мира, из всего корпуса текстов найдено всего два. Один из них – стихотворение «Павелецкий вокзал». «Долго ль жечь у чужого огня Скверов твоих дорогие потери?..» – лирический герой жжет «дорогие потери» у «чужого огня скверов». «Огонь скверов» – это либо сквер в свете фонарей ночью, либо осень, деревья с красными, огненными листьями. Очевидно, герой гуляет по ночным или осенним скверам и «сжигает», т. е. пытается забыть, то, что он потерял, и то, что было ему очень дорого. Два эпитета накладываются друг на друга и сливаются в один троп, создавая тем самым некое несочетаемое.

Таким образом, в своем творчестве Александр Щербина использует различные художественные приемы для передачи как внутреннего состояния героя, так и восприятия им окружающего мира. Поэтика несочетаемого больше проявляется при изображении мира внешнего. Тем самым автор создает свой, особый, абсурдный мир. Мир, похожий на другие абсурдные миры тем, что в каждом таком мире «возникают колебания по поводу того, какое толкование дать наблюдаемым событиям»¹, стирается грань между реальным и нереальным.

Поэтика несочетаемого в творчестве А. Щербины проявляется на всех уровнях текста. Через призму лирического «Я» автор, используя различные тропы и комбинации тропов, показывает абсурдную, нелогичную, в какой-то степени даже безумную природу самой человеческой жизни во всех сферах ее проявления. Несочетаемое в картине художественного мира А. Щербины – определяющая черта этого мира.

ЛИТЕРАТУРА

Новиков В.И. Высоцкий. М.: Молодая гвардия, 2013. 496 с.

Панов М.В. Сочетание несочетаемого // Хлебникова поле: свидетельства, исследования, сказания о Велимире Хлебникове. Междисциплинарный независимый сетевой ресурс. 2017. ka2.ru/nauka/m_panov_1.html (дата обращения: 16.02.2017).

Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007. 848 с.

Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М., 1999. 144 с.

Щербина А. Вавилон на волоске: Стихи и песни. М., 2015. 240 с.

REFERENCES

Novikov V.I. (2013) Vyotky. Moscow. Moloday Gvardiya Publ. 496 p.

Panov M.V. The Combination of Incongruous. In: Khlebnikov's Field: Evidences, Investigations, Legends about Velimir Khlebnikov. Interdisciplinary Independent Network Resource. 2017. ka2.ru/nauka/m_panov_1.html (the date of application: 16.02.2017).

Panov M.V. (2007) The Proceedings of the General Linguistics and the Russian Language. Vol. 2. Moscow. 848 p.

Todorov Ts. (1999) Introduction to Fantastical Literature. Moscow. 144 p.

Shcherbina A. (2015) Babylon in the Balance: Poems and Songs. Moscow. 240 p.

¹ Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М., 1999.

Лилия Айдаровна Курбанская,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Сведения об авторе:

Liliya A. Kurbanskaya,
Student
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
ya.konda13@yandex.ru

Е.С. Онуфриева (Москва, Россия)

Речевые формулы-комментарии как оценочные высказывания (на примере новогреческого языка)

Аннотация: Статья посвящена анализу на материале текстов новогреческого языка особого типа идиом, непосредственно связанных с ситуацией общения и выполняющих в речи функцию комментирования определенных аспектов ситуации общения, – речевым формулам-комментариям (РФК). Выделены типы РФК в новогреческих текстах, рассмотрена их коммуникативно-прагматическая функция, дополнено определение РФК.

Ключевые слова: речевая формула, идиома-комментарий, оценка

E.S. Onufrieva (Moscow, Russia)

Idiomatic Comments as Evaluative Utterances (As Shown with the Examples of the Modern Greek Language)

Abstract: Based on a number of Greek language texts, this paper undertakes an analysis of idiomatic comments, i. e. idioms that are directly related to communicative situation and serve the function of commenting on certain aspects of communicative situation. We suggest a typology of idiomatic comments in the Greek language texts, observe their communicative and pragmatic function and expand on the definition of idiomatic comments.

Key words: speech formula, idiomatic comment, evaluation

Речевые формулы (РФ) еще не получили окончательного статуса в лингвистике. Это связано со структурной, смысловой и функциональной разнородностью тех синтаксических конструкций, которыми могут быть представлены устойчивые выражения, отражающие речевое поведение, характерное для определенного языка и культуры¹. К РФ часто относят разнообразные устойчивые речевые обороты, выражающие стратегии вежливости, аргументации, общения и др.² Наиболее четкое научное определение РФ получили в работах российских исследователей

¹ Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014. С. 226–228.

² Cowie A.P. Speech Formulae in English: Problems of Analysis and Dictionary Treatment. Croningen, 2001. P. 1–12.

А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского¹. Они выделили особый вид идиом, которые представляют собой реакцию на предшествующие действия или высказывания самого говорящего или другого участника коммуникации, т. е. вызваны (иллокутивно вынуждены) ситуацией общения, дискурсивно зависимы и дейктичны. Авторы предлагают называть такие идиомы РФ². Предложенное ими выделение понятия РФ как иллокутивно-зависимой идиомы позволяет классифицировать идиомы по совершенно иному принципу: не по структурным или семантическим параметрам, а по их функциональным свойствам. Такой подход фокусирует внимание на дискурсивной значимости идиом. Приложение данного подхода к фразеологическому материалу новогреческого языка является актуальным, так как позволяет расширить арсенал средств более углубленного изучения и типологии новогреческой фразеологии.

Фразеологическому материалу новогреческого языка посвящена статья И.В. Тресоруковой «Κατάταξη των φρασσεολογισμών της ελληνικής γλώσσας: προσέγγιση στο θέμα (με βάση τη ρωσική θεωρία της γλωσσολογίας)»³, где также освещается вопрос РФ, в более широком аспекте, чем у А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, которые рассматривают в качестве РФ только идиомы.

Вопросы, связанные с функционированием в речи устойчивых фраз, освещаются также в работах В.Ю. Меликяна. Он рассматривает фразеологизированные конструкции – синтаксические фразеологические единицы. Их фразеологическое значение формируется не лексическим, а «синтаксическим компонентом, который продуцируется специфичностью модели предложения, заключающейся в наличии отклонений от правил “традиционной” грамматики»⁴. Однако, по мнению Д.О. Добровольского, «идиомы, пословицы и прочие фразеологизмы с фиксированным лексическим составом проще и экономнее описывать как единицы лексикона, чем как синтаксические образования нерегулярной природы»⁵.

Особенностью РФ является сочетание в них двух взаимосвязанных качеств: ситуативности и идиоматичности⁶. Включение идиомы в конкретный акт коммуникации предполагает тесную связь с контекстом. Это приводит к тому, что идиоматичность таких РФ проявляется не только в привычном словарном понимании устойчивости и надсловности их собственного смысла, но и в устойчивости их прагматической функции в рамках определенной коммуникативной ситуации, а также в их способности вносить значительные семантические приращения в те речевые обороты, в которые они включены⁷.

По характеру связи с коммуникативной ситуацией, согласно классификации А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, РФ подразделяются на идиомы-перформативы, формулы вопроса, формулы ответа и идиомы-комментарии. Авторы от-

¹ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008; Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М., 2016.

² Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. С. 81.

³ Tresorukova I.V. Κατάταξη των φρασσεολογισμών της ελληνικής γλώσσας: προσέγγιση στο θέμα (με βάση τη ρωσική θεωρία της γλωσσολογίας). Θεσσαλονίκη, 2014.

⁴ Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. Учебное пособие. М.: Флинта, 2014. С. 70.

⁵ Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 12.

⁶ Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014. С. 228.

⁷ Там же. С. 228–229.

мечают условный характер данной классификации, так как одна и та же идиома может одновременно относиться к разным классам РФ или вовсе не быть РФ в другом контексте¹.

Речевые формулы-комментарии (РФК) выполняют в тексте функцию комментирования определенных аспектов ситуации общения². Идиомы этого типа обычно представлены законченными высказываниями и обособляются в тексте знаками препинания. РФК представляют собой модус высказывания, т. е. выражают рефлексия говорящего по поводу сказанного. Комментирование говорящим содержания собственного высказывания вводит в текст метатекстовый компонент. Комментарий не относится к диктуму, поэтому важно подчеркнуть, что в том случае, когда говорящий комментирует не свое собственное высказывание, а высказывание собеседника, необходимо различать, является ли это репликой-ответом в диалоге, или же это РФК. РФК указывает только на (не)уместность, (не)тривиальность высказывания или действия собеседника.

Все метатекстовые средства имеют семантическую и коммуникативно-прагматическую функции³. Семантическая функция метапоказателей заключается в экспликации речевой рефлексии говорящего. Коммуникативно-прагматическая функция состоит в том, что говорящий реализует в ходе речевой деятельности определенные приемы, направленные на достижение коммуникативной цели. РФК, как показывают примеры, приведенные в работе, носят характер субъективной оценочности. Поскольку в современной лингвистике оценочность рассматривается как категория коммуникативного уровня⁴, можно сказать, что РФК объединяются общей коммуникативно-прагматической функцией.

Отметим, что, на наш взгляд, речевые формулы-комментарии – это область, в которой чаще всего реализуют себя поговорки. Пословицы, в отличие от поговорок, могут походить на речевые формулы, однако ими в большинстве случаев не являются, так как, как правило, не несут в себе прямой отсылки к ситуации общения из-за своего характера всеобщности, дидактичности и универсального знания.

Важность различения пословиц и поговорок заключается в том, что они выполняют в речи разную коммуникативно-прагматическую функцию. По мнению А.Б. Абакумовой, пословицы в речи являются одной из реплик и используются как аргумент для реализации определенной коммуникативной стратегии⁵. Поговорки же прежде всего оценочны и выражают определенное отношение к тому или иному факту, предшествующему действию; им присуща модальность⁶, они содержат характеристику «отдельно взятого лица, качества, действия»⁷. Таким образом, функция поговорок совпадает с функцией речевых формул-комментариев.

На основании анализа собранного материала можно выделить два типа РФК в новогреческом языке: комментирование говорящим общего смысла собственного

¹ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М., 2016. С. 71–72.

² Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. С. 81.

³ Перфильева Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты. Новосибирск, 2006. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Абакумова А.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: Дисс. ... докт. филол. наук. Орел, 2013. С. 70.

⁶ Кудашова З.Ж. Паремические жанры русского фольклора. Методические рекомендации по изучению курса для специальности 031001 – Филология (Русский язык). Нальчик, 2010. С. 15.

⁷ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 526.

высказывания (или событий и обстоятельств, изложенных в собственном высказывании) и комментирование говорящим высказывания или действия собеседника.

Приведем несколько примеров.

1. «Δεν υπήρχε περίπτωση να μην εκτελέσει το χρέος του. Όπως και δεν υπήρχε περίπτωση να λερώσει τα χέρια του με αίμα που δεν σχετιζόταν με αυτό το χρέος. **Μπρος γκρεμός και πίσω ρέμα.** Αδιέξοδο»¹.

«Ему невозможно было не исполнить свой долг. Как невозможно было и запачкать руки в крови, которая к этому долгу не имела отношения. **Куда ни кинь, всё клин** [букв. впереди обрыв, а сзади течение]. Тупик».

Идиома «Μπρος γκρεμός και πίσω ρέμα» в приведенном высказывании является РФК: с ее помощью автор комментирует и оценивает описываемую ситуацию как психологически трудную, безвыходную, давая обстоятельствам в целом отрицательную оценку.

2. «Να πού φτάσαμε με το ευγενικό και τ' ανθρώπινο: να 'ρχεται ο πάσα ένας πιτσιρικάς και να λέει στον προϊστάμενό του δεν πάω! Ανταρσία! Άκου δεν πάω! **Σηκωθήκανε τα πόδια να χτυπήσουνε το κεφάλι...**»².

«Вот до чего мы докатились с вежливостью да человечностью: каждый мальчишка приходит и говорит начальнику “Не пойду!” Бунт! Послушать только, “не пойду!” **Яйца курицу учат...** [букв. поднялись ноги ударить голову]».

В приведенном выше примере РФК является поговорка «Σηκωθήκανε τα πόδια να χτυπήσουνε το κεφάλι», с помощью которой говорящий выражает свое негодование по поводу несоблюдения правил субординации, крайне негативно оценивая описываемую им ситуацию.

В приведенных выше примерах РФ употребляются говорящим для комментирования-оценки событий или обстоятельств, изложенных в его собственном высказывании.

Приведем несколько примеров РФК другого типа:

3. «— Πρέπει κάτι να κάνουμε.
— Μη ματαιοπονείς. Τέλειωσαν όλα Λουκά. Δεν υπάρχει ελπίδα. Κουράστηκα. Παραιτούμαι!
— Θα στείλω επιστολές σε υπουργούς, πρωθυπουργούς, σε...
— **Φέξε-μου και γλίστρησα**»³.

«— Нам нужно что-нибудь сделать.
— Не трудись напрасно. Всё кончено, Лукас. Надежды нет. Я устал. Я ухожу.
— Я разошлю письма министрам, премьер-министрам...
— **Очень “своевременная” помощь** [букв. поспешь мне и я поскользнулся]».

Идиома «Φέξε-μου και γλίστρησα» уподобляет собеседника человеку, услужливо принесшему фонарь, уже после того, как кто-то, поскользнувшись, упал на пол, т. е. предлагающему помощь с большим опозданием.

4. «— Τι κάθεσαι και λες! είπε νευρικά ο Βασιλιάς. Δεν έχομε, λέει στρατό! **Κολοκύθια με τη ρίγανη!**»⁴

«— Да что ты говоришь! — сказал раздраженно Король. — Он говорит, “у нас нет армии”. **Чепуха на постном масле!** [букв. «Кабачки с орегано»]».

¹ Κυριακίδης Κ. Προπατορικό αμάρτημα. 2013. www.books.google.com

² Τατσόπουλος Τ. Οι ανήλικοι. 1980. www.books.google.com

³ Μουρσελάς Κ. Δια της απόπου απαγωγής. 1981. www.books.google.com

⁴ Δέλτα Π. Παραμύθι χωρίς όνομα. 2014. www.books.google.com

В рассмотренном фрагменте РФ «Κολοκύθια με τη ρίγανη!» позволяет говорящему открыто оценить процитированное им высказывание собеседника как глупое и не соответствующее действительности. Известно, что именно с помощью этой идиомы Феодорос Колокотронис охарактеризовал обвинительную речь в свой адрес на суде в 1834 г.¹

5. «– [...] *Ξέρω ότι δε φταίτε σεις. Φταίει η Κοινωνία. [...] Ξέρεις τι θα πει Κοινωνία;*
– *Ξέρω... Μεταλαβιά!*
– **Та μυαλά σου και μια λίρα και του μπογιατζή ο κόπανος!**»²

«– [...] *Я знаю, что вы не виноваты. Виновато общество. [...] Знаешь, что такое общество?*
– *Знаю... В церкви, приобщение!*
– **Дурак и уши холодные!** [букв. *мозги твои лира и маляра валик*].»

Идиомы «Та μυαλά σου και μια λίρα και του μπογιατζή ο κόπανος!» также позволяет говорящему оценить высказывание собеседника как глупое и неуместное.

6. «– [...] *Γιατί να μην τη δώσουμε σ' έναν άνθρωπο που τόσο πολλά καλά μας έκανε;*
– **Πέστα χρυσόστομε!**»³.

«– [...] *Почему бы нам не отдать ее человеку, который сделал нам столько добра?*
– **Золотые слова!** [букв. *скажи это, златоуст!*].»

Идиомы «Πέστα χρυσόστομε!», являющаяся РФК в рассмотренном примере, позволяет говорящему положительно оценить реплику собеседника как разумную.

РФК, показанные в этих примерах, выражают оценку говорящим высказывания или действия собеседника.

Анализ РФК обоих типов показывает, что они выражают оценку не сравнительного, а абсолютного характера. Это обусловлено самим средством выражения оценки: идиоматичность РФ, на наш взгляд, не может придать оценке сравнительный характер. Поэтому, несмотря на разнообразие семантических смыслов РФК, выражаемую ими оценку можно свести к шкале абсолютной оценки: «хорошо», «плохо», «(оценочно) безразлично»⁴.

Фразеологический анализ РФК в новогреческом языке показал, что они представляют собой различные виды предложений, имеют различную структуру, по своему категориально-грамматическому значению в контексте соотносятся с именем существительным, т. е. имеют номинативное значение.

На основании результатов проведенного анализа новогреческих речевых формул-комментариев можно дополнить определение РФК следующим образом: РФК – это идиомы разных структурных типов, выполняющие в речи функцию комментирования аспектов ситуации общения (выражающие субъективную абсолютную оценку), относящиеся к модусу высказывания, номинативные по категориально-грамматическому значению и представляющие собой чаще всего законченные высказывания (разные типы предложений).

ЛИТЕРАТУРА

Абакумова А.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: Дис. ... докт. филол. наук. Орел, 2013. 375 с.

¹ Σαραντάκος Ν. Λόγια του αέρα και άλλες 1000 παγιωμένες εκφράσεις. Αθήνα 2013. Σ. 131.

² Λουντέμης Μ. Ένα παιδί μετράει τ' άστρα. 1956. www.books.google.com

³ Λουντέμης Μ. Οδός Αβύσσου αριθμός μηδέν. 1962. www.books.google.com

⁴ Маркелова Т.В. Оценочное высказывание и оценочная ситуация. М., 1998. С. 9–10.

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). Учебное пособие. М.: Флинта, 2016. 312 с.
- Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- Кудаева З.Ж. Паремические жанры русского фольклора. Методические рекомендации по изучению курса для специальности 031001 – Филология (Русский язык). Нальчик, 2010. 23 с.
- Маркелова Т.В. Оценочное высказывание и оценочная ситуация // Вопросы лингвистики: межвузовский сборник научных трудов. М., 1998. С. 6–16.
- Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология: Учебное пособие. М.: Флинта, 2014. 232 с.
- Перфильева Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Новосибирск, 2006. 43 с.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 612 с.
- Сальникова Ю.А. Проблема оценочных речевых актов в лингвопрагматической концепции // Вестник ДВГСГА. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2009. № 1(2). С. 110–116.
- Cowie A.P. Speech Formulae in English: Problems of Analysis and Dictionary Treatment // Making Sense: From Lexeme to Discourse. Croningen, 2001. P. 1–12.
- Tresorukova I.V. Κατάταξη των φρασεολογισμών της ελληνικής γλώσσας: προσέγγιση στο θέμα (με βάση τη ρωσική θεωρία της γλωσσολογίας) // Πρακτικά του Ε' Ευρωπαϊκού Συνεδρίου Νεοελληνικών Σπουδών. Συνέχειες, ασυνέχειες, ρήξεις στον ελληνικό κόσμο (1204–2014): οικονομία, κοινωνία, ιστορία, λογοτεχνία. Thessaloniki, 2014. Available: www.eens.org/EENS_congresses/2014/tresorukova_irina.pdf
- Δέλτα Π. Παραμύθι χωρίς όνομα [Electronic resource]. 2014. Available: www.books.google.com
- Κυριακίδης Κ. Προπατορικό αμάρτημα [Electronic resource]. 2013. Available: www.books.google.com
- Λουντέμης Μ. Οδός Αβύσσου αριθμός μηδέν [Electronic resource]. 1962. Available: www.books.google.com
- Λουντέμης Μ. Ένα παιδί μετράει τ' άστρα. [Electronic resource]. 1956. Available: www.books.google.com
- Μουρσελάς Κ. Δια της απόπου απαγωγής [Electronic resource]. 1981. Available: www.books.google.com
- Σαραντάκος Ν. Λόγια του αέρα και άλλες 1000 παγιωμένες εκφράσεις. Αθήνα: Εκδόσεις του Εικοστού Πρώτου, 2013. 309 σ.
- Τατσόπουλος Τ. Οι ανήλικοι. [Electronic resource]. 1980. Available: www.books.google.com
- Τζανακάρης Β. Οι λήσταρχοι: Τα παλληκάρια τα καλά σύντροφοι τα σκοτώνουν [Electronic resource]. 2016. Available: www.books.google.com

REFERENCES

- Abakumova A.B. (2013) Proverbial Concepts in Paroemic Discourse: PhD Thesis. Orel. 375 p.
- Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. (2008) Aspects of the Theory of Phraseology. Moscow. Znak Publ. 656 p.

Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. (2016) Basics of Phraseology: A Concise Course. Moscow. Flinta Publ. 312 p.

Dobrovolsky D.O. Construction Grammar and Phraseology. *Voprosy Yazykoznaniiya*. 2016. No 3, pp. 7–21.

Iriskhanova O.K. (2014) Language as Focus Games: Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing. Moscow. Yazyki Slavianskoy Kultury. 320 p.

Kudaeva Z.Zh. (2010) Paroemic Genres of Russian Folklore: Methodological Recommendations on the Course for 031001 Programme – Philology (Russian Language). Nalchik. 23 p.

Markelova T.V. Evaluative Utterance and Evaluative Situation. In: Questions of Linguistics: Intercollegiate Collection of Scientific Papers. Moscow. 1998, pp. 6–16.

Melikjan V.Ju. (2014) The Modern Russian Language. Syntactic Phraseology. Moscow. Flinta Publ. 232 p.

Perfilyeva N.P. (2006) Metatext: Textocentric and Lexicographical Aspects. PhD Thesis. Novosibirsk. 43 p.

Potebnya A.A. (1976) Aesthetics and Poetics. Moscow. Iskusstvo Publ. 612 p.

Salnikova Yu.A. The Problem of Evaluative Speech Acts in Pragmatic Conception of Language. *Far Eastern State Social and Humanitarian Academy Bulletin Ser. I. Gumanitarnye nauki*. 2009. No 1(2), pp. 110–116.

Cowie A.P. Speech Formulae in English: Problems of Analysis and Dictionary Treatment. In: Making Sense: From Lexeme to Discourse. Croningen. 2001, pp. 1–12.

Tresorukova I.V. Classification of Phraseological Units in the Greek Language: An Approach Based on the Russian Theory of Linguistics. In: Praktika tou E' Evropaikou Synedriou Neoellinikon Spoudon. Synecheies, asynecheies, rixeis ston elliniko kosmo (1204–2014): oikonomia, koinonia, istoria, logotechnia. Thessaloniki. 2014. Available: www.eens.org/EENS_congresses/2014/tresorukova_irina.pdf

Delta P. (2014) A Tale without a Name. Available: www.books.google.com

Kyriakidis K. The Original Sin. 2013. Available: www.books.google.com

Lountemis M. (1962) N.O, Abyss Street. Available: www.books.google.com

Lountemis M. (1956) A Child Counting the Stars. Available: www.books.google.com

Mourselas K. (1981) Proof by Contradiction. Available: www.books.google.com

Sarantakos N. (2013) Just Hot Air and a Thousand Other Fixed Expressions. Athens. Ekdo-seis tou Eikostou Protou. 309 p.

Tatsopoulos T. (1980) The Minors. Available: www.books.google.com

Tzanakaris V. (2016) The Thieves: Good Boys Are Killed by Their Fellows. Available: www.books.google.com

Сведения об авторе:

Елизавета Сергеевна Онуфриева,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta S. Onufrieva,
Master Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lisa.onufrieva@gmail.com

В.А. Рифтина (Архангельск, Россия)

**Влияние экстралингвистических факторов
на инвариант макроструктуры текста медицинской научной статьи
(на материале немецких медицинских оригинальных статей)**

Аннотация: Статья посвящена анализу соблюдения инварианта макроструктуры текста медицинской научной статьи немецкими учеными. Анализ текстов показывает возможность вариативности макроструктурных компонентов в связи с влиянием внешних факторов.

Ключевые слова: текст, макроструктура, инвариант, научная статья, аннотация, вариативность

V.A. Riftina (Arkhangelsk, Russia)

**Influence of Extra-Linguistic Factors
on the Medical Research Article Macrostructural Invariant
(On the Material of German Medical Research Articles)**

Abstract: The article analyzes the adherence of German scientists to macrostructural invariant of medical research article. The analysis shows the possibility of macrostructural variation under the influence of extra-linguistic factors.

Key words: text, macrostructure, invariant, research article, abstract, variation

Культурная специфика текстов научной коммуникации не раз становилась объектом исследования [Чернявская 2010; Kudyba-Lindell, Ylönen 1988 и др.]. Интерес к данному вопросу связан с пониманием того, что особенности использования отдельного языка всегда определяются культурной средой и тем самым – культурной идентичностью коммуникантов. Это подразумевает существование устоявшихся культурных конвенций, используемых в том числе и при создании отдельных научных текстотипов.

Конвенциализация типа текста предполагает наличие некоторого инварианта как исторически сложившегося под влиянием конкретной культуры, в том числе и языковой, и оправдавшего себя с функциональной точки зрения образца типа текста. Инвариант реализуется посредством определенного набора макрокомпонентов, образующих макроструктуру, закрепленную в коммуникативной практи-

ке отдельной языковой культуры в качестве нормативного образца, которым руководствуются коммуниканты в процессе общения.

Однако в случае научного текста взаимодействие коммуникантов носит преимущественно межкультурный характер. Это приводит к формированию инвариантов научных текстотипов, обладающих довольно жесткой макроструктурой. Тексты, порожденные согласно таким инвариантам, должны быть лишены культуроспецифической маркированности, так как они предназначены для ученых – представителей разных языковых культур. В этом контексте актуальным становится вопрос соблюдения инвариантной макроструктуры медицинского текста носителями конкретной, например немецкой, лингвокультуры.

В качестве предмета исследования в данной статье выступает синтаксическая макроструктура медицинской научной статьи как наиболее распространенной формы общения внутри медицинского научного сообщества. Обращение именно к этому текстотипу обусловлено существованием ряда требований к структурному оформлению, определенных международным комитетом редакторов медицинских журналов, что позволяет говорить об устойчивом инварианте синтаксической макроструктуры медицинской статьи.

Согласно данным требованиям макроструктура указанного текстотипа должна включать следующие разделы: 1) введение; 2) методы (пациенты и методы); 3) результаты; 4) обсуждение / заключение [Kudyba-Lindell, Ylönen, 1988: 75]. Соблюдение указанной структуры носит рекомендательный характер, в частности, допустимым является дополнительное внутреннее, более дробное членение разделов.

С целью анализа того, насколько строго соблюдается инвариант макроструктуры медицинской статьи немецкими учеными, а также выявления возможности ее вариативности были проанализированы 92 оригинальные статьи, опубликованные в специализированных медицинских журналах «Journal für Fertilität», «Journal für Menopause», «Journal für Gynäkologische Endokrinologie» за период с 2000 по 2016 г. Основным фактором, определяющим соответствие статьи теме анализа, являлось наличие требований к оформлению публикации, предъявляемых издательством.

В результате проведенного анализа были обнаружены следующие макроструктурные особенности: 1) 18 статей (19,5%) построено в соответствии с рекомендованной IMRD структурой; 2) 22 статьи (24%) построены с соблюдением IMRD структуры с включением дополнительного членения в макрокомпонентах; 3) 52 статьи (56,5%) включали в IMRD структуру дополнительный элемент «Zusammenfassung» (32 статьи без дополнительного членения внутри макрокомпонентов, 20 статей с дополнительным членением). Отметим, что включение указанного компонента в структуру статьи ограничено временными рамками. Так, все 52 статьи опубликованы в период с 2000 по 2002 г., в то время как в публикациях следующих лет немецкоязычная аннотация уже вынесена наряду с англоязычной версией за пределы IMRD структуры.

В связи с выявленными особенностями попытаемся выявить возможные причины включения / исключения дополнительного компонента макроструктуры носителями немецкой лингвокультуры.

Согласно требованиям редакции анализируемых журналов, наряду с англоязычной аннотацией, ее немецкоязычный вариант является обязательным элементом, что определяет структурные особенности его составления: необходимость описания в аннотации целей, процедур / методов, результатов / выводов, ключевых слов. При этом соблюдение структуры аннотации определяет ее функци-

ональность, так как она «выполняет сигнально-осведомительную функцию, раскрывает содержание статьи» [Хомутова 2015: 925].

Сигнально-осведомительная функция аннотации определяет ее положение перед основным текстом статьи. Аннотация не является частью основного текста статьи, она более самостоятельна. Однако в 52 выделенных текстах англоязычный вариант аннотации вынесен за пределы основного текста статьи, в то время как немецкоязычный вариант занимает позицию внутри текста непосредственно перед введением.

Возможным, на наш взгляд, объяснением выделения за пределы макроструктуры исключительно англоязычного варианта аннотации связано с ориентацией немецких авторов на ее сигнально-осведомительную функцию. Английский язык является международным языком науки, в то время как немецкий язык менее употребителен. Поэтому выбор языка обусловлен стремлением заинтересовать содержанием статьи ученых – представителей других лингвокультур. Однако, выполнив свою рекламную функцию по привлечению внимания ученых, аннотация дублируется на родном языке, так как только родной язык позволяет ученому выразить свои идеи максимально четко.

В то же время расположение в непосредственной близости *аннотации* и *введения* сопряжено с рядом сложностей, обусловленных содержанием обоих компонентов макроструктуры. Так, *аннотация* может включать *информацию вводного характера*, информацию о *целях, методах, материалах, результатах и выводах исследования* [Swales, Feak 2009: 5].

Содержание *введения* в свою очередь определяется необходимостью выполнения трех действий: 1) определить актуальность, 2) определить проблему, 3) определить пути решения проблемы. Каждый из указанных этапов включает дополнительные шаги, среди которых есть анонсирование исследования / находок, представление структуры статьи [Swales 1990: 140–141].

При сопоставлении становятся очевидными пересечения в таких аспектах, как: 1) формулировка вводной информации; 2) указание цели; 3) представление результатов исследования. Очевидно, что автор научного текста будет вынужден дублировать информацию и при этом следить, чтобы формулировки не совпадали, или исключать дублируемые элементы из содержания одной из структур. Нами были выбраны и проанализированы 10 статей с целью сопоставления и иллюстрации содержания *аннотации* и *введения*. Полученные результаты представлены в таблице № 1:

Таблица № 1

Статья	Аннотация (Zusammenfassung)	Введение (Einführung, Einleitung)
1, 3, 7, 8, 9, 10	Вводная информация, цель, методы, результаты, выводы	Вводная информация, цель
2	Вводная информация, цель, методы, результаты, выводы	Вводная информация, цель, анонсирование исследования
4	Вводная информация, цель, методы, результаты, выводы	Вводная информация, цель, методы
5	Вводная информация, цель, результаты, выводы	Вводная информация, методы, цель, анонсирование результатов
6	Вводная информация, методы, результаты	Вводная информация, методы, цель

Как видно из таблицы 1, подробное структурирование аннотации приводит к тому, что введение содержит в себе преимущественно вводную информацию и описание цели, т. е. является ограниченной в плане содержания. Проанализируем представление информации в одной из заявленных статей, сопоставив содержание в таблице № 2:

Таблица № 2

Вводная информация	<i>Seit Dezember 1995 werden an der urologischen Universitätsklinik Ulm in Zusammenarbeit mit der Gynäkologie infertile Paare behandelt.</i>	<i>Die assistierte Fertilisierung hat in den letzten Jahren einen immer größeren Stellenwert eingenommen, da jetzt häufig auch der Kinderwunsch der Paare befriedigt werden kann, der bisher als nicht erfüllbar galt.</i>
Пациенты / Методы	Nach Abklärung der Sterilitätsursachen wird bei den Männern eine MESA und/oder eine TESE durchgeführt.	Nach sorgfältiger Abklärung der Sterilitätsursachen (...) wird bei den subfertilen Männern eine MESA und/oder eine TESE durchgeführt. (+ описание методов)
	Die hierfür entscheidenden Parameter waren die Anamnese, die Hormonparameter und die Sonografie	Als zu untersuchende Parameter dienten uns das Alter, die Ätiologie der Infertilität, vorhandene Risikofaktoren in der Anamnese und die präoperativ bestimmten Hormonparameter
	In beiden Gruppen wurde intraoperativ der Entnahmeort der Spermien dokumentiert und eine... Begutachtung in Bezug auf die Spermiogenese vorgenommen.	<i>Die intraoperativ durchgeführte mikroskopische Begutachtung der Spermien...</i>
Цели	Das Ziel war, die Patienten mit Verschlußazoospermie von denen mit einem primären Gonadenschaden zu trennen	1) Das erste Ziel war es... eine Patientenstratifizierung die Männer mit einer Verschlußazoospermie von denen mit einer nonobstruktiven Azoospermie bereits präoperativ zu unterscheiden. 2) Ein weiteres Ziel war der Vergleich
Результаты	In der ersten Gruppe konnten 11 (39%) Schwangerschaften erfolgreich ausgetragen werden, während in der zweiten Gruppe nur 3 Kinder (15,6%) geboren wurden	<i>Journal für Fertilität und Reproduktion 2000; 10(2) www.kup.at/journals/fertilität/index.html</i>

Как видно из проведенного сопоставления в содержании аннотации и введения присутствует дублирование, что вынуждает автора формулировать одни и те же идеи по-разному, – этим обусловлены, на наш взгляд, трудности при написании текста статьи. Кроме того, расположение аннотации и введения рядом создает ощущение информационной «избыточности», так как читатель дважды сталкивается с содержанием текста. Возможно, именно данная особенность послужила, наряду с ориентацией на англо-американскую модель оформления, одной из причин вынесения немецкой аннотации за пределы макроструктуры в статьях, опубликованных после 2002 г.

В целом представленный анализ макроструктуры медицинской научной статьи выявил преобладание статей с соблюдением макроструктурного инварианта, обусловленное ориентацией немецкоязычных авторов на англоязычное языковое пространство и универсальную англо-американскую модель оформления. Выявленные в ряде статей вариации инварианта являются результатом влияния внешних для порождения текста факторов.

ЛИТЕРАТУРА

Kudyba-Lindell M., Ylönen S. Zum Einfluß von Kultur und Paradigma auf medizinische Forschungsberichte // Fachsprachen und Übersetzungstheorie. VII VAKKI-Seminar. Vaasa, 1988. S. 74–83

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. 5-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.

Хомутова Т.Н. Структура научной статьи // Материалы 67-й научной конференции. Челябинск: ЮУрГУ, 2015. С. 922–929.

Swales J.M., Feak C.B. Abstracts and the Writing of Abstracts. Michigan: Michigan University Press, 2009. 104 p.

Swales J.M. Genre Analysis. English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.

REFERENCES

Kudyba-Lindell M., Ylönen S. Zum Einfluß von Kultur und Paradigma auf medizinische Forschungsberichte. In: Fachsprachen und Übersetzungstheorie. VII VAKKI-Seminar. Vaasa. 1988. S. 74–83.

Tcherniavskaya V.E. (2010) Interpretation of the Scientific Text: Textbook. 5th ed. Moscow. LIBROKOM Publ. 128 p.

Khomutova T.N. Structure of a Scientific Article. In: Materials of the 67th Scientific Conference. Chelyabinsk. South Ural State University Press. 2015, pp. 922–929.

Swales J.M., Feak C.B. (2009) Abstracts and the Writing of abstracts. Michigan. Michigan University Press. 104 p.

Swales J.M. (1990) Genre Analysis. English in Academic and Research settings. Cambridge. Cambridge University Press. 260 p.

Сведения об авторе:

Влада Александровна Рифтина,
аспирант
Институт филологии и межкультурной
коммуникации
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова

Vlada A. Riftina,
Postgraduate Student
Philology and Intercultural Communication
Institute
Northern (Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov

riftina.vlada@mail.ru

А.Н. Чекова (Москва, Россия)

Актуальные события в газете и онлайн: филологический анализ

Аннотация: В статье рассматриваются способы подачи одного и того же события в печатных СМИ и интернет-публикациях. Материал состоит из трех текстов, опубликованных в *Daily Mail*, *Independent* и на сайте *BBC* и освещающих одно и то же событие, которое произошло в Дареме, Англия, в мае 2017 г.: местная жительница обнаружила тропических пауков внутри бананов из супермаркета. Сравнительный анализ лексики трех статей позволяет заметить, что эмоциональная окраска онлайн-публикаций значительно меньше, чем эмоциональная окраска газетного текста.

Ключевые слова: язык СМИ, газета, Интернет, значимые события, лексика, выразительность, эмоциональная окраска

A.N. Chekova (Moscow, Russia)

Topical Events in Newspaper and Online: Philological Analysis

Abstract: The article analyses the way the same event is presented in print media and online. The focus is on the three texts published by *the Daily Mail*, *the Independent*, and *BBC Online* and covering an incident that took place in Durham, England in May 2017 – a woman found poisonous spiders inside the bananas she had bought from a local store. The comparative analysis of the lexis used in the texts demonstrates that style of online publications is significantly more neutral than that of print media.

Key words: the language of the mass-media, newspaper, Internet, topical issues, lexis, expressiveness, emotionally coloured

Mass media have long become an inseparable part of everyday life. They are an effective means of delivering information to the people, as well as of shaping their opinions. Besides, as every nation and every culture has its specific worldview, mass media reflects all these aspects and details typical of this or that country. The general topics are approximately the same in most countries, but their presentation is different. Each worldview has its own aspects and details, and some of them are likely to attract close attention, while others are normally ignored. Moreover, the language of the media is dynamic and reacts to the smallest changes in the mass consciousness, reflecting it and shaping it simultaneously.

Therefore, the study of the mass media materials has a great role to play in philological education, both preparing a foreign learner for a closer acquaintance with the culture of the people whose language one is trying to learn – which is, in our case, the English language – and raising one's level of proficiency in using this language.

However, foreign learners cannot be expected to follow the English life day by day and to be aware of the intricacy of all the events recorded by the media. For this reason we suggest focusing the attention on topical issues, or events, alone.

This, however, calls for an explanation: what do we mean by “topical issues”? A topic is a theme, subject, or thought, subject of discourse, conversation, discussion, etc; one of the forms of argument employed in probable, as distinct from demonstrative, reasoning; source from which arguments may be drawn. The adjective ‘topical’ is therefore understood as ‘connected with a subject of current or local interest, of the nature of a topic or general principle’¹.

To analyze the presentation of such topics in print media and online, three types of sources were chosen: *the Daily Mail*, a British daily middle-market tabloid newspaper; *BBC Online*, the website of the British Broadcasting Corporation, the oldest national broadcasting organization in the world; and *the Independent*, a British online newspaper.

According to the 2016 National Readership Survey², *the Daily Mail* is the most-read UK-wide newspaper if its print and online readership are taken together. It should be noted, however, that in the current research the online version of *the Daily Mail* is not taken into account due to the fact that the content of the printed and the online versions is mainly identical. The same survey states that *BBC Online* is the most actively used internet news platform in the United Kingdom: 56% of adults use it for news monthly³. These two news platforms were therefore used as the main sources of materials. *The Independent* was added to the list due to the fact that it dominated the first page of *Google* within the framework of the topical issue chosen for analysis.

This issue is an incident that took place in May 2017 in Durham, England. Gemma Price, a local resident, found a cluster of venomous tropical spiders, probably Brazilian Wandering spiders (*Phoneutria*), in a banana she had bought from *Asda*, a large grocery retailer, and was forced to evacuate from the house with her seven-month-old son. An incident of this kind was bound to trigger public reaction, as *Asda* is most widely used by the British, which means that anyone could be at risk of finding themselves in a similar situation. Besides, it appears that finding venomous spiders in grocery is not unprecedented: there are numerous articles devoted to similar situations in *the Daily Mail* archives starting from 2008 and following through to 2017, and *the Daily Mail* article chosen for analysis mentions three more cases of finding venomous spiders in British stores.

The topic is discussed in three articles published almost simultaneously on May 1 and 2, 2017 by *the Independent*, *BBC Online*, and *the Daily Mail*. The articles from *BBC Online* (“‘Deadly spiders’ in banana force family from County Durham home”⁴) and *the Independent* (“Mother discovers cluster of spiders in a banana she bought from *Asda*”⁵) consist of 269 and 355 words accordingly, while *the Daily Mail* article, titled

¹ Longman Dictionary of Contemporary English (2009) Pearson Education Limited. P. 1864.

² News consumption in the UK – 2016 report. (2017, June 29). P. 29.

³ Op. cit. P. 38

⁴ ‘Deadly spiders’ in banana force family from County Durham home. Tyne and Wear (2017, May 02). Retrieved from: www.bbc.com/news/uk-england-tyne-39783948

⁵ Mother discovers cluster of spiders in a banana she bought from *Asda* (2017, May 02). Retrieved from: www.independent.co.uk/news/uk/home-news/banana-spiders-asda-mother-discovers-baby-eggs-a7714096.html

“Banana split! Mother flees her home after cluster of the world’s most deadly spiders burst out of fruit from Asda”¹, is the longest, consisting of 1,300 words, although it was the first of the three to be published. Thus, it is clear that the first two articles are quite laconic and contain only the basic and the most important information about the event, while the third one is much more detailed. Not only does the Daily Mail tell the readers about the spider accident but it also speaks about the store from which the bananas were bought, adduces the detailed information about the species of the spider, and refers to similar cases.

Let us focus on the lexis of the texts chosen, as their syntax is quite similar and does not present much interest for analysis. A look at the lexis of the articles suggests that the style of the texts published by BBC Online and *the Independent* is chiefly neutral and more impersonal, whereas the level of expressivity of the third text is much higher. This is to be expected, as *the Daily Mail*, the source of the third text, is considered a tabloid, and a high level of expressivity is one of the characteristic features of such publications; besides, it contains twenty-one quotation from the Asda representative and Ms Price herself, while in the other two articles put together there are eleven quotations.

The layer of negatively connoted words and phrases within the three texts is not as large as one could expect given the topic. Most of them come from the quotations from Ms. Price used in all the three articles to render the victim’s fear and distress: ‘the shock of one’s life’, ‘to freak out’, ‘to scream’, ‘to kill’, ‘absolutely disgusting’, ‘to turn one’s life upside down’. The others are mainly used in the Daily Mail only and help to emphasize the danger the woman found herself in: ‘death’, ‘murderess’, ‘poison’, ‘dangerous’, ‘extreme’, ‘toxic’, ‘split’, ‘to burst apart’, ‘to flee’, ‘the screaming mother’, ‘the offending banana’ etc. There are also words that support the idea of danger indirectly, such as the verb ‘to evacuate’, which means ‘to send people away from a dangerous place to a safe place’².

The word ‘spider’ is used forty-seven times throughout the three articles, and thirty-four times out of these forty-seven, it is accompanied by an attribute. In most cases, the attribute is stylistically neutral, referring to the type of the spiders (“The creatures were reportedly Brazilian wandering spiders”³, “it’s even less likely that a tropical spider could survive outside of their warm climate”⁴), their size (‘little spiders’, ‘tiny spiders’), or age (‘adult spider’). However, expressive adjectives such as ‘deadly’ or ‘venomous’ are used actively, sometimes in the superlative degree, and there are also a number of synonymic words and word-combinations used to refer to the Brazilian wandering spider periphrastically, most of them emphasizing how dangerous the creature is. For example, *the Daily Mail* calls the spiders the “world’s most venomous arachnids” twice, and the *Independent* uses the word-combination ‘venomous insects’. The Daily Mail also refers to them as “creepy crawlies”, and here the emotional colouring of the phrase is further supported by the use of alliteration.

The headlines of the articles deserve special attention. They are a primary means of capturing the reader’s attention; hence the big-sized fonts. However, the content of the headline is even more significant than its visual aspect. A headline can be created mainly to intrigue the reader, or it can be the key to the proper understanding of the whole

¹ Moore, Charlie. (2017, May 01). Banana split! Mother flees her home after cluster of the world’s most deadly spiders burst out of fruit from Asda. Retrieved from: www.dailymail.co.uk/news/article-4462292/World-s-deadly-spiders-burst-Asda-BANANAS.html

² Longman Dictionary of Contemporary English (2009) Pearson Education Limited. P. 576.

³ Mother discovers cluster of spiders in a banana she bought from Asda (2017, May 02).

⁴ Op. cit.

article¹. Most of them contain the main information included in the body copy, which is the main text part of an article (as distinct from the logogram, headline, subheadings, illustrations, and captions), giving the reader a fairly clear idea of what the article is going to be about or even summarizing the text.

It is clear that all the three headlines of the articles under analysis provide the reader with the basic information about the event; however, it is also easy to notice that they have various degrees of expressivity. *The Independent* has chosen the most neutral headline: “Mother discovers cluster of spiders in a banana she bought from Asda” is a laconic phrase that contains all the necessary data – what happened, who was involved, and where the event took place – and nothing more. The *BBC Online* headline “‘Deadly spiders’ in banana force family from County Durham home” is also laconic and answers the same questions as the previous one but it is more expressive as it contains an inherently connotative adjective ‘deadly’. Finally, the headline of the article published by *the Daily Mail* is the longest and not at all neutral, though no less informative than the previous two. It contains an exclamation (‘Banana split!’), which alone is a powerful device enough to make the phrase emotionally coloured; and the expressivity of the headline is also supported by the use of such a word-combination as ‘the world’s most deadly spiders’. The sentence about a mother fleeing her home and about a family being forced from home, used by *the Daily Mail* and *BBC Online* accordingly, are also emotionally coloured and aimed at causing the reader to empathize with the victim.

The level of expressivity observed in the headlines is mainly in keeping with the general style of each article, thus confirming the fact that the article published by *the Daily Mail* is the least neutral of the three, while the articles published by *BBC Online* and *the Independent* are, although not fully neutral, less emotionally coloured.

Thus, the linguistic analysis of the articles shows that the level of expressivity of the printed text is higher than that of the online publications. This may be explained by the fact that the strong side of online publications is their promptness: they choose to provide the readers with data as soon as possible. Making a text neutral is a way of ensuring maximum comprehensibility of the gist of the issue under discussion. All additional information may be published later or even separately and discussed in comments or on forums. It is, therefore, the internet that people turn to these days in order to get immediate access to news.

The same cannot be said about print media. Newspapers are unable to compete with online publications in terms of speed, neither can they provide their readers with the opportunity to discuss the topics in the comments; and as the rhythm of life becomes swifter, their audience steadily decreases. It is no wonder, therefore, that they need other ways of attracting readers. Print media opts for providing the readers with maximum amounts of information in a single issue and presenting this information in the most interesting and engaging way possible. The high expressivity of the text is one of the most efficient means of attracting the readers’ attention on par with large fonts and illustrations. Thus, it is logical that print media publications are significantly less neutral in terms of style than the texts published online.

¹ Ксензенко О.А., Менджерницкая Е.О. Mass Media Language. P. 27.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Ксензенко О.А., Менджеричкая Е.О. Mass Media Language: Учеб. пособие по языку современных англоязычных СМИ. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. 68 с. / Ksenzenko O.A., Mendzheritskaya E.O. (2005) Mass Media Language: Language of Modern English Media. Moscow. 68 p.

‘Deadly spiders’ in banana force family from County Durham home. Tyne and Wear (2017, May 02). Retrieved from www.bbc.com/news/uk-england-tyne-39783948

Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited. 2009. 2082 p.

Moore, Charlie. (2017, May 01). Banana split! Mother flees her home after cluster of the world’s most deadly spiders burst out of fruit from Asda. Retrieved from: www.dailymail.co.uk/news/article-4462292/World-s-deadly-spiders-burst-Asda-BANANAS.html

Mother discovers cluster of spiders in a banana she bought from Asda (2017, May 02). Retrieved from www.independent.co.uk/news/uk/home-news/banana-spiders-asda-mother-discovers-baby-eggs-a7714096.html

News consumption in the UK – 2016 report. (2017, June 29). 92 p. Retrieved from: www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0017/103625/news-consumption-uk-2016.pdf

Сведения об авторе:

Алена Николаевна Чекова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alena N. Chekova,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alenuschk_a@mail.ru

Библиографии

Bibliography

В.А. Воронаев (Москва, Россия)

**Библиография произведений Н.В. Гоголя
и литературы о нем на русском языке. 1929–1939**

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works
and Literature about Him in Russian. 1929–1939**

1929

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Заколдованное место. Майская ночь. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 58 с. – (Дешевая библиотека классиков). 50000 экз.

Коляска / Гравюры на дереве Н. Бриммера. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 28 с.: ил. 20000 экз.

Мертвые души: поэма / Послесл. Б. Г-ова. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 315, [1] с. – (Дешевая библиотека классиков). 50000 экз.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Гравюры на дереве В. Конашевича. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 94, [2] с. 20000 экз.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Предисл. и примеч. Д. Киреева. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 72 с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

Ревизор / Примеч., ред. и сопроводит. статья В.С. Нечаевой. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 153 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 60000 экз.

Ревизор / Примеч., ред. и сопроводит. статья В.С. Нечаевой. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 153 с. [6] – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 70000 экз.

Сорочинская ярмарка / Гравюры на дереве П. Бриммера. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 52 с.: ил. 20000 экз.

Сочинения: [В 3 т.] / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума; вступ. статья Л. Войтоловского. 3-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во [ГИЗ], 1929. 15000 экз.

Т. I. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. XXI, 422, [2] с.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь (1809–1852).

Т. 2: Повести. Комедии. 489, [3] с.

Т. 3: Мертвые души: поэма. Т. 1–2. 398, [2] с.

Сочинения / Ил. Д. М<итрохина>. 3-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. XVI, 623 с.: 16 л. ил. 15000 экз.

[Текст и примеч. соответствуют изданиям сочинений Гоголя в 3 т. / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927–1928.]

Тарас Бульба: повесть / Послесл. и примеч. И. Сергиевского. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 150, [2] с. – (Дешевая библиотека классиков). 50000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Андреевич В. Гоголианец // Вечерний Киев. 1929. 26 апреля. № 96.

[К 100-летию со дня рождения Г.П. Данилевского.]

Аронсон М. и Рейсер С. Литературные кружки и салоны / Ред. и предисл. Б.М. Эйхенбаума. Л.: Прибой, 1929. 310, [1] с.: ил.

[Гоголь в салонах А.О. Смирновой, Е.М. Хитрово, графа В.А. Соллогуба, графини Е.П. Ростопчиной, А.П. Елагиной; на вечерах В.А. Жуковского, С.Т. Аксакова и пр.]

[Указ. имен.]

Атташева. ФЭКС [Фабрика эксцентрического актера] (1921–1929) // Советский экран. М., 1929. № 12. С. 6–7.

<*Белинский В.Г.*> Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников / Сост. и коммент. М.К. Клеман; предисл. и ред. Н.К. Пиксанова. Л.: Academia, 1929. 432 с. – (Памятники литературного быта).

[Указ. имен.]

Берковский Н. Мейерхольд и смысловой спектакль // На литературном посту. М., 1929. № 2. С. 39–45.

[О постановке «Ревизора» Гоголя.]

В.Е. Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) // Малая Советская энциклопедия. Т. 2: Ванини – Дротик. М.: Акционерное общество Советская энциклопедия, 1929. Стлб. 537–540.

Валь В. «Вий» // Диктатура труда. Сталино, 1929. 16 марта. № 61(2054).

Вальбе Б. Памяти Гоголя (К 120-летию со дня его рождения) // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1929. 30 марта. № 80(2108). С. 2.

Виноградов В. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский / Гос. институт истории искусств. Л.: Academia, 1929. 392 с.

Натуралистический гротеск. (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос»).

О литературной циклизации (По поводу «Невского проспекта» Гоголя и «Исповеди Опиофага» Де Квинси).

Из биографии одного «неистового» произведения («Последний день приговоренного к смерти»).

Романтический натурализм (Жюль Жанэн и Гоголь).

К морфологии натурального стиля (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник»).

Школа сентиментального натурализма (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов).

[Рец.: *Цейтлин А.* // Русский язык в советской школе. М., 1929. Кн. 4; *Берковецкий Н.* // Звезда. Л., 1929. № 4. С. 183–184; *Бем А.Л.* // Slavica. Прага, 1930. Т. IX. Вып. 1. С. 190–196.]

Волькенштейн В. Драматургия: метод исследования драматических произведений. 2-е изд., доп. М.: Федерация, 1929. 272 с.

[Ряд примеров из Гоголя; схема сюжета «Ревизора».]

Газданов Г. Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане // Воля России. Прага, 1929. № 5/6. С. 96–107.

[Перепечатано: Литературное обозрение. М., 1994. № 9–10. С. 78–83; Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: Эллис лак, 2009. С. 705–718.

Гиппиус З. Гоголь и Белинский // Возрождение. Париж, 1929. 18 апреля. № 1416.

Гоголь в наши дни: К 120-летию со дня рождения // Наша газета: орган Ц.К. и Мосгуботдела профсоюза совторгслужащих. М., 1929. 31 марта. № 74(978).

Содерж.: Старосельский. «Пропавшие чиновники» (повесть по Гоголю); Ставроцкий А. «Пиши, Гоголь»: стихотворный очерк; Снабженец. «Нужен ревизор»; Н.И. Тяжба.]

<Гоголь Н.В.> [Н.В. Гоголь] // Смена. Л., 1929. 31 марта. № 74(1842). С. 5.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь // Резец: литературно-художественный журнал. Л., 1929. № 14(250). С. 9.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в «Театре Петрушки» // Красная газета. Л., 1929. 15 декабря. № 286. С. 6.

[О постановке «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» в переделке Г. Тарасова.]

Гроссман Л. Н.В. Гоголь: К 120-летию со дня его рождения // Красная панорама. М., 1929. № 16. С. 8–9.

Гроссман-Роцин И. Письма об искусстве (Как сделана «Шинель» Гоголя) // Октябрь. М., 1929. № 4. С. 184–196.

[Перепечатано: Гроссман-Роцин И. Искусство изменять мир. М.: Изд-во Федерация, 1930. С. 106–130.]

Житомирский Д. «Нос»: опера Д. Шостаковича // Пролетарский музыкант. М., 1929. № 7–8. С. 33–39.

[Исполнение сюиты из оперы «Нос».]

Зеньковский В.В. Гоголь и Достоевский // О Достоевском: сб. статей / Под ред. А.Л. Бема. Т. 1. Прага: Петрополис, 1929. С. 65–76.

Зуммер В.М. Эсхатология Ал. Иванова // Ученые записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры <Харьковского ун-та>. Вып. 3 (посвящен акад. В.П. Бузескулу по случаю 70-летия со дня его рождения). Харьков, 1929. С. 387–409.

[Отд. оттиск: Харьков, 1929. 23 с.]

[Гоголь и А.А. Иванов.]

Иваск Ю. Слово о Гоголе // Новь: сб. произведений и статей молодежи ко Дню русской культуры. Ревель, 1929. № 2. С. 2.

Каверин В. Барон Брамбеус: история Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для Чтения» Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. 256 с.

[О.И. Сенковский и Гоголь: С. 251–252.]

[Перераб. и доп. изд.: М.: Наука, 1966. 237, [2] с.]

Киреев Д.И. Н.В. Гоголь: Жизнь, мировоззрение и литературная деятельность. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 128, [1] с. – (Биографии русских и иностранных писателей).

[Библиография: Марксистская литература о Гоголе (12 названий).]

Крестова Л.В. Зрители первых представлений «Ревизора» // Научные труды Индустриального пед. ин-та им. К. Либкнехта. Социально-экономическая серия. Вып. 8. М., 1929. С. 5–23.

Кубиков И. Гоголь и Петербург // Русский язык в советской школе. М., 1929. № 2. С. 9–22.

<Кюхельбекер В.К.> Дневник В.К. Кюхельбекера: Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / Предисл. Ю.Н. Тынянова; ред., введение и примеч. В.Н. Орлова и С.И. Хмельницкого. Л.: Прибой, 1929. 377 с. [С. 230: В.К. Кюхельбекер об «Арабесках»; С. 290: отзыв о первом томе «Мертвых душ». Текст исправлен по копии Института русской литературы (Пушкинский Дом).]
[Впервые: Русская Старина. 1875, 1883, 1884.]

Ларшин И. Урок сочинителю. Записка, найденная в бумагах покойного статского советника И.К. Шпекина. Рис. проф. Д. Кардовского // 30 дней. М., 1929. № 7. С. 18–27. [Герой рассказа – персонаж «Ревизора», прочитавший комедию и повествующий о приезде настоящего ревизора.]

Лернер Н.О. Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929. 222, [1] с.

Из содерж.:

«Великий меланхолик» (Пушкин и гоголевская «стихия»). С. 174–179.

Литовский О. «Мертвые души»: 120 лет со дня рождения Н.В. Гоголя // Беднота. М., 1929. 31 марта. № 3275. С. 3–4.

Луначарский А.В. Гоголь (К 120-летию со дня рождения) // Красная нива. М., 1929. 24 марта. № 13. С. 10–11.

[Со снимками памятника Н.В. Гоголю в Москве, работы скульптора Н.А. Андреева, и барельефов на памятнике с изображением гоголевских героев.]

Мар В. Заметки о Гоголе (К 120-летию со дня рождения) // Заря Востока. Тифлис, 1929. 31 марта. № 72(2040). С. 5.

Могилы писателей расхищаются // Литературная газета. М., 1929. № 11. С. 3.

[О исчезновении плиты и разрушении решетки на могиле Гоголя.]

Назаренко Я.А. История русской литературы XIX века. 8-е доп. и испр. изд. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1929. 405, [1] с.

[О Гоголе: С. 79–97.]

[1-е, 2-е, 3-е изд. 1925; 4-е, 5-е, 6-е изд. 1927; 7-е изд. 1928; 9-е изд. 1931.]

Новгородцев П.И. Гоголь в его «Переписке с друзьями» // Россия и славянство. Париж, 1929. 27 апреля (№ 22).

[Статья-лекция, опублик. посмертно. Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 40–53.]

«Нос» Шостаковича // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1929. 18 июня. № 150.

Панаева А. (А.Я. Головачева). Воспоминания. 1824–1870 / Исправл. издание под ред. и с примеч. К. Чуковского. Изд. 4-е. Л.: Academia, 1929. – (Памятники литературного быта).

[О Гоголе: С. 95–97, 277–281 и др.]

[Впервые: Исторический Вестник. 1889 и отд. изд. Губинского (1890). В изд-ве Academia: 1927; 2-е изд. 1927; 3-е изд. 1929.]

Переверзев В. Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 2 / Коммунистическая Академия. Секция литературы, искусства и языка; отв. ред. В.М. Фриче; отв. секретарь О.М. Бескин. М.: Изд-во Коммунистическая Академия, 1929. Стлб. 561–573.

Подготовка к зимнему сезону. Малый оперный театр // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1929. 12 августа. № 199.

[Беседа с режиссером театра Н.В. Смоличем о предполагаемой постановке «Носа» (по мотивам одноименной повести Гоголя).]

Ремизов А. Тайна Гоголя // Воля России. Прага, 1929. № 8/9. С. 63–67.

[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 54–59.]

Сакулин П.Н. Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 2: Новая литература. М.: Государственная академия художественных наук, 1929. 642 с. – (ГАХН. Теория и история искусств. Вып. 12).
[О Гоголе С. 178, 392, 441, 552.]

Смирнова А.О. Записки, дневник, воспоминания, письма / Со статьями и примеч. Л.В. Крестовой; под ред. М.А. Цявловского. М.: Изд-во Федерация, 1929. 448 с.: ил. Предисл. С. 5–6.

А.О. Смирнова. Биографический очерк. С. 9–157.

Статьи о Гоголе. I. Записки о Гоголе. II. Воспоминания о Гоголе. С. 311–328.

Приложения:

К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А.О. Смирновой. С. 355–393.

Примеч. С. 395–437.

Степанов Н. Повесть 30-х годов // Старинная повесть: [сб.]. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929.

[О Гоголе: С. 19–22.]

Стоврацкий А. Пиши, Гоголь: стихотворный очерк // Наша газета. Тула, 1929. 31 марта. № 74.

Томин М. Н.В. Гоголь в советском искусстве (К 120-летию со дня рождения) // Харьковский Пролетарий. Харьков, 1929. 31 марта. № 74(1491). С. 3.

Тургенев И.С. Сочинения: В 12 т. / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Т. 3: Сцены и комедии / Подгот. текста и примеч. Ю.Г. Оксмана. [М.; Л.]: Гос. изд-во, 1929. 252 с. Примеч. С. 223–251.

[И.С. Тургенев-драматург и Гоголь: С. 232–233, 245–246, 248.]

Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. С. 412–455.

[Первоначально: *Тынянов Ю.* Достоевский и Гоголь: (К теории пародии). Пгр.: Опояз, 1921. 48 с. – (Сборники по теории поэтического языка). Перепечатано: *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1926. С. 412–455. См. также: Ardis Publishers, 1985 / Ardis reprint. Репринт издания: Л.: Прибой, 1929.]

Тынянов Ю. О ФЭКС'ах // Советский экран. М., 1929. № 14. С. 10.

Чаговец Вс. Два Гоголя (120-я годовщина со дня рождения Гоголя.) // Вечерний Киев. Киев, 1929. 30 марта. № 73.

Шкловский В. Матвей Комаров, житель города Москвы. Л.: Прибой, 1929. 295 с.: ил.

[Замечания об эволюции русской прозы от романов XVIII в. до Гоголя: С. 15, 81, 163, 164, 290.]

[Рец.: *Гуковский Г.* Шкловский как историк литературы // Звезда. Л., 1930. № 1. С. 191–216. О Гоголе: С. 204–206.]

Шостакович Д. К премьере «Носа» // Рабочий и театр. Л., 1929. № 24.

Шостакович Д. Почему «Нос»? // Рабочий и театр. Л., 1929. № 3.

Шуберт А.И. Моя жизнь / Предисл., ред. и примеч. А. Дермана. Л.: Academia, 1929. – (Театральные мемуары. Судьбы театра и театральный быт в освещении деятелей сцены. Серия книг под общей редакцией П.И. Новицкого и Евг. Кузнецова). VIII, 312 с.

[Встречи с Гоголем. Пьесы Гоголя на сцене: С. 74–75, 84, 148–149.]

[Впервые: Ежегодник Императорских театров. СПб., 1911–1912.]

Эйхенбаум Б.М. Мой Современник: Словесность, наука, критика, смесь. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. 136, [8] с.

Из содерж.:

Гоголь и «дело литературы». С. 89–92.

1930

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Сорочинская ярмарка. Пропавшая грамота. Заколдованное место. Майская ночь, или утопленница / Послесл. и примеч. Д. Киреева. М.; Л.: Гос. изд-во [Гиз], 1930. 128 с. – (Дешевая библиотека классиков). 35000 экз.

Вий. Ночь перед Рождеством. Страшная месть / Пояснит. статья и примеч. Ю. Перцовича. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 222, [2] с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 50000 экз.

Женитьба: совершенно невероятное событие в двух действиях / Послесл. и примеч. И. Виноградова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 95 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 35000 экз.

Мертвые души: [поэма] / Предисл. Г. Павловца. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 383 с.: ил. – (Дешевая библиотека Госиздата). 100000 экз.
[В тексте 15 иллюстраций А.А. Агина.]

Портрет. Невский проспект. Нос. Коляска / Ред., примеч. и пояснит. статья А.А. Богдановой. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 235 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 50000 экз.

Портрет. Невский проспект. Нос. Коляска / Ред., примеч. А.А. Богдановой; пояснит. статья А.В. Луначарского. 2-е изд., доп. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 273 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 100000 экз.

Загл. пояснит. статьи: Гоголь.

Ревизор: [комедия] / Ред., пояснит. статья и коммент. Н.Л. Бродского. 2-е изд., доп. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 273 с. – (Русские и мировые классики / Под общ. ред. А.В. Луначарского и Н.К. Пиксанова). 10000 экз.

Загл. пояснит. статьи: Н.В. Гоголь и Ревизор.

Ревизор: [комедия] / Ред., и коммент. Н.Л. Бродского, пояснит. статья А.В. Луначарского. 2-е изд., доп. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 273 с. – (Русские и мировые классики / Под общ. ред. А.В. Луначарского и Н.К. Пиксанова). 10000 экз.

Загл. пояснит. статьи: Гоголь.

Сочинения / Вступ. статья Л. Войтоловского; ил. Д. Митрохина. 4-е изд.. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. XVI, 623 с.: ил. 20000 экз.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь.

Сочинения: [В 3 т.] / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума; вступ. статья Л. Войтоловского. 4-е изд. М.; Л.: ГИЗ, 1930. 20000 экз.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. XXI, 422, [2] с.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь (1809–1852).

Т. 2. Повести. Комедии. 489, [3] с.

Т. 3. Мертвые души: поэма. Т. 1–2. 398, [2] с.

Старосветские помещики; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Послесл. В.С. Нечаевой. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 124, [2] с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 100000 экз.

Шинель: [повесть] / Послесл. и примеч. В.С. Нечаевой. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 44, [2] с. – (Дешевая библиотека классиков). 50000 экз.

Шинель: [повесть] / Гравюры на дереве Д. Митрохина; предисл. И. Брюлловой-Шаскольской. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 77 с.: ил. 25000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Ив.* Проблема Переверзева // Красная новь. М., 1930. № 2. С. 220–230.
[О концепции В.Ф. Переверзева в связи с его работами о творчестве Гоголя и Ф.М. Достоевского.]
- Аристов-Литвак.* «Черевички» в Госопере // Ленинградская правда. Л., 1930. 27 января. № 26. С. 4.
- Белоусов И.* Писательские гнезда: Дома в Москве и подмосковные усадьбы, где родились, жили или умерли известные русские писатели. М.: Московское товарищество писателей, 1930. 160, [2] с.
- V. На Никитском бульваре – Н.В. Гоголь. С. 28–38.
- Бем А.Л.* [Рецензия] // Slavica. Прага, 1930. Т. IX. Вып. 1. С. 190–196.
[Рец. на кн.: *Виноградов В.* Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929.]
- Богданов-Березовский В.* На репетициях «Носа» // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1930. 6 января. № 5. С. 4.
- Боткин В.П. и Тургенев И.С. Неизданная переписка 1851–1869: По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея / Подгот. к печати Н.Л. Бродский. М.; Л.: Academia, 1930. – (Памятники литературного быта. Переписка В.П. Боткина и И.С. Тургенева).
[О Гоголе: С. 14, 18–21, 26–27, 32–33, 54–55, 166, 286–289: Письма В.П. Боткина к И.С. Тургеневу от 16 января, 21 февраля (о последних днях и смерти Гоголя), 5 марта 1852 г., без даты 1852 г. и 17 июня 1855 г. Письма И.С. Тургенева к В.П. Боткину от 17 июня 1855 г. и 10 марта 1862 г.]
- Браудо Е.* Премьера «Носа» Шостаковича в Ленинграде // Правда. М., 1930. 12 февраля. № 42(4487). С. 6.
- Браудо Е.* «Черевички» (Театр оперы и балета) // Красная газета (утрен. вып.). Л., 1930. 28 января. № 22. С. 4.
- В борьбе за марксизм в литературной науке: сб. статей / Ред. В. Десницкого, Н. Яковлева, Л. Цырлина. Л.: Прибой, 1930. – (Вопросы методологии теории языка и литературы. Сборники и монографии / РАНИОН. Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока). 276, [2] с.
- Из содерж:**
Десницкий В. О пределах спецификации в литературной науке.
[Критика книги В.Ф. Переверзева о Гоголе: С. 7, 12–20, 30–32, 38–44. Перепечатано: *Десницкий В.А.* На литературные темы. Л.; М.: ГИХЛ, 1933.]
- Яковлев Н.В.* К теории литературного процесса (формалисты, Переверзев, Плеханов).
[Критические замечания о книге В.Ф. Переверзева «Творчество Гоголя»: С. 62–67, 69–72.]
- Волконский С., князь.* «Нос» Гоголя по-французски // Последние новости. Париж, 1930. 6 марта. № 3270.
- Вэдэ. «Вий» // Таганрогская правда. Таганрог, 1930. 29 августа.
- Гвоздев А.* «Нос» Шостаковича. Малый оперный театр // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1930. 20 января. № 17. С. 4.
- <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь: сб. [2-е изд.] М.: Кооперативное изд-во писателей «Никитинские субботники», 1930. 254 с. – (Библиотека писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной. III серия: Классики в марксистском освещении).
- Содерж:**
Хронологическая таблица жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 5–10.
Переверзев В.Ф. Гоголь (Эволюция творчества, стиль и композиция). С. 11–99.
Луначарский А.В. Гоголь. С. 101–118.
Соловьев (Андреевич) Е. Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 119–131.

Войтоловский Л. Н.В. Гоголь. С. 133–172.

Коробка Н.И. Н.В. Гоголь. С. 173–226.

Зонин А. Трагедия Гоголя. С. 227–247.

Библиографический указатель. I. Произведения Н.В. Гоголя. II. Биографические сведения. III. Библиография марксистской критики о творчестве Гоголя. С. 248–254.
[1-е изд.: М., 1928.]

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь / Сост. В.В. Голубкова, Н.П. Горностаева, Б.Я. Лукьяновского, В. Сахарова. М.; Л.: Гос. изд-во [Гиз], 1930. 198 с. – (Литературно-критическая библиотека / Под ред. В.М. Фриче).

Содерж.:

От редакции.

От составителей.

Хронологическая канва жизни Гоголя.

Переверзев В. Стиль Гоголя.

Мандельштам И. Сравнения у Гоголя.

Брюсов В. Гипербола, как один из приемов творчества Гоголя.

Луначарский А. Что такое юмор.

Слонимский А. О характере юмора Гоголя.

Переверзев В. Социальная среда и творчество Гоголя.

Коробка Н. Повести из помещичьего быта.

Белинский В. О повестях Гоголя.

Кубиков И. Гоголь и царская бюрократия.

Данилов В. Социологический анализ «Ревизора».

Белинский В. Развитие действия в «Ревизоре».

Котляревский Н. «Мертвые души».

Рожков Н. Характеристика Чичикова.

Переверзев В. Характеры Гоголя.

Котляревский Н. Общественно-политические взгляды Гоголя.

Белинский В. Письмо к Гоголю.

Луначарский А.В. Гоголь.

Темы к произведениям Гоголя.

Библиографические указания.

Гоголь (Гоголь-Яновская) Марья Ивановна (1784–1868) // Большая Советская энциклопедия. Т. 17: Гимназия – Горовицы. М.: Акционерное общество Советская энциклопедия, 1930. Стлб. 350–351.

Гоголь (Гоголь-Яновский) Василий Афанасьевич // Большая Советская энциклопедия. Т. 17: Гимназия-Горовицы. М.: Акционерное общество Советская энциклопедия, 1930. Стлб. 349–350.

Горностаев Н.П. Тема денег в творчестве Гоголя (К социологии творчества Гоголя) // Русский язык в советской школе. М., 1930. № 4. С. 70–80.

Гроссман-Роцин И.С. Искусство изменять мир: [сб. статей по теории и истории литературы]. М.: Изд-во Федерация, 1930 [на обл.: 1929]. 352 с.

Из содерж.:

Письма об искусстве. Письмо третье. 1. Как сделана «Шинель» Гоголя. С. 106–130.

Фантастика «Мертвых душ» (К анализу мейерхольдовской постановки «Ревизора»). С. 305–320.

Денисов В.И. Социологический анализ двух редакций «Пропавшей грамоты» Гоголя // Литература и марксизм. М., 1930. № 2. С. 110–120.

Динамов С. Дискуссия о Переверзеве и задачи марксистского литературоведения // Красная новь. М., 1930. № 2. С. 211–219.

[По поводу книг В.Ф. Переверзева «Творчество Гоголя» и «Творчество Достоевского».]

Дмитриева Н.И., Свищевская М.А. «Сорочинская ярмарка». Два сценария по Н.В. Гоголю. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 60 с.: ил.

Ефремин А. Н.В. Гоголь: очерк // Красная нива. М., 1930. № 36. С. 18–19.

К-в М. «Ревизор» в театре глухонемых // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1930. 14 июня. № 139. С. 4.

Кубиков И.Н. Классики русской литературы: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский, Островский, Чехов и М. Горький: лекции, читанные в Воскресном университете 1 МГУ. М.: Изд-во 1-го Московского гос. ун-та, 1930. 295, [2] с.

Гоголь. С. 31–52.

Куликов В. «Нос» (Малый Оперный театр) // Ленинградский студент. Л., 1930. 20 января. № 4.

Л.Э. Русская реалистическая драма // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 3 / Коммунистическая Академия. Секция литературы, искусства и языка; отв. ред. А.В. Луначарский; отв. секретарь О.М. Бескин. М.: Изд-во Коммунистическая Академия, 1930. Стлб. 510–518.

[В частности, о «Ревизоре» Гоголя.]

Лернер Н. Сент Бев о Гоголе // Звезда. М., 1930. № 1. С. 219–221.

Литературное бедствие // Литература и искусство. М., 1930. № 2. С. 50–70.

[И.С. Гроссман-Рощин и В.Ф. Переверзев о Гоголе.]

Луначарский А.В. Что вечно в Гоголе (Из статьи к 75-летию со дня смерти Гоголя, написанной в 1927 г.) // Красная нива. М., 1930. № 34. С. 18–19.

[С рисунком П. Боклевского к «Мертвым душам» и портретом Гоголя работы Ф. Моллера.]

Малков Н.П. «Майская ночь»: опера в 3 действиях и 4 картинах (По повести Н.В. Гоголя). Музыка Н.А. Римского-Корсакова. [Краткое либретто] [М.:] Театропечать, 1930. 16 с., с портр. и нотами. – (Путеводитель по оперным спектаклям).

Мериме П. Избранные произведения. М., Л.: Гослитиздат, 1930. 191 с.

Николай Гоголь.

Монго А. Гоголь и Мериме // Revue de la littérature comparée. 1930. № 10.

<*Мошков Т.*> Рабкоры о «Носе» // Красная газета (утрен. вып.). Л., 1930. 24 января. № 19. [Отзыв рабкора Т. Мошкова о постановке «Носа» Д. Шостаковича в Малом оперном театре в Ленинграде.]

Музалевский В. «Нос» – опера Д. Шостаковича (Малый оперный театр) // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1930. 20 января. № 17. С. 4.

Музалевский В. «Черевички» (Премьера в Театре оперы и балета) // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1930. 27 января. № 22. С. 4.

«Нос»: опера в 3 актах по Н.В. Гоголю. 15-е сочинение Д. Шостаковича (К постановке в Государственном Малом оперном театре.) Л., 1930. 13 с.: 1 л. бланк анкеты. – (Государственный Малый оперный театр).

Переверзев В. Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) // Большая Советская энциклопедия. Т. 17: Гимназия – Горовицы. М.: Акционерное общество Советская энциклопедия, 1930. Стлб. 351–368.

Петров А. Николай I как репертуарный цензор (По архивным неопубликованным документам) // Советский театр. М., 1930. № 5–6. С. 44.

[О «Ревизоре» Гоголя.]

Пиотровский А. «Черевички» (Премьера в Театре оперы и балета) // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1930. 27 января. № 22. С. 4.

Против механистического литературоведения: дискуссия о концепции В.Ф. Переверзева / Коммунистическая Академия. Секция литературы, искусства и языка. М.: Изд-во Коммунистическая Академия, 1930. 201 с. – (Боевые вопросы коммунистической критики).

[Доклад С.Е. Щукина; содоклад В.Ф. Переверзева. Упоминания о книге В.Ф. Переверзева «Творчество Гоголя» в выступлениях И.А. Анисимова, И. Татарова, С. Динамова. Прения, заключительное слово В.Ф. Переверзева, С.Е. Щукина и И.М. Беспалова: С. 25, 26, 28, 52–55, 87–90, 98, 101, 116, 117, 119, 122, 123, 152, 153, 168 и др.]

Русская литература: рабочая книга для подготовки в ВУЗ / В.П. Карякин, Н.Е. Кременский, В.А. Мамонов, Г.Ю. Феддерс, В.П. Цветаев. 3-е испр. и доп. изд. М.: Работник просвещения, 1930. – (Готовься в ВУЗ: Пособие по подготовке в высшие учебные заведения / Под ред. А.П. Абиндера и К.И. Львова. Вып. 7). М.; Л.: Работник просвещения, 1930. 472 с.

[О Гоголе: С. 148–164. Биографический очерк, характеристика творчества; «Мертвые души»: Вопросы и задачи. Темы; «Ревизор»: Вопросы и задачи. Темы; «Шинель»: Вопросы и задачи. Темы. Библиография.]

Рыбчинская Е. Работы о «Носе» // Красная газета (утрен. вып.). Л., 1930. 24 января. № 19.

[Отзыв работ Е. Рыбчинской о постановке «Носа» Д. Шостаковича в Малом оперном театре в Ленинграде.]

Саймон. «Нос» (премьера в Малом оперном театре) // Красная газета (утрен. вып.). Л., 1930. 24 января. № 19.

<Сент-Бев III>. Сент-Бев о Гоголе / Публ. и примеч. Н. Лернера // Звезда. М.; Л., 1930, № 1. С. 219–221.

[Письмо Ш. Сент-Бева к князю А.П. Голицыну (в переводе на русский язык).]

Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы 1847–1861. М.; Л.: Academia, 1930. XLVII, 490 с.: ил.

[С. 151–153, 184, 306, 313 и др.: упоминания о Гоголе в письмах к И.С. Тургеневу – А.В. Дружинина и бр. Колбасиных. Письмо И.С. Тургенева к Е.М. Феокистову от 26 февраля 1852 г. о смерти Гоголя (перепеч. из «Исторического Вестника» (1907. Кн. 2).]

Усевич Е. Гоголь и его исследователь Переверзев // Литература и искусство. М., 1930. № 1. С. 54–67.

Фатов Н.Н. Классики русской литературы: общедоступные очерки для первоначального ознакомления. Вып. 1. М.; Алма-Ата: Казиздат, 1930. [8], 96 с.

Очерк 6: Н.В. Гоголь. С. 51–58.

Филитов В. «Женитьба» Гоголя и режиссерский комментарий к ней. Текст комедии с разночтениями, литературно-сценический анализ, режиссерские замечания к отдельным местам комедии, словарь вызывающих сомнение в смысле произношения слов, объяснение иностранных и устаревших слов и выражений. Ил. Ю. Ганф: Пособие для учащихся драмшкол, инструкторов и кружководов, для школьных спектаклей и самодеятельного театра. М., Театинопечат, 1930. 188 с.: ил. – (На обл.: «Работа театра над текстом пьесы».)

Цейтлин А.Г. Русская литература XIX–XX вв. Задание пятое: Мелкопоместный стиль 30-х годов. Творчество Гоголя. – (Бюро заочного обучения при педфаке 2-го МГУ. Отделение русского языка и литературы, школьное, лингвистическое и дефектологическое). На правах рукописи. [М., 1930].

[О Гоголе: С. 83–98.]

«Черевички» (Перед премьерой) // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1930. 24 января. № 20. С. 4.

«Черевички»: комическая опера в 3 действиях / По Гоголю. Музыка П.И. Чайковского. Краткое либретто; вступ. статья Н. Малкова М., Театинопечатъ, 1930. 16 с. – (Путеводитель по оперным спектаклям).

Загл. вступ. статьи: О постановке «Черевичек».

Чернышевский Н.Г. Избранные сочинения: В 5 т. Т. 4 / Под ред. А.В. Луначарского; подгот. к печати и примеч. Н.В. Богословского, В.В. Буша, Н.М. Чернышевской-Быстровой, П.А. Щелканова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. XXXI, 582 с.

[Очерки гоголевского периода русской литературы. Отрывок из статьи о сочинениях Гоголя.]

Чернышевский Н.Г. Литературное наследие: В 3 т. Т. 3: Письма / Сост. Н.Л. Алексеева и Н.М. Чернышевской-Быстровой. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 792 с.

[В письме к М.Н. Чернышевскому от 14 февраля 1885 г. из Астрахани Н.Г. Чернышевский высказывается о роли Гоголя в развитии русской литературы: С. 103–104.]

[Указ. имен.]

Шостакович Дм. «Нос»: опера в 3 действиях, 10 картинах (По Гоголю) / Музыка Д. Шостаковича [либретто]; вступ. статья Н. Малкова. М., Театинопечатъ, 1930. 30 с.

Загл. вступ. статьи: Творческий путь Н.А. Римского-Корсакова.

Щукин С. Две критики: Плеханов – Переверзев. М.: Гос. изд-во Московский рабочий, 1930. 253 с.

[Оценка книги В.Ф. Переверзева «Творчество Гоголя»: С. 30–35, 51–53, 68–75, 80, 103–106.]

Ян М. «Нос» // Смена. Л., 1930. 25 января. № 20. С. 6.

[«Нос» Д. Шостаковича.]

1931

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Сорочинская ярмарка. Пропавшая грамота. Заколдованное место. Майская ночь, или Утопленница / Послесл. и примеч. Д. Киреева. 2-е изд. М.; Л.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1931. 101, [1] с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 100000 экз.

Вий. Ночь перед Рождеством. Страшная месть / Пояснит. статья и примеч. Ю. Перцовича. М.; Л.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1931. 101, [1] с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 50000 экз.

Женитьба и Игроки / Вступ. статья М.А. Азбель. Л.; М.: ГИХЛ, 1931. 134, [2] с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 25000 экз.

Мертвые души: поэма / Послесл. Г. Павловца. М.; Л.: ОГИЗ – ГИХЛ, 1931. 416 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия) 50000 экз.

Неизданные варианты к статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834–1835 гг.» / Публ. В.В. Гиппиуса // Ученые Записки Пермского гос. ун-та. Отделение общественных наук. Вып. 2. Пермь, 1931. С. 125–126.

Первая страница гоголевской тетради № 312. Вселенная или история и описание всех народов, их религий, нравов, обычаев и пр. Египет / Публ. В.В. Гиппиуса // Ученые Записки Пермского гос. ун-та. Отделение общественных наук. Вып. 2. Пермь, 1931. С. 126.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Послесл. Д. Киреева. 3-е изд. М.; Л.: ОГИЗ – ГИХЛ, 1931. 68 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 100000 экз.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Послесл. Д. Киреева. 3-е изд. М.; Л.: ОГИЗ ГИХЛ, 1931. 112 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 100000 экз.

Собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. Л.Б. Каменева и Л.И. Соловьева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. – (Приложение к журналу «Красная нива»). 65000 экз.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Биографический очерк Н.С. Ашукина; вступ. статья Н.К. Пиксанова; примеч. Н.С. Ашукина. 449 с.

Загл. вступ. статьи: Украинские повести Гоголя. С. 33–75.

[То же в кн.: *Пиксанов Н.К.* О классиках. М.: Московское товарищество писателей, 1933. С. 43–148.]

Т. 2. Повести и комедии / Вступ. статьи А.В. Ефремина и А.Г. Цейтлина. Примеч. Н.С. Ашукина. 460 с.

Загл. вступ. статьи: *Ефремин А.* Социальный смысл петербургских повестей Гоголя

Загл. вступ. статьи: *Цейтлин А.Г.* Гоголь-драматург.

Т. 3. Мертвые души / Вступ. статьи В.А. Десницкого и Вл. Данилова. Примеч. Н.С. Ашукина. 375 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: *Десницкий В.А.* «Мертвые души» Гоголя как поэма дворянского возрождения.

Загл. вступ. статьи: *Данилов Вл.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя.

[В тексте 14 иллюстраций А.А. Агина.]

Собрание сочинений: В 3 т / Под ред. В.И. Соловьева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. – (Приложение к журналу «Красная нива» на 1931 г.) 85000 экз.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Биографический очерк Н.С. Ашукина; вступ. статья Н.К. Пиксанова; примеч. Н.С. Ашукина. 449 с.

Загл. вступ. статьи: Украинские повести Гоголя.

Т. 2. Повести и комедии / Вступ. статьи А.В. Ефремина и А.Г. Цейтлина; примеч. Н.С. Ашукина. 460 с.

Загл. вступ. статьи: *Ефремин А.В.* Социальный смысл петербургских повестей Гоголя.

Загл. вступ. статьи: *Цейтлин А.Г.* Гоголь-драматург.

Т. 3. Мертвые души: [поэма] / Вступ. статьи В.А. Десницкого и В.В. Данилова; примеч. Н.С. Ашукина. 375 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: *Десницкий В.А.* «Мертвые души» Гоголя как поэма дворянского возрождения.

Загл. вступ. статьи: *Данилов В.В.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя.

[В тексте 14 иллюстраций А.А. Агина.]

Шинель: [повесть] / Послесл. и примеч. В.С. Нечаевой. 3-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 46 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 50000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Аросев А. На боевых путях (Воспоминания) // Новый Мир. М., 1931. № 3. С. 80–95.

[С. 47: отзыв А.М. Горького о Гоголе.]

Бродский-Краснов М., Друзин В. Краткий очерк истории русской литературы XIX и XX веков. Саратов: Гос. изд-во РСФСР, Нижневолжское краевое изд-во, 1931. 277, [3] с.

[О Гоголе: С. 17–20.]

Вейдле В. Мериме, Гоголь, Пушкин // Возрождение. Париж, 1931. 20 августа.

Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Отделение общественных наук. Вып. 2. Пермь, 1931. С. 61–126.

[Отд. оттиск: 1930 г.]

Гиппиус В. «Мертвые души» Гоголя в школе // Русский язык в советской школе. М., 1931. № 6–7. С. 68–79.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост., предисл., коммент. В. Гиппиуса. М.: Федерация, 1931. 496 с.

Предисл. С. 3–6.

[Коммент. в тексте.]

Синхроническая канва жизни и творчества Н.В. Гоголя на фоне эпохи. С. 461–479.

[Указ. имен.]

[Рец.: Русский язык в советской школе. М., 1931. № 5. С. 200.]

[Переиздано: Гиппиус В. Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники... М.: Аграф, 1999. 464 с. – (Сер. Литературная мастерская).]

Предисл. С. 5–8.

[Коммент. в тексте.]

Синхроническая канва жизни и творчества Н.В. Гоголя на фоне эпохи. С. 440–460.

Данилов В. Мелкопоместная идеология Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» // Русский язык в советской школе. М. 1931. № 1. С. 73–85.

Демьянчик Ю.И. Николай Васильевич Гоголь как знамя единства русской культуры // Временник: научно-литературные записки Львовского Ставропигиона. Львов, 1931. С. 81–96.

Десницкий В. Жизнь и творчество Н.В. Гоголя (1809–1852) // Литературная учеба. Л., 1931. № 5. С. 20–42; № 6. С. 67–85.

[Перепечатано: Десницкий В. На литературные темы: [сб. статей.] Л.; М.: ГИХЛ, 1933. С. 173–218.]

Десницкий В. «Мертвые души» Гоголя, как поэма дворянского возрождения // Литературная учеба. Л., 1931. № 2. С. 50–66.

[1. Место «Мертвых душ» в творчестве Гоголя. 2. Сюжет «Мертвых душ» и социальная направленность 3. Идея социального мира в помещичьей среде. 4. Предшественники Гоголя в его концепции дворянского «возрождения». 5. Идеинная основа «Мертвых душ». 6. «Мертвые души» и буржуазно-демократическая критика.]

Зайцев Б. Гоголь на Пречистенском // Возрождение. Париж, 1931. 29 марта. № 2126. С. 3–4.

[Перепечатано: Зайцев Б. Москва. Париж, 1939; 2-е изд. Мюнхен, 1960; 3-е изд. Мюнхен, 1973; Литературная учеба. М., 1988. № 3 / Публ. и вступ. статья Е.В. Воропаевой, примеч. В.А. Воропаева. С. 115–117; загл. вступ. статьи: Борис Зайцев о Гоголе. С. 111–115.]

Ильин В.Н. Достоевский и Гоголь // Вестник РСХД [Русское студенческое христианское движение]. Париж, 1931. № 3. С. 10–17.

[Перепечатано: Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь, 1997. С. 60–71.]

Капнист-Скалон С.В. Воспоминания / Ред., вступ. статья и примеч. Ю.Г. Оксмана // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. I / Общ. ред. Ю.Г. Оксмана и С.Н. Чернова. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. Приложения. С. 289–428.

[Первоначально: Исторический Вестник. 1891. Кн. 5–7.]

[О Гоголе и его родителях.]

Литературные дискуссии (Переверзевщина, буржуазный либерализм в литературе. «Перевал». Воронский. Творческие пути пролетарской литературы. Библиографический вып. № 1 / Коммунистическая Академия. Кабинет пролетарской литературы Института искусства и языка. М.: Изд-во Коммунистическая Академия, 1931. 23 с.

[О Гоголе: С. 5–10.]

Лобов Л.П. Из истории русского литературного языка (Гоголь, Толстой, Достоевский) // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Отделение общественных наук. Вып. 2. Пермь, 1931. С. 127–152.

[Язык Гоголя: С. 127–136.]

<Лорер Н.И.> Записки декабриста Н.И. Лорера / Коммунистическая Академия; ред. М.Н. Покровского; подгот. к печати и коммент. М.В. Нечкиной. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. 448 с.: ил.

[А.О. Россет-Смирнова и ее ходатайство перед Николаем I о пособии Гоголю: С. 268–269.]

Малков Н.П. «Майская ночь»: опера в 3 действиях и 4 картинах (По повести Н.В. Гоголя). Музыка Н.А. Римского-Корсакова. [Краткое либретто] / Вступ. статья Н. Малкова. 2-е изд. М.: ГИХЛ, 1931. 15 с. – (В помощь зрителю).]

Загл. вступ. статьи: Творческий путь Н.А. Римского-Корсакова.

«Мертвые души» Гоголя в Художественном театре // Советское искусство. М., 1931. 23 октября. № 55(126). С. 4.

Назаренко Я.А. История русской литературы XIX века. 9-е доп. и испр. изд. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1931. 405, [1] с.

[О Гоголе: С. 79–97.]

[1-е, 2-е, 3-е изд. 1925; 4-е, 5-е, 6-е изд. 1927; 7-е изд. 1928; 8-е изд. 1929.]

Оксман Ю.Г. Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А.В. Луначарского, П.Н. Сакулина, В.И. Соловьева, П.Е. Щеголева. Т. 6: Путеводитель по Пушкину. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. – (Приложение к журналу «Красная нива» на 1931 г.). С. 99–100.

Рыбакова Н. Как работал Гоголь // Литературная учеба. Л., 1931. № 7. С. 53–70.

Рыклин Г. «Ночь перед Рождеством» (Театр сатиры) // Известия. М., 1931. 8 октября. № 231. С. 6.

[«Ночь перед Рождеством» Гоголя в интерпретации В. Массэ и В. Тикота.]

Слонимский А. Черниговцы: повесть о восстании черниговского полка (1826). 3-е изд. М.: Гос. изд-во юношеской и детской литературы «Молодая гвардия», 1931. 256 с. – (Дешевая библиотека Огиза. Серия школьника и пионера).

[О Гоголе: С. 106–108.]

Смирнова-Россет А.О. Автобиография (Неизданные материалы) / Подгот. к печати Л.В. Крестовой; предисл. Д.Д. Благого. М.: Изд-во «Мир», 1931. 364 с.

[Воспоминания о Гоголе даны в исправленном виде по сравнению с текстом 1929 г. С. 271–311, 331–334.]

Соллогуб В.А., граф. Воспоминания / Ред. и примеч. С.П. Шестерикова; вступ. статья П.К. Губера. М.; Л.: Academia, 1931. 653 с.

[О Гоголе: С. 271–273, 308, 311, 378–380, 409, 512–518.

[Впервые: Исторический Вестник. 1886; отд. изд. 1887.]

Татаров И. Письмо в редакцию // Историк-марксист. М., 1931. Т. 21. С. 140–142.

[По поводу речи И. Татарова на дискуссии в Коммунистической Академии о понимании русского исторического процесса в книге В.Ф. Переверзева «Творчество Гоголя».]

Флоровский Г.В. Религиозные темы Достоевского // Россия и славянство. Париж, 1931. 21 февраля.

[В частности, о Гоголе.]

Цявловский М.А. Книга воспоминаний о Пушкине. М.: Кооперативное изд-во «Мир», 1931. 383 с.

Из содерж.:

Иваницкий Н.И. Письмо в редакцию. С. 328–332.

[Первоначально: Отечественные Записки. 1853. Февраль. Отд. VII. С. 119–121.]

[Воспоминания студента Санкт-Петербургского университета о профессорской деятельности Гоголя. Посещение А.С. Пушкиным и В.А. Жуковским лекции Гоголя.]

Чемоданов. «Женитьба»: новая радиоопера, текст Н.В. Гоголя. Музыка М.П. Мусоргского и М.М. Ипполитова-Иванова (Радиобеседа) // Говорит СССР. М., 1931. № 2. С. 10–13.

Черевички: комическая опера в 3 действиях. Текст (по Гоголю) Я.П. Полонского, музыка П.И. Чайковского. [Краткое либретто.] Вступ. статья: Н. Малкова. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1931. 16 с. – (В помощь зрителю).
Загл. вступ. статьи: О постановке «Черевичек».

Чернышевский Н.Г. Дневник / Под ред. Н.Л. Алексеева. Ч. I: 1848–1849. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. XVI, 373 с.
[Указ. имен.]

Шувалов Н. «Сорочинская ярмарка» (Премьера в Малом оперном театре) // Красная газета (утрен. вып.). Л., 1931. 29 декабря. № 308. С. 4.

Янковский М. «Сорочинская ярмарка» (Премьера в Малом оперном театре) // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1931. 25 декабря. № 303. С. 3.

Яцевич А. Пушкинский Петербург / Обложка и рис. А. Обермиллера. Л.: Общество «Старый Петербург – Новый Ленинград», 1931. 209 с.: ил.; 20 л. ил.
[Улицы и дома, в которых жил Гоголь в Санкт-Петербурге: С. 76, 91–95, 100–103, 124–132, 192.]

Шевченко Т.Г. Дневник / Предисл. А. Старчакова, ред., вступ. статья и примеч. С.П. Шестерикова. М.; Л.: Academia, 1931, 437 с.
[Указ. имен.]

1932

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Неизданное письмо к Н.В. Путяте / Коммент. К. Пигарева // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века / Под ред. В. Бонч-Бруевича, А.В. Луначарского. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1932. С. 93–95.
[Письмо от 19 август 1849 г., Абрамцево.]

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Послесл. Д. Киреева. 4-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1932. 64 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 75000 экз.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Послесл. Д. Киреева. 4-е изд.. М.; Л.: ГИХЛ, 1932. 112 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 75000 экз.

Старосветские помещики: [повесть] / Послесл. С. Шувалова. 3-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1932. 38 с. – (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 100000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Амфитеатров А.[В.] Запоздалый юбилей // Сегодня. Рига, 1932. 26 июля.
[По поводу 100-летия выхода в свет «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя.]

Амфитеатров А. Женщины Гоголя (К 80-й годовщине кончины Гоголя) // Сегодня. Рига, 1932. 6 марта.
[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Миръ, 2002. С. 60–67.]

Бескин Э. «Мертвые души» в МХТ им. Горького // Рабочая Москва. М., 1932. 14 декабря. № 291.
[С рисунками: М.М. Тарханов в роли Собакевича и В.Я. Станицын в роли губернатора.]

Бицилли П. Зощенко и Гоголь // Числа. Париж, 1932. № 6.
[Переиздано: Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю.В. Томашевского. М.: Олимп-ППП, 1994. С. 179–183; *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М.: Русский путь, 2000. С. 464–468.]

Вересаев В.В. Как работал Гоголь. М.: Кооперативное изд-во «Мир», 1932. 80 с. – (Как работали классики / Ред. серии Д.Д. Благой. Вып. 1).

[Рец.: *Гринвальд Я.* Как работал Гоголь // *Вечерняя Москва*. М., 1932. 21 октября. № 244. С. 3; *Сергиевский И.* // *Литературная газета*. М., 1934. 12 апреля. № 145.]

Верховский Н. Комедия так и не была написана. «Владимир 3-й степени» в филиале Госдрамы // *Красная газета* (вечерн. вып.). Л., 1932. 7 октября. № 233. С. 3.

Глебов И. Симфонические этюды. Ленинградская гос. филармония. Л., 1932. 329 с.

[С. 51–68: «Майская ночь»; С. 85–102: «Ночь перед Рождеством»; С. 173–176: «Черевички».]

Голенищев-Кутузов И. Гоголь в Италии // *Возрождение*. Париж, 1932. 2 апреля. № 2496.

[Перепечатано: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Лики времени: Парижские эссе. М.: Изд-во МЦНМО [Московский центр непрерывного математического образования], 2004. С. 192–195.

Гринвальд Я. «Мертвые души» в МХАТ СССР им. Горького // *Вечерняя Москва*. М., 1932. 11 декабря. № 286(2713). С. 3.

[С рисунками Лиса: И.М. Москвин в роли Ноздрева, В.О. Топорков в роли Чичикова, М.М. Тарханов в роли Собакевича.]

Д.Б. «Сорочинская ярмарка» в Музыкальном театре им. Вл. Немировича-Данченко // *Красная газета* (вечерн. вып.). Л., 1932. 10 января. № 108. С. 3.

Державин К.Н. Эпохи Александрийской сцены / Предисл. А.В. Луначарского. Л.: Ленгигхл [Ленинградское отделение гос. изд-ва художественной литературы], 1932. 239, [4] с.

[О «Ревизоре» Гоголя: С. 72–73.]

Добролюбов Н.А. Дневники 1851–1859 / Ред. и вступ. статья В. Полянского. 2-е изд. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 289, [2] с.: ил.

[С. 108, 164: Н.А. Добролюбов о постановке «Ревизора» в Михайловском театре 2 января 1857 г.]

Ильин В.Н. Достоевский и Гоголь // *Orient und Occident: Blätter für Theologie und Soziologie*. Leipzig, 1932. Heft. 10.

Ильинский А. «Выбритый ус» (Драма Н.В. Гоголя) // *Красная газета* (вечерн. вып.). Л., 1932. 14 октября. № 239. С. 4.

Кириш И. «Мертвые души»: К постановке в МХАТ СССР им. Горького // *Комсомольская правда*. М., 1932. 26 ноября. № 272(2353). С. 4.

Крути И. Поэма, пьеса, спектакль: «Мертвые души» в МХТ им. Горького // *Советское искусство*. М., 1932. 21 декабря. № 58(196). С. 3.

Марвич С. «Катай-валяй, было бы горячо». О постановке в Госдраме в Ленинграде пьесы А. Прейса «Владимир III степени» // *Красная газета* (вечерн. вып.). Л., 1932. 20 октября. № 244 (3219). С. 3.

<*Мусоргский М.П.*> М.П. Мусоргский: К пятидесятилетию со дня смерти. 1881–1931: Статьи и материалы / Под ред. Ю. Келдыша и В. Яковлева. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1932. 350 с.

[Указ. имен.]

Мусоргский М.П. Письма и документы / Гос. Публичная библиотека в Ленинграде; собрал и пригот. к печати А.Н. Римский-Корсаков при участии В.Д. Комаровой-Стасовой. М.; Л.: Гос. музыкальное изд-во, 1932. 573, [3] с.: ил.

[Указ. имен.]

На Большой сцене. К открытию сезона филиала Госдрамы // *Красная газета* (вечерн. вып.). Л., 1932. 25 октября.

[Заслуженный деятель искусств режиссер Л.С. Вивьен о постановке «Владимира 3-й степени» Гоголя.]

Неизданные письма Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского и других из архива А.Н. Островского: По материалам Гос. театрального музея А.А. Бахрушина / Пригот. к печати М.Д. Прыгунов, Ю.А. Бахрушин и Н.Л. Бродский. М.; Л.: Academia, 1932. — (Памятники литературы. Труды Гос. театрального музея им. Бахрушина. Т. I).

[С. 347: письмо А.Ф. Писемского от 20 марта 1852 г. (о смерти Гоголя); С. 565: письмо Н.С. Тихонова [1885 г.] (о тексте «Ревизора»); упоминания о Гоголе на С. 70, 109, 354, 402, 437, 551, 590 в письмах И.А. Гончарова, А.Н. Плещеева, Я.П. Полонского, М.М. Стасюлевича и И.С. Тургенева.]

Новицкий П. «Мертвые души» // Известия. М., 1932. 22 декабря. № 352.

[В тексте шаржи Б. Ефимова: М.М. Тарханов в роли Собакевича, В.О. Топорков в роли Чичикова, И.М. Москвин в роли Ноздрева.]

Оружейников Н. Классическое наследие на сцене: «Мертвые души» в МХАТ им. Горького // Гудок. М., 1932. 20 декабря. № 292(3827). С. 4.

Пиксанов Н. Украинские повести Гоголя // Пиксанов Н. О классиках: сб. статей. М., 1932. С. 43–148.

Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. 4 испр. и доп. изд. с введением, примеч., приложениями, указателями и хронографом, составленными А.Н. Римским-Корсаковым. М.: ОГИЗ, Гос. музыкальное изд-во, 1932. IV, 363 с.: нот. и ил.

[О Гоголе: С. 256–266; С. 162–164: «Ночь перед Рождеством»; С. 171–172: «Майская ночь».]

Сахновский В.Г. Гоголь в МХАТ СССР им. Горького. Как и почему ставятся «Мертвые души»: Итоги двухлетней работы // Советское искусство. М., 1932. 15 ноября. № 52.

Феликс. «Мертвые души». Письмо из Москвы // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1932. 10 декабря. № 286(3261). С. 3.

Цимбал С. Под знаком Гоголя. «Владимир III степени» в филиале Госдрамы // Красная газета (утрен. вып.). Л., 1932. 4 октября. № 231(4393). С. 4.

Чернышевский Н.Г. Дневник / Под ред. Н.Л. Алексеева. Ч. II: 1850–1853. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 410 с.

[Указ. имен.]

1933

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма. [М.:] ГИХЛ, 1933. 430 с. (Книгу – социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗ). 50000 экз.

Мертвые души: поэма. 2-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. 430 с. — (Школьная библиотека классиков). 75000 экз.

Письмо к П.Я. Убри / Комментар. Н. Лернера // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века / Под ред. В. Бонч-Бруевича, А.В. Луначарского. Т. 2. М.; Л.: Academia, 1933. С. 285–286.

[Письмо от 8 марта (н. ст.) 1847 г., Неаполь.]

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. 5-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. 64 с. — (Школьная библиотека классиков). 50000 экз.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Послесл. Д. Киреева. 5-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. 112 с. — (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 75000 экз.

Старосветские помещики: [повесть] / Послесл. С. Шувалова. 4-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. 38 с. — (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия). 73000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Батенков Г.С. Данные (повесть собственной жизни) // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 годов: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.

[С. 97: Сообщение Батенкова о переписке с Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Мертвых душ».]

Белый А. Непонятый Гоголь // Советское искусство. М., 1933. 20 января. № 4. С. 4.

[О постановке «Мертвых душ» МХАТом. Авторизованная запись доклада во Всеросскомдраме [Всероссийское общество композиторов и драматических писателей.]

[Перепечатано: Вопросы философии. М., 1990. № 11.]

Браудо Е. Новая постановка «Майской ночи» в студии им. Станиславского в Москве // Красная панорама. Л., 1933. №7. С. 11 и 12.

Вересаев В. К биографии Гоголя (Заметки) // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века / Под ред. В. Бонч-Бруевича, А.В. Луначарского. Т. 2. М.; Л.: Academia, 1933. С. 286–293.

[1. Предки Гоголя и его настоящая фамилия. 2. Сын девочки-подростка или взрослой женщины (О матери Гоголя.)]

Вересаев В. Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников / Ил. на отд. листах. М.; Л.: Academia, 1933. 526, [3] с.: 15 вклад. лист.

Вересаев В.В. Предисловие. С. 7–8.

Примеч. С. 512–524.

[Краткая характеристика упоминаемых лиц в алфавитном порядке.]

Алфавитный указатель цитируемых авторов и документов. С. 525–527.

Перечень иллюстраций на отдельных листах. С. 528.

[Рец.: *Сергиевский И.* Агония жанра // Литературный критик. М., 1933. № 1. С. 143–146; Литературный критик. М., 1933. № 3; КиПР. 1933. № 10; *Полнер Т.В.* // Современные записки. Париж, 1934. № 56. С. 430–432.]

Вертышев К.Н. Воспоминания и мысли // Театр русской драмы. Харьков, 1933. 17 ноября. № 2. С. 3.

[Об исполнителях роли Городничего в «Ревизоре» Гоголя.]

Вокруг постановки «Мертвых душ»: встреча рабочих с постановщиком и актерами МХТ // Рабочая Москва. М., 1933. 3 февраля. № 29. С. 4.

Данилов С.С. «Ревизор» на сцене / Предисл. Н.В. Петрова. Харьков: Изд. Харьковского гос. театра русской драмы, 1933. 144 с.: ил. — (Библиотека Харьковского гос. театра русской драмы. Вып. 2: К премьере спектакля «Ревизор» в ноябре 1933 г.).

[Работа Гоголя над «Ревизором». Сценическая история пьесы. В примеч. дана библиография литературы о постановках «Ревизора» (С. 133–143).]

[Рец.: *Верховский Н.* // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 31 марта. № 74; *Пиксанов Н.* // Литературный Ленинград. Л., 1935. 31 марта. № 15.]

Державин К. Б.А. Горин-Горяинов // Рабочий и театр. Л., 1933. № 13. С. 9–10.

[Хлестаков в исполнении Б.А. Горин-Горяинова.]

Десницкий В.А. На литературные темы: [сб. статей]. <Кн. 1.> Л.; М.: ГИХЛ, 1933. 390, [2] с. О пределах спецификации в литературной науке (Критика книги Переверзева о Гоголе).

Жизнь и творчество Н.В. Гоголя. 1809–1852.

[Впервые: Литературная учеба. Л., 1931. № 5. С. 20–42; № 6. С. 67–85.]

«Мертвые души» Гоголя как поэма дворянского возрождения.

[Впервые: В борьбе за марксизм в литературной науке: сб. статей / Ред. В. Десницкого, Н. Яковлева, Л. Цырлина. Л.: Прибой, 1930; см. также: Литературная учеба. Л., 1931. № 2. С. 50–66.]

Добужинский М.В. О постановке «Ревизора» в Литовском государственном театре // Сегодня. Рига, 1933. 17 октября.

Ермилов В. «Мертвые души» в Художественном театре // Литературная газета. М., 1933. 5 января. № 1(229). С. 3–4.

Ермилов В.В. Театр и правда // Красная новь. М., 1933. № 2. С. 183–188.

[О постановке в МХАТе «Мертвых душ» Гоголя.]

Ермилов В. Театр и правда (К дискуссии о «Мертвых душах» на сцене МХАТ) // Известия. М., 1933. 27 февраля. № 57(4988). С. 2–3.

[В тексте шаржи Э. Мордмилловича: М.М. Тарханов в роли Собакевича, В.О. Топорков в роли Чичикова, И.М. Москвин в роли Ноздрева.]

Иорданский М., Козлов П., Таранущенко В. К проблеме советской оперы (Оперное творчество советских композиторов за 15 лет) // Советская музыка. М., 1933. № 1. С. 19–50.

[В частности, «Нос» Д. Шостаковича.]

К.Ф. Исповедь Чичикова. «Серп и молот» обсуждает «Мертвые души» // Советское искусство. М., 1933. 14 января. № 3(119). С. 3.

Крестова Л.В. Комментарий к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». С полным текстом комедии. М.: Кооперативное изд-во «Мир», 1933. 135 с. – (Комментарии к памятникам художественной литературы / Под ред. Н.Л. Бродского и Н.П. Сидорова. Вып. 6).

Отд. 1:

1. Как писался «Ревизор». С. 3–6.

2. Гоголь Н.В. «Ревизор» (Полный текст). С. 9–70.

3. Словарь. С. 71–72.

Отд. 2:

Комментарий к комедии Гоголя. С. 73–112.

Отд. 3:

Зрители «Ревизора». С. 113–135.

[Рец.: *Пиксанов Н.К.* // Литературный Ленинград. Л., 1934. 31 марта. № 15.]

Кубиков И.Н. Классики русской литературы: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Л. Толстой, Салтыков Щедрин, Гл. Успенский, Островский, Чехов и М. Горький: Лекции, читанные в Воскресном ун-те 1-го МГУ. М.: Изд-во 1-го Московского гос. ун-та, 1933. 295, [2] с.

Гоголь. С. 31–52.

Кугель А.Р. (Homo Novus). Русские драматурги: очерки театрального критика / Ред. и примеч. В.Ф. Боцяновского. М.: Мир, 1933. 179 с.

Из содерж.:

Загадка Гоголя С. 37–46.

М.Вл. «Ревизор» в театре русской драмы // Пролетарий. Харьков, 1933. 20 ноября. № 267(3061). С. 4.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин об искусстве и литературе // Книга и пролетарская революция. М., 1933. № 8. С. 98–128.

[О Гоголе: С. 103–104.]

Мацуев Н. Художественная литература в оценке периодической печати (Библиографический указатель) // Литературный критик. М., 1933. Кн. 4. С. 145–153.

Млечин В. Непрочитанный Гоголь: «Мертвые души» в МХТ им. Горького // Рабис: журнал Всесоюзного профсоюза работников искусств. М., 1933. № 1. С. 25–26.

Некрасов А.И., проф. Рисунки Гоголя // СХУ заседание, организованное совместно с Государственным музеем изобразительных искусств. М., 1933. 7 июня. [4] с. – (Секция собирателей книг и экслибрисов МОВОФ [Московское отделение Всероссийского общества филателистов]).

[Тезисы доклада и факсимиле рисунков к последней сцене «Ревизора» Гоголя. См. также: Некрасов А. Приписываемые Гоголю рисунки к «Ревизору» // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. Кн. 19–21. С. 531–550.]

Никулин Л.В. Идеи и образы // Советское искусство. М., 1933. 26 января. № 5.
[О постановке «Мертвых душ» в МХАТе.]

Новицкий П. Современные театральные системы. М.: ГИХЛ, 1933. 244 с. – (Государственная театральная библиотека при Малом театре).
[О постановке «Женитьбы» Гоголя в театре им. Вахтангова 20 февраля 1924 г.: С. 148–150.]

Оружейников Н. О простоте и красочности // Советское искусство. М., 1933. 2 января. № 1.
[О постановке «Мертвых душ» в МХАТе.]

<Петров Н.В.> Выдержки из стенограммы экспозиционного доклада, прочитанного заслуженным деятелем искусств Н.В. Петровым труппе 15 сентября 1933 г. // Театр русской драмы. Харьков, 1933. 17 ноября. № 2. С. 2.
[К постановке «Ревизора» Гоголя.]

Петров Н. Образ Хлестакова (Из записной книжки исполнителя) // Театр русской драмы. Харьков, 1933. 17 ноября. № 2. С. 3.

Пиксанов Н.К. О классиках: сб. статей. М.: Московское товарищество писателей, 1933. 416 с.

Из содерж.:

Украинские повести Гоголя С. 43–148.

Примеч. С. 398–402.

Хронология украинских повестей Гоголя. С. 403–405.

[Рец.: Сергиевский И. // Литературный критик. М., 1933. № 2. С. 184–187; ответ Н.К. Пиксанова: Письмо в редакцию (Об отзывах И. Сергиевского и о самом себе) // Литературный критик. М., 1933. № 7. С. 212–217.]

Савелова З., Ливанова Т. Указатель литературы о Н.А. Римском-Корсакове // Советская музыка. М., 1933. № 3. С. 188–194.
[С. 191: «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством».]

Сергеев-Ценский С. Гоголь уходит в ночь. М.: Изд-во Советская литература, 1933. 278 с.
[Рец.: Перцов В. // Литературный критик. М., 1934. № 2. С. 283–284; Литовцева К. <Богаевская К.П.> // Новый мир. М., 1934. № 9. С. 201–202; Вельс С. Очередное «биографическое» искажение // Художественная литература: критико-библиографический бюллетень. М., 1933. № 7. С. 27.]

Синельников Н.Н. Воспоминания и мысли // Театр русской драмы. Харьков, 1933. 17 ноября. № 2. С. 3.
[О постановке «Ревизора» Гоголя.]

Соболев Ю.В. М.С. Щепкин. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 159, [1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: серия биографий. Вып. VIII).
[Гл. 3: Актер Гоголя. С. 105–122.]

Соболев Ю. «Мертвые души» в МХАТ СССР им. Горького // Труд. М., 1933. 17 января. № 15(3653). С. 4.
[В тексте шаржи: И.М. Москвин в роли Ноздрева и В.И. Топорков в роли Чичикова.]

Соболев Ю.В. Чичиков – Топорков, Собакевич – Тарханов, Ноздрев – Москвин // Рабис: журнал Всесоюзного профсоюза работников искусств. М., 1933. № 1. С. 25–27.

[В тексте шаржи: В.И. Топорков в роли Чичикова и М.М. Тарханов в роли Собакевича.]

Тальников Д. «Мертвые души» в Художественном театре // Театр и драматургия. М., 1933. № 1. С. 55–60; № 2–3. С. 24–29.

[В тексте фотографии: И.М. Москвин в роли Ноздрева, Н.Л. Подгорный в роли прокурора, Л.М. Леонидов в роли Плюшкина, В.Я. Станицын в роли губернатора; сцены У Манилова, Бал у губернатора, Две дамы, Чичиков у Ноздрева, а также шесть сцен из постановки Александринского театра.]

Тинг. Московские спектакли. Девять заметок о «Мертвых душах» // 30 дней. М., 1933. № 1. С. 73–77.

[О постановке в МХАТе; с рисунками А. Костомолоцкого: Ноздрев (И.М. Москвин), у прокурора (Н.Л. Подгорный), встреча Чичикова (В.О. Топорков) с Собакевичем (М.М. Тарханов), Коробочка (А.П. Зуева).]

Форш О. Символисты: роман // Звезда. Л.; М., 1933. № 1, 5, 9, 10.

[В отдельном издании (Л., 1934) роман озаглавлен «Ворон».]

[А.А. Иванов и Гоголь.]

Ш.И. Н.В. Гоголь (Биографическая справка) // Театр русской драмы. Харьков, 1933. 17 ноября. № 2. С. 1.

Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания / Ред., вступ. статьи и коммент. В. Евгеньева-Максимова и Г.Ф. Тизенгаузена. М.; Л.: Academia, 1933. 578, [4] с.: ил. – (Русские мемуары, письма и материалы).

[Указ. имен.]

<Щепкин М.С.> Записки актера Щепкина / Предисл., примеч. и статья А.Б. Дермана. Переработ. и доп. изд. с приложением рассказа В.А. Соллогуба «Собачка». М.; Л.: Academia, 1933. 398, [4] с.: ил. – (Театр / Под общ. ред. А.К. Дживелегова).

Из содерж.:

Черты из биографии и творчества М.С. Щепкина (Щепкин и Гоголь). С. 295–306.

Дерман А.Б. Предисловие к рассказу В.А. Соллогуба «Собачка». С. 194.

1934

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Биографический очерк Н.С. Ашукина.; примеч. Б.Х. Черняка. М.: ГИХЛ, 1934. 469 с. – (Дешевая библиотека ОГИЗ). 75000 экз.

Детство Чичикова. М.: ГИХЛ, 1934. 23 с. – (Библиотека начинающего читателя). 100000 экз.

Мертвые души: поэма / Предисл. Л.Б. Каменева; рис. А.А. Агина. [М.:] ГИХЛ, 1934. 433, [2] с.; ил. 15000 экз.

[Предисл. Л.Б. Каменева. С. 5–16 – удалено цензурой. В тексте 72 иллюстрации А.А. Агина.]

[Рец.: Г.Л. // Комсомольская правда. М., 1934. 29 марта. № 75. С. 4.]

Мертвые души: поэма / Ил. А.А. Агина; примеч. Б.Х. Черняка. М.; Л.: Гослитиздат, 1934. 368 с. – (Дешевая библиотека. Книгу – социалистической деревне). 50000 экз.

[Рец.: Варшавский Л. Новое издание «Мертвых душ» Гоголя // Книга и пролетарская революция. М., 1934. № 5. С. 57–58; Л.Г. // Комсомольская правда. М., 1934. 29 марта. № 75. С. 4; Переверзев В. Горе-комментаторы // За коммунистическое просвещение. М., 1934. 17 октября № 240(1711). С. 3.]

Мертвые души: поэма / Ред. и примеч. Б.Х. Черняка. М.: Детгиз, 1934. 416 с. – (Школьная серия классиков). 50000 экз.

[Рец.: Рыбникова М.А. // Детская и юношеская литература. 1934. № 9. С. 25–27; Переверзев В.Ф. // За коммунистическое просвещение. М., 1934. 17 октября. № 240(1711). С. 3.]

«Москва и Петербург» (Из записок дорожного) / Публ. и коммент. Ю.Г. Оксмана // Литературный Ленинград. Л., 1934. 31 марта. № 15. С. 3.

[Доцензурная редакция начала «Петербургских записок 1836 года» Гоголя.]

Письмо Н.В. Гоголя к А.О. Смирновой / [Публ. В.В. Гиппиуса.] // Литературный Ленинград. Л., 1934. 31 марта. № 15(37). С. 3.

[Письмо от 15 февраля (н. ст.) 1844 г., Ницца.]

Собрание сочинений / Биографический очерк Н.С. Ашукина; вступ. статья А.В. Луначарского; худож. А.А. Толоконников М.: ГИХЛ. 1934. XXI, [2], 673, [1] с. 30000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев И. Да, но где же достать Гоголя // За индустриализацию. М., 1934. 2 апреля. № 78. С. 3.
[О необходимости выпустить удешевленное издание сочинений Гоголя.]

А.М. Николай Васильевич Гоголь // Рабочий путь. Смоленск, 1934. 1 апреля.

Адамович Г. Андрей Белый и Гоголь // Последние новости. Париж, 1934. 14 июня. № 4830.

[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 77–83.]

Анисимов С. Как Гоголь собирал материалы для своих произведений (К 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя) // Звезда Севера. Архангельск, 1934. № 3. С. 56–64.

<Антоновский Б., Флит А.> После «Женитьбы». Шарж Б. Антоновского. Стихи А. Флита // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 22 апреля. № 93(4073).

Б.А. Дом, в котором умер Н.В. Гоголь // Литературная газета. М., 1934. 28 марта. № 38(364). С. 4.

Белинский В.Г. Избранные сочинения: В 3 т. Т. I. / Вступ. статья Ф.М. Левина; ред. текста Д. Благого; коммент. Д. Благого и А. Лаврецкого. М.: ГИХЛ [Гос. изд-во художественной литературы], 1934. XXXVII, 608 с.

Из содерж.:

О русской повести и повестях г. Гоголя. С. 76–118.

Коммент. С. 570–572.

[Рец.: Виноградова О. // Правда. М., 1934. 22 ноября. № 321. С. 4.]

Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / Предисл. Л. Каменева. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1934. XVI, 324 с.: 13 л. ил. и схем.

Предисл. С. V–XIII.

[I. Творческий процесс Гоголя. II. Сюжет Гоголя. III. Изобразительность Гоголя. IV. Стиль прозы Гоголя. V. Гоголь в XIX и в XX вв.]

[Рец.: Тимофеев Л. Литературоведческий опыт символиста // Критико-библиографический бюллетень «Художественная литература». М., 1934. № 12. С. 55–58.]

[Переиздано: Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / Предисл. Н. Жуковой. М.: МАЛП, 1996. 351 с.: ил.; Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование / Вступ. статья Ю. Манна. М.: Книжный Клуб Книголек, 2011. 416 с.: ил.; Белый А. Собрание сочинений. Мастерство Гоголя: Исследование / Общ. ред., сост., послесл. и коммент. Л.А. Сугай. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2013. 559 с.: ил.]

Березарк И. «Женитьба» в Гос. театре драмы // Рабочий и театр. Л., 1934. № 12. С. 10–11.

Беседы с начинающими писателями: итоги двухлетней работы [1932–1934]. К всесоюзному съезду советских писателей / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. 48 с.

[О докладе В. Гиппиуса «Работа Гоголя над созданием характера Хлестакова»: С. 35–37.]

Бицилли П. Гоголь и классическая комедия // Числа. Париж, 1934. № 10. С. 198–199.

Бицилли П. Гоголь и Чехов (Проблема классического искусства) // Современные записки. Париж, 1934. № 56. С. 298–308.

[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 84–97.]

Бицилли П.М. Краткая история русской литературы. Ч.2: От Пушкина до нашего времени. София: Изд-во Н.Н. Алексеева, 1934.

Бицилли П.М. [Рецензия] // Путь. Париж, 1934. № 45. С. 77–79.

[Рец. на кн.: Мочульский К. Духовный путь Гоголя. YMCA PRESS. 1934.]

Бицилли П. Справка [По поводу кн. Б. Шлецера о Н. Гоголе на франц. яз.] // Встречи. Париж, 1934. № 2. С. 85.

Бондарев Д. Ревизор своего класса. К 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Звено. Иваново, 1934. № 3. С. 74–84.

Браун М. «Черевички». Опера Чайковского // Саратовский рабочий. Саратов, 1934. 10 января.

Бродский Н., проф. Гоголь (1809–1934) // Экономическая жизнь. М., 1934. 29 марта. № 73(4654). С. 4.

В.М. 125 лет со дня рождения Гоголя // Наступление. Смоленск, 1934. № 3. С. 98–99.

Варшавский Л. Новое издание «Мертвых душ» Гоголя // Книга и пролетарская революция. Книга и пролетарская революция. М., 1934. № 5. С. 57–58

Вебер Е.С. В пустом и страшном мире: доклад, прочитанный в Русской драматической студии 22 апреля 1934 г. // Меч. 1934. № 8. С. 3–7.

Вейдле В. // [Рецензия] // Современные записки. Париж, 1934. № 54. С.

[Рец. на кн.: Gorlin M. N.V.Gogol und E.Th. Hoffmann.]

Вересаев В.В. Как работал Гоголь. 2-е изд. М.: Кооперативное изд-во «Мир», 1934. 82 с. – (Как работали классики).

Вернер В. 10 заповедей смекалистого: Конспект повести для будущего Гоголя // За индустриализацию. М., 1934. 30 марта. № 76.

Верховский Н. [Рецензия] // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 31 марта. № 74.

[Рец. на кн.: Данилов С.С. «Ревизор» на сцене / Предисл. Н.В. Петрова. Харьков: Изд. Харьковского гос. театра русской драмы, 1933. 144 с.: ил. – (Библиотека Харьковского гос. театра русской драмы. Вып. 2: К премьере спектакля «Ревизор» в ноябре 1933 г.).

Веселовский Т.Т. Н.В. Гоголь. 1809–1934 // Ленинградская правда. Л., 1934. 30 марта. № 76. С. 4.

Вечер, посвященный Гоголю в ИРЛИ Академии наук СССР // Ленинградская правда. Л., 1934. 1 апреля. № 77. С. 4.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1934. 288 с.

Язык Гоголя и его значение в истории русской литературной речи XIX в. С. 225–227.

Вишневский В.С. Гоголь и военная Россия // Литературный критик. М., 1934. № 4. С. 49–66.

Войтович В. (завод «Промтехника»). О дружбе парторгов с Гоголем // Ленинградская правда. Л., 1934. 18 июня. № 142(5821). С. 3.

[О необходимости чтения художественной литературы для рабочих партийцев.]

Воронский А. Гоголь. <М.:> Журнально-газетное объединение, 1934. – (Серия Жизнь замечательных людей. Вып. XVIII–XVIII). 412 с.: ил.

[Отдельные главы переизданы: *Воронский А.К.* Избранные статьи. М., 1982; *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. М., 1987; репринтное изд. / Предисл. Т.И. Исаевой <М., 2008.> 100 экз.; см. также: *Воронский А.К.* Гоголь / Вступ. статья В.А. Воропаева. М.: Молодая гвардия, 2009. 447 [1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биографий; вып. 1); Загл. вступ. статьи: Забытая книга. Об Александре Воронском и его «Гоголе». С. 5–16; 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011. 447, [1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биографий; вып. 24).]

Г.В. Иллюстраторы Гоголя // Резец: литературно-художественный журнал. Л., 1934. № 6. С. 23–24.

[Со снимками рисунков А.А. Агина к «Мертвым душам».]

Ганжулевич Т. Н.В. Гоголь (125 лет со дня рождения) // Пролетарий. Харьков, 1934. 30 марта. № 74.

Гард Э. Гоголь и Пушкин вновь встречаются // Резец: литературно-художественный журнал. Л., 1934. № 6. С. 1–2.

[О потомках Гоголя и А.С. Пушкина.]

Гиппиус В. Академическое издание Гоголя // За социалистическую науку: орган парткома, президиума и месткома Академии наук. Л., 10 мая. № 13.

[Перепечатано: Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 23 мая.]

Гиппиус В., проф. Новое о Гоголе // Литературная газета. М 1934. 30 марта. № 39(355). С. 2.

[Обзор неизданных материалов по Гоголю (тексты, письма и пр.), намеченных к опубликованию в Гоголевском сборнике Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук.]

Гиппиус В.В. Образы Гоголя у Ленина и Сталина // Советская Украина. Киев, 1934. 30 марта. № 73.

Гиппиус В. Неизданные письма Гоголя // Литературный Ленинград. Л., 1934. 31 марта № 15(37). С. 3.

[Обзор неопубликованных писем Гоголя, хранящихся в Пушкинском Доме (ИРЛИ).]

Глаголь С. Гоголевский спектакль // Пролетарий Осетии. Орджоникидзе, 1934. 30 марта.

[О постановке «Ревизора» в городском театре.]

Гоголевская выставка // Ленинградская правда. Л., 1934. 6 мая. № 106. С. 4.

[О выставке в Русском музее «Герои Гоголя в изобразительном искусстве».]

Гоголевские дни в Ленинграде // Смена. Л., 1934. 29 марта. № 73. С. 4.

Гоголевские дни в Ленинграде // Комсомольская правда. М., 1934. 29 марта. № 75. С. 4.

Гоголевские дни в Ленинграде // Известия. М., 1934. 30 марта.

Гоголевские дни в Ленинграде // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 23 апреля.

Гоголевские дни в Ленинграде (выставка) // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 1 апреля. № 75. С. 2.

[О гоголевской выставке в музее Института русской литературы Академии наук СССР.]

Гоголевские дни в Москве // Комсомольская правда. М., 1934. 20 марта. № 67. С. 4.

Гоголевские традиции и живой Гоголь // Рабочий и театр. Л., 1934. № 10.

[Гоголь и советская драматургия.]

- Гоголевские реликвии // Красная газета (веч. выпуск). Л., 1934. 24 июня. № 37. С. 1.
[О передаче в Полтавский музей рисунков и переписки Гоголя с матерью и теткой.]
- Гоголевский вечер в Чеховской библиотеке в Таганроге // Таганрогская правда. Таганрог, 1934. 3 апреля.
- Гоголевский спектакль в театре драмы. // Красная газета (утрен. вып.). Л., 1934. 2 апреля. № 76.
- Гоголевский спектакль. Вчера в театре Госдрамы // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 14 апреля. № 86.
- <Гоголь Н.В.> Н. Гоголь (К 125-летию со дня рождения) // Правда Востока. Ташкент, 1934. 14 апреля. № 86(3445). С. 3–4.
- <Гоголь Н.В.> Н. Гоголь (К столетияпятилетию со дня рождения) // Правда Востока. Ташкент, 1934. 14 апреля. № 86(3445). С. 3–4.
- <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в портретах и иллюстрациях / Текст Д.Н. Николаева. Л.: Издание горкома писателей, 1934. 19 с.: ил. – (Писатели в портретах и иллюстрациях). [19 репродукций.]
- <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь (К 125-летию со дня рождения) // Уральский рабочий. Свердловск, 1934. 30 марта. № 75(5609). С. 4.
- <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь (К столетияпятилетию со дня рождения) // Рабочий путь. Омск, 1934. 10 апреля.
- Головенченко Ф.М. Величие Гоголя // Вечерняя Москва. М., 1934. 29 марта. № 73(3102). С. 3.
- Головенченко Ф. Н.В. Гоголь и Украина. К 125-летию со дня рождения писателя // Просвещение национальностей. М., 1934. № 3. С. 53–57.
- Головенченко Ф.М. Н.В. Гоголь (К 125-летию со дня рождения) // За Коммунистическое просвещение. М., 1934. № 3. С. 57–67.
- Головенченко Ф. проф. «Ревизор» Н.В. Гоголя (К столетию начала драматургической деятельности великого писателя) // За коммунистическое просвещение. М., 1934. 1 апреля. № 75(1546). С. 3.
- Гофман В.А. О литературном языке (Язык «Ревизора») // Литературная учеба. Л., 1934. № 6. С. 74–101.
- Гус М. Рассказ о том, как поссорились... // Тридцать дней. М., 1934, № 11. С. 68–73.
[Столкновение уходящего дворянства с нарождающейся буржуазией в творчестве Гоголя.]
- Д.Н. Из опыта Н.В. Гоголя // Резец: литературно-художественный журнал. Л., 1934. № 6. С. 21–23.
- Данилов В.В. Следы творчества Н.В. Гоголя в очерке П.П. Свинына «Полтава» // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А.С. Орлова / Академия наук СССР. Институт русской литературы. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 39–44.
- Данилов С. Городничие и Хлестаковы. К сценической истории «Ревизора» // Советское искусство. М., 1934. 29 марта. № 15(181). С. 3.

Данилов С.С. «Женитьба» Н.В. Гоголя. Л.: Гос. академический театр драмы, 1934. 133, [1] с.: ил.

[Работа Гоголя над «Женитьбой». Сценическая история пьесы. В примечаниях дана библиография литературы о постановках «Женитьбы».]

Данилов С.С. «Женитьба» на сцене // СХХV. Н.В. Гоголь. 1809–1934 / Гос. академический театр драмы. Л., 1934. С. 2–5.

[С. 1: Программа совместного торжественного заседания ИРЛИ Академии наук СССР, Гос. Академии искусствознания и Гос. академического театра драмы и спектакля «Женитьба».]

Данилов С.С. «Ревизор» на сцене. 2-е изд., испр. и доп., с приложением монтировки первого спектакля / Гос. академия искусствознания. Л.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1934. 148 с: ил.

Содерж.:

Предисловие ко второму изданию. С. 3–4.

Петров Н. Предисловие к первому изданию. С. 5–8.

I. Введение. С. 11–13.

II. «Владимир 3-й степени» как первый драматургический опыт Гоголя. С. 13–15.

III. История сюжета «Ревизора». С. 15–17.

IV. Комедия Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы» и «Ревизор» Гоголя. С. 18–20.

V. «Ревизор» и «натуральная школа». С. 20–21.

VI. Хронология работы Гоголя над «Ревизором». Редакции и варианты комедии. С. 21–23.

VII. Творческая эволюция «Ревизора». С. 23–26.

VIII. «Ревизор» как социальная сатира. Историческое значение комедии. С. 26–27.

IX. Первое представление «Ревизора». С. 27–34.

X. Постановка «Ревизора» на московской сцене. С. 34–37.

XI. «Настоящий ревизор» Цицианова – «продолжение» комедии Гоголя. С. 37–40.

XII. «Ревизор» в исполнении писателей. С. 40–43.

XIII. Первые постановки «Ревизора» по окончательной редакции комедии. С. 43–47.

XIV. «Ревизор» на провинциальной сцене. С. 47–52.

XV. «Ревизор» и «народный театр». С. 52–54.

XVI. Пятидесятилетний юбилей «Ревизора». Новая постановка «Ревизора» в Александринском театре в 1897 г. С. 54–56.

XVII. «Ревизор» в постановке Гнедича. С. 56–59.

XVIII. Первая постановка «Ревизора» в МХТ. С. 59–65.

XIX. Эволюция основных актерских образов комедии на дореволюционной сцене. С. 65–71.

XX. «Ревизор» в подражаниях и пародиях дореволюционного театра. С. 71–72.

XXI. Первые постановки «Ревизора» на советской сцене. С. 72–76.

XXII. Новая постановка «Ревизора» в МХТ. Чехов – Хлестаков. С. 76–81.

XXIII. Попытки приспособления комедии Гоголя к современности. С. 81–84.

XXIV. «Ревизор» в театре МГСПС. С. 84–87.

XXV. Экспериментальная постановка «Ревизора» в Театре-студии Акдрамы. Новая постановка в Акдраме. С. 87–91.

XXVI. «Ревизор» в театре им. Мейерхольда. С. 92–100.

XXVII. Рецидивы театрального футуризма и комедия Гоголя. С. 100–104.

XXVIII. «Ревизор» в современных подражаниях и пародиях. С. 104–105.

XXIX. Новые постановки «Ревизора» на советской сцене. С. 105–109.

XXX. Итоги сценической истории «Ревизора». Основные задачи критического освоения комедии Гоголя современным советским театром. С. 109–113.

Примечания. С. 114–126.

Приложение I: Монтировка первой постановки «Ревизора» на сцене Александринского театра в 1836 г. С. 127–142.

Приложение II: Сравнительная таблица постановок «Ревизора» на различных этапах его сценической истории. С. 143–144.

Перечень иллюстраций. С. 145–146.

Данилов С.С. Торжественный спектакль в ознаменование 125-летия со дня рождения Николая Васильевича Гоголя (1809–1934): программа. «Женитьба» на сцене. [Л.: Гос. академический театр драмы, 1934]. 4 с.

Дмитриев О. Великий сатирик // Пролетарий Осетии. Орджоникидзе, 1934. 30 марта. [О Гоголе.]

Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского; [вступ. статья М. Клевенского] Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934.

Загл. вступ. статьи: Н.А. Добролюбов.

Александр Сергеевич Пушкин. С. 117–118.

«Мишура». Комедия в 4-х действиях Алексея Потехина <Отрывок>. С. 507–509.

[Впервые: Современник. 1858. № 8. С. 203–231. Печ. по изд.: Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934. С. 422–423.]

Др. С. Театры обошли молчанием гоголевские дни в Ленинграде // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 3 апреля. № 77(4057). С. 2.

[С карикатурой: Хроника гоголевских дней. Рис. А. Антоновского.]

Дурылин С. Гоголь-актер // Театр и драматургия. М., 1934. № 5(14). С. 52–59.

Дурылин С.Н. Гоголь и Аксаковы (С тремя неизданными записками Гоголя) // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Т. 3–4. Л.; М.: Academia, 1934. С. 325–364.

[Неизданные записки Гоголя к Аксаковым: С.Т. Аксакову (1848 г.), К.С. Аксакову (1850 г.) и О.С. Аксаковой (1850–1852 гг.): С. 352, 360, 363.]

Дурылин С. Задушенная комедия Гоголя // Литературная газета. М., 1934. 30 марта. № 39. С. 3.

[О комедии «Владимир 3-й степени».]

Дурылин С. Смех на сцене (Судьба русской комедии) // Советское искусство. М., 1934. 17 апреля. № 18(184). С. 2.

Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» в 40–50 гг.: От Белинского до Чернышевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 454 с.

[Критические статьи о «Мертвых душах», «Выбранных местах из переписки с друзьями»; письмо В.Г. Белинского к Гоголю и др.]

[Указ. имен.]

Ефремин А. Н.В. Гоголь (к 125-летию со дня рождения) // Комсомольская правда. М., 1934. 29 марта. № 75(2768). С. 3.

Ефремин А. Н.В. Гоголь (к 125-летию со дня рождения) // Таганрогская правда. Таганрог, 1934. 3 апреля. № 77(3687). С. 3.

«Женитьба» в Госдраме // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 11 апреля. № 84. С. 2.

«Женитьба» в Ленинградской Госдраме // Вечерняя Москва. М., 1934. 17 марта.

Жизнь и творчество Н.В. Гоголя // Молодой сталинец. Саратов, 1934. 18 сентября. № 190. [Хронологическая канва.]

Загорский М. Гоголь и Щепкин // Литературная газета М., 1934. 30 марта. № 39(355). С. 3.

Загорский М. Неизданные рисунки Боклевского к «Ревизору» // Театр и драматургия. М., 1934. № 8. С. 50–55: ил.

Загорский М. Театр Гоголя (К 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя) // Вечерняя Москва. М., 1934. 29 марта.

Записная книжка Гоголя // Литературная газета. М., 1934. 14 февраля. № 17(332). С. 4.
[В Рукописный отдел Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина поступила записная книжка Гоголя начала 1840-х гг.]

Записная книжка Гоголя // Литературная газета. М., 1934. 30 марта. № 39(355). С. 2.
[Со снимками переплета книжки и двух рисунков Гоголя, впервые воспроизводимых в печати.]

Заславский Д. Гоголь (К столетиям со дня рождения) // Правда. М., 1934. 27 марта. № 85(5971). С. 2.

Заславский Д. Н.В. Гоголь (К 125-летию со дня рождения) // Заря Востока. Тифлис, 1934. 30 марта. № 76(3187). С. 3.

Игорев Н. Смех – великое дело // За индустриализацию. М., 1934. 30 марта. № 76(3742). С. 2.
[О Гоголе.]

Из неизданных рисунков Гоголя // Литературная газета. М., 1934. 30 марта. № 39(355). С. 2.

Ильинский А. Как был сожжен «Выбритый ус» Гоголя // Смена. Л., 1934. 2 апреля. № 76(2699).
[Иллюстрации П.М. Боклевского к «Ревизору»] // Театр и драматургия. 1934. № 8.

К. Н.В. Гоголь // Легкая индустрия. М., 1934. 30 марта. № 74(650). С. 4.

К юбилею Гоголя // Литературная газета. М., 1934. 26 марта. № 37. С. 1.
[Об издании Ленизогизом историко-литературных таблиц с портретами и иллюстрациями, посвященными Гоголю.]

Камегулов А. Трагедия Гоголя // Литературный Ленинград. Л., 1934. 31 марта. № 15(37).

Камегулов А. Трагедия Гоголя // Литературная учеба, Л., 1934. № 3. С. 10–33.

Камегулов А. Трагедия Гоголя // Резец: литературно-художественный журнал. Л., 1934. № 6. С. 18–19.

Клеман М. Гоголь о художественном творчестве (По материалам переписки) // Литературная учеба, Л., 1934. № 4. С. 48–61.

Кольский Г. Жизнь и смерть Гоголя // Северный комсомолец. Архангельск, 1934. 12 июля.

Константинов Н. «Женитьба» на сцене Госдрамы // Красная газета (утрен. вып.). Л., 1934. 16 апреля. № 88. С. 4.

Лapidус М. Проект города Маниловска // За индустриализацию. М., 1934. 30 марта. № 76.

Левин М. «Женитьба» (Ростовский театр юных зрителей) // Молот. Ростов-на-Дону, 1934. 3 апреля.

Лернер Н. Гоголь над бездною: пьеса в пяти действиях и десяти картинах / Всекдрам, отдел распространения; предисл. Р.А. Пельше. М., 1934. 94 с. 1000 экз. (на правах рукописи).

[Рец.: *Мазинг Б.* Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 15 мая. № 110.]

Литературное наследство. Т. 13–14: М.Е. Салтыков-Щедрин. Кн. 2 / Отв. ред. Л. Авербах. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. XX, 721 с.: ил.

Из содерж.:

- Калаушин М.М.* Салтыков в лицее. С. 463–480.
[О постановке в Царскосельском лицее 19 октября 1842 г. двух сцен из «Мертвых душ» Гоголя: С. 478.]
- Литературный Ленинград. Л., 1934. 30 марта.
[Юбилейный гоголевский номер.]
- Луначарский А.В.* Гоголиана: Николай Васильевич prepares макароны // Известия. М., 1934. 2 апреля. № 78(5326). С. 3–4.
[Фельетон.]
- М.Э. Н.В. Гоголь* (К 125-летию со дня рождения) // Маяк коммуны. Севастополь, 1934. 30 марта. № 73(4095). С. 3.
- Мазинг Б.* Расправа над классиками или историческая драматургия Лернера (Н.Н. Лернер. «Чернышевский и Александр II», «Гоголь над бездной»). М., Изд-во Всекдрам) // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 15 мая. № 110(4090). С. 2.
- Мацуев Н.* Библиографическая справка (Издания Гоголя и литература о Гоголе) // Книга и пролетарская революция. М., 1934. № 5. С. 58–60.
- Мацуев Н.* Новые книги по критике и литературоведению (январь-июнь 1934 г.) // Литературный критик. М., 1934. № 7–8. С. 291–301.
[О Гоголе: С. 297.]
- Мацуев Н.* Три года советской литературы. Изд-во Советская литература. М., 1934. 115 с.
[Библиография 1931–1933 гг.]
- Мережковский Д.* Гоголь и Россия // Возрождение. Париж, 1934. 10 июня. № 3294.
- Мочульский К.* Духовный путь Гоголя. Paris: YMCA-PRESS, 1934. 150 с.
[Переиздано: *Мочульский К.* Духовный путь Гоголя. 2-е изд. Paris: YMCA-PRESS, 1976. 147 с.; *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева; примеч. К.А. Александровой. М.: Республика, 1995. С. 6–60.]
[Рец.: *Бицилли П.М.* // Путь. Париж, 1934. № 45. С. 77–79; *Вышеславцев Б.* // Современные записки. Париж, 1934. № 56. С. 427–430; *Рудинский В.* // Современник. Торонто, 1980. № 47/48. С. 161–163; *Обухов В.* «Гоголь, Соловьев, Достоевский». Этапы духовного развития русской литературы // Русская мысль. Париж, 1995. № 4103. С. 13; *Козырев А.* // Новый мир. М., 1996. № 8. С. 241–242; *Обухов В.* Две трилогии о русской литературе // Литературное обозрение. М., 1997. № 6. С. 64–66, *Паламарчук П.* Москва или Третий Рим? Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М., 1991. С. 20. Реф.: *Сохряков Ю.И.* // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / РАН ИНИОН. Т. 3. Ч. 2. М., 1999. С. 217–220.]
- Мышковская Л.* Литературные проблемы пушкинской поры. М.: Советская литература, 1934. 186, [2] с.
[О Гоголе: С. 44, 75–77, 175.]
- Мышковская Л.* Особенности гоголевского стиля // Рост. М., 1934. № 9. С. 52–57.
- Найдены автографы Гоголя // Правда. М., 1934. 11 ноября. № 310. С. 6.
[Об автографах, переданных из библиотеки Нежинского пед. ин-та в библиотеку Всеукраинской Академии наук.]
- Накануне гоголевского юбилея // Литературная газета. М., 1934. 26 марта. № 73. С. 1.
[Об академическом издании сочинений Гоголя, издании Гоголевского сборника и о проведении юбилейных мероприятий в Ленинграде, посвященных 125-летию со дня рождения писателя.]
- Неизвестная страница Гоголя // Литературный Ленинград. Л., 1934. № 15.
[О постановке «Мертвых душ» Гоголя В.В. Чуйко в Гос. литературном музее] // Комсомольская правда. М., 1934. 20 марта. № 67.

Париэт Вл. Н.В. Гоголь (К 125-летию со дня рождения) // Армавирская коммуна. Армавир, 1934. 8 апреля. № 82(2952).

Переверзев В. Гоголь и театр // Советское искусство. М., 1934. 23 марта. № 14.

Переверзев В. Горе-комментаторы // За коммунистическое просвещение. М., 1934. 17 октября № 240(1711). С. 3.

[О комментариях Б.Х. Черняка к «Мертвым душам» (М.; Л.: Гослитиздат, 1934).]

Переверзев В. Народный язык у Гоголя // Литературный критик. М., 1934. № 9. С. 80–93.

[Откл.: Тимофеев Л. Итоги съезда и критика // Книга и пролетарская революция. М., 1934. № 12. С. 96.]

Перельман М. Фантастика и реальность // Резец: литературно-художественный журнал. Л., 1934. № 6. С. 20.

[О творческом методе Гоголя.]

Пиксанов Н., проф. Борьба за Гоголя // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 31 марта. № 74. С. 2.

Пиксанов Н. Между двух миров. Писательская драма Гоголя // Смена. Л., 1934. 1 апреля. № 75(2698). С. 3.

Пиксанов Н. [Рецензия] / Литературный Ленинград. Л., 1935. 31 марта. № 15.

[Рец.: на кн.: Данилов С.С. «Ревизор» на сцене / Предисл. Н.В. Петрова. Харьков: Изд. Харьковского гос. театра русской драмы, 1933. 144 с.: ил. – (Библиотека Харьковского гос. театра русской драмы. Вып. 2: К премьере спектакля «Ревизор» в ноябре 1933 г.).]

<Пиксанов Н.К.> Что читать о Гоголе // Смена. Л., 1934. 27 марта. № 71(2694). С. 4; 28 марта. № 72 (2695); 29 марта. № 73 (2696); 30 марта. № 74 (2697).

Пиотровский А. «Женитьба». Гоголевский спектакль в Госдраме // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 21 апреля. № 92. С. 2.

Полнер Т.В. [Рецензия] // Современные записки. Париж, 1934. № 56. С. 430–432.

[Рец. на кн.: Вересаев В. Гоголь в жизни. М.; Л.: Academia, 1933.]

Рождественская К. Русские классики за работой // Штурм. Свердловск, 1934. № 10. С. 104–115.

Гл. 1: Труд и вдохновение. С. 104–106.

Рукописи Гоголя передаются в ВУАН // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. М., 1934. 4 декабря. № 282. С. 4.

[О передаче рукописей Гоголя («Портрет», «Тарас Бульба» и др.) из Нежинского пед. ин-та во Всеукраинскую академию наук.]

Северянин И. Гоголь // Северянин И. Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах. Белград, изд. автора, 1934.

[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 68.]

Семенов Л. Гоголь в работах Ленина // Пролетарий Осетии. Орджоникидзе, 1934. 30 марта.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Памяти Гоголя, первого глашатая у нас правильных идей школьной географии // География в школе. 1934. № 1. С. 19–21.

Сергеев-Ценский С.Н. Гоголь уходит в ночь: повесть. М.: Московское товарищество писателей, 1934. 126 с.: ил.

Сергиевский И. [Рецензия] // Литературная газета. М., 1934. 12 апреля. № 145.

[Рец. на кн.: *Вересаев В.В.* Как работал Гоголь. М.: Кооперативное изд-во Мир, 1932. 80 с. – (Как работали классики / Ред. серии Д.Д. Благой. Вып. 1).]

Слонимский А. Гоголь и театр // Рабочий и театр. Л., 1934. № 10. С. 2–5.

Смирнова-Чикина Е.С. Комментарий к поэме Гоголя «Мертвые души». М.: Мир, 1934. 174 с. – (Комментарий к памятникам художественной литературы. Вып. 7).

Соллертинский И. Гоголь в русской опере // Рабочий и театр. Л., 1934. № 10. С. 6–7.

Станица. Париж, 1934. № 10.

[К 125-летию со дня рождения Гоголя. Потомки Гоголя и Пушкина за рубежом.]

Старчаков А.О. Творчество и проповедь (К 125-летию со дня рождения Гоголя) // Известия. М., 1934. 29 марта. № 75. С. 4.

Стеффен Г. О «Ревизоре» // Звезда Севера. Архангельск, 1934. № 4. С. 58–61.

[О постановке в Большом Архангельском театре «Ревизора» Гоголя.]

125 лет жизни Н.В. Гоголя // Атака: литературно-художественный журнал красноармейского творчества. Ташкент, 1934. № 1. С. 53.

125-летие со дня рождения Гоголя // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 27 марта. № 71. С. 3.

[О собрании, посвященном Гоголю, в ленинградском Доме ученых.]

Тамарченко Д. Мировоззрение и метод в художественном творчестве // Звезда. Л., 1934. № 6. С. 152–165.

[О противоречии между художественным методом и мировоззрением Гоголя.]

Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания / Ред., коммент. и статьи А. Островского; вступ. статья А. Бескиной и Л. Цырлина. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 344, [3] с.: ил.

Гоголь, Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин.

[О Гоголе: С. 116–130.]

Письмо из Петербурга. С. 125–126.

Тургенев И.С. Сочинения: В 12 т. Т. 11: Поэмы. Стихотворения. Воспоминания / Коммент. Б. Эйхенбаума. Л.: Ленинградское отделение ГИХЛ, 1934. 679 с.

Гоголь. С. 432–441.

Коммент. С. 665–666.

Флит А. Н.В. Гоголь и другие (125 лет со дня рождения автора «Мертвых душ»): стихотворение // Смена. Л., 1934. 1 апреля. № 75. С. 3.

[С иллюстрациями Гливенко.]

Форш О. Ворон: роман. Л.: ГИХЛ, 1934. 148 с.

[А.А. Иванов и Гоголь.]

[Рец.: *Десницкий В.А.* «Ворон» О. Форш // Ленинградская правда. Л., 1934. 27 июля. № 174. С. 4; *Книпович Е.* Символизм и современность // Художественная литература: критико-библиографический бюллетень. М., 1934. № 10. С. 8–11.]

Ходасевич В. Памяти Гоголя // Возрождение. Париж, 1934. 29 марта.

[Переиздано: *Ходасевич В.* Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С. 83–91; *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник. М., 1991. С. 237–240; Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 69–76.]

Хорьков Н. Н.В. Гоголь (125 лет со дня рождения) // Труд. М., 1934. 30 марта. № 76(4024). С. 4.

Храпченко М.Б. Гоголь и дворянское общество (К 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя) // Октябрь. М., 1934. № 5. С. 175–184.

Храпченко М. Н.В. Гоголь // Литературная газета. М., 1934. 30 марта. № 39(365). С. 2.

Храпченко М. Н.В. Гоголь (К 125-летию со дня рождения) // За коммунистическое просвещение. М., 1934. 30 марта. № 74(1545). С. 2.

Храпченко М.Б. Реализм Гоголя // Литературный критик. М., 1934. № 2. С. 13–32.

Хроника гоголевских дней в Ленинграде // Рабочий и театр. Л., 1934. № 10. С. 2–5.

[В институте русской литературы; оргкомитет писателей – Гоголю; Гоголевский сборник; новая «Женитьба»; академический Гоголь; записная книжка писателя; Гоголь в рисунке и живописи.]

Цейтлин А.Г. Литературные цитаты Ленина. М.; Л.: ГИХЛ [Гос. изд-во художественной литературы], 1934. 166 с.

[Образы Гоголя у В.И. Ленина: С. 57–68.]

Ценная находка // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1934. 10 июня. № 132. С. 2.

[В архиве бывшего Александринского театра обнаружен полный текст монтировки первого спектакля «Ревизора» Гоголя 25 апреля 1836 г. См.: *Данилов С.С.* «Ревизор» на сцене. 2-е изд., испр. и доп., с приложением монтировки первого спектакля / Гос. академия искусствознания. Л.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1934. 148 с.: ил.]

Шиф А. Великий русский писатель // Советская Украина. Киев, 1934. 30 марта. № 73.

[О Гоголе.]

Школить, учить, пороть всерьез [Передовая статья] // За индустриализацию. М., 1934. 30 марта. № 76 (3742). С. 1.

[Почему популярен Гоголь. В чем его величие.]

Штакенингейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886) / Ред., статья и коммент. И.Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934. 582, [3] с. – (Русские мемуары, дневники, письма и материалы).

[С. 142 и 226: «Женитьба» и «Выбранные места из переписки с друзьями».]

Шуб А. Письмо Гоголю (Нечто вроде юбилейной статьи) // Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1934. 4 апреля. № 78. С. 4.

Энтелис Л. Гоголь в музыке // Литературный Ленинград. Л., 1934. 31 марта. № 15(37). С. 2.

Юбилейное издание «Мертвых душ» в изд. ГИХЛ // Экономическая жизнь. М., 1934. 30 марта. № 74(4655). С. 4.

Языков Н.М. Полное собрание стихотворений / Ред., вступ. статья и коммент. М.К. Азадовского. [Л.:] Academia, 1934. 927 с.

Из содерж.:

Н.В. Гоголю («Благословляю твой возврат...»): [стихотворение]. С. 583–585.

[Первоначально (под заглавием «Г***»): Москвитянин. 1842. Ч. 3. № 6. С. 229.]

Коммент. С. 834–836.

[О взаимоотношениях Гоголя и Н.М. Языкова.]

[Указ. имен.]

Яковлев М. Гоголь в Париже // Иллюстрированная жизнь. Париж, 1934. № 3.

Ясный П. Вечер, посвященный Н.В. Гоголю в Омском педагогическом институте 16 апреля 1934 г. // Рабочий путь. Омск, 1934. 20 апреля. № 81(5472). С. 4.

1935

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма / Рис. А.А. Агина; примеч. Н.С. Ашукина. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1935. 416 с. 40000 экз.

[В тексте 70 иллюстраций.]

Повести / Вступ. статья и примеч. Л.П. Гроссмана; ил. А.И. Кравченко. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1935. 325 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Гоголь-урбанист.

Содерж.: Нос; Невский проспект; Записки сумасшедшего; Портрет; Шинель.

Повести / Вступ. статья А. Ефремина. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1935. 255 с.

Загл. вступ. статьи: Социальный смысл петербургских повестей Гоголя. С. 3–19.

ЛИТЕРАТУРА

Адамович Г. На беседе о Гоголе // Последние новости. Париж, 1935. 28 февраля.

Амфитеатров А. [Фрагменты из кн. «Н.В. Гоголь. Человек, смешавший людей»] // Возрождение. Париж, 1935. 21, 22 июня. № 3700, 3701.

[Продолжение: 1936. 16 января. № 3879; 2 апреля. № 3956; 2 мая. № 3986; 1938. 21 января. № 4115; 1 апреля. № 4125.]

Анастасий (Грибановский), митрополит. Мысли о Гоголе // Митрополит Анастасий (Грибановский). Беседы с собственным сердцем. Иерусалим, 1935.

[Перепечатано: Великий Россиянин: сб. статей, посвященных памяти Н.В. Гоголя (1852–1952) / Комитет Российской колонии в Аргентине, Буэнос-Айрес, 1952. С. 7–8.]

Бескина А. Лицо и маска Михаила Зощенко // Литературный критик. М., 1935. № 2. С. 66–69.

Булгаков М.А., Коростин М.С. Необычайное происшествие, или Ревизор. М.: Цедрам, 1935.

[Вариант киносценария, издан соавторами в литографированном виде.]

Гиппиус В.В. Работа Гоголя над образами «Ревизора» // Рабочий и театр. Л., 1935. № 1. С. 20–22.

Гиппиус В.В. Энергия негодования (К столетию начала работы Гоголя над Мертвыми душами) // Литературный Ленинград. М., 1935. № 57.

Глинский С.С. Психиатрический анализ Яновского. Для врачей. Введение (Конспективные патобиблиографические данные) / Архив библиотеки психиатра С.С. Глинского. Лодейное Поле, 1935 (На правах рукописи).

Данилов С.С. Гоголь: Указатель материалов к постановке произведений Н.В. Гоголя (К столетию первого представления «Ревизора» Н.В. Гоголя). Л.: Гос. академический театр драмы, 1935. 40 с.

Динцес Л., Корнилов П. Герои Гоголя в изо-искусстве. Л., 1935. 114 с.: ил. – (Государственный Русский музей).

Содерж.:

Динцес Л. Дореволюционная иллюстрация. С. 3–36.

Корнилов П. Советская иллюстрация. С. 37–46.

[С приложением тридцати иллюстраций А.А. Агина, П.М. Боклевского, В.В. Пукирева, В.Г. Перова, К. Маковского, В.Е. Маковского, П.П. Соколова, М.М. Далькевича, Н. Алексеева.]

[2-е изд., испр. М., 1937.]

Зайцев Б. Жизнь с Гоголем // Современные записки. Париж, 1935. № 59. С. 272–287.

[Перепечатано: Литературная учеба. М., 1988. № 3 / Публ. Е.В. Воропаевой, примеч. В.А. Воропаева. С. 118–124; Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 98–118.

И.Б. Мертвые души // Литературный Ленинград. Л., 1935. 26 мая. № 24.

[Монтаж А. Шварца и П. Вейсбрема.]

Каринский В.Д. Н.В. Гоголь как православный христианин. Таллин: Русская книга, 1935. 22 с.

Линии А.М. К вопросу о влиянии Гоголя на Островского (О поэтике «Записок замоскворецкого жителя») // Известия Ростовского-на-Дону пед. ин-та. Ростов-на-Дону, 1935. Т. VI. С. 21–34.

[Отд. оттиск: Ростов-на-Дону, 1935.]

Литературное наследство. Т. 19–21: Языков. Тютчев. Лермонтов / Отв. ред. П.И. Лебедев-Полянский. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. 714 с.

Из содерж.:

Некрасов А. Приписываемые Гоголю рисунки к «Ревизору»: С. 531–550.

Вейнберг А. Неизвестный портрет Гоголя работы Т.Г. Шевченко: С. 551–557.

Осипов Н.Е. Страшное у Гоголя и Достоевского // Жизнь и смерть: сб. памяти Н.Е. Осипова: В 2 т. / Под ред. А.Л. Бема, Ф.Н. Досужкова, Н.О. Лосского. Т. 1: Жизнь и посмертные труды. Прага; Берлин: Петрополис, 1935. С. 107–136.

[Доклад, прочитанный 26 февраля 1927 г. в Праге на семинаре по изучению Ф.М. Достоевского под руководством А.Л. Бема при Русском народном университете.]

Ремизов А.М. Без начала // Последние новости. Париж, 1935. 25 декабря.

Ходасевич В. По поводу «Ревизора» // Возрождение. Париж, 1935. 12 февраля.

[Перепечатано: *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник. М., 1991. С. 572–577.]

Шкловский В. «Портрет» и гоголевский реализм // Литературная газета. М., 1935. № 57. 15 октября.

Эйхенбаум Б. «Женитьба» Гоголя в кино // Известия. М., 1935. 12 июня.

1936

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма / Рис. А.А. Агина; примеч. Н.С. Ашукина. 3-е изд. [М.:] Гослитиздат, 1936. 430 с. 25000 экз.

[В тексте 70 иллюстраций.]

Мертвые души: поэма / Примеч. К.И. Халабаева, Б.М. Эйхенбаума и Н.С. Ашукина. М.: ГИХЛ, 1936. 451 с. 100000 экз.

Ревизор: [комедия в пяти действиях] / Ред., вступ. статья и примеч. В. Гиппиуса; рис. П.М. Боклевского. Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1936. 187 с.: ил. 10300 экз. Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Гоголя. С. 7–36.

Приложения:

Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 157–161.

Две сцены, выключенные при первом издании как замедлявшие течение пьесы. С. 162–165.

Примеч. С. 167–179.

Библиографическая справка. С. 180–182.

Боклевский П.М. Бюрократический катехизис.

[Иллюстрации П.М. Боклевского к «Ревизору».]

Голлербах Э. П. Боклевский (Биографическая справка). С. 183–186.

Ревизор: комедия в пяти действиях. Сценическая история в иллюстративных материалах: Сто лет 1836–1936 / Текст С.С. Данилова; предисл. и вступ. статья акад. Н.С. Державина. М.; Л.: Гос. изд-во изобразительных искусств, 1936. 141 с.: 13 л. ил.: ил. – (История театра в иллюстрациях и сценических документах / Под ред. П.Н. Шеффера; Ленинградский гос. академический театр драмы; Ленинградский театральный музей). Державин Н.С. Рождение «Ревизора».

Данилов С.С. Сценическая история «Ревизора» в иллюстративных материалах. – Первая постановка «Ревизора». – «Ревизор» в дореволюционном театре. – «Ревизор» на советской сцене. – «Ревизор» за рубежом.

Собрание сочинений / Биографический очерк Н.С. Ашукина; вступ. статья А.В. Луначарского. 2-е изд. М.: ГИХЛ, 1936. 100000 экз.

[Рец.: Козьмин Б. // Литературное обозрение. М., 1936. № 13–14. С. 68–71; Дмитриев К. // Что читать. М., 1936. № 4. С. 62–63.]

Собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. Л.Б. Каменева и Л.И. Соловьева. 2-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1936. – (Приложение к журналу «Красная нива»).

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Биографический очерк Н.С. Ашукина; вступ. статья Н.К. Пиксанова; примеч. Н.С. Ашукина. 449 с.

Т. 2: Повести и комедии / Вступ. статьи А.В. Ефремина и А.Г. Цейтлина; примеч. Н.С. Ашукина. 460 с.

Т. 3: Мертвые души / Вступ. статьи В.А. Десницкого и Вл. Данилова; примеч. Н.С. Ашукина. 375 с.

Собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. В.И. Соловьева. 2-е изд. М.; Л., ГИХЛ, 1936. – (Приложение к журналу «Красная нива») 85000 экз.

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Биографический очерк Н.С. Ашукина; вступ. статья Н.К. Пиксанова; примеч. Н.С. Ашукина. 449 с.

Загл. вступ. статьи: Украинские повести Гоголя.

Т. 2: Повести и комедии / Вступ. статьи А.В. Ефремина и А.Г. Цейтлина; примеч. Н.С. Ашукина. 460 с.

Загл. вступ. статьи: Ефремин А.В. Социальный смысл петербургских повестей Гоголя.

Загл. вступ. статьи: Цейтлин А.Г. Гоголь-драматург.

Т. 3: Мертвые души / Вступ. статьи В.А. Десницкого и В.В. Данилова. Примеч. Н.С. Ашукина. 375 с.

Загл. вступ. статьи: Десницкий В.А. «Мертвые души» Гоголя как поэма дворянского возрождения.

Загл. вступ. статьи: Данилов В.В. «Мертвые души» Н.В. Гоголя.

[В тексте 14 иллюстраций А.А. Агина.]

[3-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1936. 85000 экз.]

ЛИТЕРАТУРА

Амфитеатров А. Отталкивающий магнит // Возрождение. Париж, 1936. 2 апреля, 2 мая; 11 июня.

Амфитеатров А. [Фрагменты из кн. «Н.В. Гоголь. Человек, смешавший людей»] // Возрождение. Париж, 1936. 16 января. № 3879; 2 апреля. № 3956; 2 мая. № 3986.

Бем А.Л. У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский // О Достоевском: сб. статей под ред. А.Л. Бема. Т. 3. Прага: Петрополис, 1936. 215 с.

«Шинель» и «Бедные люди».

[Впервые: Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1.]

«Нос» и «Двойник». Л. Толстой в оценке Достоевского

[Впервые: Научные труды Русского народного ун-та в Праге. 1929. Т. 2.]

[Рец.: *Бицилли П.М.* // Современные записки. Париж, 1938. Кн. LXVII. С. 459–460; *Ляцкий Е.* // *Slavia*. Прага, 1939. Т. XVII. Вып. 1–2. С. 243–248; *Словцов Р.* [*Калишевич Н.В.*] // Последние новости. Париж, 1936. 30 октября. № 5669.]

Гиппиус В.В. Бесцензурный Гоголь // Правда. М., 1936. 7 октября. № 277.

Гиппиус В.В. Литературные взгляды Гоголя // Литературная учеба. Л., 1936. № 11. С. 52–73.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь: Материалы к проектированию нового памятника / Всесоюзный комитет по делам искусств; сост. В.И. Покровский; ред. Г. Бандалин. М.; Л.: Искусство, 1936. 113, [3] с.

[Посчитав памятник Н.В. Гоголю скульптора Н. Андреева «не передающим образа великого сатирика», а трактующим его «как пессимиста и мистика», Всесоюзный комитет по делам искусств в 1936 г. объявил конкурс на новый памятник писателю. Исходя из этого комитет счел необходимым обеспечить всех участников конкурса документальными материалами, связанными с жизнью и творчеством Гоголя. Данное издание включает в себя комментированную иконографию Н.В. Гоголя, подборку высказываний о нем современников, библиографические данные и архитектурный проект будущей Арбатской площади – место сооружения памятника.]

Машковцев Н.Г. Комментарий к иконографии Н.В. Гоголя. Список основного иллюстративного материала к биографии и сочинениям Н.В. Гоголя.

Эфрос А.М. Облик Н.В. Гоголя. Высказывания. Воспоминания.

Городецкий Б. Описание автографов Н.В. Гоголя в собрании Института литературы АН СССР. М., 1936.

Гофман В.А. Язык и стиль повести Гоголя «Нос» // Русский язык в школе. М., 1936. № 5. С. 43–54.

Данилов С.С. Гоголь и театр / Гос. научно-исследовательский институт искусствознания. Л.: Гослитиздат, 1936. 336 с.: ил.

Данилов С.С. Работа Гоголя-драматурга // Литературная учеба. Л., 1936. № 2. С. 100–117.

Данилов С.С. «Ревизор» на Александринской сцене (1836–1936). Л.: Гос. академический театр драмы, 1936. 42 с.: ил.

[К 100-летию со дня первой постановки.]

Десницкий В.А. На литературные темы. Кн. 2. Л.: Гослитиздат [Изд-во художественной литературы], 1936. 520 с.

Задачи изучения жизни и творчества Н.В. Гоголя.

О реализме Гоголя.

Егоров П. Работа над языком и стилем Мертвых душ Гоголя // Русский язык в школе. М., 1936. № 5. С. 55–66.

[Откл.: *Жданов В.* Клевета на классика // Правда. М., 1937. 4 марта.]

Лаврецкий А. Великий художник-реалист // Правда. М., 1936. 7 октября. № 277.

[О Гоголе.]

Литературный архив. Н.В. Гоголь: Материалы и исследования: В 2 т. / Академия наук СССР. Институт русской литературы; под ред. В.В. Гиппиуса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Т. 1. 502 с.: ил.

Содерж.:

От редакции. С. 1–2.

Неизданные и затерянные тексты Гоголя. Примеч. В. Гиппиуса, Н. Степанова С. Дурыхина, М. Алексеева, Г. Виноградова. С. 3–45.

I. Первоначальный план «Арабесок».

- II. Предисловие к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».
- III. Происшествия на Севере.
- IV. Отрывки по истории Рима.
- V. «Путешествие Александры Осиповны».
- VI. Перечень авторов и книг.
- VII. Заметки по фольклору.
- Примеч. С. 21–45.
- Письма Гоголя. Примеч. В. Гиппиуса, А. Пономарева, С. Дурылина, Г. Залкинда. С. 46–124.
- Примеч. С. 90–124.
- Письма к Гоголю (10). Примеч. А.Я. Максимовича, В.В. Гиппиуса, Н.Я. Морачевского. С. 125–150.
- [П.В. Анненков (11 мая 1843 г.); В.И. Быков (21 августа 1851 г.); А.А. Иванов (февраль 1842 г.); И.В. Капнист (23 июня 1849 г.); П.А. Плетнев (30 мая 1849 г.); С.В. Скалон (10 октября 1851 г.); М.С. Скурдин (13 сентября 1851 г.); С.М. Соллогуб (17 мая 1849 г.); Ф.В. Чижов (1 августа 1844 г.).
- Письма о Гоголе (28). Примеч. В.В. Гиппиуса, А.Г. Дементьева, Л.Н. Зубашовой-Перетц, К.В. Пигарева, И.Я. Айзенштока. С. 151–220.
- [В.С. Аксакова (3) 1846–1847 гг.; С.Т. Аксаков (7) 1842–1850 гг.; Н.Л. Баратынская (13 апреля 1843 г.); Е.Е. Бернадский (февраль 1846 г.); Е.В. Гоголь (около 25 декабря 1839 г.); М.Г. Карташевская (март 1852 г.); П.А. Плетнев (11) 1846–1847 гг.; М.П. Погодин (9 марта 1852 г.); Н.Н. Шереметева (8 ноября 1942 г.); Н.М. Языков (2) 1845 г.]
- Примеч. С. 189–220.
- Неизданные и забытые статьи о Гоголе.
- Одоевский В.Ф.* <Две заметки о Гоголе>. Примеч. М. Брискмана. С. 223–225.
- Примеч. С. 224–225.
- Сенковский О.И.* Рукописная редакция статьи о «Мертвых душах». Примеч. Н. Мордовченко. С. 226–248.
- Григорьев А. Ф.* Достоевский и школа сентиментального натурализма. Примеч. В.Л. Комаровича. С. 249–256.
- Барбе д'Оревилли.* Николай Гоголь. Примеч. М.П. Алексеева. С. 257–284.
- Неизданные документы о Гоголе. С. 285–312.
- Назаревский А.А.* Из архива Головни. С. 313–358.
- Дурылин С.Н.* «Дело» об имуществе Гоголя. С. 359–374.
- Библиография:
- I. *Добровольский Л.М., Лавров В.М.* Библиографический указатель сочинений Гоголя и литературы о нем на русском языке за 1916–1934 гг. С. 375–473.
- Указ. имен.
- II. Гоголь в украинской литературе (УССР) 1917–1934. С. 474–498.
- Указ. имен.
- Значение сокращений. С. 499–500.
- Т. 2. 628 с.: ил.
- Содерж.:**
- Десницкий В.А.* Задачи изучения жизни и творчества Гоголя. С. 1–105.
- [Перепечатано: *Десницкий В.А.* Статьи и исследования. Л.: Художественная литература, 1979. С. 58–164.]
- Мордовченко Н.И.* Гоголь и журналистика 1835–1836 гг. С. 106–150.
- Гиппиус В.В.* Проблематика и композиция Ревизора. С. 151–199.
- Рулин П.И.* «Женитьба». С. 200–241.
- Алексеев М.П.* Драма Гоголя из англо-саксонской истории. С. 242–284.
- Виноградов В.В.* Язык Гоголя. С. 286–376.
- Красильников С.А.* Источники собрания украинских песен Н.В. Гоголя. С. 377–406.
- Машковцев Н.* История портрета Гоголя. С. 407–422.
- Данилов С.С.* Гоголь в инсценировках. С. 423–471.
- Берлинер Г.О.* Чернышевский и Гоголь. С. 472–533.
- Нечкина М.В.* Гоголь у Ленина. С. 534–572.

[Отд. изд.: *Нечкина М.В.* Гоголь у Ленина: с приложением сост. М.Н. Черневич «Указателя упоминаний Гоголя и героев Гоголя в сочинениях В.И. Ленина» / Академия наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 60 с.]

Черневич М.Н. Гоголь и гоголевские образы в сочинениях В.И. Ленина (указатель). С. 573–591. [Также в кн.: *Нечкина. М.В.* Гоголь у Ленина. М.; Л., АН СССР, 1936. С. 42–60.]

Динцес Л.А. Комментарий к иллюстрациям. С. 592–596.

Указ. имен. Перечень иллюстраций. С. 623–625.

Значение сокращений. С. 626–627.

Маяковский В.В. Выступление на диспуте о постановке «Ревизора» в Гос. театре им. Вс. Мейерхольда 3 января 1927 года // Советский театр. М., 1936. № 8.

[Стенограмма диспута. Стенографическая запись выступления В.В. Маяковским не правлена. В диспуте приняли участие А.В. Луначарский, В.Э. Мейерхольд, писатели А. Белый, С.М. Третьяков, И.А. Аксенов, режиссер Н.О. Волконский, критики И.С. Гроссман-Рощин, М.Ю. Левилов, Р.А. Пельше, А.Л. Слонимский и др. В отчете о диспуте (Правда. М., 1927. 9 января. № 7. С. 7), в частности сообщалось: «Диспут, закончившийся в 2 часа ночи, прошел в страстном тоне, причем слушатели горячо реагировали на каждое выступление».]

[Перепечатано: *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 12: Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917–1930 / Академия наук СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. С. 306–311.]

Нечкина М.В. Гоголь у Ленина: с приложением сост. М.Н. Черневич «Указателя упоминаний Гоголя и героев Гоголя в сочинениях В.И. Ленина» / Академия наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 60 с.

Никитин Н.И. Искусство характеристики // Литературная учеба. Л., 1936. № 6. С. 28–55. [Художественные образы в «Мертвых душах» Гоголя.]

О «Ревизоре»: сб. статей к постановке комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Л.: Театр юных зрителей, 1936. 173 с.: ил.

Брянцев А.А. К постановке «Ревизора».

Макарьев Л.Ф. На пути к «Ревизору».

Предтеченский А.В. Эпоха Николая I.

Гиппиус В.В. Николай Васильевич Гоголь.

Десницкий В.А. О реализме «Ревизора».

Данилов С.С. Драматургия Гоголя.

Приложение:

Главнейшие даты сценической истории «Ревизора» за сто лет.

Предтеченский А.В. Эпоха Николая I. С. 37–74.

Рулин П. Гоголь в театре // Театр и драматургия. М., 1936. № 9.

Симов В. Эскизы к Мертвым душам: губернатор, Петрушка, и Собакевич // Театр и драматургия. М., 1936. № 9. С. 551–552.

Тамарченко Д. Литература и эстетика. Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1936. 235 с.

Мировоззрение и метод Гоголя. С. 202–233.

Ходаков Г. Был ли Гоголь в Ржеве // Ржевская правда. Ржев, 1936. 18, 20 октября. № 243, 244.

Храпченко М.Б. Н.В. Гоголь. М.: Художественная литература, 1936. 212 с.

[Рец.: *Иванов И.* // Литературное обозрение. М., 1936. № 8. С. 36–41; *Македонов А.* // Литературный критик. М., 1936. № 11. С. 181–193; *Фридлиндер Г.* // Литературный критик. М., 1936. № 5. С. 40–44.]

Храпченко М. Юмор и сатира в творчестве Гоголя // Литературная учеба. Л., 1936. № 1. С. 71–91.

Черняк Я.З. Письмо Белинского к Гоголю // Красная новь. М., 1936. № 7. С. 233–234.

1937

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Биографический очерк Н.С. Ашукина; примеч. Б.Х. Черняка. Минск: ГИХЛ, 1937. 469 с. – (Дешевая библиотека ОГИЗ). 75000 экз.

Избранные произведения / Ред., биографическая статья и примеч. В. Гиппиуса. М.; Л.: Изд-во детской литературы. 1937. 776 с.: 11 л.: ил. 20000 экз.

Загл. биографической статьи: Жизнь Гоголя. С. 2–71.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Записки сумасшедшего; Нос; Коляска; Шинель; Ревизор; Женитьба; Игроки; Мертвые души (Т. 1–2).

Примеч. С. 727–754.

Макогоненко Г., Буторин Д. Объяснения непонятных слов и выражений. С. 755–775.

[В тексте 27 иллюстраций А.А. Агина, рисунок В.Г. Перова: Погребение Гоголя героями его произведений, рисунок Э.А. Дмитриева-Мамонова: Гоголь читает Мертвые души и рисунок Гоголя – обложка к Мертвым душам.]

[Рец.: Тагер Е. // Детская литература. М., 1937. № 18. С. 20–23; Роскин А. // Литературная газета. М., 1937. № 47.]

Мертвые души: поэма. Т. 1–2 / Рис. А.А. Агина. М.; Л.: Academia, 1937. 508 с.: ил. 20300 экз.

[В тексте 73 иллюстрации.]

[Рец.: Кауфман Р.С. // Искусство. М., 1939. № 1. С. 83–101.]

Мертвые души: поэма: В 2 ч. Хабаровск: Дальгиз [Дальневосточное гос. изд-во], 1937. 471 с. 15000 экз.

Петербургские повести / Подгот. текста Б.М. Эйхенбаума; худож. Н. Альтман. М.; Л.: Academia, 1937. 141 с.

Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков. [Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Т. 2: Миргород / Тексты и коммент. подгот. И.Я. Айзеншток, В.В. Гиппиус, В.П. Петров, Н.Л. Степанов, Б.М. Эйхенбаум; ред. тома В.В. Гиппиус. [Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. 764 с.: ил. 15175 экз.

Содерж.:

Миргород: повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки. Ч. 1–2. С. 5–276.

Другие редакции. С. 277–456.

Варианты. С. 455–677.

Коммент. С. 679–760.

Перечень иллюстраций. С. 761.

Собрание сочинений / Биографический очерк Н.С. Ашукина; вступ. статья А.В. Луначарского. 3-е изд. М.: ГИХЛ, 1937. 100000 экз.

[Рец.: Г.Ф. // Новый мир. М., 1937. № 6. С. 269–270.]

Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. Н.С. Ашукина, В.Ф. Переверзева и М.Б. Храпченко. М.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1937–1941.

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком. Юношеские опыты / Ред. В.Ф. Переверзева; вступ. статья М.Б. Храпченко. М.: ГИХЛ, 1937. 296 с. 50000 экз.

Загл. вступ. статьи: Жизнь и творческая деятельность Гоголя. С. V–LXIII.

Юношеские опыты:

Непогода. С. 249.

Италия. С. 250–251.

Ганц Кюхельгартен. С. 252–293.

Примеч. С. 294.

Т. 2: Миргород. Незаконченные произведения и отрывки. М.: ГИХЛ, 1937. 435 с.

Приложения:

Тарас Бульба (первая редакция).

Предисловие к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Т. 3: Повести / Ред. Н.С. Ашукина. М.: ГИХЛ, 1937. 325 с.

Содерж.: Невский проспект; Записки сумасшедшего; Нос; Портрет; Шинель; Коляска; Рим; Отрывки.

Приложение:

Портрет (первая редакция). С. 278–321.

Примеч. С. 323–324.

Т. 4: Комедии. Драматические отрывки и отдельные сцены / Ред. Н.С. Ашукина, В.Ф. Переверзева. М.: ГИХЛ, 1937. 503 с.

Содерж.: Ревизор; Театральный разъезд после представления новой комедии; Развязка «Ревизора»; Дополнение к Развязке «Ревизора»; Женитьба; Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Лакейская; Отрывок; Альфред (начало трагедии из английской истории); Отрывок из утраченной драмы; Заметки и наброски для драмы из украинской истории.

Приложения:

Рукописный текст «Ревизора» во второй редакции. С. 355–463.

Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 464–470.

Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 471–481.

Примеч. С. 499–502.

Т. 5: Мертвые души. Т. 1–2 / Под ред. Н.С. Ашукина, В.Ф. Переверзева и М.Б. Храпченко. М.: ГИХЛ, 1937. 575 с.

Том первый. С. 5–291.

Том второй. С. 293–437.

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине в разрешенной цензурой редакции. С. 441–445.

Окончание IX главы в переделанном виде. 445–452.

Предисловие ко второму изданию «Мертвых душ». С. 452–455.

Второй том «Мертвых душ» в одной из первоначальных редакций. С. 455–572.

Примеч. С. 573–574.

Сочинения: В 3 т. / Худож. Кукрыники. М.; Л.: Изд-во детской литературы, 1937–1938. 20300 экз.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести. 467 с.: 26 л. ил.: ил.

[Повести: Нос; Шинель; Коляска.]

Т. 2. Драматические произведения. 175 с.: 15 л. ил.: ил.

[Ревизор; Женитьба.]

Т. 3. Мертвые души: поэма [Т. 1–2.] 319 с.: 27 л. ил.: ил.

[Рец.: Кауфман Р.С. // Искусство. М., 1939. № 1. С. 83–101.]

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г.Л. Пушкин и Гоголь // А.С. Пушкин. 1837–1937: [сб. статей]. М.: Учпедгиз, 1937. С. 5–21.

Айзеништок И. Герцен – литературный критик // Литературный критик. М., 1937. № 5. С. 18–43.

[А.И. Герцен и Гоголь.]

Амфитеатров А. Комедия ошибок // Земля Колумба. Нью-Йорк, [Сан-Франциско, Лос-Анжелес, Чикаго, Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро], 1937. Кн. 2.

[О «Ревизоре» Гоголя.]

Варшавский Л.Р. Русская карикатура 40–50-х гг. XIX в. Без м. изд. ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. 147 с.

[А.А. Агин – иллюстратор «Мертвых душ» Гоголя. С. 35–42.]

Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. Париж: Издание Р<усского> С<туденческого> Х<ристианского> Движения и газеты «Путь Жизни», 1937.

[Переиздано: СПб.: Аксиома, Мифрил, 1996. 336 с. – (Классика искусствознания).]

[О Гоголе: С. 92–94.]

Герцен А.И. Избранные сочинения. М.: Гослитиздат, 1937. 526 с.

О развитии революционных идей в России. С. 389–416.

Гиппиус В.В. Великий обличитель // Известия. М., 1937. № 55. 4 марта.

[О Гоголе.]

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь. Мертвые души: драматическая композиция М.А. Булгакова. М.: Издание музея Московского художественного академического театра им. М. Горького, 1937. 34 с.: ил.

Сахновский В.Г. О спектакле «Мертвые души».

[О постановке поэмы Гоголя на сцене МХАТ в 1932 г.]

[В приложении шестнадцать фотографий актеров-исполнителей и отдельных сцен.]

Горький М. О литературе: статьи и речи 1928–1936 / Ред. Н.Ф. Бельчиков. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1937. 515 с.

[Указ. имен.]

Дерман А.Б. Михаил Семенович Щепкин (1788–1863). М.; Л.: Искусство, 1937. 93, [2] с.: ил. – (Великие мастера искусства. Театр).

[М.С. Щепкин и Гоголь.]

Десницкий В.А. Великий русский художник-реалист // Известия. М., 1937. 3 марта. № 54. [О Гоголе.]

Динцес Л., Корнилов П. Герои Гоголя в изобразительном искусстве. 2-е изд., испр. Л.: Гос. русский музей, 1937. 114 с.: ил.

Динцес Л.А. Дореволюционная иллюстрация. С. 3–36.

Корнилов П.Е. Советская иллюстрация. С. 37–46.

Жестокая потеря // Правда. М., 1937. № 62.

Заславский Д. Горький смех от любви // Правда. М., 1937. 4 марта. № 62.

[О Гоголе.]

Лозинский Г.Л. Пушкин и Гоголь («Евгений Онегин» и «Мертвые души») // Пушкин. Однодневная газета. Париж, 1937. Февраль.

[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 134–138.]

Луначарский А.В. Классики русской литературы / Ред. Н.Ф. Бельчиков. М.: Гослитиздат, 1937. 504 с.: ил.

Н.В. Гоголь. С. 189–196.

[Первоначально: Красная нива. М., 1924. № 12. С. 284–286.]

Мандельштам Ю. В Париже с Гоголем // Возрождение. Париж, 1937. 24 декабря.

Мериме П. Избранные произведения. М., Л.: Гослитиздат, 1930. 191 с.

Николай Гоголь.

Огарев Н.П. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. I. Л.: Советский писатель, 1937. 428 с. – (Библиотека поэта).

Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература». С. 343–345.

Переверзев В.Ф. У истоков русского реального романа. М.: Гослитиздат, 1937. 144, [3] с.

[Гоголь и В.Т. Нарезный].

[2-е изд. под названием: У истоков русского реалистического романа. М.: Художественная литература, 1965. См. также: *Переверзев В.Ф.* У истоков русского реализма: [сб.] М.: Современник, 1989. 752 с.]

Рагозин А.С. Мертвые души (К 95-летию со дня выхода первого тома) // Литературная газета. М., 1937. 30 мая. № 29.

Розенцвейг Б. Н.В. Гоголь: К 85-летию со дня смерти // Комсомольская правда. М., 1937. 4 марта. № 51.

Сахновский В.Г. Работа режиссера. М.; Л.: Искусство, 1937. 287с.: ил.

Работа над спектаклем «Мертвые души» (апрель 1930 г. – декабрь 1932 г.). С. 201–277.

1842 г. Вышли «Мертвые души» // Литературная газета. М., 1937. 30 мая. № 29.

Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937.

Гоголь: С. 260–270.

[Перепечатано: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 300–312; *Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991; *Флоровский Г., протоиерей.* Проблема христианской культуры у Гоголя (Из книги «Пути русского богословия») // Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 119–133.]

Храпченко М.Б. Великий реалист // Литературная газета. М., 1937. 5 марта. № 12.

[О Гоголе.]

Чапленко В.К. Фольклор в творчестве Гоголя // Литературная учеба. Л., 1937. № 12. С. 73–89.

Шелегов В. Синтаксис «Мертвых душ» Гоголя // Литературная учеба. Л., 1937. № 7. С. 64–78.

Шкловский В.Б. [Заметка о рисунке Гоголя – обложка к изданию «Мертвых душ» 1842 г.] // Огонек. М., 1937. № 13. С. 17.

1938

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма. Минск: Гизбел, Сектор художественной литературы, 1938. 507 с. 10185 экз.

Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков. [Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Т. 3: Повести / Тексты и коммент. подгот. И.Я. Айзеншток, В.Л. Комарович, Н.И. Мордовченко, Н.Л. Степанов, Б.М. Энгельгардт; ред. тома В.Л. Комарович. [Л.]: Изд-во АН СССР, 1938. 728 с.: ил. 15175 экз.

Содерж.:

Невский проспект. С. 7–46.

Нос. С. 47–75.

Портрет. С. 77–137.

Шинель. С. 139–174.

Коляска. С. 175–189.

Записки сумасшедшего. С. 191–214.

Рим: отрывок. С. 215–259.

Отрывки:

Две главы из малороссийской повести «Страшный кабан». С. 263–276.

Гетьман. С. 277–323.

Ночи на вилле. С. 324–326.

Мелкие отрывки:

Страшная рука. С. 329.

<Фонарь умирал.> С. 329–331.

<Дождь был продолжительный.> С. 331–333.

Рудокопов. С. 333.

<Семен Семенович Батюшек.> С. 333–334.

<Девушки Чабловы.> С. 335.

Другие редакции. С. 337–476.

Варианты. С. 477–632.

Коммент. С. 633–724.

Перечень иллюстраций. С. 725.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г.Л. О гуманизме Гоголя // Литература в школе. М., 1938. № 1. С. 58–62.

Альтман И. «Ревизор» // Литературный критик. М., 1938. № 4. С. 67–68.

[О постановке комедии Гоголя «Ревизор» в 1938 г. на сцене Московского академического Малого театра.]

Амфитеатров А. [Фрагменты из кн. «Н.В. Гоголь. Человек, смешавший людей»] // Возрождение. Париж, 1938. 21 января. № 4115; 1 апреля. № 4125.

Богословский Н. Литературные взгляды Тургенева // Красная новь. М., 1938. № 11. С. 249–268.

[В частности, отношение И.С. Тургенева к творчеству Гоголя.]

Великий русский писатель // Литературный критик. М., 1938. № 4. С. 13–15.

[О Гоголе.]

Вересаев В.В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.; Л.: Academia, 1938. 531 с.

Гиппиус В.В. Об историко-литературном значении Гоголя // Литературный критик. М., 1938. № 4. С. 16–40.

<Гоголь Н.В.> Письма Гоголя Аксакову от 6 марта 1847 и 1852 г. // Всесоюзная библиотека имени В.И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Вып. 1. М.: Соцэкгиз, 1938.

Голубов В. «Ах, какой пассаж...» // Театр. М., 1938. № 7. С. 90–94.

[Актёр И. Ильинский в роли Хлестакова. К постановке «Ревизора» в Московском Малом театре.]

Городецкий Б.П. Записная книжка Гоголя (Новые строки Гоголя) // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. М.Н. Покровского. Л., 1938. Вып. 1. С. 61–71.

Городецкий Б.П. Описание автографов Н.В. Гоголя в собрании Института литературы АН СССР // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. I. М.; Л.: Академия наук СССР, 1938. С. 432–474. – (Институт русской литературы).

Данилов С.С. «Ревизор» на сцене / Предисл. Н.В. Петрова. Харьков: Харьковский гос. театр русской драмы, 1938. 144 с.: ил. – (Библиотека Харьковского гос. театра русской драмы; Вып. 2).

Данилов С. Щепкин и Гоголь // Искусство и жизнь. Л., 1938. № 8. С. 6–9.

Жданов В.В. Героическая эпопея «Тарас Бульба» // Литературный критик. М., 1938. № 4. С. 41–53.

Железнов Н. Рассказы Щепкина <записанные его современниками> // Театр. 1938. № 8. С. 46–50.

Загорский М. Щепкин в оценке современной ему критики [С приложением выдержек из рецензий за 1828–1862 гг.] // Театр. М., 1938. № 19.

Замошкин Н.И. Неузнанный Гоголь // Знамя. Л., 1938. № 4. С. 234–257.

[Об историзме писателя.]

Записки актера Щепкина (1788–1938) / Предисл., прим. и статья А.Б. Дермана. М., 1938. 224 с.

Ильин В.Н. Аскеза и творчество // Вестник РСХД [Русское студенческое христианское движение]. Париж, 1938. № 5.

Инсценировки (по Гоголю и Чехову). М.: Искусство, 1938. 79 с.

Ипполитов Н. Новые материалы о Пушкине, Гоголе // Литературная газета. М., 1938. 10 июня.

Лаврецкий А. Гоголь в оценке Белинского и Чернышевского // Литературный критик. М., 1938. № 4. С. 89–113.

Леушева С.И. Мертвые души // Литература в школе. М., 1938. № 4. С. 38–53.

Материалы в помощь учителю: Литература. [М.:] НКП [Народный комитет просвещения] РСФСР, 1938. 78 с. – (Управление средней школы НКП РСФСР).

Из содерж.:

Денисенко З.К. Чтение произведений Н.В. Гоголя в VI классе.

Машинский С.О. Гоголь и народная историко-поэтическая традиция // Литературная учеба. Л., 1938. № 3. С. 26–54.

Письма матерям... // Пионер. М., 1938. № 3. С. 31–36.

[Письма Гоголя.]

<Толстой А.П.> [Письмо графа А.П. Толстого к С.П. Апраксиной и переписка о Гоголе] // Всесоюзная библиотека имени В.И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Вып. 1 / Под общ. ред. Е.Ф. Розмирович. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 32–35.

«Ревизор» Н.В. Гоголя на сцене Малого театра: [сб. материалов]. М.: Музей Малого театра, 1938. 48 с.: ил.

Кудрявчикова В. О «Ревизоре» Гоголя.

Маслих В. «Ревизор» на сцене Малого театра.

Волков Л.А. Режиссер о спектакле.

Юон К. Ф. Художник о спектакле.

Актеры о работе над ролью.

[Высказывания Н.К. Яковлева (Городничий), В.Н. Пашенной (Анна Андреевна), В.Э. Мейера (Хлестаков), М.М. Климова (Земляника), А.И. Ржанова (Ляпкин-Тяпкин), Н.А. Светловидова (Бобчинский), П.А. Оленева (Добчинский), Н.Ф. Костромского (Осип), Г.И. Коврова (Почтмейстер).]

Ремизов А.М. Рисунки писателей // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Вып. 4.

[К статье приложены воспроизведения рисунков Гоголя, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского.]

Розанов И.Н. Некрасов о Пушкине и Гоголе // Литературная учеба. Л., 1938. № 1. С. 68–79.

Словцов Г. [Калишевский Н.В.] «Мертвые души в Художественном театре // Последние новости. Париж, 1938. 31 мая. № 6274.

Чижевский Д.И. О «Шинели» Гоголя // Современные Записки. Париж, 1938. № 67. С. 172–195.

[Перепечатано: Философская и социологическая мысль. М., 1994. № 5/6. С. 75–97; Дружба народов. М., 1997. № 1 / Предисл., примеч. и подгот. текста М. Васильевой. С. 199–218; загл. предисл.: «Шинель» и пересечение параллелей. С. 199–205.

Шкловский В. Заметки о Гоголе // Знамя. Л., 1938. Кн. 7–8. С. 305–310.

Шкловский В. Иллюстрации Кукрыниксы к «Мертвым душам» // Детская литература. М., 1938. № 4. С. 30–36.

[В тексте 10 иллюстраций.]

Шкловский В.Б. О Хлестакове, Чичикове, о Мертвых душах и о песне // Литературный критик. М., 1938. № 4. С. 54–66.

1939

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма / Рис. А.А. Агина. М.: ГИХЛ, 1939. 476 с.: ил. – (Школьная библиотека) 25000 экз.

[В тексте 13 иллюстраций.]

Шинель. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1939. 10000 экз.

[Единственное советское издание Гоголя в миниатюрном формате.]

ЛИТЕРАТУРА

А.А. Н.В. Гоголь // Коммунист. М., 1939. 30 марта. № 73.

[К 130-летию со дня рождения.]

- Айзеништок И.* Гоголь и фольклор // Літературна критика. Киев, 1939. № 7.
- Александров Р.* Салтыков-Щедрин и Гоголь // Звезда. Л., 1939. № 5–6. С. 269–275.
- Арго А.М.* Сатирические очерки из истории русской литературы: В 4 ч. М.: Гослитиздат, 1939. 144 с.: ил.
- Ашукин Н.* Первое издание собрания сочинений Н.В. Гоголя // Книга и пролетарская революция. М., 1939. № 3. С. 154–155.
- Беркин С.* Великий мастер слова (К 130-летию со дня рождения Н.В. Гоголя) // Учительская газета. М., 1939. 1 апреля. № 44.
- Вальбе Б.Е.* Наш Гоголь (К 130-летию со дня рождения) // Известия. М., 1939. 30 марта. № 75. С. 3.
- Васильев В.* «Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» // Комсомольская правда. М., 1939. 1 апреля. № 74.
[Иллюстрация к речи И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы.]
- Веселовский А.Н.* Избранные статьи / Институт литературы Академии наук СССР; под общ. ред. М.П. Алексева, В.А. Десницкого, В.М. Жирмунского и А.А. Смирнова; вступ. статья В.М. Жирмунского; коммент. М.П. Алексева. Л.: Гослитиздат, 1939. XXIV, 572 с.
- Из содерж.:**
Данте. С. 140–152.
[Гоголь и Данте.]
- Воложенин А.* Великий художник-реалист. К 130-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Гудок. М., 1939. № 73. 30 марта.
- Гебель В.А.* Н.В. Гоголь // Что читать. М., 1939. № 3. С. 36–38.
- Гиппиус В.В.* Н.В. Гоголь // Краснофлотец: двухнедельный литературно-художественный журнал. Л., 1939. № 6. С. 22–24.
- Гиппиус В.В.* Н.В. Гоголь // Октябрь. М., 1939. № 2. С. 178–195.
- <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь. 1809–1852: Краткий указатель литературы / Наркомпрос РСФСР; Научно-исследовательский институт библиотековедения и рекомендательной библиографии; сост. Е.С. Смирнова-Чикина. М., 1939. 12 с.
- Городинский В.* Поэт жизни действительной // Комсомольская правда. М., 1939. 1 апреля. № 74.
[О Гоголе.]
- Горький А.М.* История русской литературы / Ред. текста И.П. Ладыжников, М.М. Юнович; примеч. М.М. Юнович. М.: Гослитиздат [Изд-во художественной литературы], 1939. XII, 340 с.: ил. – (Архив А.М. Горького / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Т. 1).
[Указ. имен.]
- Еголин А.М.* Н.В. Гоголь (К 130-летию со дня рождения) // Новый мир. М., 1939. № 4. С. 200–212.
- Жданов В.* Великий художник слова (К 130-летию со дня рождения Н.В. Гоголя) // Правда. М., 1939. 30 марта. № 88.

Зайцев Б. Москва. Париж: Русские записки, 1939. 302 с.

Из содерж.:

Гоголь на Пречистенском.

[Впервые: Возрождение. Париж, 1931. 29 марта. № 2126. С. 3–4.]

[Переиздано: *Зайцев Б.* Москва. 2-е изд. Мюнхен, 1960; 3-е изд. Мюнхен, 1973; Литературная учеба. М., 1988. № 3 / Публ. и вступ. статья Е.В. Воропаевой, примеч. В.А. Воропаева. С. 115–117; загл. вступ. статьи: Борис Зайцев о Гоголе. С. 111–115.]

Заславский Д.И. Чудная власть Гоголя // Литературная газета. М., 1939. 30 марта. № 18.

И. К. Н.В. Гоголь (130 лет со дня рождения) // Водный транспорт. М., 1939. 30 марта. № 44.

Ивановский Н. Н.В. Гоголь. К 130-летию со дня рождения // Индустрия. М., 1939. 30 марта. № 73.

Иващенко А. Новый документ о Гоголе // Литературная газета. М., 1939. № 38.

[О намерении Гоголя побывать в Симбирске весной 1850 г. Письмо, полученное женой А.М. Языкова, где сообщалось, что Гоголь едет в Симбирск.]

Израилевич Л. К вопросу о влиянии Гофмана на Гоголя // Ученые записки Ленинградского ун-та. № 33. Серия филологических наук. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1939. С. 148–154.

Кауфман Р.С. Агин и Кукрыниксы. Два издания Мертвых душ Н.В. Гоголя // Искусство. М., 1939. № 1. С. 83–101.

[В тексте 20 иллюстраций.]

Кварелашвили Г. Великий писатель-реалист (К 130-летию со дня рождения Гоголя) // Заря востока. Тифлис, 1939. 30 марта. № 73.

Келчевский М. Великий реалист // Коммунист. М., 1939. 30 марта. № 73.

[О Гоголе.]

Кубиков И.Н. Н.В. Гоголь (К 130-летию со дня рождения) // Районная и фабрично-заводская печать. М., 1939. № 7. С. 40–42.

Лейтес А. Н.В. Гоголь (К 130-летию со дня рождения) // Труд. М., 1939. 30 марта. № 72.

Леонтьева З. «Мертвые души»: методическая разработка для VIII класса // В помощь учителю. Киров, 1939. С. 55–66.

Машковцев Н.Г. Проблема памятника Гоголю // Искусство. М., 1939. № 6. С. 171–183.

Мордовченко Н.И. Гоголь в Петербургском университете (Неизданные письма Гоголя и материалы о нем) // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Серия филологических наук. Вып. 3. Л., 1939. С. 355–359.

Мордовченко Н.И. Гоголь в работе над «Портретом» // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Серия филологических наук. Л., 1939. Вып. 4. С. 97–124.

Московский художественный театр. 1898–1938: Библиографический указатель / Всероссийское театральное общество; сост. А.А. Аганбекян; ред. и предисл. С.Н. Дурылина. М.; Л., 1939. 108 с.

[О постановках произведений Гоголя на сцене МХАТ: С. 49–51.]

Мочульский К.В. Гоголь // Мочульский К.В. Великие русские писатели XIX в. Париж: Дом книги, 1939. С. 77–100. – (Книги о России для молодежи; Кн. 1).

[Рец.: *Пильский П.М.* Душа русской литературы // Сегодня. Рига, 1939. № 231.]

[Переиздано: *Мочульский К.В.* Великие русские писатели XIX в. / Предисл. Л. Магаротто. СПб.: Алетейя, 2000. С. 81–104.]

Мышковская Л.М. Язык и стиль «Мертвых душ» // Литературная учеба. Л., 1939. № 2. С. 86–99.

На родине великого писателя // Комсомольская правда, М., 1939. 1 апреля. № 74.

[Об иллюстрациях к «Мертвым душам» в Доме-музее Гоголя в Сорочинцах.]

Наумов Н. Н.В. Гоголь. К 130-летию со дня рождения // Легкая индустрия. М., 1939. 30 марта. № 73.

Нейман Б.В. Н.В. Гоголь (1809–1939) // Московский большевик. М., 1939. 30 марта. № 24.

Никитин Н. Искусство характеристики (Построение образа-персонажа в «Мертвых душах») // Литературная учеба. Л., 1939. № 6. С. 28–55.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Мысли Н.В. Гоголя о географии: К 130-летию со дня рождения // Известия гос. географического общества. 1939. Т. 71. Вып. 6. С. 869–873.

Серационова З. Гофмановские мотивы в «Петербургских повестях» Гоголя // Литературная учеба. Л., 1939. № 8. С. 78–92.

Смелянинов С. Цензурные мытарства Мертвых душ // Днепропетровская правда. Днепропетровск, 1939. 30 марта. № 73.

Смирнова-Чикина Е.С. Н.В. Гоголь. 1809–1852: Краткий указатель литературы / Наркомпрос РСФСР. Научно-исследовательский институт библиотековедения и рекомендательной библиографии. М., 1939. 12 с.

Теребинский В.И. О болезни Гоголя // Русский врач в Чехословакии. Прага, 1939. № 1/2. С. 5–19.

Теребинский В.И. По поводу болезни Гоголя // Русский врач в Чехословакии. Прага, 1939. № 4. С. 61–72.

Туроверов Н. Гоголь: [стихотворение] // Туроверов Н. Стихи. Книга четвертая. Париж, 1942.

[Перепечатано: Русская Мысль. Париж, 1952. 5 марта. № 429; Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 139–140.]

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского и др. М.: Гослитиздат, 1939–1953.

Т. 1: Дневники. Автобиография. Воспоминания / Под ред. Б.П. Козьмина. М.: Гослитиздат, 1939. 860 с.

[О Гоголе: С. 30, 54, 68–72, 96, 135 и др.]

Чурилина М. Любимый автор // Комсомольская правда. М., 1939. 1 апреля. № 74.

[О Гоголе.]

Шевченко Т.Г. Полное собрание сочинений: В 10 т. Киев: Академия наук УССР, 1939–1958.

[Вышло 6 т.]

Т. 1. Киев, 1939.

Гоголю: [стихотворение]. С. 250.

Т. 5: Дневник.

[О Гоголе: С. 125–126.]

Шкловский В.Б. Заметки о Гоголе // Знамя. М., 1939. № 7–8. С. 305–310.

Щербина В. Н.В. Гоголь (К 130-летию со дня рождения) // Красная звезда. М., 1939. 30 марта. № 72.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Author-composer:

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru

Программы

Programs

О.А. Волошина (Москва, Россия)

Материалы по курсу «Основы языкознания»

О.А. Voloshina (Moscow, Russia)

Materials on the Course “Basics of Linguistics”

Предлагаемая работа представляет собой материалы по курсу «Основы языкознания» для самостоятельной работы студентов первого курса дневного и вечернего отделений филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Публикуются материалы по теме «Грамматика в языках мира. Синтаксис», включающей следующие подтемы:

1. Основные направления синтаксических исследований
2. Исторический синтаксис индоевропейских языков
3. Эргативная конструкция в языках мира
4. Синтаксические конструкции в инкорпорирующих языках мира

СИНТАКСИС

Блок 1. Что такое синтаксис? Предложение как основная единица синтаксиса. Понятие предикативности. Типы синтаксической связи слов в словосочетании.

1. Сравните два определения синтаксиса:

Синтаксис – раздел грамматики, изучающий правила соединения слов (лексем) и форм слов, а также те единства, в составе которых эти правила реализуются – синтаксические единицы (**словосочетание** и **предложение**) в плане их смысловой и формальной структуры¹.

Синтаксис – ...раздел грамматики, изучающий процессы порождения речи: сочетаемость и порядок следования слов внутри предложения, а также общие свойства **предложения как автономной единицы языка и высказывания как части текста**. Объект синтаксиса как области языкознания составляют те механизмы языка (морфологические, фонетические, композиционные и др.), которые обеспечивают переход от языка к речи, способы образования из конечного числа исходных языковых элементов (слов, словоформ, словосочетаний, предложений) бесконечного множества речевых произведений (интонационно оформленных высказываний, способных входить в состав текста)².

¹ Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995. С. 108.

² Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). М., 1990. С. 448.

Ответьте на вопросы:

- Оба определения включают синтаксис в грамматику. Какой еще раздел грамматики вы знаете?
- Является ли словосочетание (наряду с предложением) единицей синтаксиса? Прокомментируйте слова: «Рассмотрение в одном ряду явно нерядоположных явлений (целых единиц, их частей и объединений целых единиц) столь же некорректно, как некорректно, скажем, высказывание: *Люди, их носы и уши, супружеские парочки и целые группы людей посинели от холода...* Единственным предметом синтаксиса является предложение. Что же касается других синтаксических единиц (действительно существующих!), они как феномены иного ранга должны учитываться лишь при анализе предложения в том или ином его аспекте»¹.
- Оба определения сообщают о «правилах» или «механизмах» соединения слов в более крупные единства. Расскажите об этих «правилах» и «механизмах».
- Какие способы синтаксической связи слов вы знаете? Дайте определение согласованию и управлению. Почему словарь управления русского языка вы можете найти в книжном магазине, а словаря согласования не бывает?
- На материале древнерусского и русского языков, приведите пример исторического изменения конструкции с управлением.

Например, можно привести примеры несовпадения падежей существительного при управлении одним и тем же глаголом в русском и древнерусском языках. Многие глаголы древнерусского языка требовали после себя падеж существительного, не совпадающий в русском языке. Например, если русский глагол *воевать* требует существительное в творительном падеже с предлогом *с* (*воевать с кем-либо*), то в древнерусском языке он же требовал существительное в винительном падеже с предлогом *на* (*воевать на кого-либо*): **Игорь воѣва на печѣнѣгы** (Лавр. лет.).

Кроме того, в древнерусском языке реже использовалась предложная конструкция. Например, **Глѣѣ же вниде Чернигов (вошел в Чернигов), Подступили Костентин град (подступили ко граду), Хочу пояти дѣчерь твою совѣ женѣ (взять в жены)** и т. п.

В древнерусском языке творительный падеж имел множество значений: **ѣхати волами, защититися ночью, подаваша ємѹ пищѹ оконцем, правым ѹхом вышла дѹша** и т. п. (в современном русском языке творительный падеж в этом значении употребляется редко – *пошла кровь носом, горлом*).

Приведите примеры, показывающие разницу в структурах с управлением в разных языках. Например, в русском языке *выходить замуж (за кого?)*, а в латинском *pubo* (dat. кому): *Venus nupsit Vulcano* *Венера вышла замуж за Вулкана; отнимать (у кого?)* – в латинском *adimo* (dat): *Quis te mihi casus ademit?*

Глагольное управление может различаться даже в близкородственных языках. Например, в польском и русском:

Dbać o co (Вин. п.) – *заботиться, беспокоиться о чем* (Тв. п.). *Zupełnie nie dbasz o swoje zdrowie* (Вин. п.) – *Ты совсем не заботишься о своем здоровье* (Тв. п.).

¹ Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М., 2007. С. 305.

Napić się czego (Род. п.) – *Выпить что* (Вин. п.). *Gdzie tu można napić się herbaty* (Род. п.)? – *Где здесь можно выпить чаю?* (Вин. п.).

Przepraszając kogo (Вин. п.) – *Просить прощения, извинения у кого* (Род. п.). *Przepraszam cię bardzo* (Вин. п.) – *Я прошу у тебя прощения* (Род. п.). Или *Przepraszam pana / panią* (Вин. п.) – *Извините, пожалуйста (к мужчине / к женщине)*.

Управление может быть беспредложным и предложным, причем, как показывается исторический синтаксис, в индоевропейских языках беспредложные конструкции постепенно заменяются конструкциями с предлогами. Если в древнерусском языке было возможно *Идти Киеву*, то современный русский язык требует предложной конструкции. В современном языке активно используются древнейшие беспредложные конструкции: *пишу маме, стучу молотком, сижу дома*, но постепенно формируется предложно-падежная конструкция: *живу в лесу*, а несклоняемые существительные выступают в конструкциях с предлогами: *еду на метро, в новом пальто* и т. п. Современный английский язык, утративший склонение, превратился в «язык предлогов». В этом смысле можно говорить о тенденции развития аналитизма в индоевропейских языках.

- Объясните, когда порядок слов в предложении является способом выражения грамматического значения (можно привести пример не только из русского, но и из английского и др. изучаемых языков).
- Почему предложение (как автономная единица языка) и высказывание (как часть текста) противопоставляются в приведенном выше определении. Почему Э. Бенвенист в статье «Уровни лингвистического анализа»¹ относил звуки, морфемы и слова к единицам языка, а предложение – к единицам речи. Какие свойства предложения, по мнению Бенвениста, мешают описать его как единицу языковой структуры и создать теорию структурного синтаксиса?
- Почему в схеме уровневого устройства языковой системы, переход от слова / словосочетания к предложению составил большую теоретическую проблему? Почему предложение невозможно свести к последовательности слов и/или словосочетаний и трактовать предложение как формальное усложнение слова или словосочетания?
- Что такое текст? Является ли текст объектом синтаксиса? Почему для изучения текста как объекта языкознания во второй половине XX века возникла особая дисциплина лингвистика текста². Расскажите, каковы задачи и методы этой дисциплины.
- Прокомментируйте представление о синтаксической структуре как о возможности синтезировать бесконечное множество текстов из конечного множества элементов языка. Приведите пример такого синтеза. Вспомните задание на уроках русского языка в младшей школе составить предложение из заданных списком слов. Насколько жесткой является такая структура? Возможны ли варианты предложений? Почему большей вариативностью

¹ Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». М., 1996. С. 61–72.

² См.: Николаевой Т.Н. Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 267–268.

характеризуются более крупные тексты, например, школьные сочинения по произведениям А.С. Пушкина на заданную тему?

- Приведите пример языковых механизмов (морфологических, фонетических и композиционных), обеспечивающих построение текста. Можно ли говорить о работе морфологических механизмов, оформляющих предложение «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка» (пример Л.В. Щербы)? Ответ обоснуйте. Является ли интонация фонетическим механизмом построения текста? Можно ли отнести к композиционным средствам построения текста союзы и союзные слова, а также слова *итак*, *следовательно*, *во-первых* и т. п.?

2*¹. Прочитайте отрывок под названием «Несколько метафор» из учебника «Введение в общий синтаксис»².

- Объясните, почему синтаксическую структуру можно сравнить со **связкой ключей**? (См. раздел **Синтаксические теории**. № 4. Актуальное членение предложения.)
- Синтаксическую структуру можно сравнить с **армейским подразделением** – эта метафора отражает иерархию синтаксических единиц. Прокомментируйте слова: «синтаксис (как и армия) представляет собой иерархию включения и подчинения». Приведите примеры подобного иерархического устройства синтаксических структур.
- Какие свойства синтаксической структуры позволяют сравнить ее с **матрешкой**? Прокомментируйте слова: «синтаксические единицы одного и того же типа могут быть вложены друг в друга». Разберите пример подобного «вложения» одних синтаксических структур в другие на материале шуточного английского стихотворения «Дом, который построил Джек». Придумайте сами подобную синтаксическую конструкцию (например, *я прочитал книгу, в которой рассказывалось о далеких странах, в которых жили необыкновенные люди, которые умели преодолевать морские просторы на самодельных лодках, изготовляемых из просмоленной древесины...* и т. д.).
- Почему синтаксическую структуру можно сравнить с **шахматной доской**? Прокомментируйте слова: «в предложении (или словосочетании) имеется только одна позиция для некоторой формы, которая не допускает двойного заполнения, – подобно тому, как на одной клетке шахматной доски ни в какой момент игры не могут одновременно стоять две фигуры». Приведите пример такого «заполнения» синтаксической структуры³.

3. Прочитайте отрывок из статьи Н.Ю. Шведовой «Предложение» (ЛЭС)⁴:

Предложение – одна из основных грамматических категорий синтаксиса, противопоставленная в его системе слову... и словосочетанию по формам, значениям и функциям (назначениям)... В узком, собственно грамматическом, смысле простое предложение –

¹ Темы «под звездочкой» (*) не обязательны и обсуждаются только по желанию студентов.

² Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. С. 41–58.

³ Вспомните знаменитые сравнения языка с шахматами, принадлежащие Ф. де Соссюру, объясните, почему именно сравнение с шахматами позволило Соссюру ярко проиллюстрировать противопоставление внешней и внутренней лингвистики, языка и речи, синхронии и диахронии?

⁴ См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 395.

это такая единица сообщения, которая, будучи образована по специально предназначенному для этого грамматическому образцу, обладает значением предикативности (т. е. категорией, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным определенным или неопределенным, временным планом действительности) и своей собственной семантической структурой, обнаруживает их в системе формальных изменений и имеет определенную коммуникативную задачу, выражающуюся интонацией и порядком слов.

Ответьте на вопросы:

- Чем предложение отличается от слова и словосочетания? Можно ли представить предложение как формальное усложнение единицы, то есть как структуру, состоящую из нескольких слов и/или словосочетаний? Приведите пример, когда предложение состоит из одного слова.
- Что такое предикативность? Почему предикативность называют основным грамматическим признаком предложения? Объясните, чем отличается слово *весна* от предложения *Весна!*
- Прокомментируйте определение А.А. Реформатского: «Предложение – это предикативная синтагма»¹, если учесть, что «синтагма – это сочетание двух членов, связанных тем или иным отношением с неравноправной направленностью членов, где один член является определяемым, а другой – определяющим»².
- Прочитайте отрывок из работы В.В. Виноградова **Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка)**³:

...значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности. В этом и состоит различие между словом *зима* со свойственным ему лексическим значением и предложением *Зима* в таком пушкинском стихе: *Зима. Что делать нам в деревне?*...

Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности конкретизируется в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно они придают предложению значение основного средства общения, превращая строительный материал языка в живую, действенную речь...

Отношения сообщения, содержащегося в предложении, к действительности – это и есть прежде всего модальные отношения. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п... Кроме форм глагольных наклонений, категория модальности выражается модальными частицами и словами, а также интонацией...

С категорией модальности тесно связана категория времени. Предложение как форма сообщения о действительности включает в себя синтаксическое значение времени...

Так как предложение как основная форма речевого общения служит одновременно и средством выражения мысли для говорящего лица, и средством понимания высказанной мысли для лица слушающего, то структура предложения включает в себя и разные способы выражения синтаксической категории лица.

По-видимому наиболее прямым, постоянным и непосредственным выражением категории предикативности является модальность предложения. Если предикативность выражает особую отнесенность речи к действительности или соотносительность речи с действительностью (ср. слово *война* и предложения: *Война! Война? Война. Опусто-*

¹ Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1996. С. 332.

² Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1996. С. 324.

³ Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Хрестоматия по курсу «Введение в языковедение». М., 1996. С. 195–211.

шенные поля), то категория модальности расчленяет и дифференцирует эту общую функцию предложения, обозначая специфическое качество отношения к действительности – со стороны говорящего лица».

- Прокомментируйте, почему именно глагольные категории времени и наклонения, а также категория лица и модальности являются основными средствами выражения предикативности. Приведите примеры, иллюстрирующие ваши слова.

4. Прочитайте статью Р.И. Аванесова «Второстепенные члены предложения как грамматические категории»¹ и ответьте на вопросы:

- Что такое члены предложения? Прокомментируйте определение Н.Д. Арутюновой: «Члены предложения – это структурно-семантические компоненты предложения, выраженные полнозначными словами или словосочетаниями»² (ЛЭС). Приведите примеры, доказывающие что члены предложения указывают на синтаксические функции морфологических классов слов.
- Прокомментируйте слова Р.И. Аванесова:
- Одна и та же морфологическая категория может служить для выражения разных синтаксических функций и наоборот, одна и та же синтаксическая функция может выражаться разными морфологическими категориями». Используя материал статьи, приведите пример, когда разные части речи выполняют одинаковую синтаксическую функцию и в предложении являются одним членом предложения и, наоборот, когда одна и та же часть речи выполняет разные синтаксические функции и является, следовательно, разными членами предложения. Чем с точки зрения синтаксической функции составных частей отличаются фразы: *дама с собачкой* и *дама с кавалером*; *девочка в клетчатом платье* и *девочка в поточной аудитории*?
- Назовите главные синтаксические роли каждой части речи и приведите пример употребления частей речи в несвойственной им синтаксической функции.

5. Схема предложения

- Что такое «грамматический образец» предложения? Как вы понимаете слова: модель предложения – «схема или образец, по которому строятся предложения того или иного классификационного разряда»³. Приведите пример подобных моделей предложения.
- Прокомментируйте слова А.М. Пешковского:

Все мы говорим по определенным шаблонам, употребляем определенные формы сочетаний, усвоенные нами с детства вместе со словами и звуками данного языка и унаследованные нашим поколением от предшествующих поколений. Эти шаблоны... преподаются нашему сознанию **всегда**, о чем бы мы ни говорили и что бы ни слушали. Это наш **синтаксический багаж**, взятый нами с детства в наш жизненный путь, подобно звуковому багажу, словарному багажу, семасиологическому багажу (значениям слов), образующим вместе то, что называется русским языком... Выдумывать особую чисто

¹ Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Введение в языкознание: Хрестоматия для ВУЗов. М., 2005. С. 171–180.

² Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 584.

³ Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М., 2007. С. 146.

индивидуальную синтаксическую оболочку для нашей мысли, соответствующую нашему индивидуальному переживанию, мы не можем, как не можем выдумывать своих звуков, своих слов, своих значений, потому что все это значило бы выдумывать **свой** язык, на котором ни с кем нельзя было бы объясняться¹.

- Можно ли утверждать, что говорящий интуитивно объединяет высказывания типа *Солнце светит, Ребенок спит, Петя занимается* и противопоставляет их высказываниям другого типа: *В ушах звенит, В лицо метет, Под ногами хлюпает* или *Мальчик решает задачу, Мама готовит обед, Собака грызет кость* и т. п. Можно ли утверждать, что говорящий опирается на готовые синтаксические шаблоны – своеобразные образцы?
- В «Грамматике современного русского литературного языка»² под редакцией Н.Ю. Шведовой был предложен перечень схем русского простого предложения (всего 40 схем). Лексико-грамматическое «наполнение» этих схем было обозначено латинскими символами: N – имя, Vf – личная форма глагола, Inf – инфинитив и т. п. Например, схема N₁ Vf соответствовала предложениям *Я читаю, Мальчик спит* и т. п. Придумайте предложения, соответствующие схемам: Inf; N₁ Vf N₄; Inf – N₁.
- Как вы думаете, почему Шведова, формализовав русские простые предложения, заявила о речевом остатке, который не поддается формализации?

6*. Прокомментируйте слова Н.Д. Арутюновой:

Синтаксис связан со структурой мышления, нормами коммуникации и обозначаемой действительностью. Логический и коммуникативный аспекты синтаксиса делают его наиболее универсальной частью структуры языка. Вместе с тем способы выражения синтаксических отношений и отражения (интерпретации) в структуре предложения внеязыковой данности национально специфичны. Вследствие этого структура предложения часто принимается за основу типологической классификации языков (ср. языки эргативного, номинативного, инактивного, инкорпорирующего и др. строя)³.

6.1. ЭРГАТИВНЫЙ СТРОЙ

Эргативный строй характерен для языков, в которых особым морфологическим показателем (эргативным падежом – эргативом⁴) маркируется субъект активного действия. Если в русском языке субъект, совершающий действие, и субъект, терпящий состояние, оформляются именительным падежом, то в эргативных падежах для этих субъектов используются разные падежи:

Мальчик читает книгу;

Мальчик боится / болеет / спит;

Книга лежит.

В эргативных падежах только подлежащее первого предложения (активный деятель) при сказуемом, выраженном переходным глаголом, будет оформлено эргативным падежом, тогда как подлежащие двух других предложений получат форму абсолютного падежа (сказуемые в этих предложениях представляют собой непереходные глаголы). Активность действия при субъекте определяется переходностью глагола-сказуемого. Получается, что падеж подлежащего зависит от

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М., 1920. С. 438.

² Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

³ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 451.

⁴ Эргатив (от греч. ergon действие) – падеж активного субъекта.

глагола: именно сказуемое семантикой глагола управляет выбором формы подлежащего. Такой эргативный строй характерен для кавказских языков, языков индейцев Северной Америки и др.

Например, в чукотском языке в предложениях:

Клявол чейвыркын – Человек ходит;

Кора чейвыркэн – Олень ходит –

подлежащие *кявол* (человек) и *кора* (олень) имеют форму абсолютного падежа (при непереходном глаголе).

А в предложении *Кляволя кора нмыркынен* Человек оленя убивает подлежащее *кявол* (человек) получает форму эргатива при переходном глаголе, а прямое дополнение *кора* (олень) остается в форме абсолютного падежа¹.

- Прочитайте отрывок из работы И.И. Мещанинова «Эргативная конструкция в языках различных типов»²:

В аварском языке... по семантике глагола выделяются пять построений предложения с разными падежами подлежащего: *вац рокъове вуссана* – брат домой вернулся (подлежащее *вац* в абсолютно-именительном падеже), *вацас хур бекъана* – брат поле пахал (подлежащее *вацас* в творительном падеже), *вацасе жиндирго лъимер бокъула* – брат любит своего ребенка (подлежащее в дательном падеже), *вацасда жиндирго вас вихъана* – брат видел своего сына (подлежащее в местном падеже покоя), *вацасум вас вуго* – брат имеет сына (подлежащее в родительном падеже).

Все приведенные конструкции подчиняются в аварском языке одному общему правилу: падеж подлежащего зависит от заложенного в глаголе содержания. Этим объясняется постановка подлежащего в разных падежах: глаголы прямого переходного действия (с активно действующим лицом) ставят подлежащее в творительном падеже (он же в аварском именуется эргативным), глаголы чувствования имеют подлежащее в дательном падеже, глаголы восприятия – в местном покоя, глаголы обладания – в родительном, глаголы непереходные – в абсолютном (именительном). Этот падеж, наравне с другими, управляется глаголом, в данном случае непереходным, при котором отсутствует прямое дополнение. Последнее, при его наличии в предложениях с переходным действием, ставится в том же «именительном» падеже, что приводит к тождеству падежных форм подлежащего непереходного действия и прямого дополнения: *вас рокъове вуссана* – сын домой вернулся (в «именительном» падеже стоит подлежащее), *инсуда вас вихъана* – отец сына видел (в «именительном» падеже поставлено прямое дополнение).

Одинаковое падежное оформление субъекта, испытывающего состояние, и объекта в языках эргативного строя стало основой любопытной гипотезы о том, что и индоевропейские языки в далеком прошлом были ближе к языкам эргативного типа.

- Прочитайте отрывок из работы Гамкрелидзе Т.В., Иванова Вяч. Вс. «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры» (Ч. 1)³:

Для древнейших ступеней развития индоевропейской именной системы можно предположить бинарную именную классификацию и разделение в зависимости от семантики выражаемых денотатов всего множества именных образований индоевропейского языка на активный и инактивный классы... Подобная бинарная именная классификация мотивирует все основные структурные грамматические и синтактико-семантиче-

¹ Пример взят из кн.: Норман Б.Ю. Основы языкознания. Минск, 1996. С. 92.

² Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967. С. 48–49.

³ Гамкрелидзе Т.В., Иванова Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Благовещенск, 1998

ские особенности общеиндоевропейского языка древнейшего периода, которые могут быть восстановлены путем сравнительной и внутренней реконструкции по данным индоевропейских языков...

Предположение о наличии в индоевропейском двух именных классов, противопоставленных друг другу по признаку активности – инактивности денотатов, которые выражаются соответствующими именами, индуцирует разбиение всего множества глагольных образований на два основных класса, соотносимых с соответствующими именными классами: на класс глагольных форм, сочетающихся с активными именами, и на класс глагольных форм, сочетающихся с инактивными именами.

Это приводит в свою очередь к естественному делению всего множества глаголов на два семантических класса: на класс глагольных форм с активной семантикой – ходить, гнать / бежать, гудить / гибнуть, есть, жить, дышать, говорить, смеяться, убивать, расти и др. (то есть выражающих действие ли состояние, характерное исключительно для активных денотатов), и класс глагольных форм с инактивной семантикой (то есть выражающих действие или состояние, характерное для инактивных денотатов)¹.

И далее:

Эргативный и аккузативный (номинативный) типы объединяются в единый типологический класс, для которого существенным является наличие в глубинной структуре языка субъектно-объектных отношений и противопоставление глаголов по признаку транзитивности – интранзитивности... Эргативность и аккузативность (номинативность) – это два различных поверхностно-структурных выражения одних и тех же глубинных отношений².

- Подумайте, какое объяснение в свете этой теории получает грамматическое значение среднего рода существительных. Как пишут Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, бинарное противопоставление имен на активные и инактивные преобразуются «в исторических диалектах в родовую грамматическую классификацию, которая сохраняет наибольшую близость к первичной индоевропейской классификации в древнехеттском языке с его двумя родами – общим (одушевленным) и средним (неодушевленным) при дальнейшем расщеплении общего (одушевленного) рода на мужской и женский роды в целом ряде древних индоевропейских диалектов – древнеиндийском, древнегреческом, латинском и др.»³.

Таким образом, вероятно, в древних индоевропейских языках существовало деление имен на два класса – активные и инактивные. Позже активные имена (называющие субъектов, способных к активным действиям) разделились на мужской и женский род, а инактивные объединились в средний род. Существительные среднего рода никогда не могли выступать субъектами активного действия, никогда не получали эргативного падежа, поэтому именительный и винительный падеж таких существительных в индоевропейских языках всегда совпадает (*Окно выходит в сад, вижу окно*).

- Прокомментируйте слова Б.Ю. Нормана:

В чукотском языке глагол через свою семантику управляет выбором формы подлежащего; подлежащее зависит от глагола! (это еще заметнее в других языках, в которых таких «падежей подлежащего» может быть не два, а больше: выбор одного из них действительного зависит от того, что означает глагол – состояние, восприятие, отношение...) ⁴.

¹ Гамкрелидзе Т.В., Иванова Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Благовещенск, 1998. С. 274–275

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 280.

⁴ Норман Б.Ю. Основы языкознания. Минск, 1996. С. 92.

- Можно ли сказать, что в русском языке глаголы со значением восприятия и чувствования также могут «диктовать» подлежащему дательный падеж: *Мальчику видно, мне больно* и т. п.
- Объясните, как в эргативной структуре отражаются особенности восприятия и вербализации окружающей действительности.

6.2. ИНКОРПОРАЦИЯ

- Прочитайте статью П.Я. Скорика об инкорпорации в ЛЭС¹.

Инкорпорация (позднелат. *incorporate* – включение в свой состав, от лат. *in* – в и *corpus* – тело, единое целое) – способ синтаксической связи компонентов словосочетания (частичная инкорпорация) или всех членов предложения (полная инкорпорация), при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них. Количество и порядок этих компонентов с обособленными лексическими значениями каждый раз обусловлены содержанием высказывания, а отношения между ними соответствуют отношениям синтаксическим. Например, в чукотском яз. инкорпорацией выражаются отношения, соответствующие атрибутивным (*га-цэран-тор-мэ-лгар-ма* ‘с двумя новыми ружьями’), обстоятельственным (*мыт-винвы-эквэт-ыркын* ‘тайно отправляемся’), объектным (*мыт-купрэ-гынрит-ыр-кын* ‘сети охраняем’), а также объектным, осложненным атрибутивными элементами (*мыт-тур-купрэ-гынрит-ыркын* ‘новые сети охраняем’). Такой инкорпоративный комплекс не сводим ни к слову (отличается лексикосемантической расчлененностью), ни к словосочетанию (морфологическая цельность).

- Кто из лингвистов впервые ввел в типологическую классификацию языков инкорпорирующие языки? (см. тему «Типология»). На материале каких языков был сформулирован этот тип? Как называется этот тип языков в классификации Э. Сепира? Почему? Почему инкорпорирующие языки на протяжении всего XIX века не нашли места в типологической (морфологической) классификации языков?
- Объясните, почему инкорпорацию называют способом синтаксической связи, а инкорпорирующие языки выделяются с точки зрения синтаксической типологической классификации языков.
- Почему инкорпорирующий комплекс нельзя отождествлять ни со сложным словом (например, *хитроумный Одиссей, небожители* и т. п.), ни со словосочетанием. В чем структурная особенность этого комплекса?
- Прочитайте отрывок из работы И.И. Мещанинова², посвященный синтаксическому приему инкорпорирования:

Слитные формы с переменными признаками объединяют целые синтаксические группы с их атрибутивным и предикативным содержанием. Эти группы образуются при их ведущем члене, грамматическая форма которого устанавливает позицию всего синтаксического построения. Когда ведущий член атрибутивной группы стоит в падеже, показатели которого передаются префиксом и суффиксом, он охватывает ими всю синтаксическую группу, ср. чукот. существительное в сопроводительном падеже с его префиксом и суффиксом (*га-* – *-ма*): *га-пойгы-ма* с копьем. То же имя существительное, инкорпорированное с прилагательным *таң хороший* и с теми же показателями падежа *га-* в начале всего синтаксического комплекса и *-ма* в его конце: *га-таң-пойгы-ма с хорошим копьем*. Сливаемая основа зависимого члена (*таң*) остается аморфною. Грам-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 193.

² Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967. С. 32–33.

матическое оформление получает один ведущий член, но он передает свои показатели всей синтаксической группе. В таком же положении выступают также и глагольные показатели в предикативной группе, ср. чукотский глагол *га-нто-лен он вышел*. Основа глагола *-нто* получила префикс *га-* (показатель времени) и суффикс *-лен* (показатель лица). Эти аффиксы рамками замыкают все инкорпорирование, когда в него включается дополнение: *га-ра-нто-лен он из юрты вышел*; *ны-пат-қэнат варят*, *ны-такечгы-пат-қэнат мясо варят*. Глагольные показатели (*га-* – *-лен*, *ны-* – *-қэнат*) оформляют все получившееся слияние слов...

...Такие комплексы подчиняются в чукотском и корякском языках гармонии звуков, ср. коряк. *уттыут дерево* и в инкорпорированном синтаксическом построении: *гынгыло-оттыот высокое дерево*...

Таким образом, внутри инкорпорированного комплекса выделяются части речи с их основами знаменательных слов, но не выделяются отдельно стоящие члены предложения.

Инкорпорированный атрибутивный комплекс может включать несколько основ прилагательных (например, коряк. *қэты-қоя-налго мерзлые олени шкуры*). При этом одно из прилагательных может обособляться и оформляться особыми показателями, указывающими на его самостоятельный статус: «Если определение не входит в состав инкорпорированной синтаксической группы, оно может получать в корякском языке особое оформление с префиксом *ны-* и суффиксом *-қэн*, придающими атрибутивно-предикативное содержание»¹. Такая замена инкорпорированного определения неинкорпорированным превращает его в предикат, меняя смысл высказывания. Ср. *ны-гынгыло-қэн-уттыут высокое (оно есть) дерево*. «С таким же предикативно выделяемым членом может сочетаться инкорпорированное построение со своими признаками, ср. коряк. *ны-вэтгы-қэн гынгылооттыот прямое (оно есть) высокое дерево*, где то же самое прилагательное *гынгыло* сохраняет аморфную основу и выступает членом инкорпорированной синтаксической группы в отличие от *ны-вэтгы-қэн*, выступающего отдельным членом предложения. Ему противопоставляется все инкорпорированное построение, занимающее, в такой его синтаксической позиции, место второго члена предложения»².

- Используя материал приведенных выше чукотских инкорпорированных комплексов, переведите на чукотский язык: *с хорошей юртой, он мясо варит, они из новой юрты вышли*.
- Объясните, чем отличается инкорпорированный комплекс от сложных слов в древних индоевропейских языках. Например, в санскрите сложное слово *devamanuṣyarakṣaṇāgāḥ* *боги, люди, ракшасы и змеи* или даже *viṣamaçilata laskhalitāmbunirghosaçravanasantrastamatsyaparivartanasa`njanitaçvetaphenasa balatarangah* *мощная волна, покрытая белой пеной, порожденной метанием рыб, испуганных ревом воды, стесненной скалистыми берегами*³.

6.3. ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС

Историческое изменение синтаксических структур родственных языков в контексте усложняющегося человеческого мышления исследовал в конце XIX века А.А. Потебня. Он предлагал выделять в процессе становления индоевропейского сложного предложения два этапа: паратаксис и гипотаксис.

Паратаксис представлял собой последовательное соединение (присоединение) однородных членов предложения или простых предложений в составе слож-

¹ Мещанинов С. 33.

² Там же.

³ Пример взят из кн.: Шор Р.О. Язык и общество. М., 2010. С. 13.

ной синтаксической конструкции. О такой структуре Потебня пишет: «Первоначально простые предложения следуют друг за другом так, что формальные отношения между ними вовсе не сознаются и не обозначаются. Ряды их подобны рисунку без перспективы»¹.

По мере развития человеческого мышления и усложнения синтаксических структур как вербального воплощения этого мышления, возникает потребность выстроить иерархию – выделить главное предложение и зависимое. Такие иерархически организованные структуры Потебня называет **гипотаксисом**.

Движущей силой изменения сложной синтаксической структуры Потебня считал изменение степени предикативности разных частей сложного предложения. Предикативность, как и все языковые категории, подвержена постоянному изменению, становлению, поэтому развитие и усложнение предложения можно рассматривать как процесс ослабления или усиления предикативности тех или иных синтаксических структур. В главном предложении предикативность, как правило, выражается глаголом, а синтаксическая структура, которая принимает статус «зависимой», должна отличаться формальными показателями от главного предложения – языки вырабатывают разные механизмы выражения этой зависимости. Поскольку системы союзов и союзных слов в древних языках еще не сформировались, древние языки активно используют конструкции с причастиями, супинами и инфинитивами для выражения сказуемого зависимого предложения. Известные всем древним индоевропейским языкам обороты: *дательный самостоятельный* в старославянском, *ablātīvus absolūtus* в латинском, *locatīvus absolūtus* в санскрите, *genetivus absolūtus* в древнегреческом и т. п. использовались для выражения придаточного предложения с обстоятельственным значением.

Главными элементами таких причастных оборотов были дополнение, выраженное именем или местоимением в форме косвенного падежа, и согласованное с ним причастие. Причем форму косвенного падежа каждый язык «выбирал» самостоятельно. С точки зрения общей теории языка неважно, какой именно падежной формой оформляется конструкция, важно, чтобы субъект и предикат этой второстепенной конструкции формально отличались от субъекта и предиката главной части предложения, где подлежащее оформлено именительным падежом, а сказуемое – спрягаемой формой глагола.

Старославянский и древнерусский язык «выбирает» дательный падеж: **идоуще же ємоу вѣспати размысливъ рече дружинѣ своєи**. Аналогично в латинском, который для оформления такой конструкции выбирает форму аблатива: **Ponte factō** Caesar cōpiās suās trādūcit – *После того, как мост был построен, Цезарь переправил свое войско*. Древнегреческий язык в подобных оборотах может использовать форму генетива.

Обособленные конструкции с инфинитивом как средством выражения предикативности соответствуют в современных языках изъяснительным придаточным предложениям. Например, в латинском языке конструкция *accūsātīvus cum infīnītīvō*: Scīmus scientiam potentiam esse – *Мы знаем, что знание – сила*. И в данном случае язык использует морфологические формы для обособления самостоятельного оборота: подлежащее этого оборота оформляется формой винительного падежа, а сказуемое – инфинитивом.

Итак, по мнению Потебни, синтаксические структуры совершенствуются, усложняются, стремясь отразить более сложный мыслительный акт.

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Введение. Воронеж, 1874. С. 157.

Усложнение структуры, более четкое выстраивание зависимости, иерархии компонентов Потебня видел в замене повторяющихся падежных окончаний косвенного падежа разными падежными флексиями.

- Прокомментируйте пример Потебни: «*растоптаны слонами ногами*» постепенно заменилось на «*растоптаны ногами слонов*».
- Прокомментируйте синтаксическую конструкцию древнегреческого языка: Ἄνδρὸς κακῶς πράττοντος ἐκποδὼν φίλοι – *Когда (если) человек находится в несчастии, то друзья уходят прочь*. Какой конструкции старославянского и латинского языков она соответствует?
- Прокомментируйте структуру с точки зрения синтаксической концепции А.А. Потебни: κελεύει τὸν δοῦλον ἄθλους πάσχειν *Он велит, чтобы раб совершал подвиги*.
- Приведите пример конструкции **дательный самостоятельный** в старославянском и древнерусском языках. Можно ли считать «причастные очаги» способом усложнения простого предложения. Ответ обоснуйте.
- Как Вы думаете, удалось ли А.А. Потебне доказать зависимость языковых структур от развивающегося мышления человека. Свой ответ обоснуйте.

Блок 2. Синтаксические теории.

1. Структурный синтаксис

- Прочитайте отрывок из работы Л. Теньера «**Основы структурного синтаксиса**»¹.
- Что такое структурный синтаксис? Почему основой структурного синтаксиса является понятие синтаксической связи? Прокомментируйте слова: «Синтаксические связи... устанавливают между словами отношения зависимости».
- Чем отличается структурный порядок от линейного? Приведите пример стеммы. Расскажите, как преобразовать линейный порядок в структурный и наоборот.
- Прокомментируйте слова Л. Теньера: «Нельзя определить предложение через слово, но только слово через предложение. **Понятие предложения логически первично по отношению к понятию слова**»². И далее «Что касается синтаксиса, то со времен Ф. Боппа он всегда был на положении бедного родственника морфологии. В тех редких случаях, когда его не обходили молчанием, на него надевали смиренную рубашку. Большая часть описаний синтаксиса, которые были опубликованы за последние сто лет, представляют собой лишь **морфологический синтаксис**»³.
- Что такое глагольный узел? Приведите пример. Что такое актанты и сирконстанты. Расскажите о видах актантов в языках мира. Что такое валентность

¹ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса // Введение в языкознание. Хрестоматия для ВУЗов. М., 2005. С. 248–282.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 254

глагола? Расскажите об операциях, позволяющих увеличить или уменьшить количество актантов при глаголе.

- Определите количество актантов в предложениях: *Светаёт. Альфред и Шарль обедают. Пьер и Люсьен реставрируют старинные кресла, диваны и кровати.* Свой ответ обоснуйте.
- Опишите механизм юнкции и трансляции. Приведите примеры юнкции и трансляции в рамках простого предложения и сложного предложения в русском языке.
- Определите, в каком из предложений представлена юнкция (и используются юнктивы), а в каком – трансляция (и транслятивы):
Кот белый, пушистый, жирный;
Хвост кота длинный и пушистый;
Травка зеленеет, солнышко блестит, ласточка с весною в сени к нам летит;
Когда травка зазеленеет и солнышко заблестит, ласточка прилетит;
Читая книги, он постоянно делает пометки на полях;
Заброшенный дом выглядел уныло.
- Приведите примеры юнкции и трансляции на материале изучаемого иностранного языка. Можно ли считать трансляцией обороты *дательный самостоятельный* в старославянском языке или *ablatīvus absolūtus* и *accūsātīvus cum infīnītīvō* в латинском? Ответ обоснуйте.

2*. Методика анализа по непосредственно составляющим в рамках дескриптивной американской лингвистики

- Прочитайте отрывок из работы Г. Глисона «Введение в дескриптивную лингвистику. Глава X. Синтаксис»¹.
- Что такое дескриптивная лингвистика? Какие методы анализа языка разработаны в рамках дескриптивной лингвистики? Что такое дистрибуция?
- Приведите примеры объединения аллофонов и морфов в классы фонем и морфем в зависимости от дистрибуции. Докажите, что морфы объединялись в классы морфем не по значению (поэтому значение можно было не учитывать), а по дистрибуции, то есть по их способности употребляться в определенном контексте. Оперирование исключительно формой (а не значением) единицы дало возможность дескриптивистам формализовать описание, обозначив, например, корни существительных символом N, корни глаголов – V, предлоги – P и т. д.
- Прокомментируйте определение, данное в работе Г. Глисона: «Синтаксис можно в общем определить как принципы аранжировки сочетаний, образованных в процессе словообразования и словоизменения (слов) в более крупные сочетания различного рода»².

¹ Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». М., 1996. С. 212–226. (Глава X. Синтаксис)

² Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». М., 1996. С. 212.

Процесс синтеза исходных элементов в более сложные синтагмы очень сложен, поэтому дескриптивисты предложили обратный анализ: зная правила сочетания морфем и слов, можно последовательно разбивать синтаксическое целое на части, при этом пределом такого анализа будут отдельные слова и морфемы.

Методом синтаксического анализа любое высказывание членится на две части – непосредственно составляющие (НС), которые, в свою очередь тоже членятся на две части и т. д. В результате такого членения получаются синтаксические деревья, вершинами которых выступают цельные предложения. Например:

Синтаксический анализ подразумевает установление связей между словами в предложении, причем не все связи одинаково тесные, поэтому необходимо выявить такие пары слов, между которыми наблюдаются наиболее тесные связи (при этом пара слов может быть заменена одним словом). В этом примере связь между словами *маленькие* и *дети* более тесная, чем между словами *маленькие* и *интересные* (эти два слова связаны лишь опосредованной связью, которая устанавливается путем анализа связей между другими словами предложения). Очевидно, что членение учитывает смысловые связи между словами. Кроме того, деление учитывает возможность замены более крупных единиц мелкими. Так, словосочетание *маленькие дети* может быть заменено словом *малыши*.

- Что такое непосредственно составляющие (НС)? Приведите пример.
- Прокомментируйте слова Г. Глисона: «Синтаксический анализ... состоит из выявления последовательных слоев НС и непосредственных конструкций, из описания отношений, существующих между непосредственно составляющими, и тех отношений, которые нельзя свести к отношениям между ними»¹.
- Что такое класс составляющих? Можно ли сказать, что классы составляющих совпадают с частями речи?
- Основываясь на тексте Г. Глисона, расскажите, как переосмысляются в рамках дескриптивной лингвистики традиционные представления о согласовании и управлении.

¹ Там же. С. 217.

3*. Порождающая (генеративная грамматика)

- Прочитайте отрывок из работы Н. Хомского «Аспекты теории синтаксиса»¹:

Синтаксический компонент грамматики должен указывать для каждого предложения глубинную структуру, которая определяет его семантическую интерпретацию, и поверхностную структуру, которая определяет его фонетическую интерпретацию... Можно было бы предположить, что поверхностная и глубинная структуры всегда будут идентичны... Центральная идея трансформационной грамматики состоит в том, что эти структуры вообще различны и что поверхностная структура задается неоднократным применением определенных формальных операций, называемых «грамматическими трансформациями», к объектам более элементарного вида. Если это верно, то синтаксический компонент должен порождать для каждого предложения глубинную и поверхностную структуры и соотносить их друг с другом.

...Разложение на Непосредственно Составляющие... реальной цепочки формативов может быть адекватным для объяснения поверхностной структуры, оно определенно не является адекватным для объяснения глубинной структуры.

...Рассмотрим, что сообщает традиционная грамматика о следующем английском предложении:

(1) *sincerity may frighten the boy*

искренность может испугать мальчика.

Рассматривая это предложение, традиционная грамматика может дать информацию следующего типа:

(2) (i) цепочка (1) является Предложением (S); *frighten the boy* является глагольной составляющей (VP), состоящей из глагола (V) *frighten* и Именной Составляющей (NP) *the boy*; *sincerity* является также NP; NP *the boy* состоит из Определителя (Det) *the*, за которым следует Существительное (N); NP *sincerity* состоит только из N; *may* является артиклем (Art), *may* является Вспомогательным Глаголом (Aux) и, кроме того, Модальным Глаголом (M).

(ii) NP *sincerity* функционирует как Субъект предложения (1), в то время как VP *frighten the boy* функционирует как Предикат этого предложения, NP *the boy* функционирует как Объект VP, и V *frighten* как ее Главный Глагол; грамматическое отношение Субъект-Глагол имеет место для пары (*sincerity*, *frighten*), а грамматическое отношение Глагол-Объект имеет место для пары (*frighten*, *the boy*).

(iii) N *boy* является Ичисляемым Существительным (отличающимся от Вещественного Существительного *butter масло* и от Абстрактного Существительного *sincerity*) и Именем Наричательным (в отличие от Имени Собственного *John* и Местоимения *it*); оно, кроме того, является Одушевленным Существительным (в отличие от *book книга*) и Человеческим Существом (Human) (в отличие от *bee пчела*); *frighten* является Переходным Глаголом (в отличие от *оссиг встретиться*) и таким Глаголом, который не допускает свободного опущения Объекта (в отличие от *read читать*, *eat есть*); он свободно принимает значение Длительного Вида (в отличие от *know знать*, *own владеть*); он допускает при себе Абстрактные Субъекты (в отличие от *eat есть*, *admire восхищаться*) и человеческие Объекты (в отличие от *read читать*, *wear носить*).

...Главная тема, которую я хочу затронуть, – это вопрос о том, как информация такого рода может быть формально представлена в структурном описании и как такие структурные описания могут быть порождены системой эксплицитных правил.

...Замечания, приведенные в (2i), касаются подразделения цепочки (1) на непрерывные подцепочки, каждая из которых приписана к определенной категории. Информация такого рода может быть представлена... диаграммой-деревом типа (3).

Грамматика, которая порождает простые С-показатели типа (3), может основываться на словаре символов, который включает как формативы (*the*, *boy* и т. д.), так и категориальные символы (S, NP, V и т. д.). Формативы затем могут легко подразделяться

¹ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса // Введение в языкознание. Хрестоматия для ВУЗов. М., 2005. С. 224–247.

на лексические единицы (sincerity, boy) и грамматические единицы (Перфектность, Притяжательность и т. п.).

...Естественным механизмом порождения С-показателей типа (3) является система правил подстановки... Система правил подстановки... может служить частью порождающей грамматики.

Заметим, что правила, достаточные для порождения (3), будут также порождать такие отклоняющиеся от нормы последовательности, как the boy may frighten the sincerity мальчик может испугать искренность...

...Необходимо помещать лексические правила в специальную часть базы синтаксического компонента.

Таким образом, в отношении информации типа (2i) мы ясно видим, как она должна быть формально репрезентирована и какие виды правил требуются для того, чтобы породить эти репрезентации.

...Синтаксический компонент состоит из базы, порождающей глубинные структуры, и трансформационной части, отражающей их в поверхностные структуры.

...Резюмируя, можно сказать, что мы предлагаем следующую форму грамматики. Грамматика состоит из синтаксического, семантического и фонологического компонентов. Последние два носят чисто интерпретирующий характер: они не играют роли в ...порождении структур предложений. Синтаксический компонент состоит из базы и трансформационного компонента. База, в свою очередь, состоит из категориального субкомпонента и лексикона. Глубинная структура попадает на вход семантического компонента и получает семантическую интерпретацию; она отображается трансформационными правилами в поверхностную структуру, которой правила фонологического компонента дают фонетическую интерпретацию¹.

Ответьте на вопросы:

- Как происходит порождение предложений говорящим?
- Благодаря работе какого речемыслительного механизма человек, с одной стороны, понимает высказывания, которые он раньше никогда не слышал, а с другой стороны, сам производит новые высказывания, по-другому формулируя мысль. Что говорит Хомский о глубинных и поверхностных структурах? Глубинная структура, основанная на общих принципах устройства человеческого мышления, является универсальной для всех языков, а поверхностные структуры отражают специфическое устройство конкретных языков. Приведите пример глубинных и поверхностных структур. Приведите пример, когда одна глубинная (семантическая) структура может быть выражена разными поверхностными структурами. И наоборот, когда разные глубинные структуры совпали в одной поверхностной. Разберите с точки

¹ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса // Введение в языкознание. Хрестоматия для ВУЗов. М., 2005. С. 225, 228–230, 243, 245–246.

зрения поверхностной и глубинной структуры фразу *Петя идет к Маше с Олей*.

Как известно, в первой своей работе «Синтаксические структуры» Н. Хомский настаивал на автономности синтаксиса от семантики, доказывая это положение тем, что существуют бессмысленные, но правильные с точки зрения синтаксиса предложения: *Зеленые идеи яростно спят*. Как вы можете убедиться, прочитав предложенный отрывок, в работе «Аспекты теории синтаксиса» Н. Хомский убеждается в том, что построить синтаксическое описание и выявить механизм порождения синтаксических структур без семантики невозможно. По указанной схеме должна быть взаимная замена имен и именных групп, поэтому наряду с фразой *Искренность может испугать мальчика* должна существовать и фраза *Мальчик может испугать искренность*, что, конечно, не соответствует действительности.

- Подумайте, какой семантической информацией необходимо сопровождать схему, чтобы исключить порождение неверных высказываний?
- Если вы знакомы с историей лингвистических учений, попробуйте ответить на вопрос: почему Н. Хомский, формулируя свою теорию, обращался к Грамматике Пор-Рояль? Какие идеи ученых XVII века оказались близки лингвисту, пытавшемуся формализовать описание языка и «объяснить» машине, как устроен язык и как человек использует его в процессе коммуникации?
- Почему, по мнению Н. Хомского, анализ по НС дает представление о поверхностной структуре, но оказывается беспомощным при интерпретации глубинной структуры?

4. Актуальное членение предложения. Прочитайте статью В. Матезиуса «О так называемом актуальном членении предложения»¹.

- Прокомментируйте слова В. Матезиуса:

Актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения предложения – это исходная точка (или основа) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания².

- Объясните, почему такое «смысловое, коммуникативное» членение предложения называется «актуальным».

В терминах современной лингвистики актуальное членение предложения называется тема-рематическим членением, т. е. членением на тему и рему. «Тема представляет собой исходную точку (основу) высказывания, которая мыслится

¹ Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». М., 1996. С. 227–232.

² Там же. С. 227.

известной слушателю. Рема, наоборот, является коммуникативным ядром высказывания, т. е. тем новым, ради чего высказывание и состоялось»¹.

В 1903 г., выступая перед преподавателями русского языка, Ф.Ф. Фортунатов отметил, что «грамматический анализ грамматических предложений должен быть строго отличаем нами от психологического анализа суждений»². Грамматический анализ предложения *Птица летит* не предполагает вариантов (с точки зрения формы членится на подлежащее и сказуемое), но высказывание может члениться по-разному в зависимости от коммуникативной задачи говорящего: если говорящий видит летящий объект и убеждается, что это птица, он может произнести: *Птица летит*, логически выделяя слово *птица*, которое становится «психологическим сказуемым».

- Объясните, почему замечания об актуальном (психологическом) членении предложения стали появляться в трудах лингвистов уже в конце XIX, а теория актуального членения была сформулирована лишь в первой трети XX века? Как связано развитие теории актуального членения высказывания с противопоставлением языка и речи в научном наследии Ф. де Соссюра?
- Объясните, почему формальное членение предложения *Карл едет завтра в Берлин* не допускает вариантов, а актуальное членение может быть разным. «В отличие от грамматического членения, предполагающего строго определенную, однозначную квалификацию всех членов предложения, актуальное членение не является стабильным... Некоторые из предложений реализуют более двухсот способов тема-рематического расчленения»³.
- Приведите примеры влияния порядка слов на актуальное членение. Можно ли утверждать, что высказывание *Денег нет* членится на тему и ремю, а высказывание *Нет денег* нечленимо. Ответ обоснуйте.
- Объясните, как на актуальное членение влияет «пассивная предикация», т. е. превращение активной конструкции в пассивную.

«Мы можем определить залог как такую глагольную категорию, граммемы которой указывают на определенное изменение коммуникативного ранга участников ситуации... В русском языке (и в других похожих на него языках) наивысший коммуникативный ранг приписывается подлежащему предложения. Поэтому, если существительное перестает быть подлежащим, оно понижается в ранге... Может возникнуть впечатление, что залог – это и есть механизм перераспределения синтаксических ролей существительных... На самом деле функция залога – не столько перераспределение синтаксических ролей как таковых, сколько перераспределение стоящих за ними коммуникативных рангов»⁴.

В предложении *Рабочие строят дом* высок коммуникативный ранг подлежащего, ведь именно рабочие – активно действующий субъект, воздействующий на объект. Если же говорящий хочет сместить акценты, повысив коммуникативный ранг дополнения и понизив коммуникативный ранг подлежащего вплоть до полного исключения последнего из структуры высказывания, он может использовать структуру: *Дом строится (рабочими)*.

¹ Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М., 2007. С. 10.

² Фортунатов Ф.Ф. О преподавании русского языка в средней школе // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957. С. 458.

³ Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М., 2007. С. 10.

⁴ Плунгян В.А. Общая морфология. М., 2000. С. 196–197.

- Какие еще средства выражения актуального членения вы знаете? Прокомментируйте слова: «Главными средствами выражения актуального членения являются **фразовое (логическое) ударение, порядок слов и выделительно-ограничительные частицы** (*именно, только*), причем их удельный вес в двух разных типах речи – устно-разговорной и письменной – оказывается неодинаковым»¹.
- Какая часть высказывания – тема или рема – в большей степени допускает эллипсис? Тема или рема может быть легко опущена в разговорной речи, в диалоге? Что происходит, если в диалоге собеседники не опускают тему, а постоянно повторяют уже известную слушателю информацию?
- Проведите актуальное членение (на тему и ремю) следующих фраз: *В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король. И было у короля три сына. Двое умных, а третий – дурак.*
- Прокомментируйте слова В. Матезиуса: «...отношение между актуальным и формальным членением предложения – одно из самых характернейших явлений в каждом языке»². Приведите примеры соотношения формального и актуального членения предложения в русском и английском языках.

Сведения об авторе:

Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
oxanav2005@mail.ru

¹ Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М., 2007. С. 10.

² Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». М., 1996. С. 227.

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

К 125-летию Милоша Црнянского (1893–1977), великого сербского писателя XX века

Милош Црнянский – один из самых известных сербских художников слова, автор лирических произведений, исторических романов, драм и многочисленных эссе. Он оказал большое влияние на развитие исторического романа, существенно расширив его жанровые границы. Его произведения переведены на многие иностранные языки, в том числе на русский.

Предраг Ж. Петрович (Белград, Сербия)

Милош Црнянский и русская литература

Аннотация: В работе исследуется вопрос, насколько русские классики, Гоголь, Тургенев, Толстой и Достоевский, влияли на формирование поэтики романа Милоша Црнянского. Уже в первом романе автора, «Дневник о Чарноевиче» (1921), существует множество интертекстуальных связей с русской литературой. В «Переселении» (1929) и «Второй книге переселения» (1962) наблюдаются влияния романов Толстого, в то время как в «Романе о Лондоне» (1971) повествуется о судьбе русского эмигранта в современном городе. Связи с русской литературой присутствуют не только в романах Црнянского, но и в его путевых заметках, в первую очередь в «Любви в Тоскано», вероятно, ключевой книге для понимания поэтики суматраизма. Наконец, в нескольких эссе, созданных в первой половине 1930-х гг., Црнянский пишет о русской литературе после Октябрьской революции.

Ключевые слова: русская литература, роман, поэтика, история, суматраизм, интертекстуальность, автобиография

Predrag Ž. Petrovich (Belgrade, Serbia)

Miloš Crnjanski and Russian Literature

Abstract: The article analyzes the role of Russian classics: Gogol, Turgenev, Tolstoy, and Dostoevsky – and their influence on formation of poetics of Miloš Crnjanski's novel. In the first novel, "The Diary of Charnoevich" (1921), there are many intertextual links with Russian literature. In "The Relocation" (1929) and "The Second Book of Relocation" (1962), the influence of Tolstoy's novels is observed, while in "The Novel about London" (1971) it tells of the fate of the Russian emigrant in the modern city. The ties with Russian literature connect not only the novels of Crnyansky, but also his travel notes, firstly of all "The Love in Toscano", probably the key book for understanding the poetics of Sumatra. In several essays created in the first half of the 1930ies, Crnjanski writes about Russian literature after the October Revolution.

Key words: Russian literature, novel, poetics, history, sumatraism, intertextuality, autobiography

Милош Црњански и руска књижевност

Апстракт: У раду се испитује колико су класици руске књижевности утицали на обликовање прозне поетике Милоша Црњанског, од његовог првог романа «Дневник о Чарнојевићу» (1921), у којем постоје бројне интертекстуалне везе са руском литературом, до «Романа о Лондону» (1971), где се прати судбина руског емигранта у мегалополису модерне цивилизације. Везе са руском књижевношћу нису присутне само у романима Црњанског него и у његовим путописима, понајпре у «Љубави у Тоскани» (1930), вероватно кључној књизи за разумевање суматраистичке поетике. Коначно, у неколико есеја насталих у првој половини тридесетих година прошлога века, Црњански ће писати о руској књижевности након Октобарске револуције.

Кључне речи: руска књижевност, роман, поетика, историја, суматраизам, интертекстуалност, аутобиографија

Међу одређујућим моменима који су поетички обликовали токове новије српске књижевности, јесу и интензивне веза са руском културом. Као што се новија српска историја не може у потпуности разумети без сагледавања политичких, дипломатских и војних односа са Русијом тако се ни многи аутори, појаве и тенденције српске књижевности не могу тумачити без успостављања компаративног контекста са руском литературом. То је посебно уочљиво када се говори о опусу двојице аутора чије је дело суштински одредило судбину српског модернизма у прошлом столећу – Иве Андрића и Милоша Црњанског. Обележавање сто двадесет пет година од рођења Црњанског (1893–1977) повод је да се осврнемо на дијалог који овај приповедач у својим романима води са класицима руске књижевности.

Обиман и жанровски разноврстан опус Милоша Црњанског у знаку је интензивног прожимања са српском и европском културом и уметношћу. Међу многобројним ауторима чији гласови проговарају у делима Црњанског, изузетно место имају руски књижевници. Сам аутор је у неколико наврата, поготову у познијим интервјуима у којим евоцира успомене на своје литерарне почетке, говорио о снажном утиску који су на њега оставили руски романописци. Тако у једној анкети из 1962. године, говорећи о односу према великанима светске књижевности, он истиче:

Уверен сам, међутим, да нећу погрешити, када је реч о роману, да поменем утицај руских романијера. Имао сам тринаест година када сам, трипут узастопце, прочитао Рат и мир. Лежао сам болестан у шарлаху, али сам га читао, ноћу, и нису могли ту књигу из руку да ми отму. Тургенев је за мене највећи уметник писања романа. Његовог Руђина читао сам, и читам, увек поново. А Дим сматрам за један од мајсторски компонованих романа, а незабораван, по опису људи и утицају који идеје имају на људе.

У Првом светском рату, на фронту, носио сам у џепу записе Достојевског о робијашници у Сибиру. Да сам погинуо, с том бих књигом, на грудима, био издахнуо.

Руски романијери су већи од свих других, далеко. Те књиге су морале оставити неког трага у мени (Crnjanski 1992: 41–42).

Ти трагови су присутни у целокупном делу Милоша Црњанског, у распону од «Дневника о Чарнојевићу» (1921) до «Романа о Лондону» (1971) и могу се прати-

ти како на експлицитном тако и на иманентнопоетичком плану, у есејима и критикама као и у фикционалној прози и путописима.

Богате интертекстуалне везе са српским и европским књижевним наслеђем суштински одређују иманентну поетику првог романа Милоша Црњанског. Читав текст премрежен је реминисценцијама на бројне ауторе, од персијског песника Хафиса, потом Шекспира, Казанове, Бранка Радичевића, Флобера до филозофа Ничеа и Бергсона. У исти мах «Дневник о Чарнојевићу» наговестио је низ далекосежних књижевних момената који ће пратити готово свако од ауторових каснијих прозних остварења – од теме сеоба, духовне и историјске миграције, беззавичајности модерног човека, невидљивих и судбоносних веза између људи и појава у свету, чежње за даљинама и лутањем, затим поступака лиризације прозе, удвајања приповедачевог гласа и самог романескног јунака те, коначно, питање мешања жанрова или својеврсне жанровске мимикрије. Могло би се зато рећи да «Дневник о Чарнојевићу» има улогу «матичне ћелије» у опусу овог великог писца у којој се могу препознати неки од кључних поетичких принципа и из које се генеришу све будуће опсесивне теме. Сам Црњански ће рећи да је «Роман о Лондону» «затварање једног круга» започетог пре тачно пола века појавом «Дневника о Чарнојевићу» у којем је отворена «проблематика миграције као егзистенцијалног човековог проблема» [Црњански 1992: 196–197]. Уочљиво је присуство жанровских одређења у готово свим насловима књижевних дела Милоша Црњанског, што је посебно уочљиво у именовању његовог првог и последњег романа који чине почетак и крај једног поетичког круга, не само ауторског него важног и за судбину модернизма у српској књижевности.

Питање прожимања жанрова у прози Милоша Црњанског увек је повезано са односом према аутобиографском искуству – сопственом (од «Дневника о Чарнојевићу» насталог на основу ауторовог личног дневника који водио за време рата, затим мемоарски интониране Итаке и коментара, потом књиге «Код Хиперборејаца», која садржи елементе путописа, романа и есеја, до «Романа о Лондону») и туђем (мемоари Симеона Пишчевића као документарна основа за «Сеобе» и «Другу књигу Сеоба»). Интерес за аутобиографске прозне форме као и присуство личног животног искуства представља не само једну од кључних поетичких константи књижевног дела Милоша Црњанског, већ и знатног дела прозе у двадесетом веку. Како то поводом Пруста примећује Жерар Женет, модерни роман остварује «осмозу живота и дела у оба правца, пошто животно искуство непрестано храни писање, а ово је, опет, за њега средство, инструмент духовног искуства» [Ženet 1985: 234]. О могућности да се у жанровском додиру романа и аутобиографског дискурса генерише облик «новог романа» Црњански 1920. пише у предговору за Ујевићев превод «Флоберовог Новембра». Вероватно најпознатији исказ из тог текста је онај да су «мемоари увек били најбољи део књижевности, особито кад нису дословце верни» [Црњански 1991: 257]. Зато не изненађује што приповедач «Дневника о Чарнојевићу» често помиње различита аутобиографска дела од «Казановиних Мемоара» до поменутог «Флоберовог Новембра». Међу тим текстовима изузетно место имају и «Записи из мртвог дома» Фјодора Достојевског.

У тренутку док га полиција у Сегедину саслушава, главни јунак и приповедач «Дневника», Петар Рајић, призива у свест једну књигу Достојевског: «После су ме тукли. О, ни то није болело. Био сам навикао да читам романе, па сам често мислио на Достојевскову Каторгу» [Црњански 1921: 6]. Реч је о аутобиографски заснованом роману «Записи из мртвог дома» (1862) чији приповедач пролази кроз

разна мучења у сибирском затвору (отуда каторга – затвор, робијашница). Међутим, поред ове асоцијативне везе, «Дневник» и «Записи» имају знатно суптилнији међусобни однос који би могао да подсети на огледалско пресликавање. Као што се у првом роману Црњанског помиње књига Достојевског тако се, обратно, у «Записима из мртвог дома» помиње одредница која суштински обликује утопијске просторе «Дневника о Чарнојевићу». У једној сцени из седме главе «Записа», «Нова познанства. Петров» приповедач Александар Петровић у разговору са робијашем Петровом помиње далеко, егзотично острво у јужним морима, исто оно којим је опседнут и Чарнојевић – Суматру. То је место на коме живи антиподи, људи који према народском уверењу иду наглавачке јер живе на супротној страни земљине лопте [Dostojevski 1983: 105]. Поменули смо да је Црњански у више наврата помињао да је на фронту у Првом светском рату носио записе Достојевског о робијашници у Сибиру. «Да сам погинуо, са том књигом на грудима бих издахнуо». Трагови тог читања присутни су у његовом првом роману, али као део свести књижевног јунака Петра Рајића. Утопијске визије далеких и егзотичних простора честе су у експресионистичкој лирици након Првог светског рата. Међутим, оправдана је и претпоставка да је Црњански полинежанско острво Суматру одабрао као ескапистичку утопију инспирисан управо овим помињањем у роману Достојевског. Наиме, Црњански је своју поетику првобитни назвао етеризам, да би јој у време рада на свом првом роману дао име суматраизам. Ова сложена интертекстуална прожимања између два, по времену настанка удаљена, али по аутобиографској заснованости и приповедачком поступку блиска романа, директно реализују поетичка начела суматраизма о изненадним и неочекиваним везама. Рајићев доживљај стварности битно је одређен и посредован књигама које чита и које чине да текст «Дневника» буде отворена интертекстуална структура. «Све је у вези и све се слива», вели приповедач у Писмима из Париза, «парафразирајући» Чарнојевићеве исказе из романа: «Све што су чинили тврдио је да негде, далеко, на једном острву оставља траг» [Црњански 1921: 74].

Готово сви ликови у Дневнику о Чарнојевићу одређени су књигама које читају, па тако док Петар Рајић чита Достојевског његова супруга Маца, али и друге јунакиње, опседнута је романом «Сањин» руског аутора Михаила Арцибашева. Када се Рајић из рата враћа у своје банатско село, жене «би ме опет питале да ли сам читао “Сањина”, а ја бих се тргао кад би оне прошле поред мене. А оне би ме опет питале, да ли сам читао “Сањина”; веселе и заборавне, оне су ми признавале сто малих тајни» [Црњански 1921: 25]. Маца ужива у сладострашћу желећи да поред себе има мушкарца какав је јунак Арцибашевљевог романа. «Она се чудила мојој нехатности, миру и досади и једнако ми давала савета како да чешљам косу, па ми је и сама чешљала. А ја сам међутим покушавао да је обухватим и гурао сам се са њом, док би ме она одгурнула и рекла: Ах, ти си гори од Сањина» [Црњански 1921: 26]. Утицај Арцибашева видан је у српској књижевности почетком двадесетих година прошлог века, поготову у експресионистичкој прози Драгише Васића и Рада Драинца (В. о томе: [Вучковић 2000: 51]). У ставовима главног јунака у «Дневнику о Чарнојевићу» може препознати нешто од Сањиновог «нихилистичког морала» који «одриче сваку веру и смисао», о чему је поводом превода романа Арицибашева писала Исидора Секулић 1911. године [Секулић 1977: 349], а одређени трагови постоје и на плану Рајићевих еротских авантура. Ипак, разочарани повратник из рата у роману Црњанског свакако није заговорник слободне љубави као Сањин нити има његову виталистичку енергију. Рајић се повлачи из

живота у утопијске визије, сећања и, коначно, у обликовање текстуалне стварности у дневнику који води. Сањин фигурира првенствено као мушки идеал Рајићеве супруге опседнуте чулним задовољствима – сексом и храном.

Не изненађује што се у «Дневнику о Чарнојевићу», роману у којем се тако наглашено потенцирају активности читања и писања, појављује и фигура једног пасионираног читаоца романа какав је Дон Кихот. Док се Рајићев суматраистички двојник Чарнојевић карта у некој собици препуној огледала, у сцени у којој се као на филму динамично смењују збивања и ликови, изненада се на вратима појављује Шаљапин: «На вратима се указа Шаљапин, на раги, сав крив у седлу, са грдном мотком у руци и са једним разбијеним лонцем на глави, зидови се тресли од песме његове» [Црњански 1921: 83–84]. Реч је о познатом руском оперском певачу Фјодору Ивановичу Шаљапину (1873–1938) који се у европским метрополама пред Први светски рат прославио улогом Дон Кихота у истоименој опери Жила Маснеа. Занимљиво је, дакле, да се један руски уметник појављује у Рајићевом сну у улози славног романескног јунака о чему се приповеда у дневничким белешкама у књижевном делу жанровски одређеном као роман, што речито говори о деликатним односима између документарног и имагинарног, сна и јаве, личности и маске, дневника и романа.

Дневнику о Чарнојевићу свакако је један од најзначајнијих српских (анти)ратних романа. Рат је је ту виђен очима појединца и представљен кроз субјективну психолошку реакцију. Светскоисторијска пустош постала је садржај индивидуалне свести, епохални слом вредности предмет је спознаје и доживљаја усамљеног јунака. «Научили смо да пијемо живот дубље но икад откад свет постоји. Ништа нема смисла, све је пропало у ове три године», исписује Петар Рајић, «Страховито, уплашено, пажљиво ја гледам у њима живот и држим га рукама које дрхте, и гледам око себе шуме и путеве и небо» [Црњански 1921: 29]. И у «Дневнику», као и наредном роману Милоша Црњанског, у «Сеобама», по први пут се у српској прози читује онај процес о којем Жак Рансијер пише поводом Толстојевог приповедања у «Рату и миру». Док научна историографија покушава да себе обликује трудећи се да створи појединачне фигуре као носиоце друштвеног закона и моћи, дотле књижевност «живи у процепу између разума колективне инертности и деловања појединаца који тврдоглаво сањају о бољем свету за себе и друге» [Ransijer 2008: 83]. Роман успоставља истину о историји саткану од онога што сведоци или документи знају али и од онога што званичној историографији остаје непознато, од свесног деловања појединца и од несвесног закона који их повезује.

У покушају да књижевно представи положај појединца и народа на светскоисторијској позорници у романима «Сеобе» (1929) и «Друга књига Сеоба» (1962) Црњански ће се ослонити на стваралачко искуство Толстојевог «Рата и мира», од паралелно компонованог ратног и мирнодопског тока радње у првим до историографског финала у другим «Сеобама». «Најмање су оба романа историјска, иако се заснивају на мемоарима тога времена и архивској грађи», истиче Црњански у једном интервјуу 1964. године и наставља: «Историјски романи су застарели и застарела форма, а често испадају и травестије, Калигуле, Рима, Париза, Наполеона. У роману Толстоја “Рат и мир” најмање је важна историја» [Crnjanski 1992: 64]. Уметничка визија прошлости, према Црњанском, заснива се на откривању универзалног и метафизичког смисла људске судбине у метежу историјских дешавања. Имајући у виду «Рат и мир» он истиче да је у својим романима желео да опише «страховиту збрку људског живота у оквиру једне веће заједнице, читавог

једног народа. ...Није мени било стало до костима, до евокације и описа прошлог, него до људске судбине у тој прошлости. А стално сам покушавао и да кажем да треба бити оптимист, у томе смислу, да је све у вези, на свету, у људском животу» [Crnjanski 1992: 46].

Упрво до једне (не)очекиване књижевне везе са Толстојевим јунаком из романа «Ана Карењина» Црњанском је било посебно стало, али на жалост није успео да је реализује због дугог и тешког изгнанстваведеног у Лондону. Поред «Сеоба» и «Друге књиге Сеоба» Црњански је намеравао да на основу историографских извора напише још четири наставка и тако заокружи шестотомну романескну визију судбине српског нација на европској позорници у осамнаестом и деветнаестом веку. Трећи том требало је да се одвија у време Првог устанка и прати трагичну судбину двојице Срба из Аустрије који су се прикључили устаницима, четврта књига збивала би се револуционарне 1848. године а пета би као историјски оквир имала изгнанство кнеза Милоша и Михаила. Коначно, шести и завршни тома великих «Сеоба» приповедао би о повратку потомка породице Исакович у Србију за време српско-турског рата 1876. «Исаковичи су се населили (у мом роману) у Русији, а своје насеље звали Рајевка. Отуда, пореклом, пуковник Рајевски се, у мом завршном роману, враћа у своју земљу са руским добровољцима и гине при нападу, после битке код Шуматовца. Имате ту личност код Толстоја» [Crnjanski 1992: 80]. Дакле, у завршници своје романескне епопеје Црњански је планирао да се велики смисаони и историјски круг сеоба српског нација оконча повратком и смрћу у завичају. У исти мах то би био величанствени сусрет Црњанскове и Толстојеве књижевне имажинације и то у личности пуковника Николаја Николајевича Рајевског (1839–1876). Он је руском писцу послужио као прототип за лик грофа Вронског који на крају романа «Ана Карењина» одлази у српско-турски рат. Као што је из историје познато, пуковник Рајевски је јуначки подгинуо 1. септембра 1876. у бици за Адровац, код Алексинца, на месту на којем је касније у знак сећања подигнута црква Свете Тројице. Његов деда, генерал Николај Рајевски, био је херој Отаџбинског рата против Наполеона 1812. године и овековечен је у Толстојевом роману «Рат и мир». Иако Црњански није до краја реализовао своју романескну замисао о шест томова Сеоба, она свакако сведочи о изузетном значају коју је придавао руској књижевности и српско-руским историјским везама.

Међутим, и оно што је Црњански успео да оствари од своје замисли, романи «Сеобе» и «Друга књига Сеоба», засновано је на тематској грађи преузетој из аутобиографске књиге написне на руском, тачније руско-словенском језику. У питању су, наравно, мемоари Симеона Пишчевића (1731–1797), Живот генералмајора и кавалера Симеона, сина Стефана Пишчевића, како гласи њихов краћи наслов, о којима се у нашој историографији и књижевности дуго није ништа знало. Половином двадесетих година прошлога века Црњански је у београдској Политици, у форми биографског есеја, представио нашој јавности живот овога Србина који је међу «оним авантуристима и официрима, који су за доба царице Јелисавете и Катарине постали ђенерали и војсковође у Русији» [Црњански 1991: 61]. Захваљујући историчару и књижевнику Васи Стајићу који му је скренуо пажњу на архивску грађу о српским сеобама у Русију у осамнаестом веку, Црњански се заинтересовао најпре за мађарски превод Пишчевићеве књиге коју је Имре Хусар у скраћеном облику објавио 1902. у илустрованом листу *Vasarnapi Ujság* а потом као засебно издање 1904. године. У Русији су се Пишчевићеви мемоари појавили у редакцији Нила Попова 1881–82. у часопису «Чтения в Обществе истории

и древностей российских» а потом самостално, две године касније. У преводу Светозара Матића код нас ће бити штампани тек почетком шездесетих година прошлога века, у време када и «Друга књига Сеоба». Како то у својим истраживањима закључује Милорад Павић, Симеон Пишчевић је као тринаестогодишњак почео да води дневник на српском језику, у време аустријско-француског рата 1744. године, док је био писар у пуку у којем је служио његов отац Стефан а којим је командовао Вук Исакович. Дневничке белешке писаће и касније, као аустријски официр и потом након преласка у Русију 1753. где наставља војну службу и постаје генерал. «Тек трећа, завршна редакција текста, настала око 1784. године, била је писана на оном језику којим је Пишчевић и своју другу књигу, историју Срба, спремао за штампу – некаквом руско-словенском» [Павић 2005: 124].

Тема сеоба и трагедије српског народа на просторима јужне Угарске дискретно је присутна већ у «Дневнику» о Чарнојевићу а своју конкретизацију добиће најпре у ауторовим есејима «О стогодишњици Јакова Игњатовића» (1922) и «Записи генерала Пишчевића» (1924) у којима се јасно уочава тематско и поетичко језгро будућих Сеоба. Колико су Пишчевићеве мемоари били инспиративни Црњанском види се и по томе што их он у есеју повремено препричава, поготову збивања везана за битку код Мајнца и под тврђавом Луј, потпуно се уживљавајући у позицију очевица, прелазећи са перфекта у аорист и развијајући експресионистичку стилизацију реченице. Приметно је да је Црњански посебно осетљив за патње и страдања војника, што није изненађујуће јер је и сам био војник на фронту и о томе певао у «Лирици Итаке». Док Симеон плаче уплашен за живот свога оца, један стари граничар га теши речима које Црњански овако наводи: «Плач ти ништа не помаже, учи и гледај да се навикнеш на занат војника, научи како је горак војнички хлеб и како човек стиче славу» [Црњански 1992: 62]. Трагедија војника-најамника који по туђој вољи и за туђи рачун ратују, биће једна од смисаоних окосница романа «Сеобе». Показујући како приповедач «Сеоба» преузима податке, па и читаве исказе, из Пишчевићевих записа и потом их саображава са структуром романа тако да они добијају лирски набој и метафизички контекст, Новица Петковић истиче да је у мемоарској грађи Црњански могао наћи и онај моменат који ће суштински одредити његову романескну визију не само српске историје него и вечите човекове беззавичајности. «У самој грађи, код Пишчевића, лако је могао наћи и то да се време одигравања радње романа међу Србима у Угарској, и не само међу њима, шири и митологизује представа о Русији као обећаној земљи» [Петковић 1988: 307]. Док су Суматра, у раном, и Хипербореја, у позном, стваралаштву Црњанског утопијски простори око којих се симболично окупљају визије и знамења, Русија је историјски конкретизован хронотоп среће, обећана земља која поред митских, старозаветних, обриса добија и геополитичка одређења.

Као таква, Русија се указује у «Другој књизи Сеоба», у којој је сижејна веза са Пишчевићевим текстом још наглашенија. Позиција свезнајућег приповедача који се упушта у коментарисање ликова и догађаја, у дијалог са читаоцем и, коначно, у обухватну реконструкцију епохе, уз обиље интертекстуалних веза, омогућила је, за разлику од првих «Сеоба», наглашеније присуство реминисценција из руске књижевности. Једна од тих веза је посебно важна за разумевање смисла људске судбине који се обликује у овом роману. У тренуцима када у Русији тоне у меланхоличну безвољност, помирен са тим да обећана земља постоји само у метафизичким просторима сна и слутње али не и у историјским и политичким димензијама овоземаљског света, Павле Исакович, Вуков посинак, у последњој глави

романа, закључује да човековим животом не управљају ни Бог нити воља људска, него неке мађије, и наставља: «Живимо, плачемо, смејемо се, кад како. Свако има свој век, своју љубав, свој светли део живота, као тица која, кажу, улети из мрака у осветљну дворану и излети на другу страну у таму» [Црњански 1981: 439]. Ову алегоријску слику Црњански је вероватно преузео, и дао јој нови значењски контекст у завршници «Друге књиге Сеоба», из једног од својих омиљених романа – «Руђина» Ивана Тургенјева. Настојећи да објасни смисао живота главни јунак Тургенјевљевог романа посеже за северњачком причом о цару који проводићи зимску ноћ у некој брвнари види птицу што је изненада улетела. «Цар примети да је та тичица као човек на овом свету: долетела је из мрака и одлетела у мрак, после једног тренутка проведенног у топлоти на светлости» [Тургенјев 1956: 39].

Везе са руском књижевношћу нису присутне само у романима Црњанског него и у његовим путописима, понајпре у «Љубави у Тоскани» (1930), вероватно кључној књизи за разумевање суматраистичке поетике. Непрестано прожимање историјских и имагинарних светова, успостављање веза између словенског истока и романског запада испуњава странице овога путописа који је у знаку кретања како кроз културно наслеђе Тоскане тако и кроз текстове и поетике различитих аутора који су на том простор некада боравили. Један од њих је и Гогољ који је у изгнанству у Италији завршио своје најзначајније дело, «Мртве душе», тачније њихов први том. Суматраистички путописац Гогоља узима као једну од кључних уметничких фигура словенског света, некога ко је најбоље изразио величину и трагедију Русије и то управо онда када је био у изгнанству, далеко до отаџбине за којом је патио. Сећање на Гогоља за приповедача је важно у контексту словенског тематског круга који у «Љубави у Тоскани» афирмише визију ренесансе словенских нација. Буђење словенске снаге и духовности, прожете лиризмом, страдањем и љубављу, треба да донесе препород западној Европи посрнулој након Великог рата.

У неколико есеја насталих у првој половини тридесетих година прошлога века, у време док је боравио у Берлину као аташе за штампу, Црњански ће писати о руској књижевности након Октобарске револуције. Изразито критичан према совјетским властима, он се првенствено бави питањима односа књижевности и политике, тачније тежње да се уметност насилно стави у службу бољшевичке пропаганде и комунистичке идеологије. У есеју «Смех Валентина Катајева» (1930) Црњански прави јасну разлику између револуције у руској књижевности, засноване на новим изражајним поступцима и преиспитивању традиције у делима Белог, Блока, Хлебњикова, Замјатина или Пастернака, од намере совјетских власти да књижевност промовише бољшевичку револуцију и идеализује живот у социјалистичком друштву. Међутим, тај тип ангажоване литературе, који Црњански повезује првенствено са активношћу Анатолија Лунчарског а потом и са неким одликама прозе Максима Горког, доживео је неуспех.

Тако је бољшевизам, годинама, обасипао Запад и једном новом, својом књижевношћу, што је патетично славила, улепшавала и крила оно што се у Русији догађало.

Досадна, громопучателна књижевност бољшевика, била је тако наивно намештена да није имала успеха, у иностранству, а што је значајније, ни у Русији.

Нико није хтео да чита ту тенденциозну књижевност Совјета, те хваљене и награђиване славопојке и списанија радничке диктатуре, химне колективних песника совјетском режиму [Црњански 1991: 315].

Црњански примећује да већ од краја двадесетих година нове власти допуштају појаву књига које се критичке односе према друштвеној стварности а нека од тих

дела доживљавају велики успех у Европи, попут Бабелјеве «Црвене коњице» или Пиљњакове «Голе године». Највећу пажњу Црњански посвећује роману «Распикуће» («Растратчики») писца Валентина Катајева који, на трагу Гогољеве прозе, даје гротескну, карикатуралну слику корумпираног чиновничког апарата у совјетској држави. Позивајући се Иљу Еренбурга, Црњански истиче да Октобарска револуција није изродила велику књижевност, попут рецимо буржоаске револуције у Француској, и да се од нове генерације писаца очекује да превазилазећи банални политички ангажман изгради нову поетику која ће доказати да «Русија не припада једном фанатичном и крволочном политичком систему, већ човечанству и, пре свега, Славенству» [Црњански 1991: 318].

Питању односа књижевности и политике Црњански ће се враћати и касније, али са знатно ублаженом антикомунистичком реториком. У поменутој анкети из 1962. године у којој са дивљењем говори о руским класицима, он се осврће на одлуку Нобеловог комитета да награди Бориса Пастернака, оцењујући да она није произашла из естетских колико из политичких разлога. Западу је, сматра Црњански, Пастернак потребан само као комунистички јеретик, као неко ко би био критичар режима, док тај исти капиталистички свет не види да се његова култура урушава и да је пред налетом нових медија који нуде баналне садржаје, књига већ на издисају. «Док се певају химне Пастернаку на Западу, ситуација литерата постаје у капиталистичким земљама све више буфонерија, којој је допринео и ужасни пораст баналности на филму и на телевизији. Има земаља у којима књига умире» [Crnjanski 1991: 43]. Ако Пастернака, вероватно, није превише ценио, Црњански је у неколико наврата врло похвално говорио о Јевгенију Јевтушенку. Пореди га са Мајаковским, по активизму, Црњански је првенствено фасциниран Јевтушеновим појавом, наступом, начином на који казује своју поезију и тако привлачи читаоце. «Направио је чудо у Немачкој. Зато што уме да прави покрете, да занесе, да придобије публику. Ја верујем у његову искреност» [Crnjanski 1991: 43].

Ако је почетак модернизма у српској књижевности обележен појавом «Дневника о Чарнојевићу», онда је његов завршетак, почетком седамдесетих година прошлог века, у знаку «Романа о Лондону». Одисејевска фигура изгнанника, присутна у свим делима Црњанског, сада је изведена на космополитску сцену модерног мегалополиса да лута без наде да ће се икада вратити у отаџбину. На често постављано питање зашто је за јунака овога романа одабрао баш једног Руса, Црњански је дао одговор који најбоље изражава његов однос према трагичном искуству руског народа у двадесетом столећу, обележеном толиким насилним егзодусима народа и појединаца. «Мој јунак је морао бити Рус. Његова земља је највећа – њихова трагедија је највећа. Руска емиграција је права емиграција. Аристократска. Али руска емиграција слабо је стајала материјално. У књизи се види како су припадници чувених фамилија морали да зарађују лебац радећи као продавци старина, дактилографи итд. Такви руски емигранти били су погодни да покрију оно што сам желео да кажем» [Crnjanski 1992: 183]. Такав је главни јунак романа, некадашњи кнез Николај Рјепнин, чији су преци били чувени још у доба Наполеоновог похода на Русију. Након лутања Европом, у таласу емиграната расејаних после Октобарске револуције, Ријепнин и његова супруга Нађа стижу у Лондону где у «астрономском конгломерату» у чију мрежу је ухваћено четрнаест милиона душа, отпочиње прича о «судару два света, и судару између једног човека и једне огромне вароши» [Црњански 2004: 19].

Као што у Вавилону модерног доба одјекују различити језици тако су и у самој наративној структури романа уписане многе алузије и цитати из светске књижевности. Поетичку самосвест о писању романа приповедач испољава већ у првим реченицама у којима вели да се сви романописци слажу да је свет у којем живимо нека врста велике, чудновате позорнице на којој свако неко време игра своју улогу и потом силази са ње да се више никада не врати. Међутим, увод «Романа о Лондону» дискретно призива у читалачку свест још један чувени романескни почетак: «*Quintilian* каже да, за познавање човечанства, није потребно знати цело човечанство. Доста је упознати, добро, и једну фамилију» [Црњански 2004: 9]. Овако уведена тема породице могла би садржати алузију на знамениту реченицу којом опочиње Толстојева «Ана Карењина». Несрећна судбина Рјепнинове породице која симболично репрезентује несрећу људи у савременом добу, биће тема Црњанске књиге.

У напору да преживи у једном привидно либералном а заправо врло негостољубивом свету који га доживљава као туђинца, Рјепнин се повремено присећа Русије, од топлих зима на Криму до чудесних вртова Петерхофа и ноћних улица Санкт Петербурга. Призиваће у свест и стихове њему омиљених руских песника. Размишљајући о самоубиству као једином достојанственом излазу из овога света, Рјепнин у једном тренутку шапуће стихове песника из деветнаестог века Николаја Некрасова, упућујући их Нађи: «Утешитсја жена, и друга лучшиј друг забудет. Утешиће се жена и друга ће и друг заборавити» [Црњански 2004: 39]. У Енглеску је овај брачни пар донео само једну књигу, збирку Пушкинових стихова. Сећајући се петроградских ноћи, Рјепнину се чини да «су те ноћи, и сада, тамо, као што су биле у његово доба. Светле, румене, са прозрачним сумраком, који је био дан и остаје дан, и у ноћи, и поново се претвара у дан. Бљеск безлуниј – каже Пушкин» [Црњански 2005: 286]. Такве литературом посредоване слике пратиће главног јунака све до његовог силаска са позорнице живота. Тиме се симболично затвара смисаони круг лутања и изгнанстава у романима Милоша Црњанског који је у великој мери у знаку утопијског, историјског и меланхоличног доживљаја Русије – од жудње Вука Исковича и развејане илузије Павла Исаковича до поетских визија Николаја Рјепнина.

Пишући о великом руском песнику Јесењину Црњански је овако представио његове последње дане уочи самоубиства: «Оставив большевике, оставив уопште политику, муж играције Исидоре Данкан, песник Јесењин, нападајући, банчећи по Москви, пред самоубиством, син сељака, и сам сељак, плачући је викао: Не треба ми рај, дајте ми само моју Русију» [Црњански 1991: 317]. Јунак последњег романа Милоша Црњанског Јесењин је тихи, трагични сапутник.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

ИЗВОРИ

- Dostojevski Fjodor. *Zapisi iz mrtvog doma*. Prev. M. Babović. Beograd: Rad, 1983. 336 с.
- Тургењев Иван. Руђин. Прев. З. Велимировић. Нови Сад: Матица српска, 1956. 334 с.
- Црњански Милош. Дневник о Чарнојевићу. Београд: Свесловенска књижарница, 1921. 122 с.
- Црњански Милош. Друга књига Сеоба. Београд: Нолит, 1981. 460 с.

Црњански Милош. Есеји и прикази. Нови Сад: Књижевна заједница, 1991. 437 с.

Crnjanski Miloš. *Ispunio sam svoju sudbinu*. Priredio Z. Avramović. Beograd: BIGZ, 1992. 355 с.

Црњански Милош. Роман о Лондону. Београд: Завод за уџбенике, 2004. 740 с.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

Вучковић Радован. Српска авангардна проза. Београд: Откровење, 2000. 300 с.

Ženet Žerar. „Pitanje pisanja”. Prev. M. Vuković. *Treći program*, br. 103/104 (1985). С. 232–235.

Павић Милорад. Роман као држава и други огледи. Београд: Плато, 2005. 174 с.

Петковић Новица. Два српска романа. Београд: Народна књига, 1988. 312 с.

Секулић Исидора. Из страних књижевности. Књига II. Београд: Вук Карацић, 1977. 579 с.

Ransijer Žak. *Politika književnosti*. Prev. M. Drča. Novi Sad: Adresa, 2008. 213 с.

Сведения об авторе:

Предраг Ж. Петровић,
доктор филол. наук
професор
Универзитет у Београду
Филолошки факултет

Predrag Ž. Petrovich,
PhD
Associated Professor
University of Belgrade
Faculty of Philology

pedja611@yahoo.com

С.Н.Мещеряков (Москва, Россия)

**Милош Црнянский: единство в многообразии
(к 125-летию со дня рождения писателя)**

Аннотация: В статье выявляется взаимодействие в произведениях сербского писателя М.Црнянского опыта экспрессионизма, романтизма и барокко с традициями буддизма. Творчество Црнянского стало воплощением единства достижений европейской и восточной цивилизаций.

Ключевые слова: Црнянский, экспрессионизм, романтизм, барокко, буддизм

S.N. Meshcheryakov (Moscow, Russia)

Miloš Crnjanski: Unity in Diversity (On the 125th Anniversary)

Abstract: The article analyses the interaction of expressionism, romanticism and baroque with traditions of Buddhism in the works of Serbian writer Miloš Crnjanski. His creativity is shown as an embodiment of the unity of European and Eastern civilizations.

Key words: Miloš Crnjanski, expressionism, romanticism, baroque, Buddhism

М. Црнянский (1893–1977) – классик сербской литературы XX в. Поэт, прозаик, драматург, эссеист, он получил признание после выхода в свет сборника стихотворений «Лирика Итаки» (1919), созданного в духе экспрессионизма и отличающегося двойственным восприятием окружающего мира.

С одной стороны, в лирике Црнянского звучит глубокое разочарование в действительности: поэт не приемлет ни современность, ни историческое прошлое. Он стремится разрушить устоявшиеся стереотипы, мифы о национальном величии, созданные в том числе и литературой романтизма.

О Балше, о Душане Сильном, пусть смолкнет молва.

Власть, воеводы и деспоты, – это стыд, –

писал поэт в стихотворении «Памяти Принципа»¹. По словам Црнянского, Марко (подразумевается легендарный Королевич Марко) «тошнит от пробуждения», а

¹ Балша II, властитель Зеты, нынешней Черногории, погиб в сражении с турками-османами в 1385 г. Душан Сильный (годы правления 1331–1355) – первый сербский царь. «Деспот» – титул, первый по рангу после царского. Здесь и далее в цитатах сохраняется пунктуация Црнянского (перевод наш. – С.М.).

Грачаницы (лучшего сербского средневекового храма) «больше нет» («Наша элегия»). И потому чуть далее утверждается:

Да будут прокляты победа и воодушевление.

Да здравствуют ненависть смерть презрение.

С другой стороны, лирика Црнянского пронизана идеями «утопического космизма» и «виталистического универсализма»¹, что было в целом присуще сербскому экспрессионизму. В условиях кризиса, вызванного первой мировой войной, поэзии необходимо было открыть новые ценности, выявить космические законы и смысл бытия. Црнянский в «Объяснении “Суматры”», своего ключевого стихотворения, вводит понятие «суматраизма» – почти мистического ощущения всеединства мира, основанного на чувстве любви. «...Я испытывал неизмеримую любовь к далеким скалам, снежным горам, протянувшимся вплоть до ледяных морей. К далеким островам, где происходит что-то, к чему мы здесь, возможно, причастны. У меня пропал страх смерти... Как в какой-то сумасшедшей галлюцинации я поднимался в безмерные утренние туманы, чтобы протянуть руку и погладить далекий Урал, моря индийские, куда перешел румянец и с моего лица», – писал Црнянский².

Двойственность восприятия действительности проявляется и при исследовании отношения писателя к опыту различных народов и цивилизаций.

С одной стороны, Црнянский наследует национальные и европейские традиции. Ему близок романтизм; по словам И. Секулич, Црнянский представлял тип «чистейшего романтика»³. По мнению самого Црнянского, романтизм был лучшей эпохой сербской литературы. Он писал о выдающихся сербских романтиках: Негоше, Змае, Костиче. По словам писателя, при этом он ожидал обвинений в том, что его «суматраизм» – это «лишь подогретый романтизм» (6, стр. 19).

Интерес Црнянского к романтизму не ограничивается национальной традицией: его привлекает творчество Флобера, «романтика в лучшем смысле этого слова», – романтика, полюбившего «античный мир как грандиозную картину могущества человека» (10, стр. 163, 165).

Традиции античности влекут писателя к Кьеркегору, Ибсену, Стриндбергу, в чем он сам неоднократно признается. По его словам, они обращаются к важнейшим философским вопросам и пишут для всего человечества: «...Главные темы этих писателей – вечные, античные. Отец. Мать. Мужчина и женщина. Эдип. Иокаста. Любовь и неумолимая наша судьба» (8, стр. 46).

Наконец, для Црнянского чрезвычайно важны традиции барокко, предполагающего сочетание противоположностей. В своем лучшем романе «Переселения» (1929), повествующем об участии сербского народа в войне за австрийское наследство (1740–1748), и во «Второй книге Переселений» (1962), рисующей переход десятка тысяч сербов из Австрии в Россию в середине XVIII в., писатель обращается к сочетанию интеллектуального подхода и интуиции, интеллектуального напряжения и «вкуса». «Поэтический стиль барокко складывался из двух противоборствующих элементов – фантазии и разума», – как писал А.Л. Штейн⁴.

В духе барокко во «Второй книге переселений» представлено сочетание многочисленных философских рассуждений и любовно-авантюрного сюжета, сое-

¹ *Vičković R.* Poetika hrvatskog i srpskog ekspresionizma. Sarajevo, 1979. S. 194.

² *Црњански М.* Сабрана дела. Т. 4. Београд, 1966. С. 219–220. Здесь и далее цитируется по данному изданию, том и страница указываются в тексте статьи.

³ *Црњански М.* Сборник радова. Београд, 1972. С. 36.

⁴ *Штейн А.Л.* Литература испанского барокко. М., 1983. С. 17.

динение мистического и натуралистического начал. Так, молодой офицер Павел Исакович, главный герой «Второй книги», с одной стороны, поддерживает постоянную духовную связь с умершей женой-возлюбленной, а с другой стороны, находит для себя в России исключительно здоровую и сильную бабу.

Антиномиям барокко в известной степени близок «амбивалентный» способ изображения действительности у Црнянского. Так, «Вторая книга Переселений» начинается сказочным зачином, создающим образ идеальной страны: «Было однажды одно королевство в центре Европы, которое называлось: Венгрия. В этом королевстве текли реки, богатые рыбой, а вдоль тех рек простирались бескрайние зеленые равнины». Однако уже два следующих предложения совершенно неожиданно меняют восприятие этого мира: «Летом эти равнины превращались в жаркую пустыню, а зимой в ледяное море, покрытое снегом. Люди прислушивались, во мраке, к завыванию волков». Точно так же в конце романа сообщается, что все начинания Павла Исааковича потерпели полный крах и что он полностью разочаровался в жизни. Однако, с другой стороны, герой тут же совершенно неожиданно заявляет, что он никогда не был так счастлив, как в России.

Земная жизнь у Црнянского уподобляется сну (об этом десятки раз говорится в «Переселениях»), театру (в театральном представлении, розыгрыше, сам того не зная, участвует Павел Исакович). Земное существование в «Переселениях» – это бессмысленность, тщета, Vanitas; весь мир во власти «комедианта случая».

Следование Црнянского национальным и европейским традициям сочетается с интересом писателя к Востоку, в первую очередь, к буддизму. Это и устремленность к интуитивному познанию мира, и утверждение призрачности единичного явления (одиноким человек рассматривается как ничтожная песчинка, выброшенная на берег после шторма), и признание окружающей жизни иллюзией. Как отмечал О.О. Розенберг, «по буддийскому учению, все переживаемое в эмпирическом мире – иллюзия»¹.

Исключительно важен в «Переселениях» мотив пустоты, что согласуется с буддийским учением о пустоте как о всепорождающей основе. В конце «Переселений» офицер Вук Исакович, главный герой романа, отчим Павла Исааковича, чувствует свое слияние с Пустотой и ощущает единство со всей Вселенной, а его «эго» растворяется в мире. Это момент его высшего прозрения – «озарения».

При этом буддизму, как и барокко, присущи парадоксальность, противоречивость. «Пустота» и призрачность мира не отрицают его реальности и подлинности, сансара противопоставлена нирване и в то же время сливается с ней, тенденции к дуализму дополняются нейтрализацией оппозиций.

О близости буддизму свидетельствует и символическое название романа – «Переселения», хотя применительно к буддизму в целом точнее говорить о «перерождении». Можно также сказать, что само решение проблемы онтологического выбора у Црнянского связано с буддизмом.

Выбор главных героев Црнянского между бытием и небытием, как правило, склоняется в пользу последнего. Вук Исакович мечтает вместе с соотечественниками перебраться в Россию, идеальную страну, которая представляется ему огромной зеленой поляной, где он может вволю скакать на коне. Однако тут же автор отмечает, что герой вместе с другими сербами собирается перебраться в далекие края для того, чтобы ...исчезнуть с лица земли. Точно так же вся жизнь Павла Исаковича – это *бытие-к-смерти*. Вдовец, верный призраку скончавшейся

¹ Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991. С. 184.

ся жены, он не хочет думать ни о женщинах, ни о жизни. И не случайно в конце романа сообщается, что сербский «национ», переселившийся в Россию, чтобы сохранить свое имя и национальные традиции, вымирает.

Точно так же выбор в пользу смерти совершает и герой двухтомного «Романа о Лондоне» (1971) князь Репнин, образ явно автобиографический. Как и Црнянский, Репнин – эмигрант, живущий в Англии. Как и Црнянский, герой постоянно борется за жизнь, но при этом постепенно склоняется к идее самоубийства. В конце произведения Репнин отправляет свою жену в Америку, на Запад, т. е. в символическое царство смерти, а сам впоследствии стреляется. Сам писатель, как известно, тоже фактически кончает свою жизнь самоубийством: он в течение нескольких дней отказывается от пищи и лежит, повернувшись лицом к стене.

Выбор смерти и пустоты, сделанный Црнянским, безусловно, противоречит русской национальной традиции с ее христианскими корнями. С.Г. Семенова в статье «*Odium fati* как духовная позиция в русской религиозной философии» утверждает ценность присущей Н.Ф. Федорову и В.С. Соловьеву идеи преодоления смерти, идеи онтологического восхождения человека, идеи победы над временем¹. Л.В. Карасев, размышляя о противостоянии вещества и пустоты у А.П. Платонова, видит в подобном случае противостояние жизни и смерти, существования и несуществования². И, конечно, по словам Карасева, Платонов выбирает жизнь и бытие.

Онтологический выбор Црнянского может быть объяснен близостью писателя барочным традициям. Барокко присущи устремленность к Небу (у Црнянского в «Переселениях» это знаменитый «бескрайний синий круг») и в то же время демонизм (М. Ломпар не случайно проводит параллель между писателем и Мефистофелем³). А по словам С. Корача, появление «пустоты» у писателя объясняется отсутствием Бога: «Если Бога нет, весь мир – пустота»⁴. Однако представляется, что выбор Црнянским «пустоты» в качестве основополагающего понятия связан, в первую очередь, с буддизмом. Только с точки зрения буддизма можно осознать ключевые, завершающие слова «Второй книги Переселений»: «Смерти нет. Есть переселения». Характерно и название последней главы романа: «Переселения продолжаются вечно».

Подобная позиция убедительно раскрывается сквозь призму дзэн-буддизма. В концепции «саби» («патины времени») звучит жизнеутверждающая мысль о возвращении всего живого к своему истоку, «ржавчине веков», что предполагает новое рождение. Дайсэцу Тайтаро Судзуки, ученый с мировым именем, писал в труде «Основы дзэн-буддизма»: «Нет рождения и смерти, нет начала и конца – вот что такое восточный образ мышления!»⁵

Очевидно, что в творчестве Црнянского соединились различные традиции. Писатель-авангардист, устремленный в будущее, обратился к опыту античной трагедии и скандинавских литератур, творческим достижениям романтизма и барокко. И это не случайно. Известно, что экспрессионисты в 1920-е гг. уделяли серьезное внимание изучению барокко⁶. К традициям барокко постоянно обращались ро-

¹ Семенова С.Г. *Odium fati* как духовная позиция в русской религиозной философии // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 26–33.

² Карасев Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995. С. 76–77.

³ Ломпар М. Црњански и Мефистофел. Београд, 2000.

⁴ Корач С. Српски роман између два рата. 1918–1941. Београд, 1982. С. 191.

⁵ Буддизм. Четыре благородные истины. Москва; Харьков, 1999. С. 372.

⁶ См.: Барокко в авангарде – авангард в барокко. М., 1993.

мантики. «Схождения между барокко и романтизмом объясняются тем, что они, по определению Д.С. Лихачева, относятся к так называемым вторичным стилям. И барокко и романтизм развивали теорию самостоятельной жизни искусства», – отмечалось в статье Л.А. Софроновой и А.В. Липатова «Барокко и проблемы истории славянских литератур и искусств»¹. Однако и «в экспрессионизме изображаемое и изображенное сильно расходятся... Изображенное в его конкретности – всего лишь призыв понять то, что изображено»².

Очевидны и многочисленные совпадения концепции барокко с опытом буддизма. Е.Г. Яковлев, выявляя в основном параллели между буддизмом и модернистским искусством, также ссылается и на присущие барокко и буддизму динамизм и тяготение к метафоре³. И главное: и в барокко и в буддизме утверждаются парадоксальность, противоречивость, призрачный характер человеческой жизни.

Творчество М. Црњанского являет собой замечательный синтез авангарда и традиции, достижений Востока и Запада и подтверждает единство мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Барокко в авангарде – авангард в барокко. М., 1993. 56 с.
Барокко в славянских культурах. М., 1982. 350 с.
Буддизм. Четыре благородные истины. Москва; Харьков, 1999. 992 с.
Карасев Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995. 102 с.
Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. 317 с.
Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991. 294 с.
Штейн А.Л. Литература испанского барокко. М., 1983. 69 с.
Энциклопедия экспрессионизма. М., 2003. 430 с.
Кораћ С. Српски роман између два рата. 1918–1941. Београд, 1982. 605 с.
Ломпар М. Црњански и Мефистофел: о скривеној фигури «Романа о Лондону». Београд: Филип Вишњић, 2000. 174 с.
Црњански М. Зборник радова. Београд, 1972. 429 с.
Црњански М. Сабрана дела: У 10 запремина. Београд, 1966.
Vičković R. Poetika hrvatskog i srpskog ekspresionizma. Sarajevo, 1979. 419 s.

REFERENCES

- Baroque in Avant-garde – Avant-garde in Baroque. Moscow. 1993. 56 p.
Baroque in Slavic Cultures. Moscow. 1982. 350 p.
Buddhism. Four Noble Truths. Moscow; Kharkov. 1999. 992 p.
Karasev L.V. (1995) Ontological View on Russian Literature. Moscow. 102 p.
The Concept of Fate in the Context of Different Cultures. Moscow. 1994. 317 p.
Rozenberg O.O. (1991) The Works on Buddhism. Moscow. 294 p.
Shteyn A.L. (1983) Spanish Baroque Literature. Moscow. 69 p.

¹ Барокко в славянских культурах. М., 1982. С.11

² Энциклопедия экспрессионизма. М., 2003. С.8

³ Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. М., 1985. С. 154. 167

- Encyclopedia of Expressionism. Moscow. 2003. 430 p.
- Кораћ С. (1982) Српски роман између два рата. 1918–1941. Београд. 605 с.
- Ломпар М. (2000) Црњански и Мефистофел: о скривеној фигури “Романа о Лондону”. Београд. Филип Вишњић. 174 с.
- Црњански М. (1972) Зборник радова. Београд. 429 с.
- Црњански М. Сабрана дела: У 10 књ. Београд, 1966.
- Vučković R. (1979) Poetika hrvatskog i srpskog ekspresionizma. Sarajevo. 419 s.

Сведения об авторе:

Сергей Николаевич Мещеряков,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey N. Meshcheryakov,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pionerskaya@bk.ru

Научная жизнь

Academic Life

Н. Няголова (Велико-Тырново, Болгария)

XII Международный симпозиум «Русистика в современном мире»

N. Nyagolova (Veliko Tarnovo, Bulgaria)

XII International Symposium «Russian Studies in the Modern World»

С 11 по 14 октября 2018 г. в Великотырновском университете имени Святых Кирилла и Мефодия (Болгария) состоялся XII Международный симпозиум «Русистика в современном мире». Симпозиум проводился при поддержке МАПРЯЛ, Общества русистов Болгарии, Министерства образования и науки (МОН) Республики Болгария, РКИЦ – г. София, Федерации дружбы с народами России и СНГ. Научный форум был посвящен 55-летию кафедры русистики Великотырновского университета (ВТУ). За 48 лет кафедра проводит симпозиум двенадцатый раз. 93 участника из 10 стран мира (Болгария, Россия, Сербия, Украина, Польша, Япония, Румыния, Италия, Тайвань, Казахстан) заявили и приняли участие в работе Симпозиума.

11 октября, накануне открытия научного форума, в Центральной библиотеке университета прочитали публичные лекции двое из участников Симпозиума: до-

А.Д. Степанов
(профессор Санкт-Петербургского университета)
читает лекцию «Современная русская литература»

цент, кандидат филологических наук Светлана Юрьевна Артемова (Тверской государственный университет) и профессор, доктор филологических наук Андрей Дмитриевич Степанов (Санкт-Петербургский государственный университет).

Торжественное открытие проводилось в Актовом зале университета. Проректор по международным связям доцент Димитр Димитров открыл Симпозиум. Прозвучали приветственные слова от имени Посольства РФ в Болгарии, Генерального консульства РФ в городе Русе, Российского культурно-информационного центра и Россотрудничества, Министерства образования Болгарии, Общества русистов Болгарии, Федерации дружбы с народами России и СНГ. Декан филологического факультета – профессор, доктор Ценка Иванова и заведующая кафедрой русистики – доцент, доктор Наталия Няголова поприветствовали участников Симпозиума. От имени участников выступила проф. В. Сафонова (МГУ).

Торжественное открытие
XII Международного симпозиума
«Русистика в современном мире»

Первое пленарное заседание состоялось в Актовом зале. На нем представили свои доклады четверо пленарных докладчиков: профессор, доктор филологических наук Стефана Димитрова (София), профессор, доктор филологических наук Андрей Дмитриевич Степанов (Санкт-Петербург), профессор, доктор Стефка Георгиева (Пловдив), профессор, доктор Лиляна Цонева (Велико-Тырново). Профессор Димитрова говорила о роли экстралингвистического фактора в лингвистических исследованиях. Профессор Степанов представил топику и новаторство современного русского романа. Тема доклада профессора Георгиевой была связана с новой фразеологией новой Европы, а профессор Цонева представила свои наблюдения над современным медиадискурсом.

Работа Симпозиума была организована в семи секциях: «Лексикология. Лексикография. Стилистика», «Словообразование. Морфология. Синтаксис», «Вопросы перевода», «Проблемы методики преподавания РКИ», «Литературоведение», «Прагматика», «Лингвокультурология и история языка».

На втором пленарном заседании выступил с докладом профессор, доктор Гочо Гочев, который познакомил присутствующих с историей Международных симпозиумов в Великотырновском университете. Профессор Л.Г. Бабенко (Екатеринбург) представила новые издания научного коллектива, работающего под ее руководством.

Работа Симпозиума сопровождалась дружеской и продуктивной атмосферой. Участники поделились результатами своих исследований, обсудили актуальные филологические проблемы, установили новые научные контакты. Двенадцатый международный симпозиум «Русистика в современном мире» показал ту роль, которую играет великотырновская русистика в Болгарии, способствуя реализации международной академической программы по изучению русского языка и литературы.

Сведения об авторе:

Наталия Няголова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
Великотырновский университет

Natalia Nyagolova,
PhD
Assistant Professor
Faculty of Philology
University of Veliko Turnovo

nniagolova@abv.bg

О.А. Байнова (Москва, Россия)

Кафедра немецкого языкознания в 2014–2018 гг.

О.А. Baynova (Moscow, Russia)

Department of German Linguistics in 2014–2018ies

Специфика кафедры немецкого языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова определяется тем, что преподавание немецкого языка ведется на всех отделениях филологического факультета, теоретических дисциплин – для студентов-германистов. Перед преподавателями стоят сложные задачи: качественно подготовить специалистов и не только помочь студентам овладеть языком, но и научить работе с текстом, познакомить с историей, философией и культурой немецкоязычных стран; поэтому страноведческому аспекту и приобщению к литературе Германии, Австрии и Швейцарии уделяется особое внимание. Кроме того, переход в сфере высшего образования на Болонскую систему заставил пересмотреть методологические основы преподавания языка и скорректировать теоретические и практические курсы исходя из потребностей времени и нового подхода к образованию. В современных условиях университетским преподавателям приходится учитывать также слабую базовую подготовку нового поколения – поколения ЕГЭ: это выражается в отсутствии у студентов навыков самостоятельной работы и в недостаточном уровне знаний по общеобразовательным дисциплинам. Что касается именно немецкого языка, то картина усугубляется тем, что теперь на отделение западноевропейских языков приходит все меньше бывших школьников, имеющих начальную подготовку по языку, так как происходит последовательный процесс вытеснения немецкого языка из школьных программ. В связи с этими обстоятельствами все кафедральные программы подверглись глобальной переработке; за последние годы были подготовлены пакеты программ для бакалавров, магистрантов и аспирантов (в том числе на немецком языке), и эта работа не прекращается, поскольку в качестве предметов по выбору студентам каждый год предлагаются новые курсы, а программы базовой части обновляются и дополняются. Явно выраженная практическая направленность работы кафедры сочетается с научной деятельностью.

Для обеспечения полноценной и успешной научной деятельности кафедра немецкого языкознания считает необходимым создавать благоприятные условия работы и поэтому разработала основные принципы, способствующие достижению высоких результатов:

- приверженность научным традициям филологического факультета, Московского университета и российской науки в целом с одной стороны и с другой – открытость, впитывание и развитие новых идей;
- актуальность исследований;
- восприятие языка как живого организма, отслеживание тенденций его развития;
- четкая постановка целей и задач и планомерное их выполнение;
- комплексность исследований с привлечением научных результатов смежных наук (социологии, психологии, философии, культурологии, политологии и др.);
- разнообразие форм работы: научные и научно-практические конференции, коллоквиумы, круглые столы, дискуссии, онлайн-форумы, тематические чтения, встречи с представителями отечественной и зарубежной филологической науки и другие мероприятия;
- сотрудничество и обмен опытом с коллегами с других кафедр филологического факультета и других факультетов МГУ, а также с германистами из других российских вузов;
- налаживание и поддержание контактов с зарубежными коллегами, участие в международных научных мероприятиях и объединениях;
- широкое вовлечение студентов (учащихся бакалавриата и магистратуры) и аспирантов в научную работу в форме как пассивного (в качестве слушателей), так и активного участия (доклады, выступления, написание рефератов и статей, дискуссии);
- применение научных результатов на практике (в учебном процессе, переводческой и другой деятельности).

Научная работа кафедры находится в русле фундаментальных научных исследований в области истории и современного состояния германских и кельтских языков. Проблематика, которую разрабатывают члены кафедры, охватывает самый широкий круг вопросов в области германистики. В их число входят общелексикологические проблемы (синонимия, антонимия, многозначность, перенос наименований и пр.); своеобразие развития ряда общелингвистических категорий в области фразеологии; стилистические средства немецкого языка в их системном взаимодействии и в связи с эстетическими позициями исторически сложившихся литературно-художественных направлений; лексическая и грамматическая стилистика, синтаксическая стилистика, стилистический анализ микро- и макротекста; структурные и функционально-типологические особенности национальных вариантов немецкого языка; особенности структуры слова в немецком языке. Большое внимание уделяется структуре и функционированию немецкого языка в современном мире, страноведческим проблемам и современной немецкой культуре. В ряде исследований акцент поставлен на лингвистику текста и фундаментальные вопросы теории текста. Среди других направлений представляется необходимым назвать области науки, которые также попали в поле зрения преподавателей кафедры: теория перевода, теория речевых актов, психолингвистика, социолингвистика, литературоведение и т. д. Актуальными остаются ставшие для филологов традиционными проблемы типологии текстов; язык средств массовой информации; фундаментальные вопросы теоретической грамматики немецкого языка и базовые лингвистические понятия (грамматическая категория, грамматическая форма, грамматическое значение, функциональные поля); основные дискретные единицы – морфема и слово, словоизменение, грамматическая классификация слов; предложения, конструктивные аспекты предложения, категория информа-

тивности предложения, теория актуального членения предложения; словосочетания, средства связи слов и выражение синтаксических отношений. Неизменно вызывает интерес поэтический язык и его отличие от языка прозы, равно как и основные жанровые формы немецкой поэзии, языковое и поэтическое новаторство немецких поэтов. Специфика работы кафедры немецкого языкознания диктует необходимость уделять должное внимание методике преподавания немецкого языка и современным тенденциям в учебно-педагогической деятельности.

За последние пять лет (2014–2018) сотрудниками кафедры издано 10 книг по разнообразной тематике. Так, три книги профессора М.Н. Володиной посвящены языку средств массовой информации (всего ее перу принадлежит 15 книг – монографий и учебных пособий по терминологии, лексикологии и языку СМИ); книга доцента Е.Г. Носовой (автора 7 книг по германистике) «Очерки по немецкой этнолингвистике» посвящена проблеме взаимодействия языковых и этнокультурных факторов в функционировании языка; ее же учебное пособие «*Deutsche Märchen. Ein Text- und Übungsbuch*», написанное в соавторстве с И.А. Гапоновой, представляет собой подборку ценных материалов для работы в аудитории и самостоятельной подготовки; доцент А.С. Полевщикова в своей книге исследует такую многоаспектную проблему, как языковая игра («Языковая игра в романе Мушга „*Der rote Ritter*”»).

Основная научная деятельность кафедры осуществляется в рамках НИР «Актуальные проблемы немецкого языкознания». По данной проблематике (исследования в области германистики и смежных наук) сотрудниками кафедры опубликовано более 50 статей, читаются лекционные курсы по плану бакалавриата и магистратуры и обеспечивается преподавание языка в группах разных отделений. На конференциях прочитаны 53 доклада; защищены 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Еще 3 диссертации успешно прошли все предшествующие защите этапы, рекомендованы к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки, и лишь по техническим причинам (преобразование и формирование новых диссертационных советов и приостановка приема документов в связи с этим обстоятельством) их защита откладывается на следующий календарный год. Диссертации, защищенные по кафедре, могут служить примером многообразия тем, разрабатываемых нашим подразделением. Е.Д. Попцова в своем научном труде «Принципы построения и языковые особенности немецких прескриптивных текстов» (научный руководитель доцент Е.Г. Носова) анализирует определенный тип текста; В.Н. Крупенченок («Языковые особенности экспрессивных отрицательно-оценочных лексем с австрийской маркированностью», научный руководитель доцент Т.В. Ключева) занимается проблемой словообразования в австрийском варианте немецкого языка; Д.А. Ерёмину в ее диссертации «Особенности немецкого радиформата “инфотейнмент” в рамках публицистического стиля (на материале общественно-правовых и частных радиостанций Германии)» (научный руководитель профессор М.Н. Володина) в качестве объекта исследования привлечен язык СМИ.

Следует отметить, что язык СМИ является одной из наиболее разработанных проблематик. Так, М.Ю. Папченко в статье «О понятии “достоверность” в контексте рекламной коммуникации (на примере немецкой журнальной рекламы автомобилей)» рассматривает категорию достоверности и ту роль, которую она играет в коммуникации убеждающего типа, например, в маркетинг и рекламе.

Автор рассматривает факторы коммуникации, обуславливающие правильное понимание феномена достоверности в рекламе, и анализирует средства, с помощью которых информации придается определенная степень достоверности. На втором месте по популярности находятся, пожалуй, темы, связанные с многообразием типов текста и жанров. Е.Г. Носова в статье «Немецкий духовный стих: система языковых средств и особенности их организации» описывает жанровую специфику и языковые особенности немецкого духовного стиха. Дается определение понятия «духовный стих», приводится классификация духовных стихов; автор анализирует лексический стиль и стилистический потенциал синтаксических структур. Ее же статья «Жанр “угроза” в немецком речевом общении» посвящена изучению феномена вербальной агрессии в обиходно-бытовой сфере. На материале немецкого разговорного языка рассматриваются языковые средства, являющиеся маркерами агрессивного поведения, характерные для угрозы – одного из древнейших видов речевой агрессии. Приводится определение жанра “угроза”, анализируются структурные типы угроз, раскрываются особенности лексики и использования средств словесной образности. Исследование лексического наполнения разнообразных словесных формул позволяет выявить их стилистический потенциал и этнокультурные особенности. Язык поэзии стал объектом исследований Л.Ю. Уваровой. В ее статье «Поэтические формулы с кратким причастием в языке немецкой поэзии» речь идет об атрибутивных словосочетаниях «краткое прилагательное / причастие + существительное», например ‘ein ewig Lobgedicht’ (Gellert), ‘mein glühend Herz’ (Griphius), ‘ein herrlich Los’ (Goethe), в немецком языке представляющие собой явление, которое не может быть достаточно точно определено с точки зрения синтаксиса современного немецкого языка. Анализ использования атрибутивных словосочетаний данной структуры в поэтических произведениях немецких поэтов XVII–XIX вв. показал, что причины этого явления следует искать в употреблении, характерном для предшествующих этапов развития немецкого языка. В исследуемых словосочетаниях зачастую реализуется абстрактное значение признака, и словосочетания воспринимаются в целом как некое поэтическое обобщение, универсальная поэтическая формула, метафорическое высказывание. Исследования в области терминологии также затрагивают целый комплекс проблем. В статье М.Н. Володиной «К вопросу о роли национального языкового опыта: история формирования немецкого термина *Fernsehen*» прослеживается история создания и семантическое развитие немецкого термина *Fernsehen*, формирование которого обусловлено национальным языковым опытом. Автору удается установить, что немецкий термин *Fernsehen* не является калькой интернационального термина *television*, как принято считать, а появился в Германии на целое десятилетие раньше. М.Н. Володина внесла большой вклад в теорию терминологии. В своих трудах она рассматривает такие семантические особенности терминологии, как синонимия, антонимия и полисемия. Доказывается тезис о формировании системной природы терминов, поскольку показано, что термины образуют синонимические и антонимические отношения; кроме того, имеют место повторяющиеся словообразовательные модели, частотные аффиксы и проявления родовидовых отношений. Проблемой заимствований занимается доцент Т.В. Ключева. Она рассматривает функционально-стилистические отличия заимствованных слов от синонимичных им немецких лексем, а также анализирует сферы использования заимствований в художественных целях: для создания колорита места и времени, в качестве эвфемизмов, для языкового варьирования, как средства юмора и сатиры (статья «О сти-

листических функциях заимствований в немецкой художественной литературе»). Кроме А.С. Полевщиковой, книга которой о языковой игре уже упоминалась выше, этой же проблемой занимается М.Ю. Папченко (статья «О функционировании языковой игры в немецкоязычной рекламной коммуникации»).

Регулярно проводятся фундаментальные исследования в таких традиционных областях, как лексикология, словообразование, грамматика. К изучению языка в целом и его лексико-грамматической системы в частности в лингвистических исследованиях прочно укоренился функциональный подход, который широко используется и в обучении. Известно, что грамматика является наиболее консервативной частью языка и изменяется медленнее других областей, например лексикологии или фонетики. Словарный состав не может существовать без грамматики – и наоборот. Оба этих пласта составляют основу любого языка, без которого его существование просто невозможно. Поэтому неизменный интерес сотрудники кафедры проявляют к традиционным проблемам немецкой грамматики. Постоянно разрабатывается тематика, связанная с диалектами и вариантами немецкого языка. В этом направлении активно работает Т.В. Ключева (см. ее статьи «Национальные особенности глобализации в немецком литературном языке Люксембурга» и «Особенности перевода люксембургских культурных реалий на русский язык»). Из относительно новых направлений можно упомянуть гендерный аспект. Этой проблемой под руководством Е.Г. Носовой занимается аспирантка К.А. Киянова (статья «Особенности мужской и женской речи на материале публичных речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель»).

Приоритетной формой работы кафедры была и остается преподавательская деятельность. Во главу угла поставлена качественная подготовка кадров, непосредственный деловой контакт с каждым из учащихся бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Ежегодно по кафедре проходят 2–4 защиты дипломных работ (в последние годы это ВКР в бакалавриате и магистратуре).

Важным видом работы является разработка новых курсов и программ к ним, обновление базовых теоретических курсов (лексикология, теоретическая грамматика, теоретическая фонетика, теория и практика перевода и др.) и пополнение их актуальными материалами, работа над научными проектами в рамках семинаров. Среди новых курсов, предложенных в последнее время, можно назвать «Дискурс-анализ» (М.Н. Володина), «Психолингвистический анализ немецкоязычных художественных текстов», «Лингвокогнитивное портретирование личности (на материале немецкоязычной художественной литературы)» (О.В. Шарая), «Проблемы межкультурной коммуникации» (Л.Ю. Уварова) и др. Следует отметить, что во многих лекционных курсах неизменно подчеркивается коммуникативный аспект. Феномен коммуникативного воздействия имеет достаточно долгую историю изучения и в настоящее время составляет предмет исследований таких смежных гуманитарных наук и дисциплин, как философия, психология, социология, теория коммуникации, теория игр, теория аргументации, риторика. Это нашло свое отражение в таких лекционных курсах, как «Риторика и стилистика» (О.А. Байнова), «Основы психолингвистического анализа устной и письменной немецкой речи» (О.В. Шарая), «Введение в теорию аргументации» (М.А. Пилюгина) и др. Некоторые курсы функционируют как межкафедральные: «История Германии» (И.А. Гапонова), «Из истории культуры Германии» (Л.Ю. Уварова).

Быстро меняющаяся жизнь, появление новых понятий, стремительное развитие новых технологий вводят в наш повседневный обиход новые концепты, расширяют

нашу концептуальную, а вслед за ней и языковую картину мира. Все это влечет за собой изменения лексико-грамматической системы языка и требует от преподавателя не только следить за этими изменениями, но и умело использовать знания о них в процессе обучения иностранному языку. Здесь мы наблюдаем непосредственную привязку теоретических выкладок к практике преподавания и использования языка. Практические языковые занятия составляют существенную часть педагогической нагрузки и побуждают сотрудников кафедры быть в курсе современных языковых тенденций и новейших методических разработок. Что касается последнего аспекта, то в построении методики обучения немецкому языку наблюдается возможность прикладного использования когнитивного подхода, и в частности, опыта человека, познающего иную культуру. На заседаниях кафедры регулярно происходит обмен опытом, причем выступления сотрудников кафедры отличаются высоким теоретическим уровнем и зачастую являются одновременно блестящим мастер-классом, где преподаватели знакомят своих коллег с многообразием учебно-методической литературы и современных методик обучения иностранным языкам.

Конференции, организуемые кафедрой, нацелены как на обсуждение научных, методических и дидактических проблем, так и на коллегиальный разговор, обмен опытом и на поиск путей для дальнейшей совместной работы, дающей стимул к продуктивной научно-исследовательской деятельности. К традиционно проводимым межфакультетским конференциям относятся чтения памяти профессора К.А. Левковской и чтения памяти профессора М.В. Раевского: эти ученые, возглавлявшие кафедру немецкого языкознания во второй половине XX в., внесли большой вклад в развитие германистики. Еще одна традиция – конференции «Kultur und Sprache», где многие доклады носят междисциплинарный характер, теоретические и практические выводы представляют интерес для лингвокультурологии, истории языка, социолингвистики, переводоведения и методики преподавания иностранных языков. Ежегодно проводятся секционные заседания Ломоносовских чтений, на последнем из которых (апрель 2018 г.) темами докладов стали актуальные проблемы немецкого языкознания. В докладе Е.Г. Носовой «Парные образования в современном немецком языке» были рассмотрены структура, семантика и функции имеющих фразеологическую природу двойных форм. Л.Ю. Уварова в своем докладе «В. Шнурре “Чем люди живы” (W. Schnurre “Wovon man lebt”): о языке немецкой послевоенной прозы» отметила, что Вольфдитрих Шнурре принадлежит к поколению писателей-пацифистов, вернувшихся с фронта и обратившихся с новым словом к немцам разрушенной Германии, и что язык его прозы – язык жесткой правды и скупых слов, неброского юмора и неутраченной надежды. В докладе М.Ю. Папченко «Опыт исследования реализаций основных лингво-прагматических стратегий в языке немецкой печатной рекламы» была предпринята попытка лингвопрагматического анализа конкретного рекламного объявления из немецкого журнала *Der Spiegel* с целью выделить используемые в нем языковые средства, которые служат созданию «достоверного рекламного текста». О.А. Байнова в докладе «Функции цитирования в текстах художественной прозы» показала, что произведения представляют собой сложные текстовые системы, изобилующие аллюзиями, ассоциативными намеками и отсылками как к другим текстам, так и к общекультурным явлениям; была отмечена роль цитаты при создании художественного образа, ее текстообразующая и композиционная (сюжетообразующая) функция. В конференции с сообщением «Veränderungen im Gegenwartsdeutsch» («Изменения в современном немецком языке») принял уча-

стие лектор Германской службы академических обменов Г. Лист: он рассказал о некоторых тенденциях в немецком языке, причиной которых являются новейшие средства коммуникации. По тематике докладов на заседании развернулась дискуссия, в ходе которой было высказано немало интересных идей.

Замечено, что в последние годы наметились новые тенденции в использовании грамматических и лексических средств, которые могут внести довольно значительные изменения в грамматику и словарный состав. Большая роль в этом процессе принадлежит Интернету, оказавшему и продолжающему оказывать огромное влияние как на социально-психологическую сторону человеческого общения, так и на язык. Дело в том, что язык Интернета очевидным образом демонстрирует максимальное сближение письменной и устной форм языка. Понятно, что устная форма первична, под ее влиянием изменяется норма языка, в том числе и грамматическая норма, хотя она и остается наиболее консервативной по сравнению с лексикой и произносительной нормой. Возможность общения online, но в письменной форме, часто анонимно, под условными именами, позволяет изменять языковые нормы. Эти проблемы наряду с другими, касающимися актуального состояния немецкого языка, неоднократно обсуждались во время круглых столов и дискуссий с участием носителей языка. Только в 2018 г. было организовано четыре круглых стола: «Современные средства коммуникации в языковом контексте» с участием студентов, членов кафедры, декана филологического факультета Лейпцигского университета профессора Б. Зибенхаара и лектора службы академических обменов Германии (DAAD) Г. Листа (март 2018); «Традиция и новое в изучении австрийского варианта немецкого языка» с участием директора Австрийского института немецкого языка в Москве Т. Штигльбруннера и лектора DAAD Г. Листа (май 2018); «Молодежь и язык СМИ» (сентябрь 2018); «Язык современной немецкой литературы (на примере произведений Инго Шульце). Авторские чтения» с участием И. Шульце и двух представителей DAAD (октябрь 2018).

Следует отметить, что в центре внимания многих выступлений на конференциях оказывается историко-культурный аспект; особенностью некоторых из них, кроме того, является диахронический и сопоставительный характер исследований. Так, в докладе Т.В. Ключевой «Языковые последствия падения Берлинской стены» на межфакультетской конференции «Германия вчера и сегодня: взгляд сквозь призму языка и культуры», организованной нашей кафедрой, было отмечено, как политические события находят свое отражение на всех языковых уровнях. Проблема рассмотрения языковых явлений в контексте истории и культуры привлекает также М.Ю. Папченко. В своем выступлении «Реклама как участник конкретных исторических событий» на той же конференции она, проанализировав обширный языковой материал в рамках культурно-исторического контекста, сделала вывод о существовании взаимосвязи между культурными, экономическими и политическими событиями и содержательно-визуальными особенностями рекламы времен Веймарской республики и третьего рейха.

Неоспоримым достоинством большинства выступлений и публикаций является комплексный подход к языковым проблемам, причем комплексность отслеживается как в языковой плоскости (анализ проводится на всех языковых уровнях), так и в привлечении знаний из других смежных научных областей: философии, культурологии, социологии, психологии, истории, культурологии и др. В качестве примера комплексности исследования можно привести статью М.Н. Володиной «О роли языка в познании», где языковой аспект тесно переплетается с философским. Еще

одно подтверждение этому – доклад О.А. Байновой «Языковые средства создания портрета в романе П. Зюскинда “Das Parfum”» (конференция, посвященная 110-летию со дня рождения профессора К.А. Левковской), в котором комплексный языковой анализ проводится на фоне общего культурного и конкретного исторического контекста: эталон внешней привлекательности не был неизменным на протяжении веков, и это нашло свое языковое отражение в романе.

Сотрудники кафедры принимали участие в международных конференциях (М.Н. Володина, А.С. Полевщикова, Т.В. Ключева). Некоторые являются членами научных обществ, в том числе международных. М.Н. Володина состоит в трех обществах: Международном научном совете Института немецкого языка в Мангейме (Германия), Международном союзе германистов (Италия) и Российском союзе германистов; А.С. Полевщикова и О.В. Шарая состоят членами лексикографической группы «Немецко-русский академический словарь» на базе сектора германских языков ИЯз РАН; А.С. Полевщикова состоит также в Российском союзе германистов.

Научная деятельность кафедры немецкого языкознания показала, что помимо актуальности затронутых в исследованиях проблем во всех публикациях, докладах и выступлениях за последние пять лет были поставлены вопросы, открывающие новые перспективы исследований, в том числе с практической направленностью. В публикациях и выступлениях нашло подтверждение то, что концепции современных исследований основываются на классическом подходе в сочетании с новыми тенденциями в науке и представляют собой связующее звено между традициями прошлого и достижениями современной науки. Исследования отличаются высоким теоретическим уровнем и привлечением большого количества языкового иллюстративного материала. На заседания приглашаются студенты-германисты, и тематика выступлений вызывает у них большой интерес, что, возможно, станет стимулом к дальнейшей научно-исследовательской деятельности. В ходе конференций и круглых столов, как правило, разворачивается живая дискуссия по вопросам, затронутым в докладах.

Важным моментом работы являются совместные проекты с участием представителей других российских вузов и факультетов МГУ, а также немецких лингвистов. Можно сделать однозначный неоспоримый вывод, что международные, межвузовские и межфакультетские научные контакты способствуют коллегиальному обмену информацией и новейшими материалами и служат импульсом к совершенствованию научного поиска.

Сведения об авторе:

Ольга Александровна Байнова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga A. Baynova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
primel@mail.ru

Е.В. Байдалова (Москва, Россия)

**Научная конференция «Судьбы белорусских и украинских земель
в представлениях интеллектуальной элиты XVII–XX вв.:
национально-культурные проекты и модели государственности»**

E.V. Baydalova (Moscow, Russia)

**Scientific Conference “The Fortunes of Ukrainian and Belarussian Lands
in the View of Intellectual Elite in the 17–20th centuries:
National-Cultural Projects and the Models of the State System”**

30 октября 2018 г. Отдел восточного славянства Института славяноведения РАН провел научную конференцию о судьбах украинских и белорусских земель в представлении интеллектуальной элиты. Исторически восточнославянское пространство, населенное этнически и лингвистически близкородственными группами, обладает сложным ландшафтом с политической и социокультурной точки зрения. Предпосылками для представлений о единстве восточных славян служили общность исторических традиций, культурное, языковое и этническое родство, однако различные условия, в которых проходило историческое развитие разных народов, обусловили и значительные отличия. В ходе конференции предполагалось обсудить, как понимание исторического наследия, этнокультурной мифологии и концепций происхождения народа находило отражение в становлении и развитии национально-культурных проектов, а позже в представлении о моделях государственности. Конференция носила междисциплинарный характер: на ней были представлены доклады историков, лингвистов, культурологов и литературоведов.

Открыла конференцию доктор филологических наук, лауреат премии имени А.Н. Веселовского (2017) Лидия Ивановна Сазонова (ИМЛИ РАН). Ее основополагающий для всей дальнейшей конференции доклад был посвящен восточнославянскому культурному пограничью в период раннего Нового времени. Этот фундаментальный для формирования нового типа культуры период был также освещен в докладах декана историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета кандидата исторических наук Андрея Игоревича Папкова («“Черкасы”, “люди литовские” и “белорусцы” в XVII веке»), представителя ИСл РАН Олега Борисовича Неменского («“Русский народ” как субъект правовых отношений и Речь Посполитая трех народов в православной общественной мысли первой половины XVII века»). Профессор Александр Ильич Филюшкин, заведую-

ций кафедрой славянских и балканских стран СПбГУ, выступил с вызвавшим живой интерес у слушателей эмоциональным докладом «Нации, обращенные в прошлое: почему обращение к средневековью актуально для национальных проектов народов Восточной Европы?», в котором привел яркие, запоминающиеся примеры сосредоточенности восточных славян в последнее время на событиях средневековой истории.

В ряде выступлений были представлены определенные национально-этнические проекты интеллектуальных элит разных исторических периодов. Это доклады (в хронологии освещенных в докладах исторических эпох) кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИСл РАН Ларисы Леонидовны Щавинской «“Белорусское” прошлое, настоящее и будущее в представлениях католического митрополита Станислава Богуш-Сестринцевича», доктора исторических наук, старшего научного сотрудника ИСл РАН Марии Войтовны Лескинен «Теории этногенеза восточных славян в научном и популярном изложении последней трети XIX века: проблема “статуса” русского народа», кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИРИ РАН Константина Сергеевича Дроздова «Максим Богданович и белорусское национальное движение в 1910-е гг.», Дмитрия Станиславовича Парфирьева «Закарпатье в планах украинских политиков Австро-Венгрии в 1914–1918 гг.», доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИСл РАН Андрея Владиславовича Ганина «“Русский проект” гетмана П.П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь-декабрь 1918 г.)». Проблематика двух выступлений была связана с репрезентацией проектов национально-культурной идентичности в периодических изданиях. Это доклады представителя историко-филологического факультета Белгородского государственного национального

исследовательского института Тимиряева Дениса Олеговича «Вопрос об историко-культурной идентичности Западного края в полемике по польскому вопросу в отечественной публицистике (1881–1914 гг.)» и кандидата исторических наук, научного сотрудника ИСл РАН Дарьи Александровны Коротковой «Отражение идеи белорусско-литовского единства на страницах “Нашей нивы” (1906–1915)».

В нескольких докладах были представлены отдельные выдающиеся национальные деятели. В частности, кандидат исторических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова Юрий Аркадьевич Борисенок рассказал об особенностях идентичности уроженцев белорусских земель в эпоху войн и революций (генералы Люциан Желиговский и Сергей Войцеховский), кандидат исторических наук, научный сотрудник ИСл РАН Михаил Юрьевич Дронов описал генезис национально-политических взглядов епископа Словацкой греко-католической церкви, блаженного Павла Гойдича, а доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИСл РАН Юрий Андреевич Лабынцев познакомил аудиторию с документами, обнаруженными в архивах, о проекте создания белорусского косяла деятелем белорусского возрождения ксендзом Адамом Станкевичем.

Немало внимания было уделено «украинскому вопросу». Так, кандидат исторических наук Виктор Иванович Мироненко выступил с докладом «О некоторых аспектах концепции “культурно-национального возрождения Украины” (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.)», кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСЛ РАН Лукашова Светлана Станиславовна представила выступление на тему прошлого и будущего Малороссии в общественно-политической мысли XVIII в.; Клопова Мария Эдуардовна, кандидат исторических наук, представитель ИСЛ РАН, рассказала о сторонниках и оппонентах «украинского вопроса» в Государственной думе; доктор исторических наук, заведующая Отделом восточного славянства ИСЛ РАН Елена Юрьевна Борисенко осветила тему «Н.М. Могилянский об “украинском вопросе” и революции в России». Социолингвистическим аспектам уделили внимание кандидат филологических наук, научный сотрудник ИСЛ РАН Оксана Александровна Остапчук в увлекательном сообщении о языковом ландшафте провинциального города глазами современников (город Винница в конце XIX – начале XX в.) и кандидат филологических наук, научный сотрудник ИСЛ РАН Татьяна Николаевна Курохтина («Культурно-этническое двуязычие на Украине как результат длительного контактирования украинского и русского языков»). Современным концепциям постколониальных исследований в украинском литературоведении был посвящен доклад представителя ИСЛ РАН Екатерины Викторовны Байдаловой.

Завершил заинтересованный разговор о национально-культурных проектах и моделях государственности восточнославянских земель увлекательный рассказ литературоведа, представителя ИСЛ РАН Марии Андреевны Ламм о современном прозаическом произведении белорусского писателя Алеся Чобата «Земля св. Луки» (2002), в котором проблемы национально-культурного и языкового пограничья получили художественное воплощение.

В целом необходимо отметить, что междисциплинарный подход, актуальный в последнее время, действительно может принести свои плоды для новых векторов развития определенных областей науки, одной из которых является объемное изучение восточнославянского исторического пространства в национальных, политических, языковых и социокультурных аспектах.

Сведения об авторе:

Екатерина Викторовна Байдалова,
младший научный сотрудник
Отдел современных литератур Центральной
и Юго-Восточной Европы
Институт славяноведения РАН

Ekaterina V. Baydalova,
Junior Researcher
Department of Contemporary Literatures of
Central and Southeast Europe
Institute of Slavic Studies RAS

kuzmukk@mail.ru

В.Г. Моисеева (Москва, Россия)

**Научная конференция «Зарубежная русистика:
восприятие и оценка новейшей русской литературы»**

V.G. Moiseeva (Moscow, Russia)

**Scientific Conference “Foreign Russian Literature Studies:
Perception and Evaluation of the Latest Period”**

25 октября 2018 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова сотрудниками научно-исследовательской лаборатории филологического факультета «Русская литература в современном мире» была подготовлена и проведена первая из планируемых статей регулярными (раз в два года) научная конференция «Зарубежная русистика».

Идея организации научной дискуссии о роли, формах, новых трендах зарубежной русистики, предметом исследования которой является русская литература, выросла из работ последних нескольких лет сотрудников лаборатории, когда стало очевидно, что при рассмотрении разных материалов последних десятилетий выявляются общие закономерности, позволяющие говорить об изменении парадигмы оценок и интересов в зарубежной русистике. Надо отметить, что сложившаяся на конференции атмосфера заинтересованного, живого научного диалога, перераставшего в определенные моменты в острую полемику, подтвердила, что назрела необходимость обсуждения ряда вопросов, обмена информацией с формированием в перспективе целостного представления о современной зарубежной русистике.

В рамках работы конференции было прочитано 11 докладов, посвященных разной тематике: от общего обзора наиболее крупных изданий западноевропейской периодики, являющихся основной базой, на которой развивается литературная русистика XX–XXI вв. в Европе (доклад В.В. Сорокиной) до «монографических» разборов рецепции творчества и личности писателя в зарубежной прессе (доклад Е.А. Певак), анализа нового материала, дополняющего наши представления о жизни русской эмиграции (доклады И.Л. Анастасьевой и М.М. Лоевской).

Открывали конференцию доклады, посвященные творчеству и деятельности представителей русской эмиграции. Доклад И.Л. Анастасьевой «Гносеологическая основа отождествления идей рационального эгоизма и культурной модели поведения в творчестве Айн Рэнд» («Gnoseological Basis for Identifying Rational Egoism and the Cultural Model of Behavior in the Ayn Rand's Works») – это попытка

ка выявить суть концепции объективизма, или рационального индивидуализма, Айн Рэнд (Алиса Розенбаум, 1905–1982) и особенности ее восприятия в России и США на материале анализа произведений, созданных Айн Рэнд в эмиграции. О связях, в том числе типологических, творчества двух крупнейших представителей русской эмиграции первой и третьей «волн» – В. Набокова и Саши Соколова – шла речь в докладе Т.Н. Беловой «С. Соколов и В. Набоков – дань традиции или типологическое схождение? («Школа для дураков», 1976; «Палисандрия», 1985)» («Sasha Sokolov and Vladimir Nabokov – Tribute to the Literary Tradition or Typological Similarity?» («A School for Fools», 1976; «Palisandriya», 1985 – «Astrophobia», 1989)»). Проведенное сопоставление позволяет сделать вывод, что если в творчестве Саши Соколова периода написания «Школы для дураков» сходство со стилистикой прозы Набокова носит типологический характер, то в романе «Палисандрия» ориентация на набоковскую прозу проявляется двояко: в пародийном варианте, как в случае с романом «Лолита», и в принципе организации сюжетных коллизий, близком поздним романам Набокова – «Ада» и «Бледное пламя».

Тема русской эмиграции была продолжена в докладе М.М. Лоевской «Зарубежные воспоминания русских заключенных 1920-х гг.» («Foreign Memories of Russian Prisoners of the 1920s»), посвященном воспоминаниям архимандрита Феодосия (Алмазова), опубликованным только в 1997 г. М.М. Лоевская подробно рассматривала историю утраты и обретения мемуаров архимандрита Феодосия, обратив внимание на их культурологическую, историческую и психологическую ценность для современных исследователей.

Еще одно направление интересов участников конференции было обозначено в докладе А.В. Злочевской «Новейшие исследования чешских славистов в области русско-польских литературных связей» («Recent Czech Studies in Russian-Polish Literary Connections»), – исследования национальных связей, особенностей рецепции русской литературы и культуры в разных странах. В докладе А.В. Злочевской предметом рассмотрения стали новейшие работы сотрудников кафедры славяноведения философского факультета университета в г. Острава (Чешская республика), активно разрабатывающих в последние годы тему межславянских, в частности русско-польских, литературных связей: сборник «Современная русская и польская песенная поэзия» (Jelínek I., Vorel J. a kol. *Současná ruská a polská zpívaná poezie*. Ostrava: Ostravská univerzita, 2015. 488 s.) и коллективная монография «Русская и польская литературная эссеистика конца XIX – начала XX вв. в компаративном аспекте» (Vorel J. a kol. *Ruská a polská literární esejistika konce 19. a počátku 20. století v komparativním pojetí* / Věd. red. Vorel J., Jelínek I., Pryzwara M., Ligocký P. Ostrava: Ostravská univerzita, 2017. 286 s.), где представлена целостная концепция эволюции русского и польского символизма – его восхождения от декаданса к теургии. В докладе О.В. Розинской «Польская русистика последних десятилетий» («Polish Russian Literature Studies of the Latest Decades») был представлен развернутый обзор современной польской русистики, позволивший сделать вывод, что «широкий спектр изучаемых проблем новейшей русской литературы, разнообразие авторских оценок свидетельствует о серьезном уровне изучения данной дисциплины в Польше». Тенденции развития зарубежной русистики в сербском «изводе» получили освещение в докладе А.Г. Шешкен «Сербская русистика о русской литературе 1990–2010-х гг.» («Serbian Russian Literature Studies (1990–2010)»). В данном А.Г. Шешкен обзор материалов современной сербской

русистики особое внимание было уделено научной деятельности и творчеству поэта, переводчика и исследователя русской литературы Александра Петрова, в том числе экспериментальному роману «Мемораман» (2018), содержащему богатый материал, важный для понимания обстоятельств развития русистики в Югославии и Сербии с 1950-х гг. до настоящего времени. Восприятию русской «деревенской прозы» в болгарской русистике был посвящен доклад Н.А. Черниковой «Особенности поэтики “деревенской прозы” в восприятии болгарской русистики 1980–2000-х гг.» («Russian “Village Prose” in Bulgarian Reception of 1980–2000»). Анализ большого корпуса критических и литературоведческих материалов позволил выделить определенные направления интересов болгарских исследователей в этой области и сделать вывод о том, что болгарская критика и литературоведение, используя опыт российских ученых, предлагают свой взгляд на мифопоэтический потенциал и типологию характеров русской «деревенской прозы».

Доклад Наталии Няголовой, профессора Великотырновского университета имени св. Кирилла и Мефодия, «Знаковость сценического пространства в чеховских спектаклях Л. Вайдички и Р. Зёло» («Scenic Space Concept in Chekhov's Performances of L. Vajdichka and R. Zjolo») вывел обсуждение за пределы литературоведческой проблематики: докладчик сосредоточился на вопросах, связанных с интерпретацией русского текста в иной национально-культурной парадигме – при перекодировке на язык театральный, когда сценическое пространство становится одной из определяющих «лексем».

Развернутая и вместе системно выстроенная характеристика основных специализированных, научно-популярных и общественно-политических журналов, представляющих различные авторитетные органы по изучению русской литературы, дана была в докладе В.В. Сорокиной «Западноевропейская литературоведческая периодика о русской литературе» («West-European Periodicals on Russian Literature»). Сопоставление разных печатных органов позволило показать не только содержательные особенности каждого из них, направленность интересов в области русистики, но и особенности их организации, отражающие политику редакционных коллегий. Наблюдения В.В. Сорокиной, сделанные на материалах, посвященных разным проблемам и авторам, нашли подтверждение в «монологичных» докладах Е.А. Певак и В.Г. Моисеевой.

Выбранный Е.А. Певак подход позволил в докладе «“Лимонов” Эммануэля Каррера в оценках итальянской прессы (La Stampa, La Repubblica, Corriere della Sera, L'Espresso, Le parole e le cose и др.)» («Emmanuel Carrère's “Limonov” in the Italian Press (La Stampa, La Repubblica, Corriere della Sera, L'Espresso, Le parole e le cose etc.)») показать восприятие личности и творчества Эдуарда Лимонова в двойном преломлении – биографической книге Эммануэля Каррера и ее рецепции итальянской прессой. Такой подход помог увидеть в разном материале общие тенденции, характерные для зарубежной русистики, обращенной к современному литературному процессу в целом: очевидная политическая ангажированность оценок, перенос акцентов с творчества на личность писателя, внимание к личности как историческому свидетелю, о чем говорит и успех за рубежом последних книг самого Лимонова («Книга воды», «В Сырах: Роман в промзоне», в пер. на итал.: Zona industriale; «Монголия»), основанных на автобиографическом материале. Тема политической ангажированности и мысль о переключении внимания исследователей с текстов на личность авторов получила развитие в докладе В.Г. Моисеевой «Человек с ружьем: зарубежная пресса о личности и творчестве

Захара Прилепина» («Man with a Gun: Foreign Press about the Personality and Work of Zakhar Prilepin»), показывающей, что в большинстве статей, посвященных Захару Прилепину, в фокусе внимания сам автор, при рассмотрении его произведений акцент делается на фактографическом материале в соотношении с биографией писателя. Анализ литературоведческих и критических материалов, посвященных Захару Прилепину, реакций на его интервью дал возможность продемонстрировать парадоксальную ситуацию расхождения оценки личности и творчества писателя, сложившуюся в результате нежелания отказываться от определенного рода идеологических стереотипов восприятия литературного процесса и общественной ситуации в современной России.

Ознакомиться с тезисами докладов участников конференции «Зарубежная русистика: восприятие и оценка новейшей русской литературы» («Foreign Russian Literature Studies: Perception and Evaluation of the Latest Period») можно на сайте филологического факультета (интернет-энциклопедия «Στεφανος: Русская литература и культурная жизнь. XX век», <http://www.philol.msu.ru/~modern/>).

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria Moiseeva,
PhD
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

moisvik44@gmail.com

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

А.М. Кузнецов (Даугавпилс, Латвия)

Иорданиди С.И. Очерки по русскому историческому словообразованию. Изд-во LAMBERT Academic Publishing, 2018. 122 с.

A.M. Kuznetsov (Daugavpils, Latvia)

Iordanidi S.I. Studies in Russian Historical Word-Formation. LAMBERT Academic Publishing, 2018. 122 p.

В настоящее время историки и этимологи русского и других славянских языков обладают богатейшими собраниями лексики от начала письменного периода и до современности. На базе картотек составляются и публикуются исторические словари. Весь этот огромный материал требует осмысления в разных аспектах, параллельно с подготовкой словарей осуществляется описание лексической и словообразовательной систем, которое далеко еще до завершения.

С.И. Иорданиди, один из тех исследователей, которые на протяжении многих лет участвуют в этой кропотливой работе, в свою новую публикацию включила несколько очерков по историческому словообразованию, посвященных субстантивным отглагольным дериватам с малопродуктивными суффиксами *-тва/-тво*, *-унь*, *-нь*, *-нь*, *-ьць*, а также глагольным образованиям с префиксами *раз-/роз-*. Выбор именно этих участков словообразовательной системы оправдан их малой изученностью, автор пытается их анализ вписать в рамки диахронно-синхронного исследования, поскольку диахроническое исследование периферийных участков деривационной системы дает новые данные для решения теоретических проблем исторического и синхронного словообразования.

Весь материал распределяется по периодам – дериваты в древнерусском языке, старорусском языке, в XVIII в., в современных диалектах и литературном языке. Сами источники при этом – книжные и некнижные – получают разные пропорции в этих периодах, поэтому выводы об отсутствии тех или иных лексем или значений в какой-то из периодов не могут быть окончательными. Например, *колунь* в СлРЯ XI–XVII вв. фиксируется только в значении ‘растение, которое колется’ (см. ниже), хотя во всех восточнославянских языках оно известно и в значении

‘топор’. С.И. Иорданиди, опираясь на данные словарей и картотек, намечает пути исследования, понимая, что они требуют продолжения.

Автора интересует более не формальная сторона словопроизводства (какие основы глаголов присоединяют перечисленные суффиксы), хотя по необходимости такой комментарий дается, а семантическое преобразование отглагольных словообразовательных типов, на это указано уже в подзаголовке очерков. Значения девербативов С.И. Иорданиди делит на три группы: 1. $V-N_v$, т. е. существительное со значением процессуального признака; 2. $V-N_s$, т. е. существительное со значением предметности; 3. $V-N_{vs}$, т. е. существительное, совмещающее в себе значения процессуальности и предметности.

Для суффикса *-тва* уже в древнерусский период характерны все три типа значений: предметное – *бритва, хранитва, чувитва*, процессуальное – *гонитва, мытва, пиритва, питва*, наконец, мутационно-транспозиционное – *жатва, жрьтва, клатва, ловитва, молитва*. Дериваты с суффиксом *-тво* представлен реже и представляет параллель к *-тва*. В старорусской письменности новообразования продолжают сохранять транспозиционную функцию, но расширяется круг предметных значений. Новые предметные значения даже у старых дериватов характеризуют диалектную речь: *битва* ‘бойкий ребенок’, *бритва* ‘рыба, причисляемая к роду сельдей’. Книжные формы послужили источником проникновения этой словообразовательной модели в диалектный язык, где она стала активной.

Подобным же образом в древнерусский период зафиксировано только 3 девербатива с суффиксом *-унъ*, все со значением *nomina agentis*: *бѣгунъ, вѣдоунъ, пѣстоунъ*. Зато в старорусский период количество их увеличивается: *болтунъ, кликунъ, колдунъ, крикунъ, опекунъ, ползунъ, рыскунъ* и др.; к ним добавляются девербативы с разными предметными значениями *падунъ, глездунъ, болтунъ, топтунъ*, среди которых имеется группа названий растений *блискунъ, блѣскунъ, колунъ, плакунъ, скрипунъ*. В XVIII в. появляются новые названия людей и животных: *брезгун, бормотун, вѣщунъ, воркун* и *воркотун, говорун, грызун, дергун, драчун, игрун* и мн. др. В современных говорах и литературном языке выделяются несколько семантических типов. К сожалению, в работе не упомянут девербатив *корочоунъ* – праславянское образование, утратившее на восточнославянской почве этимологическое значение (первоначально ‘шагающий’ > ‘смерть, уход’ > ‘переход солнца на лето или на зиму’) из-за утраты самого глагола **korčiti*.

Что касается девербативов с суффиксом *-нъ*, то С.И. Иорданиди указывает на единственное образование *станъ* в древнерусский период. Можно было бы дополнить ее данными примерами *дѣрнъ, гѣрнъ*. Само же образование *станъ* с момента фиксации в древнерусских текстах в XIII в. имело уже несколько значений, из которых значение ‘лагерь, стоянка’ известно в старославянских текстах. Остальные сохранялись в старорусский период – ‘подстава’, ‘волостное деление’, когда развиваются новые значения ‘машина, станок’ и ‘туловище’.

Девербативы с суффиксом *-нъ* также отмечаются с процессуальным и предметным значением в древнерусский период. В старорусском языке их количество увеличивается, новые значения появляются в связи с изменениями в культуре. Диалектный язык демонстрирует новые значения (например, состояния), которые связаны с новыми отношениями мотивации: *рваный – рвань, усталый – устанъ*.

Иначе выглядит картина мотивационных отношений в образованиях с суффиксом *-ьць*, который использовался не только в отглагольных, но и в отсубстантивных (диминутивы и названия жителей) и отаггективных (*мудрьць, слѣпньць*)

дериватах. Девербативы образовывали *nomina agenti*: *бѣгльць*, *борьць*, *гоньць*, *жьньць*. Неличные девербативы еще редки: *насовьць* ‘одна из священнических одежд’, *подобьць* ‘пример’. В среднерусский период ситуация сохраняется. В современном языке увеличивается количество *nomina instrumenti*. Суффикс становится продуктивным, изменяется словопроизводственная база – глаголы, причастия, прилагательные и существительные.

В целом исследованный материал показывает расширение позиций мутационного словообразовательного значения.

Особый раздел, занимающий около 40 страниц, образует исследование употребления глаголов с приставками *раз-* и *роз-*, первая из которых является церковнославянской по происхождению. С.И. Иорданиди приходит к выводу, что в древнерусский период эти приставки распределены по жанрам письменности, но в старорусский период отношения меняются: приставка *раз-* стала шире использоваться в памятниках не книжного характера. Это связано и с тем, что наблюдается демократизация письменности, и с распространением акающего произношения, что отражается в территориальной принадлежности текстов. Эта часть работы содержит огромное количество примеров из словарных картотек и специально из Назирателя – руководства по сельскому хозяйству и ведению домашних дел.

В Приложении к Очеркам С.И. Иорданиди помещает эссе «Критическое наследие В. Ягича». Оно написано с чувством большого уважения и понимания огромных заслуг В. Ягича в области славистики как филолога широкого профиля, в том числе в издании древних памятников. Автор привлекает большой критический и эпистолярный материал. Многочисленные работы критической направленности, опубликованные как в отечественных изданиях (РФВ, ЖМНП), так и в основном В. Ягичем журнале «Archiv für slavische Philologie», содержат новые интересные наблюдения, могущие служить дополнительным источником знаний по ряду проблем филологии в разных славянских языках и дать импульс к новым историко-лингвистическим построениям.

Книга С.И. Иорданиди представляет определенный интерес для историков языка. Обильный материал по дериватологии, его диахроническое описание несомненно будут востребованы специалистами.

Сведения об авторе:

Анатолий Михайлович Кузнецов,
доктор филологии
ассоциированный профессор
гуманитарный факультет
Даугавпилсский университет (Латвия)

Anatoly Kuznetsov,
Doctor of Philology
Associated Professor
Faculty of Humanities
Daugavpils University (Latvia)

anatolijs.kuznecovs@du.lv

Е.А. Певак (Москва, Россия)

**Архив Феликса и Ирины Юсуповых:
Переписка /
Автор-составитель Наталия Ганина.
М., 2018. 496 с.**

Е.А. Pevak (Moscow, Russia)

**Archive of Felix and Irina Yusupov:
Correspondence /
Compiled by Natalia Ganina. Moscow. 2018. 496 p.**

Фигура Феликса Юсупова, одного из участников убийства Григория Распутина, с одной стороны, достаточно хорошо известна, с другой – остается в тени той темной истории, оказавшись в центре которой петербургский Дориан Грей словно бы утратил собственное я и в дальнейшем был обречен на роль статиста, упоминаемого в связи с трагедией царской семьи, да и России в целом. Притом что в написанных «Мемуарах», изданных им в 1953 г.¹, Феликс Юсупов сообщил историю своего «старорусского семейства» – от Золотой Орды до эмигрантского изгнания, рассказал о собственном беззаботном существовании *до* и мытарствах *после* революции, сделав попытку расцветить яркими красками сложившийся трафаретный образ, едва ли ему удалось достигнуть этой цели и избавиться от ярлыка *The Man Who Killed Rasputin*.

Опубликованные архивные материалы – переписка Феликса и Ирины Юсуповых из собрания музея «Наша эпоха» (Москва) – позволяют изменить угол зрения на эту пару и увидеть в Феликсе Юсупове не роковую фигуру, а подхваченного вихрем исторических событий мальчика, которому судьбой предназначено было жить в узком кругу светских друзей и недругов, близких и дальних родственников. В письмах, датированных концом 1916 – 1917 г., ясно ощутима ядовитая атмосфера революционного безумия, провоцирующего в том числе и золотую молодежь, находящуюся в родственных отношениях с царствующей фамилией, на совершение незаконных и аморальных поступков. И возникает отчетливое ощущение случайной вовлеченности Феликса и Ирины Юсуповых в путаные политические распри революционной России; и сами они, с поправкой на порочность века XX, больше всего напоминают молодых героев пушкинской «Капитанской дочки» –

¹ Мемуары Юсупова были выпущены московскими издательствами «Богат, Захаров» (2007), «Ди-рект – Медиа» (2016).

как своей реакцией (реакцией «недоросля») на «бессмысленный и беспощадный» русский бунт, так и очаровательной в своей наивности попыткой игнорировать реальность, выстраивая по периметру своего семейного-дружеского круга гриневскую «деревеньку», где в одном из барских флигелей хранится теперь уже не письмо императрицы Екатерины, а память об участии в расправе над Распутиным.

Характер и тональность переписки Феликса и Ирины Юсуповых, обусловленные непосредственностью их мировосприятия, по сути дела, препятствуют созданию полновесного *научного* справочного аппарата. Но публикатор тем не менее сопровождал письма аннотированными именным и предметным указателями, содержащими сведения, полезные для читателя, которому предстоит или открыть для себя этот пласт истории, или освежить в памяти знания о тех, кто влиял на судьбу России в начале XX века, а также и о тех, кто, подобно молодым Юсуповым, как бы по недоразумению был вовлечен в происходящее. Топонимический комментарий позволяет сориентироваться в географии перемещений Юсуповых и их окружения в странствиях по миру, а предметный – «Реалии» – лучше представить себе быт этой четы и тех, кто был близок им по положению в обществе.

Особого упоминания заслуживает иллюстративный материал, вошедший в настоящее издание, куда включены фотографии, в том числе отдельных писем, написанных как самими Юсуповыми, так и их корреспондентами. Но если задаться целью проникнуть в психологию и жизненную философию Ирины и Феликса Юсуповых, стоит прежде всего обратить внимание на помещенные в книгу рисунки, парно отражающие специфику их необычного семейного союза, в определенном смысле – объясняющие его прочность.

В целом же издание этих архивных материалов открывает новые возможности в изучении трагического периода русской истории, позволяя взглянуть на него с позиции представителей элитарного слоя общества, балансирующих на грани политической и светской жизни.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru

In Memoriam

In Memoriam

**Памяти
Рины Павловны Усиковой
(11 марта 1933 – 14 ноября
2018)**

**In Memory
Rina Pavlovna Usikova
(March 11, 1933 – November 14,
2018)**

Ушла из жизни доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, иностранный член Македонской Академии наук и искусств Рина Павловна Усикова. Более шестидесяти лет профессиональная, научная и преподавательская деятельность Р.П. Усиковой была связана с Московским университетом. Энергии и энтузиазму Рины Павловны обязана своим становлением и развитием российская македонистика. В 1975 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова была открыта специализация «македонский язык и литература». С этого времени благодаря научному, организаторскому и педагогическому таланту Р.П. Усиковой филологический факультет МГУ является центром македонистики в нашей стране, единственным в России высшим учебным заведением, готовящим филологов-македонистов. За прошедшие годы Рина Павловна воспитала восемь поколений македонистов. Многие из ее учеников обязаны ей профессией, но даже те, кто добился успеха на ином поприще, говорят, что образцом для них всегда были стойкость, высокая требовательность к себе и преданность своему делу Учителя.

Окончив славянское отделение филологического факультета МГУ (1950–1955) по специальности «болгаристика», Р.П. Усикова работала редактором, преподавателем, переводчиком-синхронистом на высшем уровне. Поступив в аспирантуру под руководством профессора С.Б. Бернштейна, она выбрала в качестве предмета исследования кодифицированный в 1945 г. македонский литературный язык. Кандидатская диссертация «Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке» (1965) стала первой в ряду многочисленных основополагающих для отечественной и мировой македонистики научных работ Рины Павловны. Список ее трудов включает более 120 единиц. Научное творчество Р.П. Усиковой – образец широчайшего диапазона и универсальности. Создано фундаментальное описание современного македонского языка, изданное как в нашей стране, так и в Македонии (Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. Скопје, 1985, выдержал два издания; Грамматика македонского литературного языка. М., 2003). В коллективных монографиях опубликованы статьи Р.П. Усиковой, представляющие македонский язык в разных аспектах – как славянский и как балканский (Македонский язык // Основы балканского языкознания. Часть 2. Славянские языки. СПб., 1998; Македонский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005; 2-е изд., испр. и доп.:

СПб., 2017). Ее перу принадлежат статьи «Македонский язык» в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990), Большой Советской Энциклопедии (3-е изд. Т. 15. М., 1976), Большой российской энциклопедии (т. 18, М., 2011 г.).

Р.П. Усикова – инициатор составления, редактор и автор более половины всего объема двух македонско-русских словарей: большого трехтомного (Скопье, 1997) и среднего (М., 2003). Среди научных интересов Рины Павловны были славистика, балканистика, функциональная грамматика, стилистика, социолингвистика, лексикология, лексикография. В 2005 г. по совокупности трудов ею защищена докторская диссертация «Македонский литературный язык как предмет славистики и балканистики».

Р.П. Усикова была основателем и заведующей межфакультетской кафедрой славянских языков для нефилологических факультетов МГУ (1971–1989), членом Научно-методического Совета по высшему филологическому образованию при Минвузе СССР, Председателем Общества друзей Македонии в России.

Македония высоко оценила заслуги Р.П. Усиковой как ученого, преподавателя, популяризатора македонского языка и культуры, друга македонского народа. В 1979 г. она была избрана иностранным членом Македонской Академии наук и искусств, в 1989 г. стала кавалером правительственной награды СФРЮ – «Ордена югославского знамени с золотым венцом», в 1996 г. ей присвоено звание Почетного доктора Университета им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье. В 2007 г. в числе первых иностранцев, удостоенных государственных наград независимой Республики Македонии, Р.П. Усиковой была вручена «Медаль за заслуги перед Македонией». Рину Павловну знали и любили в Македонии. Она несколько лет преподавала русский язык на филологическом факультете в Скопье, сотрудничала и дружила с филологами, писателями, общественными деятелями, артистами македонских театров, у которых в начале своего научного пути училась языку. Скорбная весть болью отозвалась в сердцах македонского народа. Телеграммы соболезнования прислали Президент Республики Македонии, Посольство Республики Македонии в Москве, Македонская Академия наук, декан филологического факультета им. Блаже Конеского университета им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье, кафедра славистики Университета г. Скопье, Институт славяноведения РАН, коллеги из Санкт-Петербургского и Пермского университетов, ее бывшие студенты.

21 ноября на филологическом факультете в Скопье прошла гражданская панихида, на которой присутствовавшие отдали дань уважения и искренней признательности Рине Павловне за все, что она сделала в области македонистики.

Уход из жизни Рины Павловны – горчайшая, невосполнимая утрата для ее учеников и коллег, для всех, кто знал и любил этого очень яркого, талантливого во всем, что она делала, необыкновенно красивого человека.

Память о Рине Павловне Усиковой навсегда останется в наших сердцах.

Е.В. Верижникова

*Республика Македония
Президент
Скопье, 15 ноября 2018 года*

Уважаемые родные и близкие Рины Павловны Усиковой!

С глубокой болью и скорбью мы восприняли весть о кончине известного российского слависта и македониста, профессора Рины Павловны Усиковой. Хотя в этот горький час нет таких слов, которые могли бы восполнить утрату, позвольте мне выразить свое искреннее глубочайшее соболезнование.

Говорят, что язык – душа народа. А это значит, что выдающийся македонист профессор Усикова проникла в душу македонского народа. Она была одним из крупнейших популяризаторов македонского языка в Российской Федерации и в мире. Автор более 100 научных трудов и художественных переводов с македонского языка на русский, славист, македонист, академик, она оставила о себе незабываемый след. Ее вклад отмечен Медалью за заслуги перед Македонией.

Македонские граждане будут помнить ее как большого друга Македонии и македонского народа.

Это тяжелая утрата для Вас, для всего научного мира и для Республики Македонии.

Вечная память!

д-р Гёрге Иванов

*Амбасада на Република Македонија во Москва
Посолство Републики Македонија во Москва*

Позвольте от себя лично и от имени Посольства Республики Македония в Российской Федерации передать, что мы глубоко сочувствуем в связи с уходом из жизни Рины Павловны Усиковой и выражаем искренние соболезнования родным и близким, всему филологическому факультету и кафедре славянской филологии МГУ, коллегам и друзьям.

Ушел из жизни человек, безгранично преданный своему делу, основатель российской македонистики, известный ученый, преподаватель, друг Македонии. Всю свою жизнь Рина Павловна Усикова посвятила изучению и популяризации македонского языка и культуры в России, таким образом делая еще ближе два дружественных народа, македонский и русский, влияя на культурные отношения между двумя государствами.

Рина Павловна Усикова останется в памяти ее македонских студентов, у которых она неустанно прививала любовь к России, ее культуре и традициям. Утрата Рины Павловны – большая утрата для Республики Македония, а ее дело – ориентир для будущих поколений, которые будут изучать македонский язык. Светлая память о Рине Павловне останется навсегда в наших сердцах. Помним и скорбим.

*Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Македония
В Российской Федерации
Гоце Караянов*

*Коллективу кафедры славянской филологии
филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*

Коллектив кафедры славистики филологического факультета им. Блаже Конеского УКИМ выражает соболезнования в связи с уходом из жизни нашей дорогой коллеги, глубокоуважаемой Рины Павловны Усиковой – профессора, выдающегося педагога и замечательного человека. Ее деятельность как ученого, слависта, лексикографа, переводчика внесла неоценимый вклад в развитие македонистики и славистики. Богатая библиография ее работ, учебников, пособий, грамматик и македонско-русских словарей занимает фундаментальное место в славистической науке. Рина Павловна воспитала несколько поколений македонистов в России, на многие десятилетия укрепив связи между нашими двумя странами.

Особенную благодарность выражаем за ее энергию и искреннюю любовь, которые были посвящены укреплению сотрудничества Македонии и России, которые строили мост между двумя языками и народами. Нельзя не упомянуть ее важную роль в популяризации русского языка и культуры в Македонии с 1992 года до 1997, когда она передавала свои знания поколениям русистов кафедры славистики филологического факультета им. Блаже Конеского, а также развивала новые направления в учебной программе, создавая широкую перспективу развития кафедры.

Коллектив кафедры разделяет горечь утраты вместе с вами – коллегами Рины Павловны, и просит передать искреннее сочувствие ее родным и близким.

*Ирен Алчевска
Кита Бицевска
Ясминка Делова-Силянова
Красимира Иливска
Максим Каранфиловски
Наталья Кикило
Наталья Лапаева
Милица Миркуловска
Биляна Мирчевска-Бошева
Таусия Попспирова
Димитрия Ристески
Лидия Танушевска
Екатерина Терзийоска
Роза Тасевска
Нина Чундева*

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2018-32-6-1-267

STEPHANOS
2018
№6 (32)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2018
Ноябрь — November